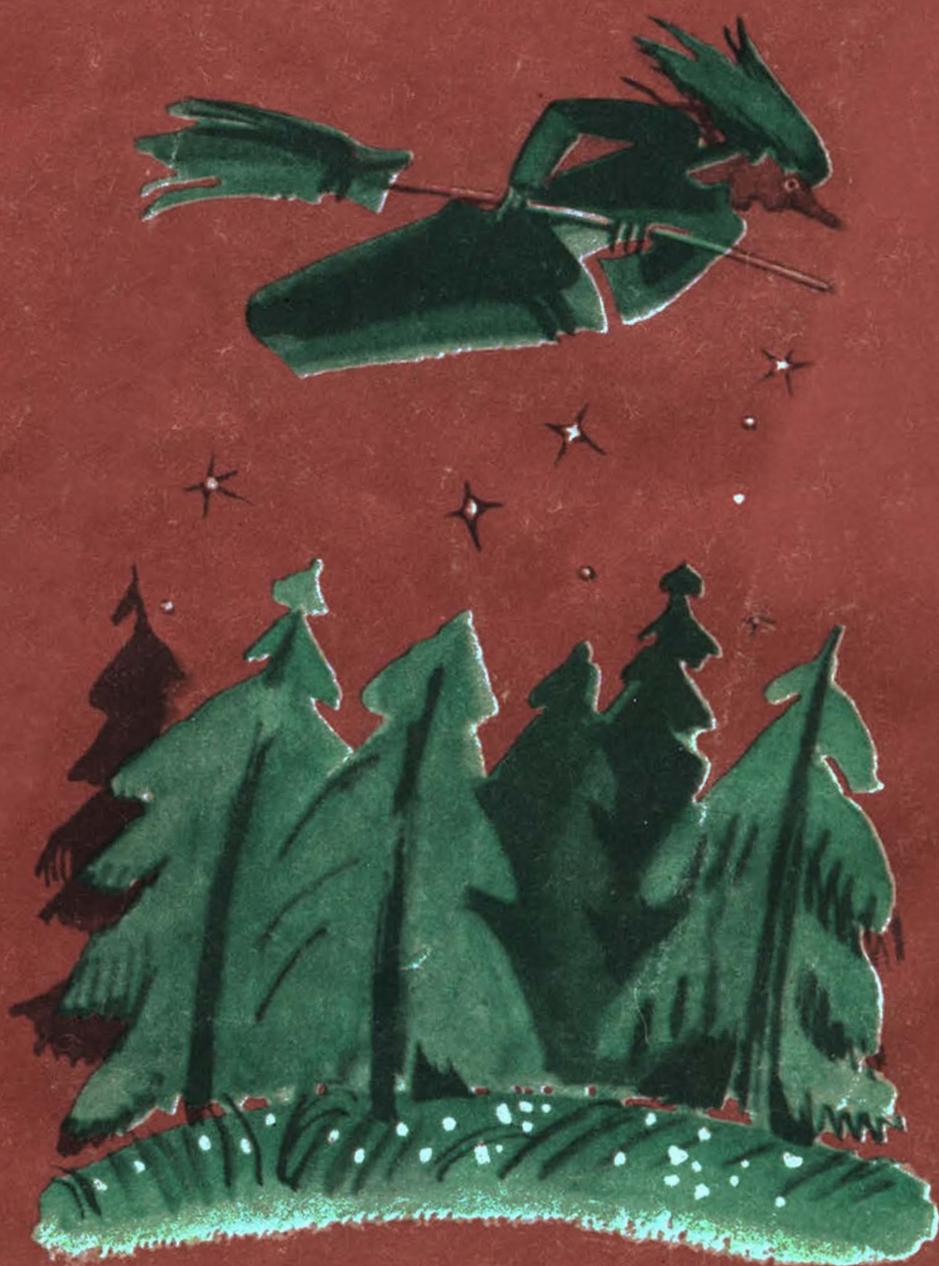

ТЕРЕМОК СКАЗОК

ХОЗЯИНЫ
ХОЗЯИНЫ
ХОЗЯИНЫ

ТЕРЕМОК СКАЗОК

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ КНИГА»
1992.

ТЕРЕМОК СКАЗОК

Саратов
Приволжское
издательство
«Детская книга»
1992

ББК 64Р7
Т 35

Составитель О. Казакова

Т35 **Теремок сказок: Сб. /Сост. О. Казакова.— Са-
ратов: Приволж. изд-во «Детская книга»,
1992.— 384 с.
ISBN 5—8270—0006—X**

Сказки, собранные в книге, помогут маленькому читателю побы-
вать в волшебном городе, где продает мороженое добрая фея, позовут
в рыцарское шахматное королевство, проведут через коварную Золо-
тую пустыню, непроходимые горы, через полную чудес Муромскую
Чашу.

Авторы, придумавшие эти сказочные приключения, живут рядом
с вами, ребята. Наши современные сказочники — учителя, инженеры,
художники и даже военные.

Т **4803010201—03** без объявл.
Д24(03)—92

ББК 84Р7

ISBN 5—8270—0006—X

© Составитель
Ольга Степановна
Казакова, 1992.

ЕЛЕНА МОСКОВЦЕВА

СКАЗКА

ТЁТУШКИ

МАРИИ,

или

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В СКАЗОЧНОМ

ГОРОДЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой тётушка Мария, не очень злая волшебница, вспоминает дни, проведённые в пансионе Фурии

очи в Сказочной стране тёплые и короткие. Выползают в темноту улиц невиданные чудовища, шуршат по клумбам чешуйчатыми хвостами, заглядывают в окна, ищут того, кто ещё не заснул.

Правда ли? Неправда ли? Процокают по мостовой железные копыта. Кто знает, может, это сонный голубь на карнизе возится? Послышится возле двери чьё-то горячее дыхание, а крикнешь, и исчезнет кто-то, растворится в тумане, только ночной ветерок испуганно вздрогнет за окошком.

Из дома в дом по тихим улицам спешила тётушка Мария, толкая перед собой тележку чудесных сказок — смешных и весёлых, озорных и грустных. Чужих сказок. Она очень спешила, нужно успеть до захода солнца раздать сказки жителям Сказочного города, чтобы не страшно им было ночью, чтобы снились им хорошие сны. В каждый дом по сказке.

Чужие сказки... Грустно поскрипывали колёса тележки, потому что в Сказочном городе не было сказки только для тётушки Марии, не было для неё сказки во всей Сказочной стране. Оттого так печальна была тётушка Мария.

Быстро темнело. Вдруг в воздухе раздался странный звук. Он возник где-то в стороне и теперь повис над городом, протяжный и тяжёлый, как грозовая туча. Испуганно вспыхнули уснувшие было окна в домах.

Мария вздрогнула и посмотрела вдаль, туда, откуда пришёл этот звук.

Там, далеко за городом, высились башни замка Фурии. Нет, никогда не забыть Марии пансиона Фурии, где воспитывалась она, когда была совсем маленькой девочкой.

— И-и-и... — жалобно скипела тележка Марии.

— И-и-и!!! — оглушительно верещала по утрам Фурия, заменяя будильник.

«Крук-стук! Крук-стук!» — скакали по мостовой маленькие колёса.

Крутилось и громыало огромное чёрное колесо воспоминаний.

Фурией звали внучку Бабы Яги. Она была энергичная, деловая женщина, и ей никак не подходило имя «Яга». Кроме того, Фурия не ела детей. Зачем есть детей? Во-первых, это несовременно, а во-вторых, глупо, потому-что в холодильнике всегда лежат свежие котлеты, которые Фурия очень любит.

Нет, внучка Бабы Яги не ела детей. Просто она была владелицей замка и хозяйкой пансиона, где маленьких девочек всего за три года превращала в самых злых и самых ужасных волшебниц.

Мария мечтала стать волшебницей. Правда, она мечтала поступить в пансион добрых волшебниц, да там мест уже не было. Но девочка не унывала.

«Что за беда! — думала она. — Главное — разным чудесам научиться, а там видно будет».

Девочки, которые жили в пансионе первый год, ещё умели дружить. Они часто прогуливались парами или даже по трое. Но с каждым годом становились всё недружелюбнее и подозрительнее. Они забывали, что такое дружба. Брови хмурились, лица бледнели. Ходили поодиночке и недоверчиво оглядывались на бывших подруг. И даже ябедничали друг на друга Фурии.

А самой вредной среди них была племянница Змея Горыныча. И доставалось же Марии от неё! То подножку поставит, то за волосы дёрнет, то горячим супом обольёт. Ни житья, ни покоя! Прилипла, как пиявка. А когда племянница Змея подложила в постель Марии

дохлую крысу, тут уж Мария не выдержала и за всё рассчиталась.

— Где? Где племянница Змея Горыныча?! Где она?! — визжала Фурия, заглядывая в зелёные глаза своих воспитанниц. — Чего ухмыляетесь? Я вас спрашиваю, куда девчонку подевали, а?

Зелёные глаза ехидно щурились, рот кривила злая усмешка.

— Где она? — неистовствовала внучка Бабы Яги.

— В пруду... — раздался невозмутимый голос Марии.

— Где?! —

— Вчера вечером она подкинула мне в кровать дохлую крысу. Не могла же я вытерпеть такое оскорбление!

— И что?! —

— Я превратила её в пиявку и выбросила в пруд.

— С ума сошла! Девчонка! Дрянь ты моя ненаглядная! Нас же теперь Змей сожрёт. И тебя первую. Не помилует. А ну, злодейки, живо к пруду! Пиявок ловить!

К полудню были выловлены все пиявки. Они плавали в большом стеклянном аквариуме, вокруг которого собрались все обитатели пансиона.

— Интересно, которая же из них родственница Змея? — озадаченно пробормотала Фурия и принялась быстро, одна за другой, превращать пиявок в племянниц Змея Горыныча.

В одинаковых платьях болотного цвета, одинаково смуглые и черноволосые, племянницы заполнили весь зал.

Когда последняя пиявка была превращена в девчонку, Фурия облегчённо вздохнула, набрала побольше воздуха и гаркнула:

— Стройся в одну шеренгу!

Она обошла строй. Грязные коленки, лохматые головы, мокрые платья.

— Хм, — задумалась Фурия. — Значит, сделаем так: я считаю до трёх. На счёт «три» племянница делает шаг вперёд, пиявки остаются на месте. Всё поняли? Считаю: раз, два, три!

Не успела Фурия сказать «три», как вся шеренга дружно сделала шаг вперёд.

— Это что?! Это что это такое?! Все — племянницы

Змея? У него одна была! А ну, сознавайтесь, негодницы, кто племянница?!

— Я! — услышался из строя отчаянный голос.

Фурия бросилась на голос, но было уже поздно. Со всех сторон слышалось: «Я!Я!Я!»

Поднялся такой шум, что внучка Бабы Яги не выдержала.

— Молчать! — завопила она. — Всё! Бумагу мне, перо! Надо Змею писать. Пусть сам разбирается.

Она взяла бумагу и нацарапала:

«Вылетай срочно, дело есть. Фурия».

— Вот, — обратилась она к одной из воспитанниц, — ступу мою возьмишь. Вот ключи. Метла там, в сером чехле. Всё! Быстро!

Воспитанницу как ветром сдуло.

— А этих, — обернулась Фурия, — стеречь, чтоб ни одна не пропала! Головой отвечаете!

К вечеру поднялся ураган. Змей прилетел.

— Здорово, Горыныч, — приветствовала его Фурия.

— Привет! Зачем звала? Случилось чёго?

— Понимаешь, видишь ли... — замялась внучка Бабы Яги.

— Да говори, не бойся, не съем! Я сегодня обедал уже.

— Кто тебя, Горыныч, знает, ненасытная твоя утроба. Ну, да пойдём, покажу.

Прошёлся Змей мимо строя племянниц, крикнул одобрительно.

— Ну, Яга! Ну, голова! Ай да подарок отвалила!

— Не Яга я!

— Знаю! — отмахнулся Змей. — Все вы одна другой стоите. Ох, и злая у меня племянница была! Я всё горевал, что на всём белом свете она одна такая. А теперь — поди ж ты, сколько! Одна злее другой. Ух ты, как смотрят! Палец в рот не клади! Ну, уважила старика!

С утра до вечера воспитанницы пансиона занимались превращениями. Одни превращали паука в крысу, другие крысу в паука. Марии было не интересно заниматься такими превращениями, и она научилась превращать пауков в цветы. Она прятала цветы в дальнем углу сада. Там, у поваленного обгорелого пня, уже выросла целая клумба.

Сад около замка был огромный. Но не подумайте, что там зеленели деревья и пели птицы. Бескрайнее выжженное поле простиралось вокруг. Стояли сухие деревья, увешанные треснутыми колокольцами, которые при каждом порыве ветра издавали тихий, заунывный стон.

Самое высокое дерево росло в центре сада. На нём висел самый большой и самый хриплый колокол, который бил лишь тогда, когда прилетал Змей Горыныч. Потому что только ураган, поднимаемый Змеем, мог раскачать колокол.

Крутилось вокруг ствола чёрное колесо, скрежетом своим извещая мир о рождении новой злой волшебницы. Этот звук долетал и до Сказочного города, пугая обитателей, заставляя их плотнее задёргивать на ночь шторы.

Старый Ворон жил на этом дереве. Он ещё поймил Бабу Ягу. И очень любил рассказывать воспитанницам страшные сказки.

Мария жила в пансионе второй год, но всё ещё не научилась дружить. И румянец на её щеках, хотя и бледный, всё ещё держался. Напрасно Фурия тёрла ей щёки мочалкой, стараясь смыть его. Напрасно Ворон рассказывал Марии самые страшные сказки. Вечером он садился на спинку её кровати и начинал рассказывать:

— В некотором царстве, в некотором государстве жил очень одинокий человек.

Мария вздыхала и спрашивала:

— Отчего же он был так одинок?

— Чудовище съело его жену и его детей. И остался он один на целом свете. И его чудовище тоже съест. Страшно тебе? Страшно?

— Нет. Жалко!

— Кого?

— Чудовище. Прошлый раз оно девочку съело, позапрошлый — мальчика. Ведь в конце концов оно поймет, что поступало нехорошо, и тогда его всю жизнь будет мучить совесть. А что может быть страшнее угрызений собственной совести?

— Да, — соглашался Ворон. — Я об этом как-то не подумал.

— Фурия не разрешает об этом думать, но почему-то думается. Ах, Ворон, если бы ты знал, как мне хо-

чется стать волшебницей! Я всё-всё вытерплю! Ну, рассказывай, что же там дальше с этим человеком было?

Так проходил почти каждый вечер. Ворон стал всё чаще и чаще прилетать к девочке.

Странная это была девочка. Она говорила непонятные слова. Например, «цветок». Что это? Ворон никогда не знал цветов. Тысячу лет прожил он у Бабы Яги в избушке на курьих ножках. Теперь вот принадлежал Фурии, но никогда и нигде не слышал такого слова.

Однажды Мария решила показать Ворону свои цветы. Рано утром, когда все ещё спали, она посадила Ворона на плечо и пришла к старому пню.

— Это и есть цветы? — поинтересовался Ворон. — Такие маленькие и тоненькие?

— Да, — девочка провела рукой по ярким цветочным головкам. — Вот астры, это — тюльпаны, а это — розы! Они тебе нравятся?

— Да! То есть нет! — сказал Ворон и испуганно оглянулся по сторонам.

— Давай будем вместе поливать их! Ладно?

— Нет, я не умею поливать.

— А что же ты умеешь?

— Сказки умею рассказывать страшные. Врать умею, предавать. Я и тебя предаю.

— Нет! Ты не сделаешь этого! — воскликнула Мария.

— Сделаю! — возразил Ворон. — Сделаю! Я тысячу лет этим занимаюсь. Я больше ничего не умею.

— Я научу тебя!

— Нет, — покачал головой Ворон. — Поздно!

— Но ведь если ты предашь меня, я никогда не смогу стать волшебницей. Фурия меня выгонит!

Мария заплакала.

— Из тебя никогда не получится злой волшебницы. Злые волшебницы не любят цветов, я это точно знаю, — сказал Ворон. — А ты любишь. Значит, ты не очень злая волшебница. Прощай! Я должен всё рассказать Фурии. Не обижайся, но иначе я не могу: так уж приучен, за то меня и держат.

И Ворон, взмахнув крыльями, полетел в замок, к узкому окну, за которым крепким утренним сном спала Фурия.

— С этой девчонкой слишком много хлопот! — ворчала спросонок внучка Бабы Яги. — Вчера она превра-

тила племянницу Змея в пиявку, а завтра, чего доброго, меня превратит в ромашку какую-нибудь. Нет, с этим надо кончать. Вон! Сейчас же вон из моего пансиона!

— Вон-н-н... вон-н-н,— шипели воспитанницы.

«Вон! Вон! Вон!» — вторило эхо, множась в огромных залах замка.

И, как оскорбление, летели вдогонку слова:

— Добрая! Она добрая! Ха-ха-ха, и честная!

Куда Марии было деваться? Куда идти? Кому нужна не очень злая волшебница! Сказки-то для добрых или для злых волшебниц пишутся.

— Я добрая! — старалась уверить людей Мария.

— Позвольте,— возражали ей,— но вы воспитывались в пансионе Фурии!

— Я только хотела научиться превращениям... Ну, тогда возьмите меня хоть злой волшебницей...

— Но вы, кажется, любите цветы?

— Очень.

— А злые волшебницы не любят цветов.

— Что же мне делать?

— Попробуйте устроиться разносчицей сказок, тоже неплохая работа.

Так она и сделала. С тех пор прошло много лет, и её называли «тётушка Мария». Брови её сдвинулись к переносице. Румянец едва угадывался на бледных щеках. А губы совсем разучились улыбаться.

И только сердце билось где-то внутри упрямо и гулко. Маленькое доброе сердце.

Ночи в Сказочной стране тёплые и короткие. Выползают в темноту кварталов невиданные чудовища, ищут того, кто ещё не заснул. Испуганно всхлипывают колёса маленькой тележки. Из дома в дом спешит тётушка Мария, толкая перед собой тележку чудесных сказок — смешных и весёлых, озорных и грустных. Чужих сказок...

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой мы знакомимся с Венькой,
а Венька знакомится с Таксой*

В Сказочной стране живёт множество королей, и у каждого своя сказка, непременно с хорошим концом. А принцев и принцесс — и того больше. Даже в

Сказочном городе, где тётушка Мария работала разносчицей сказок, было несколько королей. Правда, дворцов на всех королей в городе не хватало, и они частенько ссорились друг с другом из-за этого, но, к счастью, всё кончалось благополучно. Ведь у каждого из них была своя сказка, сказка с хорошим концом.

Все принцы и принцессы в Сказочном городе ходили вместе с другими ребятами в школу, и никто не удивлялся этому.

Филипп Лопухий не был королём, но многие принимали его за самого настоящего короля, потому что он жил в красивом двухэтажном доме, над парадной дверью которого красовался огромный герб — две ярко-красные вишни на ослепительно голубом фоне.

На самом деле Филипп был пиратом. А герб, который висел теперь над дверью его дома, был некогда флагом его разбойничьего корабля. Филипп отказался от традиционного чёрного пиратского флага и поднял над своим кораблём синий с алыми вишнями — в честь своей любимой бабушки, которая лучше всех на свете варила вишнёвое варенье.

Команда корабля питалась исключительно вишнёвым вареньем, но тот, кто хотя бы однажды имел несчастье встретиться с Филиппом и его командой, зарекался до конца жизни есть вишни, а запах вишнёвого варенья повергал его в ужас.

Но всё это было в прошлом. Филипп давно уже бросил разбойничать, распустил свою команду и поселился в Сказочном городе вместе со своим сыном Венькой и немногочисленной прислугой.

Филипп решил, что пришло время описать свои подвиги, дабы память о них не исчезла. Он завалил свой кабинет морскими картами и макетами кораблей и усердно принялся за дело.

Филипп знал, что в городе его считают королём. То ли из-за яркого герба над дверью дома, то ли оттого, что жил он безбедно, пользуясь награбленными за годы пиратства богатствами.

Встречаясь с ним на улице, горожане почтительно снимали шляпы и называли его не иначе как «Ваше величество». А потому, не долго думая, Филипп перевернул всё своё добро, нашёл в одном из сундуков богатое платье, принадлежавшее когда-то если не коро-

лю, то знатному вельможе, и облачился в него. Отыскав среди прочих вещей ещё и корону, украшенную большим красным камнем, напоминавшим спелую вишню и из-за этого отобранную у одного из принцев, Филипп и вовсе почувствовал себя королём. Походка его стала величественной, голову он держал высоко и гордо, разговаривал с достоинством и рассудительностью.

Одно только волновало Филиппа: а вдруг кто заподозрит, что король он не настоящий?

Этого Филипп очень боялся и ни за что бы теперь не захотел расстаться ни с короной, ни с почётным титулом.

А ведь кое-кто отлично знал о прежних похождениях Филиппа. И был это не кто иной, как Фурия, которая сразу разгадала в Филиппе старого пирата и ужасно обрадовалась его появлению в городе.

«Герб у него голубой, а дела чёрные. Вот кто будет моим верным помощником! А что его за короля принимают, так это хорошо, подозрений меньше», — думала Фурия.

Она стала засылать к Филиппу своих воспитанниц, то под видом молочницы, то — продавщицы фруктов, и скоро все ходы-выходы в его доме знала. Знала, что сын его, глупый мальчишка, понятия о пиратском прошлом отца не имеет, и это Фурию тоже устраивало.

Наконец Фурия решила, что пришло время самой явиться к Филиппу и договориться о деле. Только ничего у неё не вышло. Явиться-то она явилась, а договориться не смогла. Наотрез отказался Филипп ей помогать.

— Я честный пират, — сказал он ей, — с колдунами и чёрной магией дела никогда не имел и иметь не хочу. Живу на средства, тяжким разбойничьим трудом заработанные. Я в жизни для себя благополучия добился, и к людям теперь зла не имею, и пакостить им не собираюсь.

Так и пришлось Фурии уйти ни с чем. С тех пор застила она зло на Филиппа. Хотела сначала всем рассказать, что никакой он не король, но потом передумала и теперь ждала случая как-нибудь пострашнее его наказать.

А Филипп по-прежнему вечерами, закрывшись в кабинете, писал мемуары, под королевским костюмом

тайком ото всех носил тельняшку и только в минуты, когда бывал сердит на своих слуг, ужасно кипятился и терял своё королевское достоинство.

— Всё! Ухожу в пираты! — кричал он и... шёл варить вишнёвое варенье. Это его успокаивало.

Вот и теперь Филипп Лопоухий занимался этим мирным делом, потому что недавно задал взбучку своему главному лакею.

Но Филиппу помешала собака, неизвестно как проникшая в дом.

Филипп Лопоухий был возмущён неслышанным нахальством этой бессовестной собаки. Подумать только, он не успел отвернуться, как она была у таза с вареньем.

— Лови! Держи! — выкрикивал он, стремясь догнать вора.

Собака безнаказанно улинула из комнаты.

— Она же бог знает что натворит! — хватался за голову Филипп.

В одной из комнат второго этажа, высокие окна которой выходили прямо на улицу, в большом кожаном кресле, понурившись, сидел Венька — сын Филиппа Лопоухого.

Он сидел неподвижно, низко опустив голову, так, что можно было подумать, будто он спит.

Мальчик вздрогнул и удивлённо оглянулся, когда дверь внезапно отворилась и в комнату влетело что-то рычащее и чёрное.

Спустя минуту на пороге, сопя и отдуваясь, появился Филипп Лопоухий.

— Сидишь? — спросил он.

Мальчик кивнул.

— А где собака?

— Кто?

— Собака! Я же видел, как она сюда забежала.

В углу у окна трепетала занавеска, за которой спрятался нарушитель спокойствия. Но там было темно, и Филипп ничего не увидел. А мальчик слышал, как тихонько шуршали на занавеске тяжёлые кисти. Ему было скучно сидеть одному в пустой комнате, а собака была, кажется, не такой уж и страшной. И мальчик решил не выдавать беглеца. Он отрицательно покачал головой:

— Я никого не видел.

— Хм,— Филипп Лопоухий подозрительно огляделся, поправил корону.— Что, показалось? Хм, ладно. Пойду в кабинет поищу.

И он удалился. Хлопнула дверь кабинета, стало тихо.

— Выходи! — мальчик всё-таки немного боялся и поэтому старался говорить как можно строже.

За занавеской кто-то вздохнул, чихнул, прошелестели по паркету кисти, и показалась острая мордочка. Две чёрные бусинки озорно светились на ней. Влажный, блестящий нос шумно потянул в себя воздух.

— Выходи,— повторил мальчик.

— Угу,— фыркнуло существо, и из-за занавески потянулось длинное тело.

Мальчик открыл рот от изумления.

— Ты кто? Собака?

— Угу, собака. Такса я. Порода такая.

Собака была очень длинная и вовсе не чёрная, а коричневая. И совсем не страшная. Смешные мягкие уши свисали почти до самого пола. Хвост, чрезвычайно тонкий и длинный, задорно торчал вверх. А очень подвижный нос непрерывно двигался из стороны в сторону. Всё было как всегда, кроме лап. Их почему-то было шесть. Такса переминалась с лапы на лапу, и коготки её звонко щёлкали по паркету.

— Вареньем у вас пахнет...— принюхалась Такса.

— Да, папа варит,— поспешно объяснил мальчик.— А почему у тебя шесть лап?

Собака недоумённо подняла уши и в свою очередь спросила:

— Ты что, не видишь, какая я длинная? Мне так удобней!

— Да, но папа говорил, что собаке неприлично иметь шесть лап,— нерешительно возразил мальчик.

Такса нетерпеливо перебила его:

— Все таксы в детстве имеют шесть лап, они ещё не знают, что для собаки прилично, а что неприлично. А все взрослые таксы предпочитают мучиться с четырьмя лапами, лишь бы ничем не отличаться от других собак.

— Значит, ты ещё маленькая?

Такса снова принюхалась.

— Как у вас вареньем пахнет... Вишнёвым...— проговорила она мечтательно.

В это время за окном слышались крики и смех, и в стекло ударился камешек.

Такса выглянула на улицу. Под окном, пританцовывая и кривляясь, стайка мальчишек азартно выкрикивала:

— Венька — лгунишка! Венька — лгунишка!

— Ого! — заинтересовалась собака. — Иди сюда! Это, похоже, про тебя!

— Не могу, — буркнул мальчик.

— Здорово они тебя! Здорово! Ты что, и правда врун? — Такса оглянулась и увидела, что мальчик плачет почти беззвучно, не вытирая крупных слёз.

— Тебя лгунишка Венька зовут?

— Вениамин Филиппович Лопоухий, — негромко всхлипнув, сообщил мальчик.

Такса с сомнением посмотрела на его уши.

— А отец у тебя тоже лопоухий? — осторожно спросила она.

— Тоже.

— Странно, — протянула Такса. — Я что-то не заметила. Вот жадный он, это точно. Варенья ему жалко.

— Он не жадный. Просто он считает, что хорошее варенье, как вино, надо несколько лет в погребе выдерживать.

— Глупости, — фыркнула Такса. — По-моему, варенье нужно ещё горячим есть, так вкуснее.

— А прозвище «Лопоухий» мне от деда досталось, — объяснил мальчик. — Деду десять лет было, когда он королём стал. Ему корона велика была, всё время на уши съезжала. Вот уши и оттянула. Тяжёлая была корона. С тех пор и прилипло к нам прозвище.

Венька не знал, что эту историю с короной Филипп придумал для того, чтобы как-то оправдать своё старое пиратское прозвище, и охотно ей верил. Впрочем, сам Филипп так привык к своему высокому титулу, что иногда спрашивал себя сам: «А что? Может, так оно и было?»

Такса, стоявшая у окна, едва успела отскочить. Раздался звон, и стекло разлетелось вдребезги. На середину комнаты плюхнулся большой тряпичный мяч.

— Венька-лгунишка! Венька-лгунишка! — не унимались мальчишки.

— Вот, — хихикнула Такса, — похоже, что к тебе ещё одно прозвище прилипло.

— Дай сюда! — приказал Венька.

— Пожалуйста,— протянула Такса и подала ему мяч.

Мальчик покрутил мяч в руках и снова бросил на пол.

— Между прочим, мог бы и сам поднять,— обиженно заметила собака.

— Не мог! — Венька несколько раз сердито стиснутыми кулачками по ручкам кресла.— Вторую неделю сижу, с места сдвинуться не могу.

— Почему?

— Папа варенье варил, а я потихоньку от него целую банку съел. Он меня спрашивает: «Ты съел?» А я ему: «Вот не сойти мне с этого места, если хоть ложечку взял!» А сам чувствую, что не могу ноги от пола оторвать. Целый день простоял. Потом папе меня жалко стало, кресло вот принёс.

— Странно,— сказала собака.— Странная история.

Но ничего тут странного не было. А были это проделки Фурии, которая дождалась наконец своего часа, нашла, как Филиппу Лопоухому отомстить.

Дверь в комнату негромко скрипнула, и в неё просунулась голова Филиппа. Такса шмыгнула за занавеску.

— Спишь? — шёпотом спросила голова.

— Нет,— откликнулся мальчик.

Филипп Лопоухий прошаркал к креслу. Он был в длинной ночной рубашке и шлёпанцах, под мышкой держал подушку в розовой наволочке.

За окном незаметно стемнело. И в самом деле пора было ложиться спать.

— Охо-хо,— Филипп посмотрел на ноги мальчика, обутые в новые туфли.— Жмут? — посочувствовал он.— А я тебе подушку принёс. Твою любимую, в розовой наволочке.

Он помог Веньке снять курточку и, взбив подушку, устроил её за спиной у мальчика.

— В туфлях спать, в платье,— сокрушался отец.— Может, варенья хочешь? Вишнёвое сегодня варил. Без косточек.

Мальчик испуганно затряс головой.

— Ну, спи тогда. Может, всё обойдётся. Господи, хорошо, что он не поклялся провалиться сквозь зем-

лю,— проворчал Филипп Лопоухий, закрывая за собой дверь.

Такса выглянула из своего укрытия.

— Ты что, спать собираешься? Можно, я здесь останусь?

— Конечно, оставайся,— Венька вытащил из-за спины подушку в розовой наволочке и бросил её собаке.— Держи, она очень мягкая!

— Спасибо! — поблагодарила Такса, устраиваясь поудобнее.

Венька скоро заснул, а Таксе не спалось. Она долго возилась на непривычно мягкой постели, сопела, вздыхала, а сон всё не шёл. Конечно, здесь хорошо, тепло и дождя можно не бояться, а на улице всё-таки лучше! На прохладной траве или на коврике возле крыльца...

«И чего только меня сюда занесло,— думала Такса.— Варенья всё равно не досталось. Мальчишка на одном месте неделю сидит, даже поиграть с ним нельзя. Скука...»

Такса встала с подушки и подошла к окну. Свежий ночной ветер ворвался в комнату и качнул занавески. И вдруг вместе с ветром залетел в комнату тихий жалобный скрип. Собака насторожилась. Она-то прекрасно знала, что это такое. Так скрипят колёса тележки тётушки Марии. В самом деле, выглянув в окно, она увидела худенькую фигурку женщины с маленькой тележкой. Тётушка Мария, наверное, развозила последние сказки.

Такса даже заскулила от обиды.

— Эх, догнать бы её сейчас! А вдруг она и мне какую-нибудь сказку подарит?

Такса подскочила к спящему мальчику, дёрнула его за рукав.

— Я сплю,— сонно пробормотал Венька.

— Вижу, что спишь. А там тётушка Мария сказки развозит... Бежим, догоним её! Может, она и нам сказку подарит?!

— Да ведь я не могу!

— Ты спишь?

— Ну, кажется, сплю...

— Ага! А во сне всё можно. Вставай. Не то одна убегу.

Мальчик нерешительно поднялся с кресла и впер-

вые за последние дни сделал несколько робких шагов. Он всё ещё медлил, не понимая, сон это или явь, но Такса уже выскочила за дверь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

в которой тётушка Мария дарит друзьям сказку

Мальчик и Такса плутали по городу. Тётушка Мария давно скрылась из виду. Скрип её тележки был так тих, что казалось, пропадёт через минуту, и тогда всё пропало.

— Туда! — указывал Венька на тёмный проулок.

— Нет, туда! — тянула Такса в другую сторону.

Переулки, площади, скверы мелькали мимо, но всё было напрасно.

Часы на городской башне пробили полночь. Друзья решили, что им уже ни за что не догнать тётушку Марию.

— Я домой хочу, — хныкал Венька.

Новые туфли натёрли мальчику ноги, и он едва мог идти.

— Разуйся, — посоветовала Такса.

Теперь Венька шёл в одних носочках по неуспешной остыть от дневной жары мостовой.

Такса семенила рядом, держа в зубах связанные за шнурки туфли.

Они долго бродили по городу, пытаясь найти дорогу домой, но окончательно заблудились в незнакомых улицах.

Стало прохладно. Друзья забрели в парк. Тёмные силуэты каруселей выросли из-за кустов, хлопала на ветру оторванная афиша со смешным клоуном, приглашающим всех в «Комнату смеха».

На скамейке около киоска приютилась одинокая женская фигура. Под неровным светом луны она казалась призрачной и сказочно прекрасной. Платье из зелёного бархата спадало тяжёлыми складками до самой земли, его неясные контуры были расплывчаты и таинственны. Маленькая головка над ослепительно белым воротником была увенчана огненно рыжей шапкой непослушных волос. С этими чудесными огненно-рыжими локонами был не в силах справиться ни один парик-

махер в городе! Она вся была похожа на цветок, неожиданно и прекрасно распустившийся в ночи.

Женщина тихонько покачивала головой в такт своим мыслям, и едва слышно, тоненько и вопросительно позванивали серёжки в её ушах, похожие на два крохотных колокольчика.

Это была Мария. Рядом со скамейкой стояла тележка, немножко похожая на ту, в которой возят мороженое. Лицо Марии было грустным и усталым.

«Вот и ещё один день кончился,— думала она.— И всё у меня в порядке, всё хорошо. Работа у меня хорошая, главное — нужная. Писатели меня уважают. Каждый день столько сказок приносят, что еле успеешь все разнести. Да ещё следить приходится, как бы Фурия гадость какую в тележку не подбросила — сказку с плохим концом или страшную историю. А всё равно грустно. Никому я не нужна. У каждого свои дела, своя сказка».

Мария очень устала за день и сидела, облокотившись на спинку скамейки.

Но вот она заметила приближающихся к ней из глубины аллеи мальчика и собаку. Выпрямилась, поправила волосы, придав лицу уверенное и даже строгое выражение. Она очень не любила, когда её жалели.

— Это вы! — задохнулся от восторга и неожиданности Венька.

Но тётушка Мария даже не улыбнулась в ответ. Оглядев мальчика с ног до головы, сердито нахмурила брови.

— Молодой человек, потрудитесь обуться, когда разговариваете с дамой!

Венька, путаясь в шнурках, торопливо натянул туфли. Но тётушка Мария не переставала хмуриться.

— Теперь застегните курточку и поправьте воротник. Возмутительная распушенность! — добавила она, взглянув на Таксу, с удовольствием чесавшую за ухом. — И потом, почему вы на улице, одни, ночью, вам давно уже пора спать!

Мальчик совсем растерялся, не зная, как разговаривать с этой строгой женщиной, но Такса начала первая.

— Мы давно ищем вас,— сообщила она.

— Меня?

Мария так обрадовалась, что хоть кому-то нужна, и так растерялась, что еле нашла в себе силы спросить:

— Зачем?

— Чтобы просить вас подарить нам сказку,— лепетал Венька.

«Ну вот,— огорчённо подумала Мария,— и им нужна сказка, а я тут, собственно, ни при чём».

Все её надежды рассыпались в прах.

— Почему вы решили, что я могу подарить вам сказку? — обратилась Мария к друзьям.— В лучшем случае, я могу угостить вас мороженым,— кивнула она на тележку.

Венька уже жалел, что начал этот разговор, но Такса не отступала.

— Разве мороженое продают ночью?

— Мороженое можно продавать круглые сутки, покупатели всегда найдутся...

Она устало махнула рукой и уже не так строго взглянула на друзей.

— Вы правы, нет там мороженого... Но и сказок нет. Все уже раздала.

Тётушка Мария встала, подошла к тележке и заглянула внутрь.

— Впрочем, постойте,— сказала она друзьям.— Кажется, вам повезло. Здесь осталась ещё одна... правда, это не совсем сказка... Пожалуй, я отдам её вам.

— Спасибо, тётушка Мария! Вы так добры! — выпалил Венька, подбегая к тележке.

— Добра? — переспросила Мария.— Ты сказал — добра?..

Она достала из тележки стаканчик, в каком обычно продают мороженое, и протянула его Веньке.

— У... У... У...— обиделся мальчик, подумав, что тётушка Мария собирается обмануть его.

Но Такса насторожилась.

— Её принёс мне сегодня утром один писатель,— говорила Мария, не замечая разочарованных Венькиных глаз.— Сказал, что хотел написать о ней сказку, но не успел. Просил меня вернуть её в кондитерскую, а сам, позабыв всё на свете, умчался в тридевятое царство! Видите ли, ему там Кащей место придворного сказочника предложил. Впрочем, это дело вкуса. Может быть, ему не дорога собственная жизнь, может быть, он мечтает быть съеденным.

— Как? — глаза Веньки стали круглыми от страха.

— Обыкновенно. У Кашея ни один сказочник долго не задерживается. Как только начинает добрые сказки писать, так и...

— Какой ужас!

Венька с сомнением посмотрел на стаканчик.

— Самое смешное то, — продолжала Мария, — что он забыл сказать название кондитерской. Так торопился! Куда же я её теперь верну! Так что...

Мария протянула Веньке стаканчик.

— Бери, бери! — подсказала Такса.

Но мальчик медлил.

Тётушка Мария пожала плечами и повернулась, чтобы спрятать стаканчик обратно в тележку. Но что это?

На аллее остановился человек в чёрном плаще и широкополой шляпе. Он почтительно склонил голову, приветствуя тётушку Марию.

Венька тем временем завладел стаканчиком и стоял, не зная, что с ним делать.

— Может, попробовать? — предложила Такса.

Стаканчик был закрыт блестящей крышечкой. Венька снял её и вскрикнул от неожиданности.

— Вот только попробуй съешь меня! Только попробуй! — раздался из стаканчика тоненький голосок.

— Что? Что там? — крутилась Такса вокруг мальчика.

— Такса! Такса! Да здесь девчонка! Маленькая, беленькая, с косичками. Пищит чего-то!

— Это я пишу?! Да знаешь ли ты, что разговариваешь с настоящей принцессой!

— Пирожная принцесса! Вот так сказка! — засмеялся мальчик. — Ваше высочество, а нос курносый и косички с ленточками.

Тут Таксе удалось наконец заглянуть в стаканчик, и она укоризненно прошептала Веньке на ухо:

— Знаешь, а по-моему, очень даже симпатичные косички. И ленточки тоже.

Венька пригляделся повнимательней.

— Пожалуй. Но что же тут сказочного? Я видел тысячу курносых носов, косичек и бантиков. При чём же тут сказка?

— Как тебя зовут? — поинтересовалась Такса.

— Елизавета, — ответила девочка.

Друзья, увлечённые разговором, не заметили незнакомца. А он уже давно пристально разглядывал их.

Тётушке Марии человек показался знакомым, но она никак не могла вспомнить, где встречалась с ним.

— Странно, днём она не разговаривала,— проговорила Мария, рассеянно взглянув на Пирожную принцессу.

— Ну как, берёте? — обратилась она к друзьям.

— Берём! — хором ответили Венька и Такса.

Незнакомец тоже посмотрел на стаканчик, в котором сидела Елизавета, и Марии показалось, что два огонька блеснули под низко надвинутой шляпой. Затем человек повернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Двигался он немного неуклюже, но бесшумно. И напоминал старую больную птицу. Он не обратил внимания и не оглянулся на удивлённые возгласы, раздававшиеся у него за спиной. Он очень хорошо знал, что сейчас произойдёт.

Елизавета стала расти и в одну минуту сделалась почти такой же, как Венька.

— Елизавета, какая ты красивая! — мальчик восхищённо оглядел её с головы до ног.— Прости, что я смеялся над тобой. Какое красивое платье! Оно чем-то похоже на праздничный торт!

Девочка печально качнула головой.

— А волосы белые, белые, как мороженое! — продолжал восхищаться Венька.

Елизавета всхлипнула.

— А глаза голубые и прозрачные, как пара маленьких сладких леденцов!

Услышав последние слова мальчика, незнакомец резко обернулся, ткнул в сторону девочки длинным костлявым пальцем и хрипло выкрикнул:

— Так съешь её!

Только теперь дети заметили незнакомца.

— Это он! — Елизавета в ужасе закрыла лицо руками и бросилась бежать, не разбирая дороги.

Друзья, напуганные не меньше её, помчались следом.

Тётушка Мария не двинулась с места. Она стояла, не сводя глаз с едва различимой в темноте зловещей фигуры.

— Да, это он! — сказала она себе самой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*рассказывающая о том, как Елизавета получила
свое имя, и о незнакомце, превратившем её
в Пирожную принцессу*

— Марципан, шафранная баба, плум пудинг, сладкое кушанье из яблок... — Его Величество Грильяж IV водил пальцем по поваренной книге, одновременно качая ногой резную позолоченную люльку, в которой крепким сном спала недавно родившаяся принцесса.

Четвёртые сутки Грильяж мучился, ломая голову, как назвать ребёнка.

Сладкое королевство замерло в ожидании его решения.

Его Величество поглядывал на розовое личико, выглядывающее из кружевных пелёнок, слюнявил палец и бубнил себе под нос.

— Нектар и амброзия, желе из слив. Всё не то. Всё не то. Ага, вот! — палец остановился в конце страницы.

— Драчёна, — прочитал Грильяж.

— Драчёна, драчёна.. — повторил он несколько раз, закрыв глаза и покачивая книгой из стороны в сторону.

Вдруг, вспомнив что-то, встрепенулся, поднёс книгу к глазам и прочитал по слогам: дра-чѐ-на.

— Растереть полную ложку масла... подлить молока, так, так. Пену из трёх белков... Когда испечётся, обсыпать сахаром. Всё правильно! От этой чёртовой драчёны у меня три дня болел живот, потому что главный повар влил туда кислое молоко.

— Нет, Драчёной я её не назову, — взглянул он на принцессу и принялся читать дальше.

— Пирожное Бобелин, мороженое Тутти-Фрутти, печенье Фру-Фру, Фру-Фру, — вздохнул он. — Этот негодяй первый министр назвал свою собаку именем моего любимого печенья. Всякий раз, когда я кладу в рот кусочек печенья, мне кажется, что оно укусит меня за язык!

Грильяж, раздосадованный, перевернул страницу.

— Макагиги, — прочитал он. — Боже, ну и название!

Несколько страниц обиженно прошелестели, не достаиваясь внимания. Наконец, взгляд его привлек

ла яркая картинка. На ней была нарисована ваза с фигурным печеньем. «Печенье Карамболь», — гласила надпись.

Его Величество зашагал по комнате, напевая вполголоса: «Карамболина, Карамболета!»

Тут принцесса проснулась и огласила комнату оглушительным воплем.

Грильяж вздрогнул от неожиданности и принялся усердно качать люльку, но девочка не умолкала.

Его Величество, обеспокоенный плачем, сделал ей пальцами козу. Окна в комнате зазвенели от визга.

Тогда Его Величество, зажимая одной рукой ухо, другую сунул в люльку, пошарил там. Нос его недовольно сморщился, потому что рука нащупала мокрую пелёнку. Грильяж укоризненно покачал головой и позвонил в колокольчик, вызывая служанку.

Спустя некоторое время он сидел в столовой и уныло ковырял вилкой пудинг. Нетронутый бокал с компотом напрасно дожидался своей очереди.

Блюда сменялись одно за другим, но ни одно не привлекло внимания расстроенного отца.

Обед подходил к концу, когда вошёл слуга и объявил:

— Крем сливочный Элизабет!

— Как ты сказал? — переспросил Грильяж.

Слуга надулся, как индюк, и почти прокричал:

— Крем сливочный! Элизабет!

Лицо Грильяжа расплылось в широчайшей улыбке. Это, должно быть, очень вкусно.

Слуга невозмутимо ожидал. Поднос с кремом покоился на изящно вытянутой руке.

— Как, говоришь, крем называется? — ещё раз переспросил Грильяж.

— Элизабет, Ваше Величество, — повторил слуга.

Девочку называли Елизаветой, именем самого вкусного в королевстве крема, что несколько не мешало ей ходить с вечно ободранными коленками и, спрятав под подушку корону, сбегать по воскресеньям из дворца, чтобы погонять мяч с городскими мальчишками.

Это очень огорчало Грильяжа, и он изо всех сил старался перевоспитать дочь.

Когда к Его Величеству приезжали гости, он становился неподражаем, беря на себя все заботы о королевском обеде.

Грильяж носился по кухне подобно урагану, стараясь заинтересовать дочь.

Крышки на кастрюлях гремели так оглушительно, что обитатели дворца спешно хватались за зонтики и смотрели в небо, ожидая грозы.

Когда всё было готово, когда главный повар уставал так, что садился на раскалённую плиту и не замечал, что штаны на нём начинают дымиться, когда повара, измученные, как после изрядной потасовки, пытались найти среди посуды свои колпаки, когда кастрюли начинали одобрительно пыхтеть, наполненные готовым обедом, Грильяж небрежным жестом снимал с себя фартук, стряхивал с воротника мучную пыль и, оглядев кухню с видом полководца, разгромившего вражеское войско, говорил голосом, в котором не чувствовалось и тени усталости:

— Ну, с остальными, я думаю, вы справитесь сами!

Потом удалялся из кухни царственной походкой, и придворные, встречая его, не могли удержаться от аплодисментов.

Но Елизавета, ради которой был затеян весь этот тарарам, по-прежнему не понимала или не хотела понимать, чего от неё хотят, и, к великому огорчению отца, оставалась совершенно равнодушной к секретам кулинарного искусства, а всем сладостям предпочитала простые сушёные яблоки, которыми каждый день на городской площади торговал старик из фруктовой лавки.

Тем временем в Сладком королевстве приближался большой праздник, на котором все друг другу должны были дарить подарки.

Грильяж очень любил получать подарки, но дарить подарки любил ещё больше и решил сделать для своих десяти министров десять сливочных бисквитов. А чтобы никто раньше времени об этом не узнал, Грильяж торжественно объявил, что вместе с Елизаветой едет в гости к соседнему королю и вернётся только к празднику. А сам тайком снял маленькую кондитерскую в Сказочном городе и занялся любимым делом.

Маленькая кондитерская в Сказочном городе занимала первый этаж углового дома. Служебная дверь и два окна её кухни выходили в переулок Семи Упрямцев, а большая стеклянная витрина и парадная дверь

для посетителей распахивались навстречу улице Потерянных Улыбок.

Елизавету и Грильяжа очень забавляло это, и они долго думали: как назвать кондитерскую — то ли «Потерянный Упрямец», то ли «Семь Улыбок».

Наконец решили назвать «Семь Улыбок», и в витрине появились семь огромных тортов с нарисованными на них семью смеющимися рожицами.

В то утро Его Величество Грильяж IV, мурлыча под нос модную песенку, мирно помешивал ложкой сладкую массу. Он чувствовал вдохновение и заранее был уверен, что бисквит получится на славу.

Елизавета, присев в углу кухни на скамеечку и вырезая бумажные кружева для оформления витрин, изнемогала от скуки.

В соседней комнате, где за прилавком протянулись полки со сладостями, предназначенными для продажи, и дверь которой выходила на улицу Потерянных Улыбок, было тихо. Покупатели не спешили заглянуть в кондитерскую в столь ранний час. На улице неугомонные мальчишки гоняли тряпичный мяч по пыльной мостовой.

Елизавета с завистью поглядывала в окно, стараясь придумать предлог, чтобы улизнуть на улицу.

— Вот беда, густая слишком! — нарушил молчание Грильяж и кивнул на миску.

— Елизавета, — обратился он к дочери, — посмотри в корзине куриное яйцо.

Девочка подошла к высокой корзине. Наклонившись, пошарила там и извлекла огромное белое яйцо.

— Ну что ты мне даёшь? Это же страусиное! Для этого рецепта совершенно не годится. Я куриное просил.

— А там больше ничего нет, — схитрила Елизавета. — Только это.

— В таком случае тебе придётся сбежать на базар за куриными.

Елизавета затаила дыхание, представив, как подденет носком тряпичный мяч, но то, что она услышала, расстроило все её планы.

— Впрочем, нет, — передумал Грильяж, — лучше я сам схожу. Этот мошенник из молочной лавки всё время норовит подсунуть несвежие яйца. Лучше я сам.

И, оставив на плите корону, Его Величество от-

правился на базар сам. Елизавета осталась одна. Это тоже было неплохо. Но она не успела придумать, чем бы заняться, как хлопнула входная дверь в кондитерской, а это значило, что пришёл покупатель.

— Нужно было закрыться,— с досадой подумала девочка.— Наверное, какой-нибудь сопливый мальчишка пришёл за леденцами.

И она, недовольно хмурясь, выглянула из кухни. Но это был не мальчишка, а какой-то господин, закутанный с ног до головы в чёрный плащ, несмотря на безоблачное небо и жаркую погоду.

— Что вам угодно? — нетерпеливо спросила Елизавета, намереваясь поскорее выпроводить незваного гостя.

Внутри незнакомца что-то долго хрипело, как будто у старого патефона заело иглу, потом игла наконец попала в бороздку, и глухой голос потребовал торт, стоящий на верхней полке.

Этого ещё не хватало! Грильяж испёк его только вчера и специально спрятал в кондитерской на верхней полке за вазой с цветами, потому что на кухне в тесноте для него не было места. Грильяж ужасно боялся испортить свою работу.

Торт был очень хорош и должен был стать главным украшением предстоящего праздника.

— Он не продаётся! — теряя терпение и спеша вернуться обратно в кухню, сообщила Елизавета.— Господин ещё что-то желает?

— Нет, мне нужен именно этот торт,— настаивал незнакомец.

— Ой, ну что же это такое! Я же сказала вам, что он не продаётся! Он заказан специально для королевского праздника. Я сейчас вообще унесу его отсюда.

— Вздор! Всё на свете продаётся и покупается,— продолжал настаивать таинственный гость.— Ну хотя бы покажите мне его!

— Разве что только показать,— нерешительно проговорила Елизавета, доставая торт, а про себя подумала: и как только он умудрился разглядеть его за вазой с цветами?

Незнакомец внимательно оглядел торт и удовлетворённо пробормотал себе под нос:

— По-моему, она будет довольна! Хотя всё-таки стоит попробовать.

Елизавета даже не успела рта открыть, как покупатель сунул палец в торт и, подцепив небольшой кусочек, отправил его себе в рот.

— Что вы делаете?! — задохнулась от возмущения принцесса. — Гадкий старик, вы испортили всю работу!

— Как ты меня назвала?

— Гадкий старик! — всё больше распалялась Елизавета. — Мало того, вы невежа! Даже маленькие дети знают, что есть руками нехорошо! Вы гадкий невежа! — выкрикнула она срывающимся от слёз голосом.

Незнакомец молча достал из кармана плаща платок, вытер им руку и спросил очень тихо:

— Вы изволили что-то сказать о каком-то празднике?

— Да, папа делал этот торт специально для нашего праздника! Он должен был украсить королевский стол, а вы...

— А гадкий невежа испортил вашу работу, — перебил незнакомец, ещё больше понизив голос и дойдя почти до шёпота. — Не стоит так огорчаться, милая барышня, потому что вы будете лучшим украшением праздника.

Елизавета покраснела, приняв эти слова за комплимент и не догадываясь о настоящем их смысле.

Она даже не нашлась что ответить, когда незнакомец, учтиво поклонившись, направился к двери, прихватив с собой злосчастный торт. А когда Грильяж вернулся с базара, он нашёл на прилавке кондитерской большую картонную коробку, а в ней — милую Пирожную принцессу. В платьице с кремовыми оборками и ореховыми пуговицами, с волосами из сахарных нитей, заплетённых в тугие косички, и в чудесных крохотных вафельных башмачках.

Он долго охал и ахал, разглядывая торт и теряясь в догадках, откуда здесь могло появиться такое чудо. Подойдя к корзине, чтобы выложить только что купленные яйца, Грильяж обнаружил, что напрасно ходил на базар.

«Ну вот, опять на улицу убежала», — подумал он о Елизавете, не сводя глаз с Пирожной принцессы и не узнавая в ней своей дочери. Его Величество не заметил, как жалобно смотрели на него два леденцовых глаза.

В полдень в кондитерскую заглянул маленький толстенький человечек. Он минут десять, не мигая, как

завороженный смотрел на Пирожную принцессу, а потом стал уговаривать Грильяжа продать её.

Грильяж ни за что не хотел расставаться с Пирожной принцессой. Но человек так просил, так тяжело вздыхал, что казалось, сейчас же умрёт от горя!

Он говорил, что он писатель, что напишет о Пирожной принцессе сказку, что не может без неё жить! И даже всплакнул для убедительности.

И Грильяж уступил. Он категорически отказался продать Пирожную принцессу, он просто подарил её писателю, взяв с него обещание сочинить сказку.

Человек улыбался и долго расшаркивался и ушёл из кондитерской в прекрасном расположении духа.

А вскоре он получил приглашение Кашея — и красота Пирожной принцессы померкла перед ослепительным величием придворного сказочника. Писатель хотел вернуть принцессу в кондитерскую, но она была закрыта, потому что Грильяж ушёл искать пропавшую дочь. Тогда он вспомнил про тётушку Марию, которой всегда приносил свои сказки, и отдал ей Пирожную принцессу, попросив при первой возможности вернуть её в кондитерскую.

Мария задумалась, что же ей делать с Пирожной принцессой. На улице стояла жара, и принцесса могла растаять. А у Марии ещё столько работы! Она тихонько подула на Елизавету, и принцесса стала такой маленькой, что свободно уместилась в стаканчике из-под мороженого.

Мария закрыла стаканчик бумажной крышечкой и положила в тележку, рядом со сказками, довольная тем, что ещё не совсем разучилась колдовать.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*действие которой происходит в трактире
«Приятных сновидений», где друзья вновь
встречают незнакомца в чёрном плаще*

Незнакомец в чёрном плаще так напугал друзей, что они бежали без остановки, пока совсем не выбились из сил.

Елизавета скоро устала. Вафельные башмачки на её ногах от быстрого бега потрескались и грозили вовсе

развалиться. Но Венька этого не видел. Он крепко держал Елизавету за руку и всё быстрее тянул её подальше от страшного места.

Такса убежала далеко вперёд, её нашли потом, дрожащую и мокрую, в сквере у небольшого фонтана, скрытого кустами сирени, куда собака прыгнула, надеясь спрятаться.

Веньке было неловко за свой страх.

— Струсил? — наступал он на Таксу, желая оправдать себя. — Собака называется! Припустилась так, что задние лапы передние обогнали.

— Ты тоже хорош! — оборонялась Такса. — Сначала лепетал что-то несвязное, а потом нате вам, брякнул! Это же надо такое придумать. Назвать тётушку Марию доброй!

— А что тут такого?

— Да знаешь ли ты, что она воспитывалась у внучки Бабы Яги в пансионе злых волшебниц?!

— А что же она тогда разносчицей сказок работает?

— То-то и оно, — сказала Такса, — не вышло из неё злой волшебницы.

Елизавета не принимала участия в разговоре и, кажется, вообще ничего не слышала. Она стояла, опустив неподвижные руки на кремовые оборки, устремив невидящий взгляд в темноту, и до жути напоминала сейчас большую куклу.

Начал накрапывать дождь. Вафельные башмачки совсем намокли, но Елизавета даже не шевельнулась. Она не чувствовала ни дождя, ни холода.

Венька взглянул на неё, и у мальчика от жалости сжалось сердце.

— Пойдём, — сказал он и взял Елизавету за руку.

В конце улицы приветливо замигали огни, освещая большую жестяную вывеску над тяжёлой деревянной дверью.

Вывеска была старая, позеленевшая, с загнутыми краями. На ней с трудом можно было прочитать название: трактир «Приятных сновидений».

Друзья устремились туда, мечтая об отдыхе и еде. Как много было здесь народу, несмотря на ночное время! Цветные фонари в беспорядке лепились на стенах, свисали сверху, с потолка, на длинных железных цепочках. Официанты бесшумно скользили между столи-

ками, едва не задевая фонари головами. Лиловые, малиновые, лимонные тени скользили по лицам посетителей. Голоса то шелестели едва слышно, то затихали, вспугнутые чьим-нибудь выкриком.

Венька удивлённо крутил головой.

— Почему они пришли сюда ночью? Они голодны?

— Тише! — прошептала Такса. — Они спят. Видели, как трактир называется?

— «Приятных сновидений»...

— Вот именно! Здесь все, кому этой ночью снится трактир.

Друзья на цыпочках, осторожно пробрались к свободному столику.

— Спокойной ночи! — приветствовал друзей официант. — Что будем есть, молодые люди? Что-нибудь сладкое?

— Да, если можно! — обрадовался Венька, но, взглянув на Елизавету, тихо поправился: — Нет, пожалуйста, кофе. Только кофе.

— С мороженым, — прошептала Елизавета. — Я так боюсь растаять.

— Одну минуту! — официант скрылся за изумрудным фонарём.

Неторопливые движения, тихое постукивание глиняной посуды — кажется, даже время в «Приятных сновидениях» тянулось медленнее.

Венька с интересом разглядывал посетителей трактира.

— Кто это? — спросил он у Таксы шёпотом.

— Где?

— Вон там, у окна, в шляпе с перьями. Какой смешной! — хихикнул Венька, закрывая рот рукой, и указал на худого остроносого человека в странной шляпе, утыканной в беспорядке гусиными перьями.

Человек этот непрерывно водил пером по бумаге, изредка поднимая глаза к потолку, и, словно прочитав там что-то, вновь принимался быстро записывать.

Вокруг стола валялось с десяток сломанных перьев.

Когда перо ломалось, он бросал его на пол, хватался за шляпу и окунал новое перо в чернильницу.

Иногда перо по ошибке попадало в пивную кружку, которая стояла рядом с чернильницей. Иногда, задумавшись, человек тянул чернильницу ко рту вместо пивной кружки, поэтому губы его давно были чёрными,

а стол был усеян огромными кляксами, которые он изредка вытирал рукавом.

— Что это он пишет? И почему всё время смотрит вверх?

— Может, рассказ новый пишет, а может быть, даже повесть,— Такса ухмыльнулась.— Говорят, что он берёт свои темы с потолка.

— Он тоже спит? — поинтересовался Венька.

— Конечно.

— И во сне пишет?

— Ага. У него дома за стеной людоед живёт. Храпит так, что стены трясутся. Поэтому он по ночам сюда приходит. Да и потолок здесь чище, недавно ремонт сделали. Говорят, с чистого потолка и рассказы лучше получаются.

Человек в шляпе с перьями нечаянно задел кружку, стоявшую на столе. Она неминуемо должна была упасть на пол, но... повисла в воздухе и, покачиваясь, стала медленно опускаться.

Звякнул колокольчик на входной двери. Она распахнулась, и друзья увидели тётушку Марию, а рядом с ней фигуру в шляпе, закутанную в чёрный плащ. Сухая рука в перчатке вежливо поддерживала Марию под локоть, направляя к свободному столику.

Они молча сели, не обращая внимания на окружающих и на подошедшего к ним официанта. Долго пристально смотрели друг на друга. Потом широкополая шляпа качнулась, уронив на стол крупную каплю воды. Хриплый голос пробормотал что-то невнятное.

— Что? — встрепнулась тётушка Мария.— Вы что-то сказали?

— Боже мой! Боже мой! — пробормотала шляпа.— Сколько времени прошло, сколько времени!

— Да снимите же свою шляпу,— раздражённо проговорила Мария,— я совсем не вижу вашего лица.

Он снял шляпу и положил её перед собой.

— О...— протянула Мария.— Как вы постарели...

Перед ней сидел человек, почти совершенно лысый. Жалкие остатки волос едва прикрывали голову и были совсем седыми. Чёрные глаза хмуρο смотрели из-под насупленных бровей. Крючковатый нос был слишком велик. Тень от него закрывала губы, и казалось, что, кроме носа, ничего нет на высохшем старческом лице.

— Вы постарели, господин...

— Ворон,— подсказал он.

— Ворон,— задумчиво повторила Мария.— Значит, по-прежнему Ворон.

— Да, в моём возрасте поздно менять имя. Я слишком привык к нему.

Они помолчали.

— А что Фурия? — спросила тётушка Мария.— По-прежнему хозяйка пансиона?

Ворон кивнул:

— Она тоже постарела.

— Ей, кажется, минуло триста?

— Триста пятый пошёл. Она всегда была капризна, а теперь стала просто невыносима. Захотела роскоши на старости лет. Пудрится, кокетничает. С утра до вечера летает по антикварным магазинам. Завалила дом всякой чепухой. Ступу свою на китайскую вазу выменяла. Ужасно любит сладкое.

— Кто же хозяйничает в пансионе?

Ворон пожал плечами:

— Племянница Змея.

— Нашлась всё-таки? — удивилась Мария.

— Что с ней станется! — Ворон махнул рукой.— Злющая, как ведьма. Всех ненавидит, и Фурию больше всех.

— За что?

— Злом на зло платит. Всё правильно. А знаете,— Ворон усмехнулся,— Фурия ваши цветы почему-то не тронула. У старого пня, помните, там теперь целая поляна. Да... А вы, позвольте спросить, в какую сказку устроились?

Мария, сделав вид, что не расслышала последнего вопроса, фальшиво-бодрым тоном предложила:

— Может быть, чашечку кофе желаете? Сегодня прекрасная погода, не правда ли?

Ворон понимающе усмехнулся, провёл рукой по мокрой шляпе.

— Дождь идёт...

Потом зябко поёжился, поправил плащ.

— Крылья затекли,— пожаловался он.— Приходится под плащом прятать. Второй день всё на ногах да на ногах. Домой пора. Поручения, кажется, все выполнил. Устал я, знаете ли, устал по белу свету мотаться... Хорошо...

— Что?

— Хорошо здесь. Уютно, и кормят, должно быть, неплохо.

— Да, я частенько бываю здесь,— согласилась Мария и рассеянно оглянулась по сторонам.

Трое друзей затаили дыхание. С тех пор, как Мария и Ворон появились в трактире, они сидели не шелохнувшись, боясь обратить на себя внимание.

Такса забилась под стол и оттуда настороженно следила за происходящим.

Вот взгляд Марии остановился на изумрудном фонаре, вот скользнул чуть правее и замер на притихшей троице. Брови её удивлённо поползли вверх. Ворон, заметив это, посмотрел в ту же сторону.

И тут Такса не выдержала. Она рванулась из-под стола и, как простая дворняга, приседая на передние лапы, залиvisto и громко залаяла на незнакомца в чёрном плаще.

— Пойдёмте,— сказала Мария Ворону и первая направилась к двери.

За столиками вдруг стало пусто. Все пропали, как будто никого и не было.

Из-за стойки выглянул официант.

— Проснулись? Ну, и слава богу! Можно домой идти.

— Кто проснулся? — не поняла Елизавета.

— Она так громко лаяла, что разбудила всех,— объяснил официант, показывая на Таксу.— Теперь они проснулись, каждый в своей постели. Вряд ли этой ночью сюда вернётся кто-нибудь.

Официант подошёл к друзьям.

— Вы кофе заказывали. Через полчаса будет готов.

— Нет, мы, пожалуй, пойдём. Спасибо.

— Не за что.

Друзья вышли из трактира, и темнота обступила их со всех сторон.

— Всё время хочу спросить вас...— нерешительно начала Мария, когда они с Вороном вышли на улицу.

— Знаю,— кивнул Ворон.— О тех детях, которые тарасили на нас глаза, как на привидения.

— И эта девочка...— Елизавета, кажется? За что вы превратили её в Пирожную принцессу?

— Я пошутил,— развёл руками Ворон.— Маленькая злая шутка. Я зашёл к ним в кондитерскую, чтобы

купить торт для Фурии, а девчонка назвала меня гадким невежей. Подумать только!

— Но вы испортили торт. Вы пробовали его пальцами!

— Увы, у нас в пансионе не учат хорошим манерам.

— Если бы тот писатель, который принёс мне сегодня утром Пирожную принцессу, не выпросил её у Грильяжа, может быть, всё было бы не так плохо...

— Если бы он не сделал этого, то Пирожная принцесса не далее чем завтра вечером была бы съедена за королевским столом.

— Как?!

— Да ведь Грильяж не узнал в Пирожной принцессе своей дочери, и она должна была украсить предстоящий праздник...

— Бедняжка! — воскликнула Мария.

— О! Я вижу, вы научились сочувствовать чужому горю, — Ворон заглянул Марии в лицо.

Дождь кончился. Небо стало светлее. Под ногами хлюпали бесконечные лужи. Ворон шёл, выбирая дорогу для своей спутницы. Старые глаза отказывались видеть в темноте, и Мария давно промочила ноги, идя за ним следом.

Ворон сбросил плащ и потянулся, расправляя крылья. Он был так стар, что уже не мог самостоятельно взлететь. Для того чтобы оторваться от земли, ему нужен был сильный порыв ветра.

— Кто же позаботится о них? — вполголоса проговорила Мария, продолжая думать о детях.

— А это теперь ваша забота!

— Моя?!

— Конечно!

И Ворон, подбоченясь, неестественным голосом прокрипел, пытаясь передразнить Веньку:

— Ах, тётушка Мария, вы так добры! Это, кажется, про вас, — добавил он своим обычным голосом.

— Да, кстати, — спросила Мария, — а что с этим мальчиком? Я ведь ничего не знаю.

— Ничего особенного, — пожал плечами Ворон, — он вообще тут ни при чём. Фурия сердита на его отца.

— И что?

— А то, что мальчишка сболтнул лишнее, Фурия этим воспользовалась и поставила его отцу условие.

— Какое условие?

— Или мальчишка всю жизнь простоит на одном месте, или отец отдаст его на воспитание Фурии, в пансион. В конце концов так и будет. Его отец — старый пират и больше всего на свете дорожит своим благополучием и не отдаст сына Фурии, мальчику-то от этого всё равно не станет легче.

— Да не волнуйтесь вы так! — оборвал её Ворон. — Впрочем, у них есть один выход, — добавил он спокойно. — Мальчишка опять сможет ходить, бегать, прыгать, что хотите! Но если девчонка, то есть Пирожная принцесса, добровольно согласится отправиться к Фурии на обеденный стол. Добровольно! — повторил он.

Внезапно подул ветер. Ворон подумал, что можно было бы попробовать взлететь.

— Извините, мне пора! — сказал он и, тяжело хлопая крыльями, поднялся в воздух.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*и последняя, в которой заканчивается
эта удивительная история*

Утро в Сказочном городе наступает внезапно. Солнце торопливо выкатывается из-за домов и, задержавшись на одной из самых высоких крыш, с удовольствием оглядывает улицы, посылая вдогонку удирающей ночи колючие жаркие лучи.

Швырнёт в окно горсть солнечных зайчиков, подпрыгнет от радости вверх и замрёт в небе, очарованное красотой Сказочной страны.

Утро застало друзей на городской площади, возле башни с часами. Такса блаженно зевнула и потянулась, выгнув своё длинное тело. Венька щурился, после темноты глаза никак не могли привыкнуть к яркому свету.

Леденцовые глаза принцессы, не мигая, смотрели на ослепительный шар, повисший над крышами просыпающегося города. Лучи коснулись её лица, глаза стали влажными от тающего сахара, и сладкие слёзы потекли по щекам Елизаветы.

— Мне пора, — сказала девочка.

— Куда же ты пойдёшь?

— В кондитерскую. Завтра праздник, сегодня мы с папой собирались ехать домой. Пусть лучше меня съедят за королевским столом, чем ждать, пока растаешь на солнце.

Венька часто-часто заморгал глазами, собираясь заплакать.

— Неужели ничего нельзя сделать?

Такса стояла возле башни и, запрокинув голову, смотрела на часы.

— Когда у вас в доме завтракают? — спросила она у мальчика.

— В восемь, — не понимая, зачем она спрашивает, ответил мальчик. — А что? Ты хочешь есть?

— Так рано? — удивилась Такса.

— Папа не любит долго спать. Он всегда боится проспать что-нибудь интересное. Он встаёт в семь, а мой будильник заводит на полвосьмого, чтобы... — Венька осёкся, невольно посмотрев на часы.

Часы на городской башне показывали ровно полвосьмого.

— Сейчас ты проснёшься у себя дома, в кресле, где сидишь уже вторую неделю, потому что соврал папе.

— Не может быть! — закричал Венька, но было поздно. Его крик заглушил гулкий удар часов.

Всё произошло так стремительно, что Елизавета не успела ни испугаться, ни понять что-нибудь. Она стояла, растерянно оглядываясь по сторонам. В это время на площади показалась тётушка Мария со своей тележкой, на ручке которой висел пёстрый зонт от солнца. Она торопливо шла навстречу Елизавете и Таксе.

— Где мальчик? — спросила она, подойдя к ним. Елизавета развела руками.

— Проснулся, — сказала Такса. — Только что.

— А у неё уже ленточки на косичках растаяли, — добавила она, указывая на Елизавету.

— Что это? Ты плачешь? — встревожилась Мария, увидев на лице Елизаветы крупные капли, похожие на слёзы.

— Нет, она плакать не может, она пирожная. Это она тает, — сказала Такса.

— Скорее в тень! — воскликнула тётушка Мария и повела Елизавету с площади в спасительную тень узких улочек.

Но Такса ошиблась. Хоть Елизавета и не могла пла-

кать и ни жары, ни холода не чувствовала, было ей сейчас очень больно и горько, и очень жалко Веньку.

Мария вытерла ей лицо платком. Он стал сладким и липким. Потом присела перед Елизаветой, чтобы хорошо видеть её лицо, и стала говорить:

— Послушай меня, девочка. Ты очень подружилась с Венькой?

Елизавета кивнула.

— И ты хотела бы ему помочь?

— Да!

— Тогда слушай внимательно, что я тебе скажу,— проговорила Мария и взяла Елизавету за руки.— Ты можешь ему помочь.

Елизавета нетерпеливо вздрогнула, и на её лице появилась улыбка.

— Постой,— удержала её Мария.— Я не сказала тебе главного. Ты сможешь спасти Веньку только ценой своей собственной жизни. Если добровольно отпавишься к Фурии для того, чтобы быть съеденной ею.

Елизавета отшатнулась. Раньше она надеялась, что отец всё-таки сумеет признать в ней свою дочь и когда-нибудь найдёт способ снять с неё чары. Но теперь у неё не было выхода. Нужно было спасти Веньку, это она решила твёрдо и ни минуты не колебалась в своём решении.

— Куда я должна идти? — тихо спросила она Марию, и та указала ей направление, которого нужно придерживаться, чтобы попасть в замок Фурии.

— Я знала, что этим кончится,— проговорила Мария, смотря вслед уходящей Елизавете.

— Догони её и отдай ей этот зонт,— сказала Мария Таксе,— он спасёт её от солнца.

Такса побежала за Елизаветой. Отдав ей зонт, некоторое время шла с ней рядом. Потом отстала, оглянулась назад на тётушку Марию, но не вернулась к ней, а побежала совсем в другую сторону. Мария осталась одна.

В это время Венька действительно проснулся у себя дома, в кресле. На полу валялась смятая подушка в розовой наволочке. Солнечные зайчики светились в осколках разбитого стекла.

Филипп Лопухий, укоризненно качая головой, собирал осколки в подол платья.

Венька боялся пошевелиться.

— Неужели мне всё приснилось? — в отчаянии подумал он и сильно-сильно зажмурил глаза, надеясь снова хоть на миг увидеть Елизавету.

Но увидел он не Елизавету, а Таксу. И не во сне, а наяву. Она, как ураган, ворвалась в комнату и закричала на него ещё с порога.

— Чего ты сидишь! Там такие дела, а он сидит!

— Ага! Вот я тебя и поймал! — кинулся Филипп Лопоухий к Таксе. — Ты моё варенье ела?

— Да, съешь у тебя! — огрызнулась Такса, уворачиваясь от его рук.

Она подскочила к Веньке и потянула его за штанину.

— Что ты какой глупый! Там сейчас Елизавету есть будут!

После этих слов Веньку точно ветром подхватило. Они вылетели с Таксой на улицу и помчались по городу. Такса на бегу рассказала мальчику всё, что произошло в его отсутствие. А когда рассказывать стало нечего, они остановились, тяжело дыша. Мысли в голове у Веньки скакали и путались.

— Елизавета! Неужели она из-за меня? Что делать?

И вдруг его осенило.

— Тётушка Мария! Она нам поможет! Нужно её найти!

— Как же, поможет! Да она сама только что Елизавету к Фурии отправила и зонтик на дорогу дала, чтобы, не дай бог, по дороге не растаяла, — сказала Такса.

— Тогда бежим в замок, может, ещё успеем Елизавету догнать, — предложил Венька.

И они побежали догонять Елизавету, обдумывая по дороге план её спасения.

Только к вечеру Ворон добрался наконец до замка. Фурия встретила его на пороге с распростёртыми объятиями.

— Ай, умница! Ах, ты старый проказник! Порадовал, порадовал меня, злодей.

— Чего это она такая добрая? Не к добру, видно, — проворчал Ворон, передавая покупки одной из воспитанниц.

Фурия хитро прищурилась.

— Надеюсь, ты не откажешься поужинать со мной?

«Со мной,— подумал Ворон.— Уж не мной ли ты собиралась поужинать, старая ведьма? Хотя что с меня проку, одни кости».

Через полчаса он был в обеденной зале. В центре стоял стол, покрытый чёрной скатертью, сервированный на двоих. На середине стола поблескивало серебряное блюдо, на котором сидела Пирожная принцесса.

Теперь Ворон понял всё. Фурия нервно прохаживалась вдоль стола и, потирая руки, приговаривала:

— Ай, умница! Порадовал, разбойник. Я-то уже и не надеялась. И вдруг, подумать только, стучат. Открываю дверь, а она на пороге стоит, такая свеженькая. Удивительно, даже не подтаяла по дороге! А на Филиппа мне наплевать. Очень нужен мне его мальчишка, у меня женский пансион...

Фурия продолжала тараторить, но Ворон не слушал.

«Однако же,— думал он,— эта девчонка сильно любит мальчишку, если решилась на такое».

— Прощу к столу,— донеслось до него приглашение Фурии.

Усевшись, она кокетливо протянула Ворону свою тарелку и попросила:

— Пожалуйста, отрежьте ей голову.

Через час всё было кончено.

— Теперь я могу быть свободен? — осведомился Ворон.

— Конечно,— ответила Фурия.

Ворон вышел в сад и заковылял к своему дереву.

«Как всё надоело,— думал он.— Как я устал. Но ничего, теперь можно будет отдохнуть».

Но отдохнуть ему не удалось. Ещё издали он заметил у дерева тёмный силуэт. Кто-то его дожидался.

«Кто бы это мог быть?» — спросил он сам себя.

А подойдя ближе, невольно воскликнул:

— Опять эта несносная собака!

Около дерева сидела Такса. Она тряслась от страха. Однако, увидев Ворона, зарычала:

— Пошли со мной, а то хуже будет!

— Куда ещё хуже? Хуже, чем здесь, не бывает,— ответил Ворон, но последовал за собакой.

Она привела его в тот уголок сада, где Мария некогда прятала свои цветы. Здесь, на обгорелом пне, дожидался их Венька. Он вскочил навстречу Ворону.

— Я согласен,— горячо заговорил Венька,— пусть

я простою всю жизнь на одном месте! Пусть я останусь навсегда здесь, в замке. Только бы Фурия не трогала Елизавету! Помогите ей, неужели у вас нет ни капли жалости!

«Ну, дела! — изумился Ворон. — И этот сам пришёл. Просит жалости... Если бы у меня была капля жалости, я бы сказал ему: «Беги отсюда, малыш, пока Фурия не почувала неладное».

— Уходи! — хмуро сказал Ворон Веньке.

— Я прошу вас... — заплакал мальчик.

— Уходи!

— Господин Ворон! Я прошу вас, я на всё согласен. Отведите меня к Фурии, я сам ей всё скажу.

«Отвести его к ней? — подумал Ворон. — Будет для неё двойной праздник. Может быть, тогда она оставит меня в покое. Заработаю себе месяцок отдыха».

— Хорошо, — медленно проговорил он. — Раз ты сам об этом просишь...

— Постойте! — раздался у них за спиной решительный голос.

— Вы? — смешался Ворон, увидев тётушку Марию.

Никто не заметил, откуда она появилась на поляне.

— Вы, кажется, неплохо поужинали, — продолжала Мария, обращаясь к Ворону. — А теперь хотите доставить Фурии двойное удовольствие?

Венька, ничего не понимая, вопросительно смотрел то на Ворона, то на тётушку Марию.

— Я предлагал ему уйти, — устало проговорил Ворон.

— Господин Ворон, я буду говорить с вами откровенно, — начала Мария. — Я хочу сделать вам одно предложение.

Ворон удивлённо вскинул брови:

— Какое?

— Вы старая, больная птица. А я знаю место, где бы вы могли спокойно и сытно провести остаток своей жизни. Там никто не будет, подобно Фурии, гонять вас с поручениями. Будут ухаживать за вами и кормить как полагается. Я могу устроить вас туда.

— Что я должен буду сделать взамен? — спросил Ворон, который твёрдо усвоил за свою жизнь, что ни одно доброе дело не делается просто так.

— Взамен... — Мария помедлила. — Взамен вы снова превратите Пирожную принцессу в живую девочку.

— Но вам же, кажется, не хуже, чем мне, известно, что Пирожной принцессы больше не существует. Час назад её съела Фурия и меня накормила этой гадостью, хотя я терпеть не могу сладкого!

— Неправда! — захлебнулся Венька. — Тётушка Мария, скажите, что это неправда!

Такса заскулила. Мария обняла мальчика и, оглянувшись к цветочной поляне, позвала:

— Елизавета, выходи!

Веньке показалось, что цветы приподнялись и из-под них вынырнула Елизавета. На самом деле в руках Елизавета держала пёстрый зонтик, под которым до поры до времени спрятала её Мария.

— Что за чертовщина! — воскликнул Ворон.

— Я же говорила, что вы старая, больная птица, — проговорила Мария. — Ваши старые глаза не разглядели, что Пирожная принцесса выглядела слишком свежо. Посмотрите-ка на Елизавету.

Путешествие не прошло для неё бесследно. Кремовые оборки обвисли, отлетело несколько ореховых пуговок, а башмачки были испачканы в земле.

— Да-а... — протянул Ворон. — Поздравляю! Вам удалось обмануть Фурию, и меня заодно. Что делать, стареем. Значит, вы подменили Пирожную принцессу.

— Это стоило мне трудов, — ответила Мария. — Ведь я давно не занималась превращениями. Ну как, вы принимаете наше предложение?

— Я вынужден это сделать. Если Фурия узнает о случившемся, мне несдобровать.

Ворон подошёл к Елизавете, Венька рванулся и загородил собой девочку. Такса оцетинилась и зарычала.

— Не бойтесь, — успокоила их Мария.

Ворон посмотрел на Елизавету исподлобья, и глаза его на мгновение вспыхнули жёлтым огнём.

Тут же с Пирожной принцессой стали твориться чудеса. Хлынул яркий кремный поток. Всё смешалось, всё покрылось разноцветными разводами и закружилось в неудержимом вихре. Елизавета совсем исчезла, только силуэт её смутно угадывался сквозь пёстрое мелькание. Кремный смерч вращался вокруг неё всё быстрее, быстрее. Крем стал сбиваться в пену. Пена падала клочьями на землю и, шипя, таяла.

Когда весь крем превратился в пену и растаял, друзья увидели, что перед ними стоит не Пирожная

принцесса, а живая девочка, с мягкими пушистыми косичками, с большими, янтарного цвета глазами. Даже синяк на коленке появился, как и раньше. Елизавета всё ещё держала в руке зонт, который теперь был ей не нужен.

Венька смотрел на Елизавету и не узнавал её, так сильно она изменилась. Они улыбнулись друг другу.

Такса подпрыгнула и лизнула Елизавету в нос.

— Ура!!! Не сладкая! — завопила она.

Грильяж даже растерялся сначала, увидев у себя в кондитерской столько гостей. Вместе с Елизаветой пришли Венька, Мария, Филипп Лопухий и Ворон.

В кухне был накрыт стол. Все сели пить чай, за которым наперебой рассказали Грильяжу свою историю. Грильяж не переставал удивляться, слушая все эти невероятные рассказы. И только Ворон сидел за столом хмурый, ничего не ел и участия в разговоре не принимал. Грильяж был счастлив, что всё закончилось благополучно. И на радостях пригласил всех поехать в Сладкое королевство и принять участие в празднике. Все дружно согласились.

Начались весёлые сборы. Грильяж метался по кухне, собирая вещи перед отъездом. Он бегал по комнате с коробкой, наполненной бисквитами. С грохотом выдвигал ящики буфета. Заглядывал в кастрюли.

— Где же десятый? Вот беда! Каждому министру по бисквиту делал! Всего десять штук, а теперь почему-то девять. Куда десятый подевался?

Из-под стола послышался шорох. Там кто-то прятался. Елизавета приподняла скатерть и пальцем поманила Веньку. Под столом сидела Такса и доедала бисквит десятого министра.

— У меня идея, — сказала она, облизнув нос длинным розовым языком. — Давайте эту сказку тётушке Марии подарим! Хватит ей разносчицей работать.

— Конечно! — закивали дети. — Ведь она волшебница! Добрая волшебница!

— Помнишь, — спросила девочка Веньку, — ты сказал тётушке Марии: «Вы так добры!» Она поняла: для того, чтобы быть доброй волшебницей, не нужно кончать никаких пансионатов и школ.

— Мне кажется, — сказала Елизавета, загадочно

улыбнувшись, — папа хочет предложить ей поселиться в королевстве. Нам так нужна добрая волшебница.

Грильяж расстроился из-за десятого бисквита.

— Не расстраивайтесь, — успокаивал его Филипп Лопоухий, — ничего страшного.

— Как же ничего страшного? Ведь теперь мне придётся уволить десятого министра. Не могу же я оставить его без подарка.

— Вы любите читать морские карты? — спросил Филипп, чтобы отвлечь Грильяжа от грустных мыслей.

— Как? — не понял Грильяж.

— А какой корабль вам больше нравится, фрегат или бригантина?

Грильяж не нашёлся что ответить, потому что, к своему стыду, совершенно не разбирался в кораблях. Да и откуда? У него в королевстве даже лужи порядочной не сыщешь, не то что моря.

— По-моему, марципаны нужно есть только с сахаром, — нерешительно проговорил Грильяж, стараясь перевести разговор на более знакомую тему.

Филипп Лопоухий недоумённо посмотрел на него и неожиданно для себя самого сказал:

— А вишнёвое варенье самое вкусное.

— Как вы правы! — воскликнул Грильяж.

И они были счастливы, что нашли общий язык...

В тот же день, в центре города, к чугунным воротам с вывеской «Зоопарк» подошли трое — мальчик, девочка и старик в чёрном плаще и широкополой шляпе. Они купили три билета и вошли в парк, где было много зелени и стояли просторные клетки с животными и птицами. Обрато мальчик и девочка возвращались вдвоём. А в зоопарке в этот день появился новый обитатель. Большая чёрная птица поселилась в отдельной клетке, и табличка, висевшая теперь на клетке, гласила: «Ворон обыкновенный».

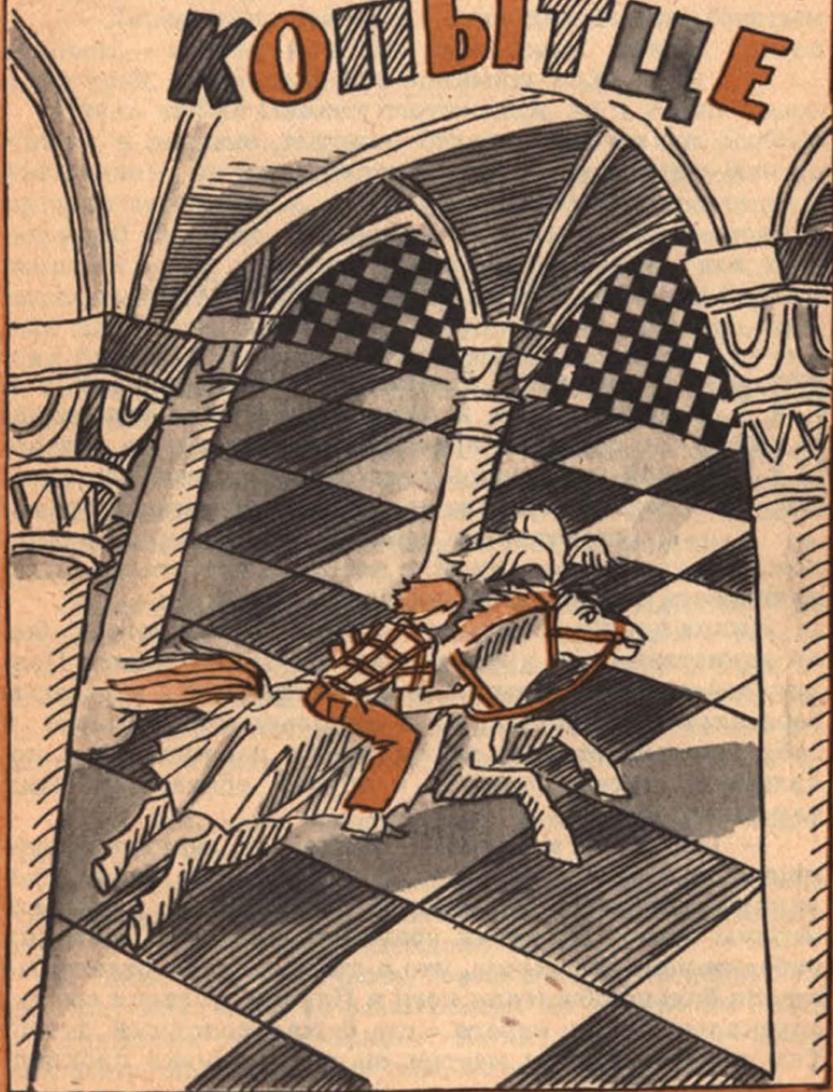
Над Сказочным городом сияло жаркое летнее солнце. Семь огромных тортов в витрине кондитерской озорно улыбались навстречу ему кремовыми улыбками.

Весело скрипели колёса маленькой тележки, потому что на свете стало больше одной доброй волшебницей.

Друзья подарили Марии свою сказку, и кто знает, что станет с Елизаветой и Венькой в будущем... Может быть, для них сказка ещё не кончилась. Может быть, всё ещё только начинается.

ПЕТР АФРИКАНТОВ

ДЕРЕВЯННОЕ КОПЫТЦЕ

1. ЗАГАДОЧНОЕ БРЕВНО

а каникулы Павлика обычно отправляли к дедушке. Ох и раздолье же было в деревне! Но особенно нравилось ему играть за столярной мастерской деда. Сядет он там под навесом на штабеле аккуратно сложенных бревен и представляет себя то отважным разведчиком, то путешественником, с которым обязательно приключаются всякие необыкновенные истории.

Дикие вишни и терн, густо разросшиеся вокруг, были единственными хранителями его тайн. Отсюда Павлик совершал походы по многочисленным, заросшим бересклетом, шиповником и некольником оврагам и заброшенным старым садам, пугая неожиданным появлением стрекоз, ящериц и других обитателей этих укромных мест.

— Ша-шки-и к бою-ю! — кричал он, завидев притаившуюся в кустах крапиву, и, вытащив из ножен сделанную дедушкой деревянную саблю, смело рубил коварную траву. Из таких сражений он всегда выходил победителем. Случалось, что в пылу схватки отдельные стебли больно обжигали ноги и Павлик, потирая ожоги, спускался на дно оврага, где бежал холодный ручей. Там к обожженным местам он прикладывал прохлад-

ные листья мать-и-мачехи и ждал, когда утихнет зуд и жжение.

Но больше всего мальчик любил сидеть у дедушки в мастерской и смотреть, как ловкие жилистые руки его выделывают чудеса из тех самых брёвен, что сложены под навесом. Забежит Павлик в мастерскую, сядет где-нибудь в уголке и молчит. Обычно молчит и дедушка, но иногда вдруг заговорит тихонько, посвящая внука в разные премудрости своего ремесла.

— Дерево слушать надо,— говорил он хрипловатым голосом,— потому как оно тоже язык имеет, только язык свой, особенный. Его понимать надо.

Очень любил Павлик своего деда, да и у всех мальчишек в деревне дедушка Захар пользовался особым уважением. Он мог каждому по свистку сделать или по луку со стрелами. А то по весне смастерил маленькую водяную мельнку, установил на ручье — так не только малыши, но и взрослые пришли посмотреть, как крутится водяное, с красными лопастями колесо, а бородастый игрушечный мельник поднимает и опускает, вращая барабан, устроенную в плотине задвижку, спускает скапливающуюся в запруде воду, чтобы не полилась через верх.

Делал дед Захар и другие штуковины. Смастерил, например, загадочных деревянных молотобойцев, попеременно тюкающих миниатюрными молотами по деревянной наковаленке, или дерущихся деревянных петушков.

«Конечно, дедушка всё умеет,— думал Павлик,— но чтобы язык дерева знать — враки». Он учился в школе и знал, что никакого деревянного языка нет и быть не может. А вот насчет того, что дерево живое, сомневался: когда оно с листьями, когда растёт и ветви его колышутся — может, и живое, а так — спиленное да сухое...

— А что, деда, бревно разве тоже живое? — спрашивал Павлик.

— Конечно, живое, обязательно живое,— серьёзно говорил дед и добавлял, улыбаясь: — Только слышать его голос и понимать не каждому дано...

В такие минуты Павлик верил и не верил деду, смекая про себя: а уж не разыгрывает ли он его как бывало, принимая за маленького? Кто-кто, а уж он-то знал, как шутит дедушка. Пошутит, потом смеётся:

— Ну что, поверил? Вот как я тебя: раз — и вокруг пальца, впредь наука, рот не разевай, держи ухо востро, всё на веру не бери, вера хорошо, а знать не мешает, на то тебе и голова дана, семь раз проверь, а потом верь.

— Да я думал...— начинал оправдываться Павлик.

— Индюк думал — да в суп попал. Потому его думам и цена — грош,— говорил дедушка.

Павлик на дедушку всё равно не обижался. Было, правда, иногда очень досадно, но не за шутки и розыгрыши, а за свою непонятливость.

— А ты, внучек, слушай, да на ус мотай,— продолжал дедушка.

На ус Павлик ничего ещё мотать не умел, да и усов у него не было, но старался запомнить каждое слово.

Когда ему надоедало сидеть в мастерской, он шёл к другу Генке Зюзюкину. Хотя они были и одногодки, но Павлику всегда казалось, что Генка намного старше его, может быть, даже на целый год или два. Он умел запрягать лошадь, ездить верхом, не боялся мазавинского петуха и вообще был более умелый и бесстрашный. К тому же у его отца был мотоцикл, и Генка время от времени лихо катил на нём по деревенской улице, а когда не видел отец, сажал на заднее сиденье и Павлика.

В хорошую погоду они чаще всего занимались ловлей гольцов в овражных омутах или карасей на колхозном пруду. Когда же надоедало и то и другое, то шли на полевой стан, в надежде, что Генкин отец — дядя Миша — прокатнёт их на своём голубеньком «Беларусе». Когда тот работал на ближних полях — обязательно брал их в кабину. Если работа была несложная, то он давал обоим немного порулить.

И здесь у Генки получалось лучше. Руль у него в руках не прыгал, трактор не рыскал из стороны в сторону, как у Павлика. После таких проб Генка утешал друга:

— Ладно, чего там, дернул разок, бывает.

И обычно рассказывал какую-нибудь смешную историю, подчас тут же им и придуманную. А если Павлик не верил в то, что сочинил друг, Генка говорил: «Ладно, больше не буду» — и тут же рассказывал что-нибудь более фантастическое и уверял, что это правда.

В ненастные же дни они обычно сидели дома и иг-

рали в шахматы или в морской бой. Сначала играли в шахматы, где Генка обычно выигрывал, а потом в морской бой, где больше везло Павлику. Сам Павлик считал, что в морской бой он выигрывает потому, что здесь Генка не мог мухлевать. Друг он, конечно, был хороший, но вот чтобы не передвинуть незаметно пешку на другое поле или твою отодвинуть, без этого никак не мог. Иногда Павлик ловил его с поличным, и тогда вспыхивал спор. На шум приходила бабушка. В ненастные дни она не возилась, как обычно, на огороде, а сидела за прялкой. Заслышав спор, она молча поднималась и убирала шахматы на шкаф. На этом спор заканчивался.

Если же дома был дедушка, он внимательно выслушивал того и другого, давал советы, как лучше сидеть за шахматной доской, как передвигать фигуры, чтобы у соперника не возникло подозрения в твоей нечестности.

— Взятся — ходи, — говорил он, — желаешь поправить фигуры, говори: «Поправляю».

Шахматы, в которые играли Павлик с Генкой, были старые. Из всех фигур Павлик особенно не любил облупленного, с отколотым ухом чёрного белопольного коня. Тот всегда, когда Павлик играл белыми, устраивал его фигурам вилки. То есть занимал на доске такое положение, откуда грозил убить две фигуры белых. Убивал, как правило, одну наиболее важную и часто оставался безнаказанным.

— Вот если бы не было этого корноухого коня, я бы у тебя обязательно выиграл, — говорил он обиженно.

— А у тебя что, коня нет? — парировал тот.

— Мой конь честнее твоего и не такой наглый. Он добрый.

— Ещё кому не скажи, куры засмеют. Шахматы есть шахматы.

Так обычно заканчивалась каждая игра. После поражения Павлик начинал думать, что вот бы хорошо знать какое-нибудь волшебное слово или шахматную тайну, чтоб Генку обыграть.

Дни летели за днями. И вот однажды сидел Павлик на своем излюбленном месте за мастерской, на небольшом брёвнышке, и смотрел, как похожие на чёрные стрелы стрижи ловят мошек. Ему было скучно:

дедушка делал какую-то срочную работу, Генка тоже куда-то с утра исчез и не появлялся, бабушка вязала. Ловить рыбу Павлику не хотелось, да и какой клёв в такую жару.

От нечего делать он взял перочинный ножичек и стал вырезать на бревне свое имя. Бревно было мягкое, и лезвие без больших усилий входило в древесину. Павлик вырезал уже вторую букву, как вдруг ему показалось, что бревно под ним зашевелилось. Однако Павлик не придавал этому никакого значения — мало ли что может показаться, тем более что бревно лежит не одно, а в ярусе, возможно, оно действительно сместилось.

Павлик уселся поудобнее и принялся за следующую букву. Только он вогнал лезвие в древесину, как раздался треск, и Павлик, отлетев в сторону, упал в крапиву, а бревно откатилось в сторону.

Испуганный и обожжённый, Павлик с громким плачем выскочил из зарослей крапивы. Когда прошёл первый испуг и он успокоился, ему пришла в голову страшная мысль: «А вдруг это бревно, по которому ползёт божья коровка, действительно живое?» Ведь когда он смирно сидел — оно совсем не шевелилось, но как только стал пырять его ножичком — оно ожило.

Павлик осторожно подошёл к бревну и стал его внимательно разглядывать. Сук, торчащий неподалёку от торца, напоминал нос, а срубленные по бокам сучки — глаза. Он попытался определить возраст дерева по годовым кольцам, как его учил дедушка, но торец до того посерел от времени, что по нему теперь вряд ли что можно было определить. Тогда Павлик решил спилить краешек бревна и по чистой древесине определить его возраст, но тут же со страхом отверг это решение.

«Если оно от ножа так прыгает, то от пилы и подавно добра не жди», — подумал он и решил во что бы то ни стало найти Генку и вместе с ним обследовать это бревно.

На его счастье, Генка был дома — возился во дворе с мотоциклетной камерой.

— Я тебя ищу, где ты пропадаешь? — набросился он на Генку.

— Ничего и не пропадаю, просто с утра поехали с отцом покосы смотреть и колесо прокололи, вот дырку ищу, — и он кивнул на камеру. — А ты чего такой? —

Генка бросил взгляд на испаранные его руки и ноги.— С мазавинским петухом на кулачках, что ли, сходился?

— Сам ты с петухом на кулачках сходился,— буркнул недовольно Павлик и поведал другу о случившемся.

— Ври,— сказал Генка, выслушав сбивчивый торопливый рассказ.— Ты, кажется, уже совсем... того.— И Генка покрутил пальцем у виска.

— Сам того,— парировал Павлик.— Ты лучше, если не веришь, сядь на это бревно, да ткни в него ножом.

— Ладно, пошли посмотрим, чего тебя там напугало.— И они направились к мастерской.

Но бревна на том месте не оказалось. Друзья обшарили вокруг все закоулки, бревно как сквозь землю провалилось.

«Видно, правду говорил дедушка, что дерево живое»,— думал Павлик, не обращая внимания на насмешки друга по поводу таинственного исчезновения бревна.

Дни шли за днями. Ссадины на коленях у Павлика почти зажили, и постепенно он стал забывать тот странный случай.

Вскоре из города приехала сестра Вера. Она была старше Павлика, уже закончила школу и готовилась поступать в институт. Когда Павлик пришел с рыбалки, она вместе с дедушкой и бабушкой как раз обедала.

Вера, по-видимому, рассказывала что-то интересное и веселое, потому что бабушка смеялась и никто не заметил, как он вошёл.

— Пашенька, как ты вырос,— подошла Вера, разглядывая Павлика,— правда, бабуль?

— Конечно,— подтвердила та,— молочко парное прямо из-под коровки пьёт, огурчики с грядки.

Вера подошла, обняла и поцеловала брата, при этом Павлик сконфузился и стал вырываться из Вериных рук. Ох уж ему эти девчачьи нежности. Конечно, Павлик был рад приезду сестры, но не очень, с бабушкой и дедушкой он чувствовал себя вольготнее.

«Теперь следить будет,— подумал он,— кончилась вольная жизнь, этого не трогай, туда не ходи, сюда не лезь».

— Да ты смотри,— продолжала она,— он здесь у вас уже совсем взрослым стал. А бабушке-то с дедушкой помогаешь?

— А как же,— вступилась за внука бабушка,— обязательно помогает. Я уже и забыла, как корову встречать: это его дело. Телёнка за огородом к колышку привязывает тоже он, а на огороде у него есть собственная грядка с огурцами и морковью.

— Молодец,— похвалила Вера.

— Да разве это помощь,— буркнул в ответ Павлик, не любивший, когда его вот так, при всех, хвалят.— Подумаешь, ведро воды принести.

— Ладно, ладно, смутили парня,— бросил бабушка, и на этом дальнейшие расспросы и похвалы прекратились. Вера только вспомнила, что скоро у Павлика день рождения, и сказала, что папа с мамой кое-что прислали ему в подарок.

После обеда она взяла книги и пошла в сад, чтобы ей никто не мешал готовиться к экзаменам, бабушка ушёл в мастерскую, а бабушка на огород.

Павлик скучал недолго.

Почти сразу пришёл Генка и предложил сразиться в шахматы. Тем более что погода после обеда сломалась, подул ветерок, набежали тучки, стало как-то сумрачно и неудобно.

Сыграли одну партию, другую. Павлику не везло. Он дал себе слово, что третью выиграет обязательно, но в самом начале игры зевнул пешку, настроение у него упало, и дальше играть не хотелось. Он снова начал думать о том, что вот хорошо бы знать какое-нибудь волшебное слово или шахматную тайну, чтобы Генку обыграть, а потом и вообще стать чемпионом, чтобы никому никогда не проигрывать.

— Чего же играть? Ты совсем не сопротивляешься! — возмутился Генка.

— Вот была охота гонять по доске коня из чурки,— буркнул Павлик.

После чего Генка, не доиграв, ушёл, а Павлик, ещё немного помечтав и погрузившись, пошёл играть с котом Мурзиком.

Забавляясь с котом, он и не знал, что через какую-то неделю жизнь его круто изменится, наполнившись событиями удивительными и необыкновенными.

2. ДЕРЕВЯННОЕ КОПЫТЦЕ

Приближался, однако, день Павликова рождения. Павлик любил это событие, как и всякий из его сверстников, ибо в этот день ему дарили подарки. Отец, например, в прошлом году подарил ножичек, а дедушка сделал пенал. Ни у кого в классе не было такого великолепного пенала. Пенал этот с секретом. Кто не знает, ни за что не сможет его открыть. А самым замечательным было то, что он не куплен в магазине, как у всех, а сделан его дедушкой. Вот и на этот раз он обязательно подарит Павлику что-нибудь интересное.

Наконец долгожданный день наступил. Проснувшись утром пораньше, Павлик сразу увидел рядышком со своей кроватью дедушкин подарок. Конечно, это был необыкновенный подарок! Такого Павлик просто не ожидал: рядом с кроватью стоял самый настоящий шахматный столик! Полированная поверхность столика блестела от падающих на него солнечных лучей. В крышку его были заполированы белые и чёрные квадратики, образующие вместе большой квадрат шахматной доски.

Павлик посчитал квадратики, их было ровно шестьдесят четыре. Он потрогал каждый, подивился на резные ножки столика и только потом заметил под крышкой небольшой выдвигающийся ящичек с врезанным в него маленьким замочком, который запирался крохотным деревянным ключиком. Этот ключик висел тут же на чёрном шёлковом шнурочке.

Павлик полюбовался ключиком, потом вставил его в замочную скважину, повернул и легким усилием выдвинул ящичек. Теперь он был удивлён ещё больше. Всё дно ящичка было также набрано из чёрных и белых квадратиков, представляя собой небольшую шахматную доску. На ней ровными рядами и точно на своём месте стояли шахматные фигурки.

Но что это были за фигурки! Вместо фигур-символов, что представляют собой обыкновенные шахматы, в которые до этого играл Павлик, здесь были настоящие фигурки белых и чёрных рыцарей. Павлик увидел их и вскрикнул от восторга. Особенно ему понравился белый деревянный рыцарский конь с полированным миниатюрным седлом, в котором восседал крошечный

деревянный рыцарь в воинских доспехах. Вся его деревянная одежда была сработана очень тонко и казалась настоящей. Того и гляди, рыцарь поднимет копьё, прищпорит коня и поскачет.

— Ну как, понравился тебе подарок? — спросил дедушка, входя в комнату.

— Дедуля, знаешь, я никогда... никогда не буду проигрывать в такие чудесные шахматы, — выпалил Павлик.

— Что ж, добре, добре, — сказал дедушка, — только не хвастай. Прежде чем победить другого, научись побеждать самого себя.

— Как это, дедуля? — спросил обескураженный Павлик. — Разве можно с самим собой играть?

— Играть, может быть, и нельзя, — прищурился дедушка, — а сражаться с собой и побеждать себя можно и нужно, без этого ни чемпионов, ни настоящих мастеров не бывает.

Когда дедушка ушёл, забежала Вера, поздравила Павлика с днём рождения и подарила большой альбом для марок. Полубовалась шахматным столиком, похвалила дедушкину работу.

— Ты знаешь, Вера, я решил никому и никогда не проигрывать в такие шахматы.

— Ох и хвастунишка же ты, — сказала сестра.

— Ничуть и не хвастунишка, — обиделся Павлик, — попробуй выиграй в старые шахматы, когда там у белого коня даже ухо отколото. Разве может он быть полноценным боевым конём? Потом, чёрная пешка вообще потеряна, а вместо неё стоит пустая шпилька от ниток.

— Ладно, ладно, посмотрю я, что у тебя из твоих обещаний выйдет.

«И она меня не понимает», — подумал Павлик и направился к Генке. Ему не терпелось похвастать подарком, а ещё больше хотелось поиграть с ним в новые шахматы и обязательно выиграть. Генку он в этот день так и не нашёл, а вечером лёг пораньше спать, чтобы скорее наступил завтрашний день и объявился Генка.

Часов в одиннадцать вечера Павлик проснулся от какого-то шороха и подумал, что это Мурзик, но, прислушавшись, понял, что шорохи доносятся не с пола, а со столика. «Вот уж на столик забрался, плут», —

испуганно подумал Павлик и соскочил с постели, чтобы прогнать кота.

На шахматном столике Мурзика он, однако, не нашёл и, к немалому своему удивлению, обнаружил, что кот здесь ни при чем, что странные звуки доносятся из самого столика. Павлику стало немного страшно, но любопытство взяло верх, и он осторожно приложил руку к ящичку. Так и есть! Внутри столика что-то скреблось и шуршало.

«А вдруг туда забрались мыши,— мелькнуло у Павлика в голове,— и сейчас грызут там шахматные фигурки, а он стоит и ничего не предпринимает, чтобы их спасти?» Павлик решил действовать. Он побежал на кухню, в темноте споткнулся, больно ударился коленкой, нашёл спящего кота, принёс в свою комнату, и, посадив на столик, ласково прошептал:

— Смотри, Мурзик! Смотри, там мыши.— И резким движением выдвинул ящичек.

На какое-то мгновение в ящичке вспыхнул и погас свет, Павлик зажмурился. Кот тем временем прыгнул, схватил свою добычу и, урча, убежал, а Павлик со страхом тут же задвинул ящичек на прежнее место.

«Знать, и правда были мыши,— подумал он, ложась в постель,— но откуда же взялся там такой яркий свет?» Павлик долго не мог уснуть, всё лежал и думал о мышках и загадочном свете. Наконец сон начал одолевать его, и тут вновь слышались странные шорохи, перешедшие в стук, похожие на конский топот, только очень тихий.

Павлик на цыпочках подошёл к столику и решил всё-таки проверить, что же там такое? Подошёл и не поверил своим глазам... По белым и чёрным квадратам на столике, тихонько позвякивая стременами, скакал белый деревянный конь. Полированное деревянное седло его поблескивало в свете луны, а маленькие деревянные копытца бойко стучали.

— Вот это да! — выдохнул от удивления Павлик, склонившись над конём.

Конь, казалось, был чем-то взволнован и продолжал скакать и стучать копытцами. Павлику стало жаль шахматного коня, и он, стараясь его не испугать, спросил:

— Случилось что-нибудь?

Конь, услышав над собой голос, остановился и, встав

на колени, заговорил неожиданно человеческим голосом:

— И-о-го-го, мальчик Павлуша! Несчастье свалилось на мою голову конскую. После того как неожиданно открылось небо над нашим королевством, исчез рыцарь, который сидел в моём седле. Но если ты хочешь помочь мне, то найди этого рыцаря, и ты послужишь великую службу белому шахматному королевству и всему шахматному роду.

— Что ты говоришь? Какое шахматное королевство, какой шахматный род? — спросил удивлённый Павлик, а про себя подумал: «Рыцаря-то ведь действительно на коне нет».

— Мне, мой юный друг, сейчас некогда объяснять, ибо у нас и так очень мало времени, но знай: если ты сможешь помочь мне, то я не останусь в долгу. А теперь топнись, мальчик Павлуша!

— Постой, постой, — остановил коня Павлик, — значит, рыцарь сидел на твоей спине, а после того, как я выдвинул ящичек, он куда-то исчез?

— Да-да, — закивал головой конь, позвякивая уздечкой.

Павлик задумался. Он понял, что сам виноват в исчезновении рыцаря. И теперь именно он должен помочь белому коню. Павлик стал искать пропажу.

Он искал рыцаря во всех уголках комнаты: лазил под кровать, заглядывал под диван, но рыцарь не находился, его нигде не было. После долгих и бесплодных поисков Павлик догадался, что рыцаря утащил, наверное, кот Мурзик. Теперь он стал искать невесть куда пропавшего кота, но кот тоже не находился. В комнате его не было, на кухне тоже, дверь в спальню к дедушке была закрыта.

Павлик вернулся к себе в комнату и поведал коню о пропаже рыцаря, отчего тот горько заплакал. Из глаз его катились слёзы-росинки. Павлик стал утешать его, говоря, что днём он обязательно найдёт деревянного рыцаря, но конь не переставал плакать, повторяя, что всё равно всё пропало.

— И-го-го, погибель на мою голову, — причитал конь, — что я скажу моему королю, что я скажу своему народу? Я скажу им, что они обречены на бездействие и смерть только по воле случая, чудовищного, не поддающегося никакому осмыслению, стечению об-

стоятельств. Павлуша, гибнет величайшая шахматная империя только потому, что какое-то неумное лохмотое животное вторглось в пределы государства и неизвестно ради чего, не осознавая того, что делает, уничтожило разумное начало. Это всё равно что взять и вытащить из хорошо отлаженного часового механизма шестерёнку — и часы встанут. Я понимаю, что говорю для тебя, мой юный друг, непонятные вещи, но ты, Павлуша, просто пока поверь мне на слово. И не говори никому, что ты видел этой ночью! Иначе ты принесёшь ещё большее несчастье шахматному народу.

— Я никому, никому не скажу,— заверил коня Павлик.

— А в общем, мне уже терять нечего,— сказал конь,— через пять минут ударят часы, и я, как и мои товарищи, навсегда превращусь в деревянную игрушку,— он уронил голову.— В этом шахматном столике, в моем доме, находятся два могущественных шахматных королевства: белое и чёрное. В эту ночь они вели между собой сражение, но ты его прервал. Через считанные минуты это сражение вновь должно возобновиться, но в белом королевстве не будет хватать одного рыцаря, и поэтому... и поэтому,— голос его задрожал,— мы не только обречены на позорное поражение, но по законам наших государств и на неподвижность.

— Как? — удивился Павлик.— Только из-за того, что у вас не будет хватать одного воина, вы не сможете вести войну? На вас не нападут?

— Да, мой мальчик,— ответил конь, гордо и высоко подняв голову,— наше шахматное государство, в отличие от ваших государств, никогда не нападает на более слабое, даже если у того не будет хватать только одного рыцаря. Таковы наши шахматные законы. В этом бою решается судьба длинной рокировки, а я с моим седоком на самом ответственном участке, и если нас там не будет к началу схватки, то сражение просто не состоится. Я понимаю тебя, Павлуша, тебе трудно поверить, что в этом ящике находятся два могущественных деревянных королевства, которые тысячу лет назад уединились, чуждаясь людей, их зависти и корысти, и, благодаря этому, намного опередили человеческий род в шахматном мастерстве, но в то же время, как видишь, оказались беззащитными. Эти шахматные

королевства — великие труженики великой шахматной науки. Они не могут существовать друг без друга. Каждое шахматное открытие у них проверяется игрой-сражением.

— Послушай! — вдруг сказал Павлик. — Я бы очень хотел посмотреть на эти королевства. Я даже мог бы на время заменить пропавшего рыцаря, только вот как я смогу уместиться в этом ящичке?

— И-о-го-го! Я так и знал, что в тебе бьётся доброе и чуткое сердце! — вскричал конь. — Ты храбрый мальчик. Твоя помощь нужна именно сейчас. Ни минуты промедления! Сию секунду я превращу тебя в рыцаря. Запомни: зовут меня в королевстве Деревянное копытце. Так впредь меня и зови. Дело в том, что у нас в войске есть ещё один белый конь, мы с ним как две капли похожи, только он чернопольный, и копытца у него, в отличие от моих, чёрные, из ореховой скорлупы...

Деревянное копытце ударил три раза ногой о шахматную доску, и Павлик превратился в маленького рыцаря. Правда, сам Павлик не стал деревянным, но доспехи он имел деревянные и ростом при этом был такой же, как и остальные рыцари шахматного столика. Он посмотрел на свои крошечные руки и ноги и засмеялся. Смех его прозвучал не как обычно, а много тише. Павлик хотел было снять с головы шлем и получше его рассмотреть, но конь его заторопил. Он встал на одно колено, приглашая Павлика садиться. Павлик сунул одну ногу в деревянное стремя, другую перекинул через спину Деревянного копытца и очутился в седле, казавшемся ему раньше таким крошечными и смешным.

Деревянное копытце, как только почувствовал на себе всадника, сразу же сорвался с места и галопом поскакал по белым и чёрным полям шахматного столика. Он скакал так быстро, что внизу поля слились в одну серую ленту и от них зарябило в глазах. Павлик изо всех сил вцепился в конскую гриву, боясь свалиться. Они скакали в шахматное королевство.

3. ШАХМАТНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Вскоре Деревянное копытце остановился, и Павлик увидел, что они стоят на белом поле, у самого края шах-

матной доски. Конь ударил три раза о крышку столика ногами, и, к немалому удивлению Павлика, белый квадрат, вроде лифта, пополз вниз. Спуск длился недолго. Вот лифт обо что-то легко стукнулся и остановился. В тот же миг перед Павликом открылась большая ярко освещённая комната. Как только они сошли с клетки, лифт тут же пополз вверх.

Лампочек или каких-либо других светильников Павлик в зале не увидел. Свет струился из бирюзового высокого свода над головой. Он мягко освещал без единой тени резные стены и полированный пол. Пол был набран из белых и чёрных квадратиков. Стены же были украшены более мелкими жёлтыми и коричневыми клетками, которые были искусно вырезаны. Каждая клетка вырисовывалась чётко и ясно.

Не успел Павлик как следует осмотреться, как конь куда-то поскакал, и вскоре они очутились в строю шахматных фигур. Теперь они для Павлика были не беззащитными игрушками, а грозными воинами.

По левую руку от Павлика стояла на колёсах ладья-крепость. Верхняя её часть имела форму площадки, огороженной зубчатой стеной, за которой были укрыты три деревянные пушки и сложенные горками деревянные ядра. Около каждой пушки стояло по два артиллериста с белыми перьями на шлемах. Нужно отметить, что вся крепость была сложена из маленьких деревянных кирпичиков и имела единственный вход, который охраняли два грозных рыцаря с длинными копьями.

Павлик посмотрел в другую сторону и увидел рядом с собой деревянного пешечного рыцаря, а рядом с ним ещё и ещё. Он насчитал восемь рыцарей, выстроившихся в один ряд. Все они были очень похожи друг на друга. На рыцарях были надеты кольчуги из деревянных колечек, которые не может разрубить меч и пробить копьё. В руках они держали длинные копья и резные круглые щиты. Ноги их до колен не были, как у Павлика, прикрыты латами. Забрала на их шлемах были открыты. Перед боем, Павлик это знал, их опускают, оставляя для глаз узкие щёлочки, в которые не пройдёт неприятельское копьё.

Самое же удивительное было в том, что все они, как и конь, оказывается, могли передвигаться самостоятельно. В лицах их не было суровости, а, скорее, наоборот, из-под шлемов выглядывали добродушные весёлые фи-

зионии. Маленькие рыцари очень понравились Павлику.

Павлик посмотрел на себя и был удивлен своей похожестью на них. Единственное, чем он от них отличался,— эмблемой рода войск — на его груди и щите была нарисована голова шахматного коня, а у них обычные пешки. «Значит, дедушкины шахматы не простые,— подумал Павлик,— для людей они обычные деревянные, а когда их сложат в ящик и они остаются одни, то превращаются в настоящих воинов».

Павлик во все глаза рассматривал рыцарей. Конечно, он их уже видел раньше, но здесь они ходили, разговаривали, раскланивались, отдавали честь. Всё это было так необыкновенно!

Рядом с собой Павлик увидел хмурого высокого рыцаря. Как на всех, на нем были деревянные латы, грудь и спину закрывал деревянный панцирь, на плечи был накинута длинный плащ, а на голове красовался высокий остроконечный шлем. Несмотря на то что Павлик сидел на коне, голова рыцаря была вровень с его головой. В одной руке он держал высокий треугольный щит, а в другой — меч. Это был шахматный слон. По всей видимости, он был одним из командиров пешечных рыцарей.

Павлик хотел было посмотреть на тех воинов, что стояли дальше, но тут заиграла боевая труба и вперед вышел высокий военный. Ростом он превосходил Павликова соседа — слона и одет был много красивее. Шлем его украшали перья, и меч в руках был длиннее.

— Это воевода-ферзь,— шепнул конь Павлику.

И только ферзь вышел вперед, как всё затихло, и рыцари повернули головы в его сторону. Воевода сделал знак рукой, и все встали по стойке «смирно». Затем он громко сказал, что сейчас с войском будет говорить сам король и все услышат сообщение государственной важности.

Едва он только это произнёс, как впередистоящие рыцари расступились, сделав шаг вперед и в сторону. В образовавшийся проход вышел сам шахматный Белый король. Он был высокого роста. Голову короля украшала корона, из-под которой до самых плеч спадали длинные седые волосы. В отличие от других он был без доспехов, только со шпагой. Одежда его ещё

богаче, чем у воеводы. Королевское шитое золотом и серебром платье блестело и слепило.

Дойдя до воеводы, он остановился, повернулся к строю, поклонился и проговорил громко:

— Славные рыцари преславного могущественнейшего белого шахматного королевства! Настал ответственный час, когда мы должны доказать всю свою правоту. Чёрный король, не менее славного чёрного королевства, подверг осмеянию ход нашего левофлангового слона!

Тут слон вышел вперёд и, приложив руку к груди, раскланялся перед строем.

— Почему король без доспехов, ведь если следовать шахматной игре, он также участвует в операциях? — спросил Павлик у Деревянного копытца. На что тот ответил:

— В начале сражения король редко надевает доспехи, делает он это потом, по мере необходимости. Ведь его задача — прежде всего руководить сражением. Все боевые доспехи короля в походном шатре.

— И он умеет хорошо драться?

— И-го-го! Ещё как. Ни слон, ни я с ним не можем сравниться в силе и искусстве, несмотря на то что он и старше нас всех.

— Мы все знаем заслуги нашего воина, — продолжал король, — мы знаем его боевую мудрость и должны защитить его шахматное открытие, в бою проверив надёжность этого хода. Назвав этот ход бесперспективным и утопическим, Чёрный король может сбиться с правильного пути, который ведёт к вершине шахматной науки. Если же в этой игре-сражении победим мы, то ещё больше упрочим славу нашего королевства. Мы не можем потерпеть жалкого насмехательства над нами, и поэтому мы по договоренности с Чёрным королем и его народом, во славу шахматной науки, решили на поле брани найти истину.

Он помолчал, сделал паузу, а затем спросил, согласны ли его подданные и равноправные граждане шахматного государства участвовать в предстоящем сражении?

— Желаем! Желаем, — раздался хор голосов. — Веди нас, король. Мы хотим знать шахматную истину!

— Хорошо, — сказал король, — сейчас, по традиции, унаследованной от предков, мы обменяемся с Чёрным

королем рукопожатиями, исполним королевский гимн и начнём военную игру-сражение.

Белый и Чёрный короли вышли на середину зала, поприветствовали друг друга, заиграла музыка, и они запели вместе, им подпевали белые и чёрные рыцари:

У королей забот немало,
У королей полно забот,
Чтоб даже пешка в схватке не пропала,
Чтоб даже пешка в схватке не пропала,
А было всё наоборот.

Следующий куплет пел уже один Чёрный король, и ему подпевали только чёрные рыцари:

Расчёт — таков у нас закон,
И интуиция не в счёт,
Она как явь, она как сон,
Она как явь, она как сон.
Всего опаснее просчёт.

Чёрные рыцари замолчали, дальше пели уже белые со своим королём, прославляя, как и чёрные, только свой стиль игры, свою манеру ведения боя, свою философию:

Да, мы романтики, мечтатели,
Иная жизнь — нам просто мука.
В позициях — кладоискатели,
Бой — наша жизнь, а не наука,
Бой — наша жизнь, а не наука!

Последний куплет чёрные и белые пели все вместе. Это были слова, отражающие мысли единомышленников, свято верящих в великую справедливость:

У королей одна забота,
У них другой заботы нет,
Чтоб улучшалась жизнь народа
И был прогресс, и был прогресс,
И был про-о-гре-е-сс...

Этот куплет они пропели даже два раза, и второй раз гораздо громче, чем первый.

После того как были пропеты государственные гимны, короли раскланялись друг с другом, обменялись рукопожатиями и разошлись, каждый к своему войску.

За королями вперёд вышли воеводы. Они также сошлись на середине зала и, сверив часы, разошлись.

— Смотри, Павлуша, — сказал конь, — как только воеводы встанут на место — сразу и начнётся сражение.

Ферзь зачем-то подошёл к королю, они о чем-то посоветались, затем король снова вышел вперёд и, подняв вверх руку, чтобы все успокоились, громко крикнул:

— Да поможет нам в бою фантазия, талант и наша дерзкая мысль.

Король, закончив говорить, ещё раз поклонился и ушёл. Воевода подал команду: «Поднять флаг королевства!» Вамыл вверх в чёрно-белую клетку флаг с белой короной посредине. Ферзь встал на своё место. На одной из стен обозначились, а затем всё сильнее стали светиться стрелки больших часов. И тут Павлик увидел, как передняя стена зала заколыхалась и медленно стала раздвигаться в разные стороны. «Так это штора», — подумал Павлик, и в эту минуту на другом конце зала, за шторой, увидел другое готовое к сражению войско. Оно походило на большую шевелящуюся чёрную массу, ибо все воины были одеты в чёрные одежды. Даже шатер у короля и то был чёрным.

Часы на стене пробили три раза, и всё пришло в движение. Засверкали над головами полированные деревянные мечи, послышался стук копыт, отрывистые команды ферзя и слонов. Где-то заиграла музыка, и пешечные рыцари, шагая на месте и выставив вперёд копыя, запели:

Мы отважная пехота!
Когда идём — мы не стоим,
Когда стоим — мы не идём,
И бой у нас — одна забота.

Мы все отважны, как всегда,
Назад не делаем и шага.
И если к нам придёт беда,
И если к нам придёт беда,
Нас выручат лишь смелость и отвага.

А если пешка в тыл пройдёт —
Для неприятеля напасть.
И если очень повезёт,
И если очень повезёт,
То ферзем тоже может стать.

Нас уважает сам король,
В поход мы выступаем смело.

В бою, рискуя головой,
В бою, рискуя головой,
Воюем храбро и умело.

Они пели весело и громко, и с ними, не зная почему, запел и Павлик. Он размахивал копьём в такт песни, и в глазах его был восторг. В это время пешечный рыцарь, что стоял впереди Белого короля, сделал два шага вперёд, остановился и, прикрывшись щитом, стал ждать товарищей. Ему навстречу из чёрного войска тоже выступил рыцарь, сделав два шага вперед, и схватка началась.

Белые рыцари двигались навстречу чёрным, чёрные навстречу белым. То тут, то там, слева и справа вспыхивала рукопашная. Павлик видел, как белые и чёрные рыцари насккивали друг на друга, звенели от ударов копий щиты. Павлик смотрел, как ловко орудовали копьями два стоящих друг против друга пешечных рыцаря. Силы их были равными, никто не хотел уступить, и неизвестно, чем бы их поединок закончился, не подоспей на помощь чёрному его сосед справа. Белому рыцарю было довольно легко обороняться от того, что стоял напротив. Прикрывшись щитом, он был практически неуязвим для его копья, а вот зашедший с фланга был много опаснее.

Павлику очень хотелось помочь белому рыцарю, и он сказал об этом Деревянному копытцу.

— И-ого-го! Ты храбрый мальчик, — сказал конь, — но не спеши, скоро будет и для нас работа. Выступим, как только поступит приказ.

Павлик замолчал, наблюдая за пешечным рыцарем. Правда, теперь он был не один. Пока Павлик разговаривал с конём, на помощь пришёл сосед слева. Правда, он не мог копьём дотянуться до чёрных рыцарей, так как стоял немного сбоку и чуть сзади своего товарища, но поддержка друга в бою очень много значит. Пешечный рыцарь воодушевился и стал нападать на зашедшего с фланга особенно яростно. Тот, видимо, не ожидал встретить такое сопротивление и всё больше оглядывался назад, на строй чёрных воинов, ожидая подмоги, но её не было. И вот, когда он в очередной раз оглянулся, белый рыцарь воспользовался этим моментом и нанёс ему сокрушительный удар. Чёрный пешечный рыцарь упал, а белый занял его место.

— Молодец! Bravo! — крикнул Павлик в восторге, обрадованный первой победой. Однако восторг его тут же сменило удивление. Теперь чёрный рыцарь и белый стояли рядом, почти что не касаясь плечами, но никаких воинственных выпадов друг против друга не делали.

— Почему они друг на друга не нападают? — спросил Павлик коня.

— Они просто ничего не видят через закрытые забрала, — сказал Деревянное копытце. — Пешечные рыцари никогда не дерутся друг с другом в таком положении, равно как и не нападают сзади.

И в этот момент произошло непостижимое. Сосед погибшего чёрного рыцаря, видимо решивший отомстить за товарища, пошёл вперёд сразу на две клетки. Он так торопился, что даже не защитился щитом, а только яростно размахивал копьём, и это предредило его участь. Белый храбрец, рядом с которым он должен был пройти, успел нанести ему удар копьём, едва тот сделал один шаг, наступив на чёрную клетку. Смертельно раненный чёрный пешечный рыцарь всё же достиг второй белой клетки, но тут же свалился замертво. Белый рыцарь гордо встал на ту клетку, на которой поверг своего противника.

Павлик так засмотрелся на сражающихся пешечных воинов, что совершенно упустил из внимания другие участки поля боя. Там тоже всю кипела схватка. Грохотали пушки, ржали кони, свистели стрелы.

— Теперь пришла и наша пора, — сказал Деревянное копытце и, крикнув: «Держись!» — поскакал, прыгая из стороны в сторону и увертываясь от копий, ядер и стрел. Павлик крепко держался за луку седла, боясь вывалиться и быть смятым. Деревянное копытце с невероятной быстротой носился по полю, совершая громадные прыжки и далеко внизу оставляя пешечных рыцарей, слонов и крепости-ладьи с их пушками и ядрами. Раз он перепрыгнул через шатёр Белого короля. Король даже помахал им носовым платочком. При каждом таком прыжке Павлик мог видеть сразу всё поле боя. Но он даже боялся глянуть вниз. Единственной его мыслью было удержаться в седле.

Наконец и Павлику пришлось вступить в бой. Деревянное копытце вдруг крикнул ему: «Защищайся!» Павлик едва успел поднять щит, как в него тут же вон-

зилось копьё. Чёрный конный рыцарь стоял совсем рядом и уже занёс руку для второго удара, но Павлик, изловчившись, опять вовремя подставил щит. Чёрный рыцарь искуснее владел копьём, и неизвестно, как закончился бы бой, не подоспей на помощь Павлику другой белый рыцарь. Противник не выдержал его нападения и отступил.

Голова у Павлика кружилась от множества впечатлений. И ему хотелось одного — чтобы это всё поскорее кончилось. Деревянное копытце, как будто догадавшись, что за мысли одолевают его седока, проговорил: «Потерпи, Павлуша, осталось совсем немного. Скоро всё кончится. Сейчас ударят часы, и бой прекратится до следующей ночи».

И точно, вскоре пробили большие деревянные часы, и бой прекратился. Рыцари застыли в том положении, в котором их застали первые звуки. Сразу же стало тихо-тихо, как будто здесь и не было никогда жаркой схватки.

— Бежим скорее отсюда! — крикнул конь. — А то погаснет свет, и мы не сможем подняться на поверхность шахматного столика. Но Павлик не торопился, ему было очень интересно видеть, как на полном скаку застыл чёрный конь, как встал на дыбы, да так и остался другой. Вот замахнулся белый ферзь своим длинным мечом на чёрного слона и замер, не довершив удара. А вот деревянное ядро, вылетев из жерла пушки, так и остановилось, зависло в воздухе, и замерли на крепостной стене артиллеристы в неудобных позах.

На поле боя были разбросаны копья, щиты, латы, сёдла, шлемы... Павлик мог всё это ещё долго рассматривать, но Деревянное копытце торопил его.

— Быстрее, Павлуша! — говорил он. — У нас очень мало времени, а я должен успеть вернуться на своё место, иначе я не смогу попасть в шахматное королевство. Да и тебе ещё нужно отдохнуть и найти деревянного рыцаря.

Павлик вскочил на коня, и они поскакали к клетке-лифту. И лишь они выбрались на поверхность, как Деревянное копытце опять погрузился и сказал, что если к двенадцати часам следующей ночи Павлик не найдет рыцаря или не придёт сам, то воины навсегда останутся в том положении, в котором они их оставили. Павлик не успел сказать ни одного утешительного слова,

как конь ускакал прочь со словами: «За-по-мни-и это, ма-а-ль-чик! Па-влу-у-ша!!!»

Как только Деревянного копытца не стало видно, Павлик испугался. Он забыл спросить, как ему снова стать большим? Но стоило ему лишь спрыгнуть с шахматной доски, как он тут же стал прежнего размера. «Вот это да!» — с восторгом подумал он.

4. ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

Павлик долго не мог заснуть. Всё думал про загадочные шахматные королевства и Деревянное копытце. И, проснувшись, сразу вспомнил своё приключение. Сначала он решил, что это был сон. «Наверное, насмотрелся вчера на дедушкины шахматы, вот мне и причудилось», — подумал он и стал вспоминать подробности, и даже попытался ещё уснуть, авось сон и продолжится. Такое с Павликом раньше бывало, особенно когда что-то страшное снилось. Проснётся ночью, а когда снова заснет, то и сон продолжается.

Но как ни закрывал Павлик глаза, как ни накрывался с головой одеялом — сон не шёл.

В комнату заглянула Вера.

— Лежебока, вста-вай, — проговорила она нараспев. — Не придурайся, ведь всё равно не спишь. Эх ты, притвора! Давай умывайся и завтракать.

В приоткрытую дверь с кухни проникли вкусные запахи, слышалось привычное шарканье бабушкиных тапочек.

— Внучек... царство небесное prospишь, — раздался её тихий мягкий голос. — Иди, я блинчиков напекла, сейчас дедушка придёт, ему не понравится, что ты всё не встал.

— Я сейчас, баб! — крикнул Павлик и, соскочив с кровати, бросился к умывальнику.

— Эге! — сказал появившийся в дверях дедушка. — Да ты, я вижу, ещё по форме номер один бегаешь. Впрок, что ли, решил выспаться.

В отличие от всех один дед разговаривал с Павликом как равный, без всяких сюсюканий и скидок. Это нравилось Павлику.

— А как это впрок? — серьёзно спросил внук.

— Впрок,— засмеялся дедушка,— это про запас. Например, на фронте перед каким-либо сложным заданием, если была такая возможность и позволяли обстоятельства, людям давали отдохнуть подольше, потому как, может быть, несколько суток совсем спать не придётся. Вот и смекай, впрок ты спал или от лени?

— Я впрок,— сказал Павлик гордо, вспомнив историю с Деревянным копытцем и сражением. И тут Павлик поймал себя на мысли, что подумал обо всём, как о реально происходившем. Ещё больше он поверил в случившееся, когда после завтрака открыл ящичек с шахматами и не обнаружил там деревянного рыцаря.

— Значит, всё это происходило на самом деле,— решил он окончательно и принялся с ещё большей настойчивостью разыскивать пропажу. Желание похвастать шахматами перед Генкой как-то пропало само собой.

Павлик целый день бродил по дому озабоченный. Он заглядывал во все щели, шарил палкой под бабушкиным сундуком, шифоньером, гладил Мурзика и даже угощал колбасой, до которой тот был большой охотник, и просил показать, куда он отнёс деревянного рыцаря. Кот же сосредоточенно ел колбасу и сладко от удовольствия жмурился.

К вечеру пришёл Генка и позвал Павлика на пруд искупаться. Павлик отказался, но Генка стал уговаривать, и тут Павлик не выдержал и показал ему дедушкин подарок. Генке шахматы очень понравились, и он тут же предложил сыграть несколько партий, на что Павлик ответил отказом и рассказал о своём горе — пропаже одной фигуры.

Говорить-то Павлик говорил, но только ни одним словом не обмолвился о шахматных королевствах. Он крепко держал своё слово.

— Может быть, без рыцаря сыграем? — спросил Генка. — Конь-то всё равно есть, а с седоком или без седока — разве это в шахматах что-то значит?

— Как это не значит? — заспорил Павлик. — Вот и значит. Без рыцаря ведь он наполовину слабее.

— Жадина-говядина,— обиженно проговорил Генка. — Сразу и сказал бы, что жалко, а то какую-то историю с пропавшим рыцарем придумал. А я, лопух, и поверил.

— Ну не хочешь искать — не надо,— сказал Пав-

лик, — я тебя не держу. — А сам подумал: «Это если по-честному играть — то всё равно, а как Генка играет, то как раз наоборот. Тому коню из старых шахмат всё равно, плутует он или нет, а Деревянное копытце не позволит того, чтобы рукавом на нужную клетку двигали».

— Что случилось? — спросил дедушка Павлика. — Может быть, подарком не совсем доволен, что-то, смотрю, не играешь ты в новые шахматы. И вон друга чем-то обидел.

И тут Павлик рассказал дедушке о пропаже.

— Дело поправимое, конечно, — сказал он, — но не скорое. Я, разумеется, смогу сделать тебе ещё одного рыцаря, но сейчас у меня просто нет подходящего материала. Я ведь давно задумал для тебя шахматы сделать, брёвнышко, почитай, с осени ещё за сараем-то счорнил. Дерево то не простое, яблоневого. Когда ты был ещё маленький, сломало, а точнее, свалило у нас в саду, вырвав с корнями, старую яблоню, вот из неё и получились твои шахматы.

— Не простое, значит, говоришь? — переспросил Павлик.

— Обязательно не простое, — подтвердил дедушка и улыбнулся, хитро глядя на внука. — Каждое дерево свой секрет имеет, и качество его древесины от многого зависит. Она даже по цвету бывает разной: от кипенно-белой до чёрной. Может быть твердой, как железо, и мягкой, податливой, лёгкой и тяжёлой, плотной и пористой. Но каким бы дерево ни было, в любом случае это благородный, красивый материал, и материал прежде всего живой.

— Дедушка! Дедушка! Да это не из того ли дерева ты шахматы сделал, что с длинным сучком под навесом лежало? — вскричал Павлик.

— Из него самого, из него самого, внучек.

«Так вот, оказывается, как дело-то оборачивается, — подумал Павлик. — Оказывается, оно тогда и не пропало вовсе, а его дедушка взял».

— А скажи, оно тебе сразу поддалось? — донимал он дедушку расспросами.

— Вот что не сразу, то не сразу. Покряхтело, поупиралось вначале, да поняло, что к мастеру в руки попало, на том и смирилось. Вот погоди, я там для тебя ещё кое-что приготовил, поважнее подарка. Шахмат-

ный столик с шахматами это что? Пустяк. Дорого, мило, но пустяк. Пустяк, если ты в этой поделке ничего увидеть не смог, не затронула она твою душу, не увлекла. И я вижу, не увлечёт, пока ты сам дела не узнаешь, пока не поймёшь ты, что тебе дерево сказать хочет...

Сказал так дедушка, помолчал, потом встал и ушёл. А Павлик подумал о том, что с деревом он уже умеет разговаривать, Деревянное копытце его прекрасно понимает.

Тут Павлик вспомнил о том, как бревно забросило его в крапиву, и настроение его упало, даже рыцаря искать раскотелось. Однако слово, данное Деревянному копытцу, надо было держать, и Павлик принялся искать пропажу ещё настойчивее.

И все-таки поиски этого дня были безрезультатными. Приближалась ночь.

В десять часов вечера Павлик, чтобы усыпить внимание Веры и бабушки, лег в постель без лишних напоминаний. Ему не терпелось остаться одному и, выключив свет, ждать появления Деревянного копытца. Он лежал, затаив дыхание и не спуская глаз с шахматного столика.

Прошло так около часа, Павлик уже стал засыпать, как вдруг услышал тихий топот копыт. Он тут же открыл глаза и увидел Деревянное копытце. Тот стоял на самой краешке шахматного столика. Павлик сразу вскочил с постели и бросился к коню. Деревянное копытце тоже был рад встрече.

— Я должен вновь заменить пропавшего рыцаря, другого выхода просто нет, — сказал Павлик.

— Другого выхода нет, — подтвердил конь. — Ты прав. Я вижу, ты решительный и смелый мальчик, умеешь принимать решения, это хорошо.

— Что ты, — смутился от похвалы Павлик, — Вера с бабушкой говорят, что я своим умом не живу и во всём подчиняюсь Генке: куда он скажет, туда я и иду.

— А дедушка что говорит? — спросил конь.

— Дедушка, — обрадовался Павлик, — дедушка совсем по-другому думает. Он говорит бабушке, что дыру в штанах зашить можно, а вот в голове дыру ничем не заштопаешь, эту, говорит, пустоту, брешь заполнять надо добротным материалом. Ну бабушка в ответ на это всегда дедушке говорит: «Это Генка-то добротный

материал? Да он только вчера поросёнка в коляску запрягал». А дедушка в ответ: мол, до этого тоже додуматься надо, ведь знаменитый Дуров по городу на свинье ехал, да и Генка знает много того, что мне знать полезно.

— А ты-то как думаешь? — спросил Деревянное копытце.

— Не знаю,— пожал плечами Павлик,— мне с ним интересно. Весёлый он, свистки из ивовых прутьев умеет делать и меня научил. А что поросёнка в коляску запрягал, так это враки, просто сам придумал для потехи, а люди верят. Он всегда такой.

— Значит, Генке верить можно! — заключил конь.— Это хорошо, что ты товарища защищаешь. А не говорил ли ты ему обо мне?

— Нет, что ты. Тайну должен знать один человек, а если двое, так это уже не тайна.

— Я тебе верю,— сказал Деревянное копытце.— Скажи ещё мне: тебе понравилось в нашем королевстве?

— В королевстве-то понравилось,— ответил Павлик,— только мне жаль убивать деревянных рыцарей, они ведь мне ничего плохого не сделали.

— И-о-го-го! — весело заржал конь.— А ты добрый мальчик и всё больше мне нравишься. Дело в том, Павлуша, что у нас никто никого не убивает. После окончания шахматной битвы все рыцари оживают и встают в строй целые и невредимые. Шахматная война — самая гуманная война. В ней никто и никого, победив, не делает своим рабом. Мы знаем, что это такое. Когда-то мы, шахматные рыцари, жили открыто, и что же? Мы гибли в военных пожарах, были орудием корысти и свидетелями зависти. Уединившись и наблюдая за людьми со стороны, мы увидели, что тот лишь человек достигает высокого шахматного мастерства, кто лишен этих недостатков. Мы превзошли людей в шахматном мастерстве только благодаря отсутствию корысти и жестокости. Понимаешь ли ты меня?

— Понижаю,— сказал Павлик,— прости меня, Деревянное копытце, за то, что я о вас так плохо подумал. Скачем же скорее в королевство, ведь мы не должны опоздать!

Но конь, как бы что-то вдруг вспомнив, остановился.

— Не спеши, Павлуша,— сказал он.— Я не сказал тебе самого главного. Ты ещё не всё знаешь, а узнав — волен изменить своё решение. Я ничего не хочу от тебя таить. Ведь ты, Павлуша,— человек, на тебя в нашем королевстве не распространяются шахматные законы. Тебя нельзя будет оживить. И если тебя в бою убьют, то убьют навсегда. Вчера было только начало битвы. Сегодня же проверяется новый ход слона, о котором говорил наш король, и я не могу рисковать твоей жизнью, не имею на это права.

Павлику, конечно, не хотелось погибнуть. Он даже подумал о том, что если погибнет, то его будут все искать и, не найдя, подумают, что он утонул в реке. Ему очень хотелось жить, видеть маму, папу, дедушку, бабушку и даже Веру...

Но тут его мысли перешли на другое. Он подумал о том, что если не заменит рыцаря, то погибнет всё шахматное королевство. Ему стало жаль эти милые шахматные фигурки с их мудрыми и безобидными войнами. И тут он вспомнил о конном рыцаре, который погиб, может быть спасая ему жизнь. Как же забыл о нем Павлуша?! Он вспомнил, как рыцарь, погибая, прошептал, что у него есть приказ короля пробиться в тыл неприятеля и выручить из плена пешечного рыцаря.

Как об этом можно было забыть? Ведь, кроме него, Павлика, никто не знает о таком приказе. Пешечный рыцарь погибнет, если к нему не подоспеет помощь, а ведь конный рыцарь так надеялся на Павлика.

— Мы поскачем вместе! — сказал он коню.

Едва они прискакали в шахматное королевство и успели занять свои места на поле сражения, как пробили настенные часы и сражение продолжилось. Теперь он постоянно думал о погибшем рыцаре и уже ничего не боялся. Он грозно размахивал копьём и видел, что соперник чувствует его силу. Павлик уже научился управлять Деревянным копытцем, и тот целиком доверился ему. Но как они ни старались, пробиться на седьмую горизонталь всё же не могли. Но зато сверху Павлик увидел, как чёрный воевода-ферзь приказал крепости-ладье раздавить на правом фланге упорно сопротивляющуюся горсточку белых пешечных рыцарей.

Спереди на них нападали чёрные пешечные рыцари во главе со слоном, ладья, захав сбоку, покатила прямо на храбрецов, круша всё на своем пути. В ужа-

се разбегались белые рыцари, часть из которых гибла под её колесами и от разрыва пушечных ядер.

Павлик, как только увидел прорыв соперника, тут же пришпорил Деревянное копытце и во весь опор поскакал наперерез крепости-ладье. Конь под ним быстро скачет, да ведь ладья тоже не стоит на месте. И вот, чтобы догнать ладью, срезал Павлик угол. Перепрыгнул Деревянное копытце через двоих преградивших им путь черных пешечных рыцарей. Растерялись рыцари, даже пик не успели поднять, а Павлик с конём уже к крепости-ладье приближаются. Но успела бы проскочить ладья, да изловчился Павлик и в последнюю секунду ткнул ей в колёса своё копьё. Копьё затрепало, но не сломалось, намертво заклинив колесо. Крепость-ладья остановилась и, разозлившись, стала палить из всех своих пушек, затем, медленно и кое-как волоча заклиненное колесо, поползла назад. Павлик с Деревянным копытцем последовали за ней, стараясь держаться в мёртвом, не простреливаемом её пушками пространстве.

Ладья медленно отползла назад, изредка паля в сторону Павлика и Деревянного копытца, больше для острастки, нежели из желания их погубить. Да, ей, мощной и неповоротливой, было нелегко тягаться с лёгким и стремительным конём. Но так случилось, что, когда Павлик и конь уже почти добрались до седьмой горизонтали, вдруг ударили часы, и они поспешили покинуть шахматное королевство.

5. В ПЛЕНУ

Новые поиски шахматного рыцаря по-прежнему ничего не дали. Кроме новых огорчений. Потому что в зале Павлик нечаянно свалил с этажерки будильник и вазу. Ваза, любимая бабушкина ваза, конечно, разбилась. А будильник громко зазвенел, по-видимому в последний раз.

На шум пришла Вера. Она строго посмотрела на брата и спросила, что он здесь делает. Павлик молчал. Это ещё пуще разгневало Веру.

— Ах ты, обманщик, — говорила она резко и, как казалось Павлику, беспощадно, — теперь я знаю, поче-

му ты лег пораньше спать. Бабушка ещё удивлялась, а здесь нет ничего удивительного. Всё просто и ясно: вылез в окно, сделал со своим дружком набег на чей-нибудь сад, а когда возвращался, в темноте наткнулся на этажерку. Разве не так? Говори, не так?! Ох, не зря этот Генка так не нравится бабушке. До добра он тебя не доведёт. Вот я скажу дедушке, он ваш первый заступник, пусть полюбуется на своего внука: а ещё напишу папе с мамой...

Она долго отчитывала Павлика и под конец ушла, сказав на прощание, что Павлик неслух и упрямец, что она возьмётся за его воспитание по-настоящему и в конце концов сделает из него человека, а если он и впредь будет себя так вести, то непременно отправит в город.

Вера ушла, запретив ему в наказание целый день выходить из дома. Такого поворота Павлик не ожидал. Он уткнулся головой в подушку и тихонько заплакал от обиды. Вера и раньше на правах старшей делала Павлику подобные внушения. Такой уж у неё был характер. Накричит, накричит, а потом простит. Но ведь тогда всё это было за дело, а сейчас? Конечно, он признавал свою вину — вот они, разбитая ваза и будильник, — но виновником он себя считал только наполовину, ведь ваза и будильник упали, когда он искал шахматного рыцаря. Про сад Вера, конечно, придумала. И вообще во всей этой истории самым страшным было то, что Вера могла действительно увезти его из деревни в город. Как же искать пропавшего рыцаря?

Слезы горечи опять покатались по щекам Павлика. «Миленький дедушка, — повторял он, — выручи меня. Твой Павлик ни в чём не виноват, но я не могу перед Верой оправдаться, потому что ничего не могу рассказывать. Дедушка!.. Как тяжело знать настоящую тайну». Так, в слезах, он и уснул.

Когда Павлик проснулся, солнце стояло уже высоко, в доме никого не было.

В окно Павлику был слышен разговор бабушки и Веры.

— И что ты расстраиваешься, — говорила бабушка, — ваза старая, будильник нам с дедушкой не нужен: не на работу вставать, не молодые. Это вам спится, а нам уже нет, сами как будильники.

— Нет, — не отступала Вера, — дело принципа, со-

творил — раскайся, признай. Так нет, ни слова не добьёшься. Вот пусть и сидит теперь весь день дома.

Речь, как понял Павлик, шла о нём. В разговор вмешался дедушка:

— Ты, Вера, считаешь, что наказала справедливо. Ладно. Тогда я сейчас пойду и тоже сяду дома под замок. Вчера, налаживая пилу, я случайно отколол один зуб.

— Так вы же дело делали, — возразила Вера.

— А он что делал, вы знаете?

— Да что он может делать? В сад, конечно, он не полезет, не дорос ещё до таких подвигов, но всё ведь с чего-то начинается, сегодня будильник, завтра стекло.

— А я вот так не считаю, — проговорил дедушка, — у него есть такие же важные дела, как и у нас, а может быть, даже и поважнее наших.

— Вот вчера, — подхватила Вера, — смотрю, идут со своим дружком на пруд. Так иди дорогой, как все люди, нет же — полезли через овраг по крапиве, где голову можно сломать...

Дальше Павлик слушать не стал, отошёл от окна и стал думать, где искать рыцаря. С улицы донёсся звон дедушкиной пилы. Павлик снова подошёл к окну и выглянул: интересно, чего он там пилит? И тут он увидел греющегося на солнышке Мурзика. Кот лежал на старой колоде и громко мурлыкал, жмурясь от солнца.

— Кис, кис, — позвал Павлик, но Мурзик будто и не слышал, он потянулся и игриво перевернулся с одного бока на другой. И тут Павлик увидел рядом с котом, у самой его усатой мордочки, шахматного деревянного рыцаря.

Он сразу забыл про наказание и выпрыгнул в окно. Мурзик тут же вскочил и, схватив рыцаря, стал взбираться на растущую в палисаднике берёзу. Павлик не долго думая полез за ним. Кот, увидев преследователя, стал взбираться ещё выше. Так, догоняя друг друга, они достигли макушки. Кот остановился, раскачиваясь на тонкой ветке. Павлику дальше лезть было совсем опасно.

— Мурзик, отдай... отдай, — просил Павлик вполголоса и протягивал к коту руку, но тот только сладко щурился, ему эта погоня явно нравилась. «Ах ты так, — подумал Павлик, — так вот я тебя сейчас», — и он стал трясти ветку, на которой сидел Мурзик. Кот

закачался и прыгнул с ветки на крышу дома, выронив из зубов несчастного рыцаря. Шахматный рыцарь полетел вниз, ударяясь о сучки и ветви.

Павлик спустился с дерева, нашел многострадального воина, который, увы, пребывал в плачевном состоянии: шлем его был расколот, латы помяты и поцарапаны, а в некоторых местах даже прокушены — видимо, кот пробовал его на зуб. Увидев всё это, Павлик окончательно расстроился. Чем он мог помочь бедняге? Павлик не стал считать его раны и побыстрее влез назад в окно, пока не был обнаружен Верой.

«Что толку, — думал он, — что рыцарь нашёлся. Во-первых, он такой израненный, во-вторых, как я его передам Деревянному копытцу, если сестра грозитя с вечерним автобусом отвезти меня в город?»

Прошло полдня. С огорода пришла бабушка и стала накрывать на стол. Немного погодя пришли Вера и дедушка. Они о чем-то разговаривали. Дедушка весело посмотрел на Павлика и спросил:

— Гм... Ты что же, так и сидишь — и ничего не делаешь?

— Угу! — ответил Павлик.

Дедушка сел за стол, крикнул и, посыпая солью хлебный мякиш, обратился к Вере.

— А как там гласят педагогические науки?

— Вы это о чём? — удивилась Вера.

— Да я о трудовом перевоспитании, — уточнил дедушка, — такое наказание для лентяя — курорт, да и только. И кто им не был, так обязательно будет.

Вера вспыхнула, щёки её покрыл румянец.

— Вечно вы портите мне воспитательные мероприятия.

И тут Павлик понял, куда клонит дедушка.

— Это точно, мероприятий у нас хватает, — вздохнул дедушка, — только лежать наказанному и мух считать я не позволю. Разрешите, — сказал он строго, — после обеда забрать этого разгильдяя и пусть работой искупит свою вину!

— Ладно уж, берите, — и Вера махнула рукой.

Павлик облегчённо вздохнул. После обеда они ушли с дедушкой в мастерскую, и там Павлик рассказал о беде шахматного рыцаря. Дедушка повертел шахматную фигурку в руках и, сказав, что к завтрашнему дню исправит, положил её в карман.

Павлик с удовольствием наводил порядок в мастерской, выметая стружку и укладывая, как велел дедушка, по размерам на стеллаже заготовки. Настроение у него было отличное, и ему не терпелось сообщить Деревянному копытцу обо всём случившемся.

Поздно вечером он снова увидел Деревянное копытце. Тот внимательно выслушал рассказ Павлика и сказал:

— Сегодня, Павлуша, ты можешь не рисковать и не спускаться в шахматное королевство, наш король сегодня может взять тайм-аут, то есть на сегодняшний вечер заключить перемирие, а к завтрашней схватке дедушка уже успеет отремонтировать рыцаря.

— Да ты что,— сказал Павлик,— отремонтированный рыцарь сразу попадёт в сложную и незнакомую ему комбинацию и может просто не сориентироваться, испортить всё дело. Нет, сегодня как раз никакого перемирия, перемирие может сыграть на руку чёрному войску. Потому я сегодня должен быть там,— сказал он твёрдо и решительно.

— И-ого-го! Я смотрю, ты не только храбрый воин, но и разбираешься в шахматной политике.

Они снова скакали в шахматное королевство, скакали и не думали о том, что вскоре попадут в такие обстоятельства, которые могут стоить обоим жизни.

Теперь Павлик уже крепко сидел в седле и даже прищипывал Деревянное копытце, чтобы тот бежал ещё быстрее.

С крепости их так и не заметили, и они успешно достигли седьмой горизонтали — места, о котором говорил погибший белый конный рыцарь.

— Здесь нужно искать нашего пешечного рыцаря,— сказал Деревянное копытце.

В это время боевые действия развернулись на противоположном фланге, и чёрным воинам было не до них. Чёрный король бросал в бой всё новые и новые фигуры. Одна лишь чёрная крепость-ладья пока стояла спокойно. Её пушки больше для остротки изредка построеливали из дальнобойных орудий, не причиняя войску белых никакого вреда.

— Чего она палит? — сердито сказал Павлик.— Спряталась бы в своём углу — и сиди молчи.

— Вот она сейчас и «помолчит», — сказал конь,— как выкатится, а там уж и та, наверное, своё колесо по-

чинила, и дадут нам с тобой на пару такого дрозда, только держись.

И верно, не прошло и нескольких минут, как королевская охрана перенесла чёрный шатёр неприятельского короля на место крепости-ладья, а ладья переехала на место, где стоял королевский шатёр.

— Торопятся,— сказал конь,— боятся, как бы пространство между крепостью и королём не пристреляли наши.

— А вон и белый пешечный рыцарь! — воскликнул Павлик и направил Деревянное копытце к нему.

Белый пешечный рыцарь стоял связанный по рукам и ногам. Его охранял только один чёрный слон. Да и тот, зная, что белому пленнику не убежать, стоял перед ним и дремал, облокотившись на копьё.

Павлик и Деревянное копытце, осторожно, чтобы не разбудить охранника, подошли к пешечному рыцарю. Тот, увидев их, сначала обрадовался, а потом снова погрузнел. Павлик спрыгнул с седла и стал развязывать опутавшие рыцаря верёвки и тут услышал голос пленённого.

— Не трать попусту силы, воин, этим ты не спасёшь меня. Знай! Я должен погибнуть, ибо нарушил великий шахматный закон, который гласит: «Один за всех и все за одного». Я хотел стать первым рыцарем в королевстве и сравняться силою с воеводой. Для этого мне нужно было только достигнуть последней горизонтали. Я бросил товарищей и устремился за своей славой и вот теперь я здесь... Не надо меня спасать. Нарушивший шахматный закон должен погибнуть. А теперь уходите отсюда поскорее.

— Да, он должен погибнуть,— подтвердил Деревянное копытце,— никто не может помочь ему. Идём, Павлик, идём скорее отсюда.

Но не успели они сделать и двух шагов, как кто-то совсем рядом закричал: «Вот они! Держи их!» Павлика и Деревянное копытце тут же окружили невесть откуда взявшиеся чёрные рыцари, схватили коня за узду, Павлика стащили с седла, скрутили назад руки и повели.

— Что же теперь с нами будет? — спросил Павлик своего друга.

— Нас, Павлуша, ведут к Чёрному королю на допрос.

Вскоре чёрные пленившие их рыцари, покалывая пленников копьями, привели их к королевскому чёрному шатру, у входа в который стояли стражники. Их подвели к королю. Он сидел за столом и, шевеля губами, что-то считал. На нём был такой же роскошный наряд, как и на Белом короле, только чёрного цвета. Король поминутно брался то за карандаш, то за циркуль, то за линейку. Все остановились и замерли, ожидая, когда король закончит свои расчёты. Он же был так глубоко погружён в свои формулы, что не обратил на вошедших никакого внимания.

Но вот он бросил считать, поднял голову. К нему тотчас подошёл воевода и, поклонившись, сказал:

— Ваша мудрость! Всё идёт точно и согласно рассчитанному вами плану. Мы начали наступление на правом фланге, и противник поддался на нашу хитрость. Сейчас он стягивает туда все свои главные силы. Основная же наша ударная сила сосредоточена и замаскирована на левом фланге, которому противник пока не придаёт большого значения. Наш белопольный слон продолжает делать вид, что спит, а сам незаметно следит за диагональю, по которой ему надлежит нанести разящий удар по штабу белых войск и их королю. Правда, нам немного не повезло.

— В чём не повезло? — удивился король.

— Дело в том, — продолжал воевода, — что оставленный нами на седьмой горизонтали пленённый белый пешечный рыцарь погиб странным образом, и нашему слону теперь нельзя делать вид, что он кого-то охраняет и к большой драке, дескать, не имеет никакого отношения. Белый король и его воины теперь обязательно обратят на него внимание и, возможно, догадаются о его секретной задаче.

— Этого только не хватало! — вскричал король. — Вы что же, считаете Белого короля дураком! Немедленно закройте диагональ нашим чёрным конём, измените диспозицию, — он забегал по шатру мелкими, быстрыми шажками, втянув голову в плечи, как бы ожидая удара. — Этого нельзя ни в коем случае допустить. Сделайте пешкой отвлекающий ход, а затем нанесите противнику удар, сделав шах. Это будет жестокий удар, — заключил король, — жестокий, — повторил он и, перестав бегать, сел за стол и обхватил голову руками.

Чёрный король помолчал немного, затем что-то при-

кинул на логарифмической линейке и, удовлетворённый расчётами, добавил:

— Это будет сильный удар, но не окончательный, он только потрясёт противника, и мы нарушим материальное равенство, всё же это вынужденный тактический удар, но не стратегический. Наша стратегия — это наступление на фланге с использованием замаскированных резервов. Помни это, воевода, каждую минуту. — Затем поднял голову и засмеялся. — Так, значит, говорите, белый рыцарь умер странным образом... Ох, уж мне эти эмоции! — И тут же добавил с металлическими нотками в голосе: — Я повторяю тебе ещё раз, воевода: никаких эмоций, только расчёт, максимум хладнокровия и никакого авантюризма. Строжайшая дисциплина. Карать за неповиновение вплоть до удаления с поля боя.

Затем он показал на бумаги у себя на столе и добавил:

— Вот здесь расчёты и схемы движения наших войск. Перед наступлением каждый воин будет знать, что ему делать.

После этих слов воевода показал королю на Павлика и Деревянное копытце и сказал:

— А это вам наш подарок. Эти бедолаги решили спасти своего пешечного рыцаря, и даже неизвестно, каким образом проникли на седьмую горизонталь, в наш тыл, но были схвачены.

— Странно, — сказал король, — они не могли попасть на седьмую горизонталь, неужели где-то в расчёты вкралась ошибка? Этого не может быть. Впрочем, я всегда говорил, что от белых можно ожидать всё, что угодно. Нет-нет, это только не расчёт, просто очередная авантюра недисциплинированных и самонадеянных воинов.

— Да, но такая авантюра чуть не стоила нам проигрыша в прежнем сражении, и мы едва свели вничью, — вкрадчиво сказал ферзь.

Король поднял глаза и, зло посмотрев на воеводу, закричал:

— Я вам запрещаю это говорить, вы слышите, запрещаю, вы паникёр, а не воевода. Я отстраняю вас от управления этой решающей операцией и сам поведу своих подданных на последний и решительный штурм, подайте мне мой щит и меч.

Король подошёл к Павлику и коню, внимательно их осмотрел с ног до головы и, покрутив головой, как будто ему был тесен воротник, сказал приближённым:

— А этих мы поведём тоже в атаку, только впереди наших рыцарей, по своим они стрелять не посмеют,— и засмеялся. Затем подошёл к столу, взял один из рассчитанных им вариантов и задумался.

— Деревянное копытце, Деревянное копытце,— зашептал Павлик,— это же про наших говорили. Ты слышал, какую хитрость придумал их король. Только как своим всё это передать.

— Что тут придумаешь, когда ноги спутаны,— ответил конь, тяжело вздохнув.

Король продолжал рассматривать лист бумаги, на котором была нарисована одна из схем движения фигуры в предстоящем наступлении.

— Я придумал, я придумал,— зашептал коню на ухо Павлик и тут же коротко рассказал ему свой вариант спасения.

— Молодец,— похвалил его друг,— ты так славно всё придумал, что, я надеюсь, из тебя выйдет большой шахматист. А теперь давай приводить твой план в исполнение.

6. ОПАСНАЯ КОМБИНАЦИЯ

— Придумать-то я придумал, да только Чёрный король не обращает на нас никакого внимания,— сказал Павлик вполголоса.

— Сейчас он перестанет считать и даст команду подвести нас поближе,— успокоил его Деревянное копытце, но затем сам заволновался и спросил Павлика: — Павлуша, а вдруг рыцари бросятся на нас и не дадут нам убежать?

— Что ты,— сказал Павлик и тихонько рассмеялся,— они без королевских приказов шага ступить не могут. Ты разве не видишь, что вся сила их королевства держится на приказах, его воины сами по своему усмотрению действовать не могут, а король не сможет сразу приказ отдать, потому что его расчёты у тебя в зубах будут. А пока он всё вновь рассчитывает, мы уже далеко будем.

Тут Чёрный король поднял голову и велел подвести к нему пленников поближе. У Павлика так сердце и заколотилось. Их, грубо подталкивая копьями, подвели к столу, за которым сидел король.

Как только они очутились около королевского стола и король открыл рот, чтобы произнести первую фразу, конь схватил со стола зубами королевские расчёты и стал их жевать. В это время Павлик кинулся на пол и стал зубами — руки ведь у него тоже были связаны — развязывать у него на ногах путы.

Король, как только исчезли его расчёты, стал как разъярённый тигр метаться по шатру, колотя циркулем по спинам своих приближенных. Павлик тем временем распутал верёвки, Деревянное копытце помог освободить руки Павлику, и они поскакали к своим.

Не сразу Чёрный король понял, в чем дело, и взялся за новые расчёты. Шахматное время уходило. Король торопился, и чем больше он торопился, тем больше ошибался, и чем больше ошибался, тем сильнее торопился.

Павлик и Деревянное копытце были уже далеко. Они были счастливы, скакали и радовались тому, что так ловко провели Чёрного короля и убежали из плена. Вокруг стояли неподвижные фигурки чёрных рыцарей, и конь, прыгая через них, напевал:

Тра-ля-ля, тра-ля-ля!
Рысаки, тяжеловозы,
Скаковые, пони тоже —
Все похожи на меня!
Но от них я отличаюсь
Тем, что шахматным считаюсь,
Деревянный просто я!

Я хоть маленького роста,
Одолеть меня не просто,
Одолеть меня не просто,
Тра-ля-ля!
Нет в бою со мною слада
И за это мне награда —
Гнев чужого короля!

И если я во вражий стан
Ворвуся словно ураган,
Мелькнёт моя над войском тень,
В удачный даже самый день,
В удачный даже самый день
Король не застрахован от потерь.
Король не застрахован от по-о-те-ерь

Проскакав половину пути, Павлик оглянулся и увидел, что за ними катится крепость-ладья, другие же рыцари стоят на месте. Конь тоже посмотрел назад.

— Почему она за нами катится? — спросил он Павлика.

— Да потому, что Чёрный король её маршрут рассчитал быстрее других.

Заметив погоню, они поскакали ещё быстрее. Конь у Павлика быстро бегаёт, да ладья быстро катится, и туго бы пришлось храбрецам, не встретиться им на пути чёрный рыцарь.

Деревянное копытце на всём скаку перепрыгнул через него, а ладья, заскрежетав тормозами, остановилась, чтобы объехать препятствие, прыгать, как конь, она не могла.

На этот манёвр у неё ушло ровно столько времени, сколько надо было беглецам, чтобы доскакать до своих. Вот белые рыцари совсем рядом, видно уже, как бежит им на встречу слон, а там и сам воевода. Вот пешечные белые рыцари посторонились, давая им дорогу, и едва Павлик и Деревянное копытце миновали их, как они тотчас сомкнули строй, грозно выставив навстречу крепости-ладье свои длинные копыя.

Чёрная крепость-ладья, раскатившись, не смогла остановиться вовремя, да так со всего хода и застряла на их копыях.

Павлик и Деревянное копытце, как только доскакали до своих, сразу же были доставлены к королю. Король принял их, встретив у своего белого походного шатра. Тут-то и рассказали они ему о том, как им удалось пробраться в лагерь чёрных, о встрече с пленным белым пешечным рыцарем, о том, как их тоже пленили, об услышанном плане Чёрного короля и о том, как им удалось бежать.

Белый король торжественно поблагодарил их за хорошую службу белому шахматному королевству и его шахматной науке, затем отдал какие-то приказания воеводе, а потом долго смеялся над неудачей Чёрного короля.

— А ведь я говорил Чёрному королю, что его расчёты не всегда истина, не слушает и верит только в силу своих математических способностей и дисциплину, вот и наказал сам себя. Ну чем не наука?!

Павлик слушал Белого короля и мысленно сравни-

вал его с Чёрным. Белый ему почему-то больше нравился.

— Нас обычно упрекают в авантюризме. Что ж, в этой жизни нельзя всё разложить по полочкам, всё рассчитать, хотя уметь считать, конечно, необходимо. Нет, не в расчётах наша сила, здесь мы уступаем и без сожаления отдаём лавры первенства чёрным. В красоте и фантазии наша сила. А это, увы, неподвластно расчётам.

Затем король велел принести флаг королевства. Павлика и его друга поставили под чёрно-белый флаг, и король, ещё раз поблагодарив их за службу, вручил им награды: коню — крохотные дубовые подковки, а Павлику красивые длинные усы. Оказывается, в шахматном королевстве усы у рыцарей не росли, их выдавали в качестве награды. Это были самые высокие награды королевства.

Вручив награды, король велел подать ему боевые доспехи.

— Пришёл мой черёд обнажить свой меч,— сказал он громко,— мне доложили, что Чёрный король уже в рядах сражающихся. Что ж, браво!

— С нами король, с нами король! Да здравствует король! — закричали, увидев его, рыцари.— Слава королю! Королю слава!

Король, окружённый преданными рыцарями, шёл вперёд, высоко подняв клинок, и пел:

Я вижу жизнь свою в боях,
Она игра, поэзия и проза,
Мне главное — не вечный шах,
Мне главное — не вечный шах,
И главное — не вечная угроза.

Но если вдруг не повезло,
Король остался без подмоги,
Он в бой вступает всем назло,
Он в бой вступает всем назло,
И трусы, прочь с его дороги!

Деревянное копытце и Павлик, следуя за королём, совершили головокружительный манёвр и вырвались вперёд. Павлик в азарте скачки подпевал королю. Играла боевая музыка. Трам-та-ра-рам... Трам-та-ра-рам... Это в такт песне шли вперёд, гремя оружием и доспехами, рыцари.

Впереди всех шёл воевода, а над наступающими реял чёрно-белый берестяной флаг.

Но не успели они вклиниться в ряды противника, как послышались удары шахматных часов и все замерли.

Павлик и Деревянное копытце тотчас поскакали из шахматной страны.

Когда они при помощи клетки-лифта поднялись на крышку шахматного столика, то увидели на ней найденного Павликом и отремонтированного дедушкой шахматного рыцаря. Павлик обрадовался, ему было теперь не страшно — шахматное деревянное королевство уже не погибнет, пусть даже Вера и отправит его в город.

Конечно, Павлику жаль расставаться с Деревянным копытцем. Коню тоже не весело.

Он положил на плечо мальчику голову и тяжело вздохнул.

— Прощай,— грустно сказал Павлик. Он обнял Деревянное копытце за шею и уткнулся лицом ему в гриву.

— Не горюй, Павлуша,— уговаривал его конь, а у самого из глаз катились и катились смоляные слезы,— я тебя никогда, никогда не забуду!

— И я тебя тоже,— ответил Павлик.

— Хорошо, что мы встретились,— сказал конь.— Теперь я знаю, что люди не все плохие. И если у вас ещё много зла, корысти, лицемерия и обмана — они всё равно будут побеждены, как победили их мы. Я уверен в этом. Будь счастлив, Павлуша...

На этом они расстались.

Павлик долго стоял у шахматного столика. Светила луна, и в комнате всё было видно.

Павлик не заметил, как к нему подошёл дедушка.

Он гладил внука по голове, а Павлик, всклипывая, спрашивал:

— Дедуленька, миленький, правда, что всё это было, правда?

— Правда, милоч, правда,— продолжая гладить Павлика по голове и плечам, говорил дедушка.— Ты не плачь, не плачь. Ложись-ка лучше, а я около тебя здесь рядышком посижу.

Павлик лёг, а дедушка сидел рядом и долго рассказывал Павлику о том, как он воевал, спасал от ог-

ня хлеб, дрался с браконьерами. Потом увидел, что внук спит, и тихо вышел.

Павлик вырос и, говорят, стал хорошим шахматистом. Утверждают даже, будто знает он какую-то шахматную тайну, но он о загадочных королевствах никогда и никому не рассказывал. А если люди его спрашивали, действительно ли он знает некую тайну, он улыбался и говорил: «Знаю, знаю, потому что верю и борюсь».

МИХАИЛ ЛУБОЦКИЙ

ТАЙНА МУРОМСКОЙ ЧАЩИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

лавная минута — я начал!.. Давно уже собирался рассказать эту историю, да всё как-то руки не доходили. То авторучка плохая, то бумага, то то, то сё... И вдруг спохватился: время бежит, а моя история так при мне и остаётся! Разве это дело? Нужно рассказывать. Накупил хорошей бумаги, авторучек с десяток, взял отпуск, сел за письменный стол и... задумался. А с чего начинать? С того, как Маришка Королёва первый класс закончила и на каникулы к бабушке с бабушкой в Апалиху заявила? Не очень-то интересно. С того, как бригадир лесорубов Григорий Опилкин самовольно решил в Муромскую Чащу ехать, чтобы всю её подчистую вырубить? Ну, это совсем для взрослых. С того, как... Нет, и с этого не хочется. И тут мне словно подсказал кто-то: «Да начни с телеграмм! Ведь если бы не телеграммы...» Я и дослушивать не стал, так обрадовался этой подсказке. Точно! С телеграмм начинать нужно! А там уж как получится. История такая запутанная, что и не знаешь, за какой кончик браться нужно, чтобы её распутать.

Итак, пришли однажды в Апалиху две телеграммы, и обе Королёвым.

— Пойду отнесу,— сказала почтальонша Нина Николаевна,— порадую стариков.

Сказала так, взяла телеграммы и пошла. Уже около королёвского дома, только-только из проулка вынырнув, встретила Нина Николаевна Маришку. Та как раз перед палисадником с друзьями играла: с Ромкой и Сёмкой. Увидев Маришку, Нина Николаевна крикнула:

— А Королёвым телеграммы! — и помахала в воздухе белыми бумажными листками.

— Ура! — закричала Маришка и побежала навстречу почтальону.

— Дома-то кто? Бабушка или дедушка? — спросила Нина Николаевна подлетевшую к ней девочку.

— Никого,— ответила быстро Маришка и пояснила: — Дедушка где-то ходит, а бабушка куда-то ушла.

— Ага, понятно...— почтальонша тяжело вздохнула.— Значит, ты за хозяйку?

Маришка кивнула головой и спросила:

— А от кого телеграмма?

— Да их вам целых две! — тетя Нина Николаевна снова помахала бланками телеграмм.— Только я должна вручить их или дедушке, или бабушке.

Маришка печально опустила голову:

— Что ж, я до вечера не узнаю, от кого телеграммы?

Почтальонше стало жаль Маришку, и она сказала:

— Вручить телеграммы я тебе не могу... А вот прочитать — пожалуйста! Они не секретные.

Маришка вскинула голову и радостно защебетала:

— Читай, тетя Нина Николаевна! Читай скорее!

— Вот...— почтальонша взяла первую телеграмму и медленно, чуть ли не по складам, прочла: — «Встречайте Митеньку пятого московским семнадцать тридцать московского целуем Гаряваря».

Последнее слово очень удивило тётю Нину Николаевну, и она прочла его ещё два раза: один раз про себя, а другой — вслух.

— И точно «Гаряваря»... Это кто же такое?

— Не такое, а такие,— поправила её Маришка.— Дядя Гаря и тетя Варя. А Митенька — их сынок.— И тут только до неё дошло: — Так, значит, он всё-таки приезжает?!

— Как видишь.— Почтальонша покрутила теле-

грамму от загадочного Гаривари.— Пятого, в семнадцать тридцать.

Она развернула вторую телеграмму:

— «Ждите пятого буду не буду пятого не ждите Гвоздиков».

Прочитав текст телеграммы, тётя Нина Николаевна вдруг пошатнулась и ойкнула:

— Ой!.. Голова что-то закружилась...

— И у меня,— призналась Маришка. И тут же она догадалась: — Это телеграмма такая головокружительная.

Почтальонша спрятала бланки телеграмм в сумку.

— Что-нибудь запомнила?

— Всё! — похвалилась Маришка. И отбарабанила как на уроке: — Ждите пятого!.. Буду не буду!.. Пятого не ждите!.. Гвоздиков!..

— Вроде бы так... А может, и не так... Ладно, авось бабушка с дедушкой разберутся.

И тетя Нина Николаевна отправилась в обратный путь на почту.

Когда почтальонша отошла от Маришки, Сёмка и Ромка приблизились к подружке.

— Кто приезжает? — спросил Ромка с любопытством.

— Когда приезжает? — спросил Сёмка с притворным равнодушием.

— Митя приезжает, брат мой двоюродный. Пятого.

— А-а... — протянул Ромка.

— Понятно, — сказал Сёмка.

— А ещё дедушкин друг приезжает, Гвоздиков. И тоже пятого.

— Теперь тебе не до нас будет, теперь у тебя гостей полон дом! — обиженно произнёс Ромка.

— А я друзей бросала? А я друзей забывала? — пошла на него в атаку Маришка.

Не выдержав натиска, Ромка попятился. И в этот момент за домами вдруг послышался громкий шум, и на дорогу выкатил грузовик, в кузове которого сидели трое неизвестных ребятам мужчин.

Поравнявшись с королёвским домом, машина остановилась, и из кабины высунулась голова четвёртого неизвестного дядьки.

— Ребятки! — хрипло прокричала голова. — Где тут дорога на Муромскую Чашу?

— А туда нет дороги! — ответил Сёмка.

— Почему? — удивился дядька.

— А туда никто не ездит, — пояснил Сёмка.

— И не ходит, — добавил Ромка.

— Уже лет сто, а может быть, и двести, — уточнила Маришка окончательно.

Но незнакомца ответ не удовлетворил. Он вылез из кабины грузовика и подошел к ребятам:

— Опилкин, — представился, — бригадир лесорубов. А это — моя бригада, — он кивнул в сторону сидящих в кузове людей. — Нам в Муромскую Чашу — во как нужно попасть! — И Опилкин провел ребром ладони по горлу.

— А зачем? — спросила его Маришка.

— Как зачем? — удивился бригадир. — Рубить станем!

— Муромскую Чашу рубить?! — ахнули ребята хором.

— Говорят, это лесной массив здесь так называется, нам всё равно. — Опилкин зевнул. — Так где ваша Чаша находится?

Маришка посмотрела на Опилкина, на сидящих в кузове лесорубов и поняла, что они ничего не знают.

— Вам жить надоело, да? — спросила она тихо и загадочно у бригадира.

— Что ты, девочка... — попятился от неё Опилкин.

— И вам тоже надоело жить? — уже громче спросила Маришка у других лесорубов.

Лесорубам жить не надоело, и они поэтому тут же повскакивали с мест.

— В чём дело, девочка?!

Тогда Маришка поманила приезжих подойти к ней поближе.

Когда они вылезли из машины и подошли вплотную, она сообщила:

— Вы же ничего не знаете!..

И Ромка поддержал её:

— Ну совсем ничегошеньки!

А Сёмка сказал:

— И не узнали бы, если бы нас не встретили.

— Да чего не узнали бы?! — не выдержал Опил-

кин.— Мы торопимся, нам ехать нужно, а вы загадки загадываете!

— И ехать вам не нужно, и загадок мы не загадываем.— Маришка чувствовала себя сейчас хозяйкой положения и потому хотела рассказать приезжим о Муромской Чаще подробно и обстоятельно.— Если вы хотите, мы вам расскажем, ПОЧЕМУ вам не нужно ехать в Чашу.

Опилкин посмотрел на свою бригаду:

— Послушаем, что ли?

— А что не послушать, послушать можно,— сказал один из лесорубов.

— Тогда садитесь,— пригласила Маришка и первой уселась на траву.— В ногах правды нет,— повторила она любимую бабушкину присказку.

— А в твоей истории правда есть? — на всякий случай спросил Опилкин, усаживаясь поудобнее.

— Конечно,— обиделась Маришка.— Хоть у них спросите! — И она кивнула на Ромку и Сёмку, примостившихся рядом с ней. И хотя у них никто не спросил, Ромка и Сёмка охотно подтвердили:

— Точно-точно!

— Маришка не будет вам сказки рассказывать!

(Вот почему следующая глава будет называться не «Сказка о Муромской Чаще, рассказанная Маришкой приезжим лесорубам», а...)

ГЛАВА ВТОРАЯ

Правдивая история о Муромской Чаще, рассказанная Маришкой Королёвой приезжим лесорубам

— Давным-давно, много-премного лет назад, жили в нашей Апалихе два брата: Иван и Демьян. Фамилия у них была Горюшкины, и жили они небогато.

Вот однажды Демьян и говорит:

— Пойду я, Вань, новые земли искать. Говорят, есть неподалеку от нас Чаща Муромская: мечта-край, и без хозяина. А ты тут пока поживи, меня дожидайся.

— А если не вернёшься? — Иван спросил.

— Вернусь. А коли к весне не свидимся, что ж, не поминайте лихом!

Сказал так Демьян и ушёл. А Иван его дома остался ждать. Вот месяц прошёл, другой, третий... Нет Демьяна! Иван волноваться начал. Да и родня, и соседи его пилить принялись: «Зачем одного Дёмку отпустил?! Почему с ним не пошёл?!»

Мучился-мучился Иван Горюшкин, а к весне не выдержал. «Эх,— говорит,— пропадай моя телега, все чётые колеса!.. Пойду брата искать!»

Заколотил дом, свёл к тётке своей корову, взял суму перемётную, переметнул её через плечо и пошёл в края неизведанные, в муромские края. Вот день идет, вот два идёт, на третий приходит...

— Километров сто отсюда будет? — перебил Опилкин.

— Восемьдесят шесть,— ответил за Маришку Сёмка.— Отец мой туда на мотоцикле гонял.

— Вот видишь! — обрадовался Опилкин.— А говорите, никто туда не ездит!

— Он два километра до Чащи не доехал: мотор заглох. Еле назад вернулся.— И Сёмка кивнул Маришке: — Давай, Мариш, рассказывай дальше.

— ...Вот приходит на третий день Иван Горюшкин к Муромской Чаще. А куда дальше идти? Где брата искать? Стоят перед ним дубы столетние, стоят перед ним сосны могучие — нижними ветвями травы-муравы касаются, верхними за облака уходят.

— Эй, дубы столетние! Эй, сосны могучие! — закричал Иван Горюшкин во всю богатырскую мочь.— Не видали моего братца Демьяна Елисеевича?

Молчат дубы, молчат сосны, не дают ответа.

Тут выбежал вдруг из-за деревьев заяц и ширк Ивану под ноги! А Горюшкин хватъ его за уши и — в суму перемётную!..

«Будет чем мне поужинать! — радуется.— Не помирать же с голоду, пока брата ищущу». И опять суму через плечо повесил и в Чащу наугад пошёл. Только не успел он и трёх шагов ступить, как услышал за спиной голос знакомый:

— Так-то ты брата встречаешь, так-то ты брата приветчаешь! Ах, Иван, Иван!.. Ох, Иван, Иван!..

Остановился Ваня как вкопанный. Повернулся. Нет никого! «Устал, вот и померещилось...»

Только он это сказал, только ещё три шага ступил, как сзади опять кто-то как закричит Демьяновым голосом!

— Стой, говорю, Ванька! Стой, а то худо будет!

Остановился Иван. Кричат рядом, а никого нет.

— Сними суму перемётную!

Послушался Иван, снял суму.

— А теперь меня достань!

Вроде бы из сумы кричат... Открыл Иван суму, заяц оттуда как выпрыгнет да как на Ивана напустится!

— Ты зачем меня в суму перемётную запихал?! Я к тебе целоваться, а ты меня — за уши?! Ах, Иван!.. Ну, Иван!.. Ругается заяц Демьяновым голосом на чём свет стоит, а Иван на него глаза таращит. Наконец опомнился Ваня.

— Это ты, Дём? — спрашивает.

— Я, — отвечает заяц.

Жаль стало Ивану брата своего, чуть от жалости не заплакал он во всю богатырскую мочь.

— Кто ж над тобой такое вот этакое сотворил?! Скажи, Дём, не таись, уж я с ним расправлюсь!

Вздыхнул заяц тяжело, потом сказал:

— Колдун меня здешний заколдунил.

— ...Заколдовал, — поправил Опилкин.

Но Маришка упрямо повторила: «Заколдунил» — и пояснила:

— Это не я так сказала, а Демьян. Я своего ни одного слова не добавляю.

И она продолжила свой правдивый рассказ:

— Я (это Демьян говорит), я сюда как пришёл в Чащу, так душой весь и возрадовался. Землищи сколько!.. Лесу!.. Зверья!.. Рыбы!.. Ну и давай делянку подыскивать. Нашёл место хорошее, стал деревья рубить, пни корчевать. Да не стал, собрался только. Тут он и пожаловал!

— Кто? — спросил Опилкин.

Но Маришка ему не ответила.

— Кто? — спросил Иван (стала Маришка рассказывать дальше).

— Колдун. «Ты чего сюда пожаловал?» — у меня спрашивает.

— «Да вот, — говорю, — хочу в этих местах поселиться. Потом брата сюда позову, тётку с дядьями, племяншей... Хорошо тут!» — говорю. А он мне в ответ: «Ну

что ж, раз тебе у нас так понравилось — поселяйся. Живи сколько хочешь здесь. Только о брате, о тётке с племяшами и думать забудь». Ну, я, известное дело, рассердился на такие слова и говорю ему: «Шёл бы ты, дедушка, на печку, не мешался бы под ногами». Нагрузил, одним словом. Он меня и заколдунил!..

Маришка скосила один глаз на Опилкина, но бригадир уже и не думал поправлять рассказчицу. Тогда Маришка продолжала:

— Взмахнул старик руками и заговорил громко-громко, так что сосны затряслись и с них какие-то шишки посыпались.

— Известно, какие с сосны шишки падают, — вмешался один из молоденьких лесорубов, — сосновые!

— Да кто их знает, какие это были шишки! — рассердилась Маришка. — Некогда было Демьяну их разглядывать. Посыпались шишки, ну и посыпались. А колдун прокричал: «Оставайся же ты в Чаше Муромской на веки вечные! И ходи в образе заячьем, и питайся морковкой с капустой, и пусть тебя брат родной не признает, если сюда он пожалует!» И ударил колдун в ладоши, и превратился Демьян в зайца!

— Бедный ты, бедный! — погладил брата Ваня Гoryшкин по голове. — И живёшь ты в образе зайчачьем, и не признал тебя брат родной!..

Так сидели они долго-долго, а потом Иван и говорит:

— Вот что, Дём. Пойду-ка я того колдуна искать. Или он тебя расколдует, или пусть и меня в длинноухого превращает. Нету нам, видно, другой середины!

Пробовал Демьян его отговаривать, да только Иван крепко на своём стоял.

— Пойду, — говорит, — или я его, или он меня. — И пошёл.

А Демьян потихоньку сзади запрыгал. Долго ли, коротко ли прыгал Демьян, только пришли они к домику, в котором колдун этот жил.

— Эй, есть кто живой? — закричал Иван и забарабанил по ставням ладонью.

Открылась из сеней дверца, вышел старик-колдун на крыльцо.

— А, Иван пожаловал! С худым или с добрым?

— Ты нашего Дёмку в зайца превратил, а ещё спрашиваешь! А ну, превращай его обратно в челове-

ка, не то худо будет! — кричит Иван, а старичок посмеивается только в усы и в бороду.

— Нет, Вань, не будет мне худо. А вот тебе, глядишь, и не поздоровится. Разве можно старшим грубить?

— Нельзя, — согласился Горюшкин.

— А нельзя, так и не груби. — Старичок присел на ступеньку, улыбнулся: — Это хорошо, что ты за брата заступаешься. Только он поделом наказан: не спросясь, рубить-корчевать надумал! Да ещё помощников нагнать посулил. Этак от всей красоты нашей одна голая степь останется.

— Уж и степь... — буркнул Ваня недоверчиво.

— Уж и степь!.. — передразнил его старик-колдун. — А ты как думал?

— Никак, — признался Горюшкин.

— Вот то-то и оно! И Дёмка твой о нашей Муромской Чаще «никак» думал. Схватил топор — и айда валить! — Старичок поднялся, поёжился от вечерней прохлады. — Вот пусть теперь одну морковку с капусткой похрумкает. — Он увидел прячущегося в кустах Демьяна и спросил: — Ну как, вкусна капустка?

— Так нету её ещё... Не выросла, — отвечает ему робко Демьян. — Чем попало питаюсь.

Пожалел тогда старик-колдун зайца и сказал:

— Ладно, расколдую я тебя, так и быть. Но сперва возьму с вах обоих клятву. Согласны?

— Согласны! — закричал Демьян, вылезая из кустов.

— Согласны! — сказал Иван, подойдя к колдуну поближе. — А какую клятву?

— Поклянись мне и всей Чаще Муромской, что, пока свет стоит и Земля вертится, пока род людской на земле живёт, не ступит здесь нога человечья, не рухнет от руки его ни одного дерево в Чаще Муромской, не падёт от стрелы его ни одна птица муромская, не сгинет от ружья охотничьего ни один зверь муромский. И ту клятву со всех людей возьмите. А кто её не даст или нарушит кто и к нам сюда в Чащу пожалует, то приключится с тем злодеем такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Только смолк колдун — загредел гром, засверкала молния, и превратился Демьян снова в человека.

— Клянемся тебе, дедушка, что так и будет! — говорит колдуну Демьян.

— Да уж не придём сюда больше, так и быть, — говорит Иван. — Попробуем у себя в Апалихе жизнь лучше наладить.

С тем поклонились они старичку и пошли от него прочь, в своё село.

И с тех пор — тысяча лет прошла! — не ходит в Муромскую Чашу никто, обходят — объезжают её стороной; клятву, данную Горюшкиными, соблюдают! — закончила Маришка свой рассказ.

А Сёмка добавил:

— И самолёты там не летают. Один полетел да еле вылетел. Лётчик живой, а ничего не помнит!

— Слыхал про такой случай. — Опилкин поднялся, страхнул с брюк насевшую пыль. — Разве это здесь было? — И, не дождавшись ответа, скомандовал бригаде: — В машину — арш! — Повернулся снова к Маришке и сказал напоследок: — Спасибо, девочка, за сказку. Так где дорога на Муромскую Чашу?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Если бы Маришкин дедушка знал, что ему сегодня пришлют сразу две телеграммы, то он наверняка остался бы дожидаться их дома и никуда не ушёл бы с Дружком. Но Пётр Васильевич ничего о телеграммах не ведал и потому, с лёгкой душой выйдя утром на крыльцо, сладко потянувшись и сладко зевнув, сказал, косясь на солнышко:

— А не размяться ли нам?

Из-под крыльца вылез Дружок и, беря с хозяина пример, тоже потянулся и тоже сладко зевнул. Дедушка поправил на голове кепку и, берясь за крючок на калитке, спросил:

— Ну, хвостолов, куда сегодня пойдём?

«Куда хочешь!» — хотел крикнуть Дружок, но у него почему-то получилось: «Гам! Гав!» — И он растерянно уставился на хозяина.

— «Гав-гав!» — передразнил дедушка и проворчал незло: — А поточнее нельзя?

«Нельзя!» — ответил глазами Дружок. — Не получается точно!»

— Эх-хе-хе... — вздохнул Пётр Васильевич и открыл калитку.— Пойдём тогда без маршрута.

И они отправились туда, куда глядели их глаза и вели ноги. Так получилось, и это навеки останется загадкой и для дедушки и для Дружка, что глаза и ноги привели их в лес.

— Гляди, Дружок, никак в лес притопали! — удивился Пётр Васильевич, входя в сосновый бор.

«Это ж надо ж...» — тяжело продышал в ответ пёс, поблёскивая озорными карими глазами.

— Теперь делать нечего, теперь придётся по лесу прогуляться...— И дедушка вдруг задорно и оглушительно запел любимую походную песню, которой его обучила внучка Маришка ещё два года назад:

На парад идёт отряд,
Барабанщик очень рад,
Барабанит, барабанит
Полтора часа подряд!..

Дедушкино пение Дружок терпел молча. Нельзя было сказать, что он вообще не любил музыку и песни, просто он не любил ТАКИЕ и ТУТ.

«В лесу нужно тихонько охотиться,— думал Дружок, внюхиваясь на бегу в лесные ароматы,— и выть при этом во всё горло совсем не обязательно».

Раз-два!.. Лево́й-право́й!..
Барабан уже дырявый!..

прокричал дедушка последний куплет и рухнул со стоном на траву.

«Уф-ф!.. Не знаю, как барабан, а вот Пётр Васильевич вроде бы и вправду худой стал...» — подумал дедушка о самом себе как о постороннем человеке.

Поняв, что в округе все птицы и звери распуганы дедушкиным пением и что охота не состоится, Дружок повалился на землю рядом с хозяином.

«Нельзя человека в лес пускать... Пользы от него никакой, а вреда много,— подумал Дружок сердито и понюхал первую попавшуюся под нос ветку. Ветка пахла зайцем.— Обидно,— вздохнул Дружок,— запах остался, а сам заяц убежал. Лучше бы наоборот».— И он устало закрыл глаза.

Плыли высоко в небе, поглядывая сверху вниз на

Петра Васильевича с Дружком, белые кучевые облака и небольшие редкие тучки.

— Ишь, разлеглись, лежебоки! — рассердилась вдруг одна из тучек и запустила в отдыхающих на поляне крупную дождевую каплю.

Шлёп! Дружку прямо в нос.

«Ай!» — подпрыгнул Дружок.

Вредной тучке понравилось, как скачет от её капель глупый пёс, и она на минуту остановилась над поляной и принялась швырять дождинками.

— Шлёп! Шлёп! Шлёп! — зашлёпало вокруг Петра Васильевича.

«Чего лежишь, прятаться нужно!» — скакал рядом Дружок.

Кряхтя, дедушка поднялся.

— И чего дождь пошёл? — шептал он, прячась под ветвями огромного раскидистого дерева. — По всем приметам, не должно быть дождя, а он — на тебе! — пошёл!

Дедушка подставил ладонь и поймал несколько капелек.

«Брось! Брось!» — чихнул сердито Дружок. А про себя подумал ворчливо: «О приметах заговорил... Старееет хозяин!»

Дождь кончился быстро, но дедушка всё стоял и стоял под деревом и никак не хотел уходить домой. Неподалёку от него, низко опустив голову и чуть ли не касаясь носом земли, бегал кругами Дружок.

«Ему бы сапёром быть, мины искать... — подумал Пётр Васильевич, глядя на верного пса. — Цены ему тогда бы не было!»

Вдруг Дружок резко остановился и замер.

— Ну вот, — улыбнулся дедушка, — то минёра избображал, теперь собаку охотничью передразнивает! — И крикнул: — Дружок, ко мне! Не в театр пришёл выступать, в лес!

Но Дружок его не послушался, он только вильнул хвостом и передёрнул ушами.

— Что ж ты там такое услышал? — не очень сердито проворчал Пётр Васильевич и приставил к уху ладонь.

Полминуты он слышал только одну тишину. Но вот откуда-то издалека, из глубины леса, донесся ровный протяжный звук. Звук плыл над деревьями и по

мере приближения к Петру Васильевичу и Дружку усиливался.

Дружок заскулил!

— Не реви! — прикрикнул на пса дедушка, спутав его из-за волнения с Маришкой. — Никто тебя не съест!

А сам стал молча гадать: «Самолет? Нет. Вертолет? Нет. Ракета с космонавтом? Вряд ли. Метеорит? Кто его знает, скорее всего, нет».

Отчаявшись отгадать, Пётр Васильевич в сердцах воскликнул:

— Не Баба Яга летит, в самом же деле!.. — и сам улынулся своему предположению.

Но скоро улыбка сползла с дедушкина лица так же быстро, как и появилась. Над деревом, под которым стоял Пётр Васильевич, мелькнула тень, и через секунду, прекратив свист и гул, на полянку опустилась большая, потемневшая от времени и разных передряг, ступа. В ней, цепко держа в руках старенькое пересохшее помело, сидела Баба Яга. Пётр Васильевич узнал её сразу, хотя ни разу в жизни с ней не встречался.

Дружок, успевший вовремя опомниться, с визгом отскочил от садившегося ему на голову летательного аппарата. Дедушка отступил два шага назад и упёрся спиной в могучий ствол дерева. Подлетевший к нему Дружок прижался к ногам хозяина. Отступать дальше было некуда.

— Ну, здравствуйте, голубчики! — весело сказала Баба Яга, насладившись впечатлением, которое она произвела на общество. — Вы-то мне и нужны. — И она не спеша стала вылезать из ступы, а дедушке и Дружку ничего не оставалось делать, как терпеливо её дожидаться.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Из леса дедушка и Дружок вернулись живые, но «повредимые». Бабушка так и сказала, стоило ей только увидеть вошедшего с улицы Петра Васильевича:

— Ах, батюшки!.. Да ты никак повредился!

Голова и руки дедушки мелко тряслись, а сам он бормотал что-то странное:

— Кто говорил — нету?.. Все говорили — нету!.. И я говорил — нету!.. А они... А оно... А она...

Бабушка и Маришка еле-еле усадили Петра Васильевича на сундучок.

— Да что с тобой приключилось? — попыталась дознаться бабушка.

Но дедушка только шептал:

— Нету... Вот вам и «нету»!.. А на голову Дружку... кто сел?

— На голову?! Дружку?! — вскрикнула Маришка и выбежала во двор. Дружок ходил кругами по двору и изредка жалобно повизгивал.

«Тоже повредился...» — подумала Маришка и ласково позвала пса к себе:

— Друженька, иди ко мне, миленький!

Сделав ещё один круг, Дружок совершил посадку возле Маришки.

«Мы такое видели!.. Мы такое видели!..» — хотел он сказать девочке, но не сказал.

Однако по глазам его Маришка всё успела прочесть.

— В лесу были? — спросила она строго.

«Да», — кивнул головой пёс и виновато чихнул.

— Волка или медведя встретили? — продолжила свой допрос Маришка.

«Что волк!.. Что медведь!.. — подумал Дружок и грустно улыбнулся про себя. — Стали бы мы нервничать из-за них!»

Сообразив, что от Дружка не добьёшься толка, Маришка вернулась в дом. Бабушка за это время успела немного отпить деда чаем, и тот начал потихоньку приходить в себя.

— Да что с вами стряслось? — пытаюсь говорить как можно спокойнее, спросила бабушка, ставя стакан на стол.

— Да уж стряслось...

— Расскажи, деданы! — приступила к Петру Васильевичу и Маришка.

— Что рассказывать, всё одно не поверите...

— Поверим-поверим! — попыталась убедить его Маришка.

А бабушка даже немного обиделась:

— Это когда я тебе не верила? Да было такое хоть раз, а?

— Не было, — признался дедушка виновато. — Ну слушайте... — И он рассказал бабушке и Маришке о том, что приключилось с ним и Дружком в лесу.

— Значит, про братьев Горюшкиных не сказка...— проговорила бабушка задумчиво после того, как дедушка закончил свой рассказ.— Значит, в Муромской Чаще и правда есть эти самые...¹ И что им от тебя надобно?

— Да то же, что и от Горюшкиных,— вздохнул дедушка и добавил фразу, которую слышал недавно по телевизору: — Только на современном этапе.

Он выпил ещё один стакан чая и окончательно пришёл в себя.

— Прилетела эта раскрасавица к нам со специальным заданием. Уполномочили меня объявить какому-то Опилкину, чтоб он не затевал вырубку Муромской Чащи.— Дедушка пожал недоуменно плечами: — А я и не знаю никакого Опилкина!

Маришка, стоявшая до этого молча целых три минуты у порога, вдруг сделала шаг вперёд и тихо сказала:

— А я его знаю...

— Откуда?! — удивился дедушка с бабушкой дружно.

Но Маришка словно бы и не слышала их вопроса.

— Предупреждала его...

— О чём?! — ещё больше удивились дедушка с бабушкой.

Но и этот вопрос остался без ответа. Словно подводя итог своим мыслям, Маришка прошептала:

— Теперь им покажут!!!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Встречать гостей на железнодорожную станцию отправились бабушка, Маришка и Дружок. Дедушку они не взяли с собой, так как после знакомства с Бабой Ягой он плоховато себя чувствовал, а в лес, пусть и неподалеку, и вовсе боялся ходить. Он и бабушку с Маришкой сначала не хотел пускать на станцию, но потом согласился.

— Ты что, Пётр Васильевич,— сказала ему бабуш-

¹ Примечание: бабушка не знала, как нужно правильно называть обитателей Муромской Чащи, и поэтому назвала их «эти-ми самыми».

ка, — к нам гости едут, а мы встречать не придём? Да делали мы так хоть раз?!

— Не делали... — развел руками дедушка. — Да и с нечистой силой вроде бы не встречались.

— И не встретимся больше, — заверила его бабушка. — Чего ОНА будет зря на глаза-то лезть? Сказала, что надо, и — сгинула.

Бабушкины слова оказали своё доброе воздействие. Дедушка повеселел, разрешил Маришке идти с бабушкой на станцию, а сам проводил их до калитки:

— И правда, чего ей зря на глаза лезть? — повторил он бабушкины слова на прощание. Подумал немного и пожал плечами: — Разве что напомнить захотят?

Бабушка улыбнулась и уже с улицы сказала:

— Это дело мы потом обсудим. С гостем твоим, Иваном Ивановичем.

— Гвоздиков — мужик толковый, этот присоветует! — обрадовался дедушка и помахал вслед уходящим кепкой: — Ну, до свидания!

— До свидания! — крикнула ему в ответ Маришка и, взяв бабушку за руку, потянула её в лес.

Поезд пришёл на станцию вовремя. Машинист весело погудел в гудок и помахал Маришке рукой в окошко. Когда состав остановился, дверца одного из вагонов отворилась и наружу высунулась голова Мити:

— Бабушка-а-а!.. Маришка-а-а!.. Я зде-е-есь!..

Бабушка радостно ахнула и кинулась к внуку. Маришка хотела последовать за ней, как вдруг увидела, что дверь ещё одного из вагонов тоже отворилась и по ступенькам стал спускаться невысокого роста старичок в белом костюме и белой широкополой шляпе.

«Гвоздиков!..» — догадалась Маришка и побежала его встречать.

Дружок, который сначала побежал за бабушкой, метнулся теперь за Маришкой, но быстро растерялся и сел на землю. Оба эти человека были дороги его сердцу, но разорваться на две части он не мог, хотя очень этого сейчас хотел.

Когда Митя спрыгнул с нижней ступеньки вагона на землю, он сразу же оказался в объятиях у бабушки.

— Какой большой! — удивлялась она, прижимая к себе внука. — Совсем-совсем взрослый!..

Спустился на землю и Гвоздиков. Проводница подала ему небольшой чемодан, попрощалась с любезным пассажиром — и поезд отправился дальше.

Иван Иванович огляделся. «Странно,— подумал он,— девочку вижу, мальчика вижу, старушку вижу, собаку какую-то и ту вижу. А друга юности — нет! Может быть, заболел Петя? Или телеграмму не получил?»

Но все его сомнения развеяла подбежавшая Маришка.

— Вы Гвоздиков? Вы Иван Иванович? Вы дедушкин друг юности? Вы в гости к нему приехали? — затараторила она быстро-быстро.

Иван Иванович сначала было растерялся, но окоро пришёл в себя.

«Да это же Маришка, Петина внучка!.. — догадался он.— Петя писал о ней».

— Да, я Гвоздиков,— представился он Маришке,— а ты — Маришка? Ну, здравствуй! — И Гвоздиков протянул ей руку.

— Здравствуйте! — Маришка вложила свою ладошку в ладонь Ивана Ивановича.— С приездом! — После чего потащила Гвоздикова к тому месту, где стояли Митя и бабушка.

Дружок радостно взвизгнул и помчался к ним. Наконец-то все вместе и не нужно рваться на части!

Встречать всю ораву дедушка вышел за околицу. Дальше идти он не решался: дальше был лес.

Приезд так обрадовал Петра Васильевича, что он до позднего вечера даже и не вспомнил о Бабе Яге и её поручении. И без неё у него нашлось о чём поговорить с Иваном Ивановичем. После ужина — досыта наевшись и наговорившись — гости и хозяева разбрелись кто куда: Маришка повела Митю знакомить со своими друзьями, а дедушка и Иван Иванович вышли посидеть перед домом на скамейке и подышать свежим воздухом.

— Ты тоже приходи,— пригласил Пётр Васильевич бабушку,— секретов у нас нет.

— Приду, только потом,— пообещала бабушка. И тут она напонила: — А ты пока посоветуйся с другом...

Пётр Васильевич сначала не понял, о чём это он должен советоваться с Гвоздиковым. Но как только понял, то сразу вспомнил Бабу Ягу, её предостережение — и ему стало невыносимо грустно.

— Ну что ж, пойдём посоветуемся...— сказал он другу, надел на голову кепку и вышел из дому первым. Гвоздиков, сняв с вешалки свою белую шляпу, поспешил за ним следом.

Иван Иванович Гвоздиков был очень учёный человек. Он с детства верил в науку и никогда не верил в нечистую силу. Поэтому появление Бабы Яги из Муромской Чащи он сразу же попытался объяснить с научной точки зрения.

— Что такое нечистая сила? — спросил он Петра Васильевича и многозначительно поднял вверх указательный палец.

Дедушка посмотрел на палец и, немного подумав, ответил:

— Сам, что ли, не знаешь... Лешие, русалки, Баба Яга вот...

Но такой ответ не удовлетворил Гвоздикова. Он опустил руку и сам ответил на свой вопрос: «Нечистая сила — это представления многих и многих человеческих поколений о непонятных, странных явлениях природы. Понятно?»

— Понятно, — кивнул дедушка, соглашаясь. — Видал я недавно одно такое «представление»... И Дружок наш видел, — дедушка тяжело вздохнул. — Как только не представился после него — сам не пойму!

Гвоздиков немного рассердился и поспешил с разъяснением своей идеи:

— Ты не представление видел! Ты видел материализованное представление! По-видимому, здесь, в ваших краях, эти представления о нечистой силе сконцентрировались наиболее плотно. И им удалось — вот как, этого я и сам не пойму, — материализоваться. Понятно, Петь?

Пётр Васильевич поднял глаза на своего учёного друга, и тот сразу понял, что апалихинский старожил не полностью уяснил себе его слова. Но другого ответа у Гвоздикова не было. Повисло минутное молчание. Наконец, словно очнувшись и выйдя из глубокого раздумья, Пётр Васильевич спросил:

— Ну и что с ними делать? С материализованными-то? А?

Но Гвоздиков молчал. Наука была бессильна пока ответить на этот вопрос.

— Придется, видно, этих лесорубов искать.— Дедушка снял кепку и положил её на колени.— А то начнут лес валить, а их и вправду...— тут Пётр Васильевич внезапно замолчал и закашлялся.

— Договаривай, коли начал,— хмуро произнёс Гвоздиков.

— И договорю! — рассердился дедушка неизвестно на кого.— Договорю! Заколдуют их, превратят в какую-нибудь пакость — потом ни один профессор не расколдует. Нужно выручать бедолаг.

Гвоздиков согласился:

— Точно. Позвоним по телефону...

Но договорить он не успел. Пётр Васильевич подскочил на скамейке как ошпаренный, кепка его свалилась наземь, но он даже не заметил этого.

— Ты что?! О тайне великой звонить повсюду собрался?

— И не повсюду, а в институт,— обиделся Гвоздиков.

Но Пётр Васильевич снова перебил его.

— Не нужно! Сами справимся. Сами экспедицию соорудим.

Тут он заметил валявшуюся на земле кепку, поднял её и, стряхивая ладонью пыль, уже тише и спокойнее сказал:

Только Маришке о том — ни гугу! Рано её в такие дела брать, мала ещё.

На том и порешили.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сначала всё получалось по-дедушкиному: тайком от Маришки заготовили рюкзак с необходимыми вещами и продуктами, выбрали кратчайший маршрут до Муромской Чащи, назначили час отправления в поход... И тут случилось непредвиденное: дедушка заболел. Ночью, накануне путешествия, у Петра Васильевича вдруг поднялась температура, появился сильный

кашель, и Гвоздиков с бабушкой сразу поняли, что он в Муромскую Чашу теперь не ходок. Понял это и дедушка. Откашлявшись и тяжело дыша, он тихо и виновато проговорил своему другу на ухо:

— Прости, Вань... Вот ведь как у нас всё вышло... Хотели два добрых дела сделать: людей от Чащи и Чашу от людей спасти — да ни одного не сделали... — Пётр Васильевич уткнулся лицом в подушку, бледной и худой рукой натянул одеяло до самых плеч.

Гвоздиков хотел утешить друга и потому сказал бодрым голосом:

— А я и один отправлюсь! Всего-то и дел — лесорубов вернуть.

Дедушка высвободил лицо из подушки, с трудом повернул его к Ивану Ивановичу:

— Ты дороги не знаешь...

— Узнаю!

— В трёх соснах заблудишься...

— Не заблужусь!

— В озере или в болоте утонешь...

Гвоздиков хотел было ответить весело и бодро: «Выплыву!» — но не успел. Дверь из соседней комнаты отворилась, и на пороге появилась Маришка.

— Тебе, дедушка, вредно волноваться, — сказала она строго, — спи, пожалуйста.

Потом Маришка повернулась к Гвоздикову:

— И вы, Иван Иванович, тоже спите спокойно. Так и быть, мы возьмем вас с собой.

Гвоздиков очень удивился:

— Куда вы меня возьмёте?

— И кто это — «мы»? — добавил дедушка растерянно.

— Как кто? Мы с ребятами! — Маришка потянулась и, прикрывая рот ладошкой, сладко зевнула: — Ох, как спать хочется!.. — И, догадавшись, что её до конца так и не поняли, пояснила: — В Муромскую Чашу возьмём, неужели не ясно? — И Маришка затворила за собой дверь.

Итак одна хитрость не удалась: тайна экспедиции была Маришкой раскрыта. Но Гвоздиков не унывал. Перед самым рассветом, когда петух Королёвых ещё сладко подрёмывал на своём насесте, сочиняя во сне новую утреннюю песню, Иван Иванович поднялся с пос-

тели, тихо оделся, взял в руки рюкзак и, надевая его на плечи, вышел из дома.

«Пока Маришка хватится, я уже далеко буду!» — радостно думал он, шагая по пустынной улице. Кругом было тихо. Собаки, облаившись до хрипоты ещё со вчерашнего вечера, теперь крепко спали, уткнув носы в собственные животы. Коровы и овцы, услышав сквозь дрему далёкие человечьи шаги и быстро сообразив, что этот одинокий путник не имеет ничего общего с пастухом Васей, принялись торопливо досматривать последние сны. Легкий ветерок, совсем ещё несмышлёныш, родившийся каких-нибудь пять минут назад прямо здесь, на апалихинской улице, взметнулся из-под ног Ивана Ивановича и весело помчался по дороге, окропляя себя и Гвоздикова пылью столетий.

— Ах, баловник!.. — покачал головой старый путешественник, пытаясь спрятать от себя самого ласковую улыбку. Дойдя до конца села, Гвоздикив остановился: — Сейчас сориентируемся и дальше пойдём... — Иван Иванович стал снимать рюкзак. Расстегнув ремешки рюкзака, он принялся рыться в его содержимом. При этом он не переставал бормотать себе под нос: — Сейчас сориентируемся и дальше пойдём... Найдем компас и — полный вперёд!.. По компасу — раз! — и сориентировался...

Гвоздикив дорылся до самого дна рюкзака, но компаса не обнаружил.

— Где же он тут завалился... — бормотал Иван Иванович, тщетно ощупывая все рюкзачные закоулки. Но компаса, который Гвоздикив положил туда своими собственными руками, не было. Он исчез.

— Странно... — прошептал Иван Иванович, потеряв всякую надежду отыскать пропажу, — очень странно... — Он медленно застегнул ремешки на рюкзаке и снова взвалил его на плечи.

— Ну и как быть дальше?

Вернуться назад он никак не мог, идти вперёд без компаса...

И тут Гвоздикова осенило: «Пойду по звёздам!..» Он бодро вскинул голову вверх и увидел, как на небе погасла последняя звездочка. Наступал рассвет.

Маришка тихонько распахнула окно на улицу и, обернувшись, прошептала в глубь комнаты:

— Вылезай скорее!

Митя, поёживаясь от ночной прохлады, хлынувшей в отворенное окно, нырнул через подоконник в палисадник. Следом за ним полезла Маришка. Прикрывая за собой окно, она прошептала:

— Теперь за Сёмкой и Ромкой!

Выскользнув через калитку на улицу, беглецы зашагали к условленному месту. Но Сёмки и Ромки там не оказалось.

— Не продержались!.. Уснули!.. — с горечью и обидой проговорила Маришка. — Пусть теперь на себя и пеняют!

— Может быть, ещё подождём? — предложил Митя, но Маришка мгновенно отвергла его предложение.

— Они теперь до утра продрыхнут, а нам спешить нужно. Люди погибнуть могут, понимаешь? Сама Чаща Муромская погибнуть может! — И Маришка деловито осведомилась: — Компас в кармане?

— В кармане, — подтвердил Митя.

— Записку для дедушки и бабушки оставил?

— Оставил.

— Тогда пошли! Нам ещё Ивана Ивановича догнать нужно, пока он без компаса совсем не заблудился. — И Маришка решительно сделала первый шаг в ту сторону, где их никто не ждал, но ждали необыкновенные приключения и злоключения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А теперь, мне кажется, самое время вернуться к нашим лесорубам. Где они? Добрались или нет до заветной цели? Добрались. Правда, последнюю часть пути до Муромской Чащи бригаде пришлось проделать пешком. Предсказания апалихинских ребятишек стали сбываться, как только грузовик выкатил за село. Сначала лопнула левая передняя шина. Потом правая задняя.

— Всё! — сказал шофёр, меняя второе колесо. — Запасок больше нет.

— Больше и не понадобятся, — бодро ответил ему Опилкин, — скоро приедем. Во-он она — Чаща! — И он ткнул пальцем в далёкий, чуть видный в знойном мареве лес.

Машина радостно рыкнула, рванулась с места и по-

катила туда, куда указывал опилкинский палец. Но не успели лесорубы проехать и сотни метров, как под грузовиком снова бабахнуло и его снова перекосило на левый бок.

— Всё... — повторил обречённо шофёр, останавливая машину. — Приехали...

Он вылез из кабины, попинал, по шофёрскому обычаю, осевшее колесо, прошёл по дороге несколько шагов назад. Лесорубы, смотревшие на него с любопытством, увидели, как он вдруг остановился и стал носком ботинка ковырять землю. Потом нагнулся и вытащил из неё непонятный предмет, похожий издали на огромную погремушку.

— Что откопал? — крикнул ему из кузова машины самый старший по возрасту лесоруб.

— Не знаю, дядя Егор... Железяка какая-то ржавая. В колючках вся. — Шофёр крутил в руках странную находку и не знал, что ему делать с ней: то ли выбросить подальше от дороги, то ли взять на всякий случай с собою.

Подошедший к нему Опилкин сердито выхватил железяку и, брезгливо осмотрев её, проворчал:

— Ты что, Баранкин, ни разу в жизни такой штуки не видел?

— Не видел, — честно признался шофёр.

— Эх ты! — усмехнулся бригадир. — Ведь это же самая обыкновенная булава! — И он отбросил булаву в густой придорожный чертополох.

После небольшого совещания лесорубы решили идти пешком. Егор Ведмедев, как самый сильный, взвалил на себя груз потяжелее. Братья Разбойниковы — одного звали Саша, другого Паша — взяли то, что полегче. А бригадир Опилкин взял всё остальное.

— Эх и жалко мне вас! — не выдержал Баранкин, прощаясь к бригадой. — Пропадёте вы там.

— Ты сам не пропади, — буркнул сердито Опилкин.

— Я-то не пропаду! — не обидевшись, ответил шофёр. — Встречу попутку, попрошу целую камеру и — айда домой! — И, улыбнувшись, он помахал рукой вслед удалявшимся уже от него лесорубам¹.

¹ Примечание: Баранкин был прав, он действительно не пропал. Он и сейчас, возможно, стоит на том же месте и ждёт попутки.

В Муромскую Чашу они не вошли, а ВПОЛЗЛИ. Тяжеленный груз на плечах с каждым шагом клонил лесорубов всё ниже и ниже к земле, пока совсем не свалил их с ног.

Первым упал Саша. Вторым — Паша. Третьим опустился на четвереньки Ведмедев.

— Тут близко... — пропыхтел он Опилкину. — Я так дойду...

Один бригадир до самой Чаши сумел удержаться на ногах.

— Потерпите, братцы, — шептал он спёкшимися от жары губами, — тут недалече.

До этого «недалече» оказалось полчаса ползком.

— Не послушались детишек, теперь вот расклёбываем! — простонал Ведмедев, роняя свою седую кудрявую голову на мягкую бархатистую траву. Опилкин, хотя и устал, старался держаться молодцом.

— Дети должны старших слушаться, а взрослые детишек — нет! — огрызнулся он, спихивая с головы прижавший его к земле вещмешок. Потом помог освободиться от груза братьям Разбойниковым, потом снял поклажу с Ведмедева. — Поднимайтесь, ребята, обедать сейчас будем.

— Дело хорошее, — сказал Егор Ведмедев, но не поднялся, а только сел, прислонясь спиной к дереву.

— Поесть не мешало бы. — Саша жалобно посмотрел на брата.

— Сейчас... сейчас встану... — с трудом проговорил Паша и сделал попытку подняться.

— А ты не сразу... не сразу... — поспешил к нему на помощь Опилкин, подхватывая Разбойникова-старшего под локотки. — Куда спешишь?

— За дровами, — ответил Паша, оказавшись вновь на ногах. — Костёр нужно запалить, еду греть.

— Ну, ступай, — охотно разрешил бригадир и вручил Паше новенький, с белым некрашеным топориком походный топорик.

Засунув топорик за пояс, Паша Разбойников двинулся в глубь леса.

— Чуть что — кричи! — посоветовал ему вслед Ведмедев.

— А что кричать? — обернулся Паша.

— Что успеешь, — сказал Ведмедев и предложил три варианта: «караул!», «спасите!», «помогите!».

— Ладно,— кивнул Паша Разбойников, и кусты за его спиной сомкнулись.

Паша не хотел слишком удаляться от друзей, да в этом и не было никакой необходимости. Деревья, кусты, сухой валежник — всё было под рукой.

«Сейчас натяпаю охапochку — и обратно», — подумал Паша, и рука его потянулась за топором. Но вдруг неподалёку хрустнула ветка, и он испуганно вздрогнул:

— Кто тут?

Из кустов высунулась кудлатая мальчишечья голова, и, уставясь растерянно на Пашу, удивленно проговорила:

— Эх ты-ы!.. Вот это да-а!..

Смущённый тем, что испугался мальчишек, Паша сказал, вновато улыбаясь:

— Фу, леший! Напугал! — И уже строже добавил: — Чего по лесу шастаешь?

Пришёл в себя и мальчишка. Всё ещё не вылезая из кустов, он бойко проговорил:

— А ты, дяденька, откуда знаешь, что я леший?

Мальчишка смотрел на Пашу и ждал ответа. Но ответа не было. Скорее, был вопрос, который при желании можно было прочитать в глазах Разбойникова-старшего: «Леший?! Настоящий леший?!»

Так и не дождавшись от ЧЕЛОВЕКА ответа, мальчуган выбрался из кустов и подошёл поближе.

— Ты кто? — спросил он Пашу. — Заблудший?

Паша несколько раз отрицательно мотнул головой, что должно было означать одно: нет!

Мальчуган подтянул сползавшие домотканые штаны, переступил с ноги на ногу и снова спросил:

— Ты вправду настоящий человек или понарошку им притворяешься?

На этот странный вопрос у Паши тем более не было ответа.

Мальчишка, которому не терпелось всласть наговориться с ЗАБЛУДШИМ НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ, начал сердиться:

— Сапоги надел и уже загордился? погоди, ужо дед Калина тебе язык развяжет! — Мальчишка вдруг засмеялся: — Развяжет, а потом опять завяжет в три узелочка!

Такое будущее заставило Пашу заговорить.

— Папа я...— тихо произнес он, пересиливая испуг и удивление.

— А я — Шустрик! — охотно представился житель Муромской Чащи. Он протянул свою руку бедному лесорубу, и тот с чувством, похожим на ужас, пожал её. Рука была как рука: тёплая и немытая, совсем как Пашина, только меньше. Это немного успокоило Пашу Разбойникова, и он снова проговорил: — А дед Калина — кто?..

— Как кто? — удивился Шустрик. — Дедушка мой. Его все знают! — Но, догадавшись, что, хотя дедушку Калину и знали все в округе, человек по имени Паша его всё-таки не знал, объяснил поточнее: — Дедушка Калина — самый главный лешак в Муромской Чаще. Его все слушаются. А кто не слушается... впрочем, таких у нас теперь нет: все давно позаколдованы. — И, довольный своим объяснением, Шустрик кивнул на топор, заткнутый у Паши за пояс: — А это чего и для чего?

— Это? — переспросил Паша привычно и так же привычно потрогал топориче рукой. — Это — топор. Деревья рубить.

— Деревья рубить?! — ахнул маленький лешачок, побелев от гнева. — А я-то думал, что ты заблудший!..

И, выкрикнув эти слова, Шустрик вдруг растворился в воздухе. А из-за пояса изумлённого и вновь растерявшегося бедолаги-лесоруба вывалилось топориче и упало на землю. Рядом с топоричем просыпалась горстка ржавчины.

Это было всё, что осталось от новенького, выданного со склада пять дней назад топора.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Добрый старый лешак Калина Калиныч спал в тухляком пне, уютно свернувшись калачиком и похрапывая от наслаждения. Ему снова снились цветные сны со звуком. По этому счастливому похрапыванию Шустрик отыскал своего деда.

— Калина! Калиныч! Дедушка! — закричал он, кружась возле пня. — Вставай скорее!

Сны, испугавшись громко вопящего мальчугана, смолкли, обесцветились и исчезли. Поняв, что смотреть больше нечего, старый леший нехотя поднялся со своего ложа.

— В чём дело? — хмуро спросил он внука. — Почему кричишь среди бела дня? Леший ты или нет? Жди своего часа!

Но Шустрик не мог ждать и минутки.

— Вставай, дедушка! — закричал он снова, только чуть тише. — Вставай скорее! Тут такое там! — И он махнул рукой в глубину леса:

— Что что? — переспросил Калина Калиныч внука. — Объясни-ка потолковее.

И он приготовился слушать ТОЛКОВУЮ речь Шустрика, но бедный лешачок сгоряча понёс несусветное:

— Тут такое случилось!.. Там такое появилось!.. Вроде бы человек, вроде бы не человек!.. Я к нему с добром, а он ко мне с топором!.. Зовут его Паша... Вот где беда наша!.. — И Шустрик, шмыгнув носом, смахнул рукавом рубахи выступившую на ресницах слезу.

Калина Калиныч, усевшись поудобнее на пенке, смотрел на внука и пытался сообразить, что же такое сообщил ему Шустрик. Он понял, что в Муромской Чаще появился человек по имени Паша с топором в руках и, кажется, с нелучшими намерениями в сердце. Может быть, это и был кто-то из лесорубов, о которых говорила ему недавно старая летунья? Но услышать подробности от Шустрика Калина Калиныч уже не надеялся.

Нужно было действовать самому.

— Где он? — спросил у внука, поднимаясь с пенка.

— Там, — ещё раз махнул рукой Шустрик в сторону, откуда недавно примчался он сам, — около ивы Плаксы.

Калина Калиныч хотел было ещё что-то спросить, но вдруг приложил палец к губам и прошептал:

— Тсс!.. Нас подслушивают!..

Шустрик быстро обернулся назад, куда смотрел его дед, но увидеть шпиона уже не успел. И только по мелькнувшим в зарослях орешника маленьким золотистым лапоточкам он понял, кто там сидел каких-то несколько мгновений назад.

До места стоянки бригады лесорубов Калина Калиныч и Шустрик добрались за одну секунду: они умели это делать.

Высунувшись слегка из-за кустов и протянув вперёд руку, Шустрик зашептал над самым ухом Калины Калиныча:

— Вот они, дедушка! Всю поляну помяли, нечистики!

Там, куда указывал внук, дед разглядел две брезентовые палатки. Возле одной из них стояли Опилкин и Ведмедев и о чём-то ожесточенно спорили.

— Который тут Паша? — спросил Калина Калиныч.

Шустрик всмотрелся в незнакомцев и ответил:

— Его здесь нет.

Но стоило ему произнести эту короткую фразу, как из палатки вышел ещё один лесоруб, в котором Шустрик признал своего старого знакомого, хотя это был Саша.

— Вот, дедушка, Паша! — горячо зашептал Шустрик, указывая на Разбойникова-младшего.

Из-за пояса у Саши поблёскивал в лучах солнца новенький, остро наточенный топор. Шустрик, увидев топор, чуть было не выскочил из кустов, за которыми он хоронился вместе с Калиной Калинычем.

— Я же его в порошок стёр!.. — плачущим голосом проговорил он на ухо деду. — От топора одно топориче осталось!

Калина Калиныч погладил внука по голове ладонью.

— Ну-ну, верю... Мы и этот топорик сотрём.

— А Пашу?

Калина Калиныч, пожал плечами:

— Там видно будет. Сперва с человеком по-человечески поговорить нужно. Вдруг поймёт...

— А не поймёт?

— Тогда волшебство применим.

Тем временем Саша, пошептавшись о чём-то с товарищами, двинулся в глубь леса, в противоположную от лешаков сторону. Калина Калиныч пошлепал беззвучно губами, и через секунду и он и Шустрик стали невидимыми. Пройдя метров двести от палаток, Саша наткнулся на то, что искал: прямо перед ним тянулись

густые загосли орешника. Облюбовав подходящий для удилица прямой и тонкий ореховый ствол, Саша потянул из-за пояса топор. Но ударить он им не успел.

— А постой-ка, голубчик,— раздалось у него за спиной,— не руби плеча...

Саша удивлённо обернулся. В двух шагах от него стояли странно одетые, но довольно симпатичные дед и мальчишка. «Не их ли Пашка недавно повстречал?» — подумал Разбойников, опуская топор.

— Чего тебе, дедушка?

— Мне-то ничего не нужно, а вот вы сюда зачем пожаловали? Или не предупреждали вас в Апалихе не ходить, не ездить сюда? Что потеряли здесь?

Саша улыбнулся:

— Привык, дед, в лесу жить, в лаптях ходить? Теперь с этой привычкой прощайся.

— Что так?

— В городе жить будешь. Мы вашу Чащу срубим, а тут когда-нибудь город выстроят.— Саша похлопал ласково по плечу Шустрика и дружелюбно спросил: — Хочешь, пацан, в городе жить?

Но Шустрик молчал и только заворожённо смотрел на зажатый в могучих Сашиных руках топор. Поймав его взгляд, Саша спросил:

— Нравится топорик? Сам затачивал! — И Саша тюкнул по ореховому кусту. Готовое удилице упало к его ногам.— Сабля, а не топор! — ещё раз похвалился Саша.— В две недели ваши дебри распластаем! — И он нагнулся за удилицем. Когда же Саша распрямился, то с удивлением обнаружил, что старик и мальчишка, три минуты назад появившиеся здесь неизвестно как и откуда, точно так же незаметно и быстро исчезли. Саша вспомнил рассказ брата, в который он, честно сказать, сначала мало поверил, и чуточку испугался.

— Ну и ну!.. — протянул он, бледнея, и стал быстро захихивать топор обратно за пояс. Но вдруг, прямо на его глазах, топор покрылся ржавчиной и рассыпался в прах, а за поясом осталось торчать лишь гладкое блестящее топорище. Саша робко посмотрел по сторонам и, никого не увидя, испугался ещё больше.

— Мамонька... — прошептал он чуть слышно и кинулся прочь со всех ног, оставляя лежать на земле и срубленное удилице, и маленькую красно-коричневую горстку ржавчины.

После встреч с Калиной Калинычем и Шустриком братья Разбойниковы забились в палатку и наотрез отказались из неё выходить.

— Боюсь! — говорил Паша, когда добрый Егор Ведмедев пытался ласково выманить его из палатки.

— Страшно! — говорил Саша и забивался в глубь ненадёжного жилища, когда сердитый Опилкин нетерпеливо звал братьев наружу.

Два дня и две ночи просидели они без дела. Два долгих дня и две страшных бессонных ночи. За это время Маришка, Митя и Иван Иванович Гвоздиков успели благополучно достичь Муромской Чащи.

— Переночуем здесь, — сказал Иван Иванович, сняв с плеч надоевший рюкзак. — Не станем пока углубляться в дебри.

— Здесь так здесь, — охотно согласился Митя. — Давайте тогда шалаш строить.

И как ни хотелось Маришке шагать дальше, ей пришлось подчиниться большинству.

— Только чуть-чуть поспим, — поставила она своё условие, — а на рассвете снова пойдём.

— А как же! Конечно пойдём. — Гвоздиков достал еду, разложил её на газете. — Люди пропасть могут.

Перекусив, друзья стали делать немудрёный шалаш. Когда жилище было готово, Иван Иванович скомандовал:

— А теперь спать! Утром нас ждут великие дела.

И путешественники дружно улеглись на мягкие пахучие травы. То ли потому, что отшагали они немало километров, то ли потому, что от этих трав шёл дурманящий запах, но наши друзья уснули мгновенно. И ночь, будто чёрная бесшумная птица, тихо и вмиг пролетела над ними.

Маришка проснулась первой от переполнявших её беспокойных и противоречивых чувств. Сначала сквозь сон она почувствовала утреннюю прохладу, проникшую в их шалаш. Потом почувствовала голод. Но самым сильным чувством, заставлявшим Маришку встать и идти дальше, было чувство невыполненного долга.

— Вставай! — шептало оно в уши замёрзшей и голодной девочки. — Вставай скорее!

— Сейчас, — пыталась Маришка успокоить это чувство, — сейчас встану. Только ещё одну минуточку полежу и встану...

Но чувство невыполненного долга не оставляло её в покое и на минуточку.

— Они приезжие! — шептало оно Маришке в ухо, имея в виду Гвоздикова и Митю. — Им Муромская Чаща не родная земля. А ты в этих краях родилась!

— Я не тут родилась, — отбрыкивалась Маришка, — я тут выросла только.

— Тем более понимать должна! — беспокойное чувство уже не шептало, а почти кричало во весь голос. — Родная земля тебя вырастила, а ты ей чем отплатишь? Тем, что проспидь её?

— Ну встаю, встаю... — пробурчала Маришка и через силу открыла глаза.

В шалаше было темно и холодно. Рядом с ней, сладко посапывая, лежал, свернувшись калачиком, Иван Иванович.

Маришка пошарила сначала глазами, а потом и руками, пытаясь найти другой калачик — Митю, но его она нигде не обнаружила.

«Промяться, наверное, вылез, — решила она, — украсть же его не могли». И Маришка быстро успокоилась, хотя успокаиваться было рано. Следом за Маришкой проснулся и Гвоздиков. Его тоже разбудили тревожные чувства и беспокойные мысли. Увидев, что Маришка не спит, Иван Иванович спросил, с аппетитом потягиваясь:

— Кофейку горячего хочешь? В термосе, я думаю, за ночь не остыл. — И Гвоздиков потянулся за рюкзаком, чтобы достать термос. — Митю буди, — сказал он, уже развязывая ремешки.

— А он уже проснулся, — ответила Маришка, — самый первый.

— Да? — удивился Гвоздиков. Затем высунул голову из шалаша и громко сказал: — Митя! Ау-у!..

— Ку-ку, — раздалось в ответ издали. Но сам Митя не отзывался. Положив рюкзак и термос, путешественники быстро полезли наружу.

— Мить! Митя-а-а!.. — кричали они что было силы, но Митя молчал. Прокричав минут пять и охрипнув,

Иван Иванович понял, что звать мальчика бесполезно: его нужно теперь только искать.

— Кажется, началось... — прошептал он хмуро и как-то загадочно самому себе.

Но Маришка услышала и спросила:

— Чудеса начались, да?

— Неприятности, — ответил Гвоздиков и тяжело вздохнул: — Впрочем, какая разница... — Помолчав немного, добавил: — Теперь не лесорубов, теперь Митю нужно искать.

И они кинулись искать Митю.

Но поиски Мити поблизости от шалаша ничего не дали: мальчик исчез, не оставив следа. Ни одного.

— Не мог же он улететь... — шептал Иван Иванович, близоруко вглядываясь в росные травы.

— Не мог, — поддакивала ему Маришка. — Без крыльшек не полетишь.

Такая техническая безграмотность Маришки покорила хмурого Ивана Ивановича. Он сердито буркнул:

— И без крыльев летают... У ракеты где крылышки?

Маришка почесала затылок: действительно, ракеты без крыльев!

— Они реактивные. А наш Митя реактивный разве? — Довольная своим точным ответом, она ещё старательней принялась отыскивать ЧТО-НИБУДЬ ОТ МИТИ. Вскоре ей удалось обнаружить на сухой ветке шиповника небольшой клочок серой материи.

— Нашла! — закричала Маришка радостно. — Нашла чего-то!

Этим «чего-то» оказался выдранный лоскут мешковины. Повертев его в руках, Иван Иванович вымолвил:

— Мешок тащили. Зацепили за сучок — и готов!.. Дыра.

Маришка забрала обратно себе клочок материи, понюхала его зачем-то и, не почуя носом ничего подозрительного, спросила Гвоздикова:

— А в мешке, Иван Иванович, что лежало?

Гвоздиков пожал плечами:

— Разве я это знаю? — И грустно улыбнулся: —

Ты, бы, Маришка, не содержимым чужих мешков интересовалась, а Митю бы искала.— И он снова пополз на четвереньках по густой и влажной от росы траве.

Не найдя Митю в окрестностях шалаша, путешественники решили поискать его в другом месте. Кряхтя и постанывая, Иван Иванович поднялся с колен и выпрямился.

— Итак,— сказал он,— мы заявились сюда с северо-востока. Назад нам пути нет. Значит, двинемся мы...

— Вперёд! — перебила его Маришка, хватаясь за рюкзак.

— На юго-запад мы двинемся,— закончил свою мысль Иван Иванович.— Нужно знать, куда мы идём и откуда, точно. Тогда мы не заблудимся, хотя места нам эти и незнакомы. Понятно? — И Гвоздиков посмотрел на Маришку строгим учительским взглядом.

— Понятно,— ответила Маришка.— Это называется «ходить по каземату».

Услышав Маришкин ответ, Гвоздиков невольно улыбнулся:

— Слышала звон, да не знаешь где он!.. С компасом ходят по азимуту. А каземат — совсем другое дело, там не очень-то разгуляешься.

Маришке стало стыдно за свою ошибку, и она, покраснев, виновато произнесла:

— Весь телевизор в голове перепутался! И слова как нарочно на одно лицо: «каземат», «азимут»... Идёмте лучше по компасу!

И они отправились по компасу на юго-запад, хотя Митя находился в это время на востоке. Но друзья Мити об этом, к сожалению, не знали.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Нужно просыпаться,— подумал Митя и повернулся на другой бок. Просыпаться ему не хотелось. Митя открыл глаза и ничего не увидел: было совсем темно.— Вот и хорошо, значит, ещё ночь и можно ещё поспать».

Но уснуть ему не пришлось.

— Вставай, лебежока, день давно начался! — услышал он вдруг чей-то сердитый голос, глухой и далёкий.

«Странно... — подумал Митя. — Голос стариковский, а на Ивана Ивановича не похожий».

— Маришка-а!.. — крикнул Митя, но голос прозвучал вяло и тихо, как будто Митя кричал из бочки.

— Где я? — Митя поднялся со своей лежанки и неуверенно шагнул вперёд. «Бум!..» — натолкнулся он на преграду. Митя свернул налево и снова шагнул. «Бамм!..» — загремело в жилище. Митя дёрнулся вправо и снова стукнулся о стену. Оставался только один путь: назад. Робко попятившись, Митя сделал два коротких шажочка. Так и есть: и тут его ждала преграда!

«Где я?» — подумал Митя уже со страхом.

— Долго ты будешь прохлаждаться, бессовестный лебебока?! — раздалось снова рядом, откуда-то из-за стены. — Огород не прополот, сад не полит, а ты всё валяешься?!

Над головой Мити вдруг распахнулась небольшая круглая дверца, и через неё внутрь Митиногу узилища хлынул яркий свет.

Несколько секунд Митя жмурился и ничего не мог разглядеть. Но постепенно он привык к свету и тогда попробовал осмотреться.

Он находился внутри какого-то странного сооружения, имеющего форму цилиндра. На полу лежали ветви деревьев, бережно прикрытые коврами из сплетённых трав и цветов. Потолка не было: деревянные стены цилиндра уходили вверх, постепенно сужаясь. Дверью и одновременно окном служило круглое отверстие, через которое и лился сейчас солнечный свет.

— Вылезай немедленно! — услышал Митя снова сердитый голос. — Не вылезешь, сам за ухо вытащу!

«Конечно, это не Гвоздиков...» — огорченно подумал Митя и стал быстро заправлять выбившуюся рубашку и застёгивать на ней пуговицы. Вдруг он услышал ещё один старческий голос и на минуту затаил дыхание: может быть, это Иван Иванович?! Невидимый отсюда старичок ласково выговаривал сердитому старичку:

— Ну что ты привязался к несчастному мальчику? Пусть поспит. Сам его потревожил ночью, в мешке це-

лый час протаскал — спать не давал, а теперь будишь. Нехорошо, братец ты мой!

Голос ласкового старика тоже принадлежал не Гвоздикову, и Митя это сразу понял. Сердитый старик что-то забурчал в ответ, но он уже не вслушивался в разговор.

«Меня таскали в мешке?! — думал он с ужасом, ничего ещё толком не соображая. — Да где же я?!» — Митя подвинулся поближе к окну-двери и обнаружил лестницу. Вскарабкавшись по ней вверх, он робко взглянул наружу. Он находился в дупле огромного дерева, только до земли от широкого отверстия было не меньше четырех-пяти метров, а до вершины Митя не смог бы смерить и на глазок. Внизу на поляне стояли два старичка, похожие друг на друга как две капли воды. Они и одеты были одинаково: светло-зелёные костюмчики старинного покроя, коричневые тужельки с чуть загнутыми вверх носами и похожие на цветок колокольчик большие шляпы. Только у одного старичка шляпа была зелёного цвета с коричневым узором по краям, а у другого коричневую шляпу украшала светло-зелёная вышивка.

Старичок в коричневой шляпе опирался на небольшую лопату и сердито ворчал:

— Всё бы ты, Ясь, не в свои дела лез! Детей нужно воспитывать в строгости, тогда из них **НАСТОЯЩИЕ** взрослые получатся. А то вырастут большие, а сами как дети! — Старичок плюнул сердито и стал окапывать грядки. Старичок, которого, как оказалось, звали Ясем, нагнулся за лейкой и, поливая цветочную клумбу, ответил:

— Вот и хорошо, Ось. Взрослый человек с душой ребёнка — что может быть лучше?

Разглядывая двух старичков со странными именами, вслушиваясь в их незлую перебранку, Митя даже сам не заметил, как недавний страх его совершенно исчез, сменившись жгучим любопытством. Немного покопавшись лопатой в земле, Ось снова заворчал:

— Сейчас за ухо вытащу этого ленивого мальчишку! Взрослые трудятся, а он...

Старичок поднял голову, увидев торчащего в отверстии дуба Митю и оборвал свою речь на полуслове. Увидел Митю и Ясь. Широко и ласково улыбнувшись мальчику, он протянул ему руки и крикнул:

— Дитя моё! Припади на грудь ко мне! Здесь ты найдешь покой и утешение.

— Не порть мальчишку! — завопил Ось сердито на доброго старика. И, повернувшись к Мите, рывкнул: — А ну, живо принимайся за работу! Иначе выпорю как сидорову козу!

По висевшей из дупла верёвочной лестнице дитя, нуждавшееся в покое и утешении, поспешно полезло вниз. Оно не хотело испытать на себе то, что довелось испытать когда-то легендарной сидоровой козе, слава о которой докатилась и до Муромской Чащи.

За всю свою жизнь Митя не посадил ни одного дерева, ни одного цветка. Лопату и грабли он знал — они были нарисованы и в букваре, и во многих книгах, и даже в учебнике по математике; но вот как орудовать ими, Митя не знал. Увидев, что грабли похожи на гребень, он кинулся «причёсывать» аккуратно подстриженный газон. Ясь вовремя успел выхватить у него из рук грабли, иначе Митя выдрал бы всю траву с корнями.

— Ты что, никогда не видел грабли? — спросил ласковый старичок у мальчика.

— Видел, — ответил Митя.

— Ты говоришь неправду, дитя моё! — рассердился внезапно старичок. — Я двести лет живу на свете и ещё ни разу не видел, чтобы кто-нибудь безжалостно драл граблями цветы и траву.

— Возьми лопату, — приказал Ось бедному Мите. — Надеюсь, ты знаешь, что ею делают?

— Копают... — тихо ответил Митя.

— Правильно, дитя моё! — обрадовался за мальчика Ясь. И, посмотрев на брата, произнёс слегка задумчиво: — Мне кажется, он не безнадёжен, как ты считаешь?

Ось пожал плечами:

— Время покажет... — И он стал поливать из лейки клубничные грядки.

Митя, вцепившись в лопату покрепче, всадил её с размаху в землю. Хотя он и вложил в этот удар всю свою силу, лопата погрузилась в землю не более чем на один-два сантиметра. Тогда Митя размахнулся ещё раз и ещё раз ударил ею об землю. Лопата не входила

глубоко в почву, и Митя ковырял только верхний слой.

— Что он делает? — изумлённо спросил Ось у брата.

— По-моему, играет... Ему кажется, что лопата это вовсе не лопата, а лом. А земля — лёд, и он его долбит... А впрочем, я не знаю! — сокрушённо развёл руками Ясь. Он подошёл к Мите и как можно спокойнее спросил его: — Играешь, дитя моё?

— Какое «играю»!.. — вытирая со лба выступившие капли пота, ответил Митя, всаживая с размаху двадцатый раз лопату. — Копаю!

— Так на неё нужно ножкой наступать, вот так!.. —

И Ясь, взяв у Мити лопату, показал, как правильно нужно копать.

— Понял! — обрадовался Митя. — И как это я раньше не догадался! — Он снова ухватился за лопату, и теперь работа у него пошла веселее, а Ось, поставив лейку на землю, подошёл к брату и тихо сказал ему на ухо: — Я, кажется, ошибся, Ясь... Этот мальчик не может быть лесорубом. Иначе он давно бы оттяпал себе руки и ноги, а может быть, изловчась, и голову. Завтра я его отпущу, а сегодня пусть поработает. Ему, я думаю, это только пойдёт на пользу.

Старичок в коричневой шляпе оказался прав: Мите работа действительно пошла на пользу. Ну, посуди сам, дорогой читатель. Чтобы выучить какой-нибудь предмет, Мите приходилось затратить в школе целый учебный год, а иногда и несколько лет. А в Муромской Чаще только за один день он на «отлично» запомнил три предмета: грабли, лопату и носилки. Ось хотел освоить с мальчиком ещё два несложных предмета: вилы и косу, но Ясь категорически воспротивился этому.

— Ребёнок и так переутомился, — сказал он сердито брату. — Видишь, как он шатается от усталости? У бедного дитяти наверняка голова идёт кругом, а ты не хочешь его пожалеть.

— Хочу, — печально ответил Ось, — но не могу. Мы с тобой уже очень старые, Ясь... Кто будет вместо нас возделывать наш общий сад?

Митя, который стоял рядом и всё слышал, невольно ужаснулся: «Как?! Они хотят заставить меня вечно

возделывать свой сад?! Хотят сделать из меня садовника?.. Нет, нужно бежать...» Приняв такое решение, Митя немного успокоился. «Ночью... Сейчас нельзя...» — думал он, ровняя лопатой гигантскую клумбу с алыми тюльпанами.

Когда старички собрались заканчивать работу и начали уже укладывать на место лейку, лопаты, грабли и другие инструменты, из чащи вдруг вылетела огромная Сова и уселась на ветку дерева поближе к Ясю и Осю.

— Приветствую вас, уважаемые! — солидно и чуть нараспев произнесла она. — Я уполномочена... — Тут Сова разглядела наконец Митю и, прервав своё сообщение, удивлённо спросила: — А это что за подозрительная личность?

— И никакая я не личность! — обиделся Митя. — Обыкновенный человек. Это вы тут подобрались... необыкновенные!

— Мальчик груб — это плохо, — сказала Сова учительским тоном, — но мальчик с характером — это хорошо. Из него что-нибудь получится, если получится. — Сова вытянула вперёд указательный коготь и закончила своё нравоучение по-латыни: — Табула раса!.. Терра инкогнита!.. — Она хотела ещё что-то сказать, но пошатнулась и, чтобы не свалиться с дерева, вцепилась крепче обеими лапками в ветку.

— Вы что-то хотели нам сообщить, уважаемая Сова? — спросил быстро Ясь. Он знал, что если Сову не остановить, то словесный фонтан учёных и мудрёных слов будет бить из неё бесперебойно.

— Да, — сказала Сова, чуточку обидевшись, — я хотела сказать, что уполномочена сообщить вам, — тут она сделала поклон головою Ясю, а затем Осю, — что вы приглашаетесь на Лесной Совет.

— Когда? — спросил Ось.

— На заре. — Сова усмехнулась: — Старый леший Калина сказал: — «Утро вечера мудренее!»

— По-моему, он прав, — Ясь не понял, чем недовольна Сова, — утром, когда выспишься, голова всегда лучше работает.

— Позвольте мне иметь своё мнение на этот счёт! — сказала Сова и, презрительно фыркнув, взмахнула крыльями и полетела прочь.

— Идёмте ужинать, — позвал Ось брата и Митю.

Он посмотрел на мальчика и сказал вдруг непривычно тепло и ласково: — Ты заработал сегодня кусок хлеба своими руками, дитя! Запомни этот день надолго.

— Кажется, я запомню... — ответил Митя и проглотил слюну. Он готов был сейчас съесть не меньше двух десятков котлет, но и от куска хлеба отказываться ему не хотелось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Если бы Шустрик не кричал так громко, когда будил Калину Калиныча!.. Может быть, тогда его страшную весть и не подслушали бы чужие уши и не случилось бы то, что случилось...

Впрочем, уши были не чужие, а свои. Родные. Сестрёнкины. Когда Шустрик и Калина Калиныч увидели в зарослях орешника мелькнувшие золотистые лапоточки, они сразу догадались, кто их подслушал.

— Вот я тебе! — посулил вслед шпиону Калина Калиныч.

— Только приди домой! — крикнул Шустрик вслед ломившейся сквозь кусты сестрёнке.

Через мгновение лёгкий ветерок донёс ответ: «Всё обещаетесь да обещаетесь...» После чего наступила привычная тишина.

— Повезло на внучку, нечего сказать... — пробормотал старый лешак и взял Шустрика за руку. — Пошли к гостям незваным.

— Идём, дедушка. — Шустрик вдруг улыбнулся: — А ведь и вправду нам с-ней повезло! И весело всем, и не соскучишься.

Калина Калиныч хмыкнул и промолчал. Но в душе согласился с внуком. Шустрик был прав: им действительно повезло на девочку. А ведь сначала везло только на мальчишек!.. Каждой весной над Муромской Чащей пролетали аисты. Каждой весной они приносили Шустрику по братику.

— Хочу сестрёнку! — кричал Шустрик вслед улетающим аистам.

— Хочу сестрёнку! — кричал Шустрик своим папе и маме, купающим в утренних росах свалившегося им на головы нового младенца.

— Мы тоже хотим девочку, — терпеливо отвечали ему родители каждый раз. — Но что же делать: аистам не прикажешь!

А дедушка Калина, узнав о появлении ещё одного внука, добродушно кричал и говорил:

— Нашего полку прибыло! Только этого лешего нам и не хватало!

И старый лешак был прав: скоро все в лесу так привязывались к новорожденному, что от добровольных нянек папа и мама Шустрика никак не могли отвязаться: так всем хотелось помянчить юного лешачонка. И всё-таки однажды случилось чудо. Однажды Шустрик проснулся и увидел в колыбельке, приготовленной для очередного братика, какое-то смешное и непонятное существо, одетое вместо рубашки и штанишек в бирюзовое платьице и беленький чепчик. Это существо удивленно оглядывало одним глазом Шустрика, а другим весь остальной мир.

— Эх ты!.. Вот это да!.. Ну и умора!.. — сказал восхищенно Шустрик и протянул палец, чтобы потрогать живую куколку в бирюзовом платьице и получить убедиться в том, что это не сон. «Цап!» — цапнула Шустрика за палец бирюзовая куколка.

— Вот умора! — повторил, одергивая палец, Шустрик. — Зубов нет, а кусается!

Папа и мама, которые были рядом и которые слышали, как их дочку Шустрик два раза назвал уморой, переглянулись между собой и дружно согласились:

— Ну что ж, пусть будет Умора. Тоже красивое имя, да и встречается не так уж часто.

Хотя Умору и назвали Уморой, но все звали её просто и ласково — Уморушкой. Она так и осталась единственной девочкой в семье, и все близкие не чаяли в ней души.

Аисты, когда сообразили, какое сокровище они потеряли, стали облетать их семейство стороной и новых братиков и сестричек не приносили Шустрику. Да и этих, если признаться честно, было предостаточно: семеро орлов-лешачюв сидело за обедом по лавкам, куда же больше?

Все братья Уморушки уже учились у дедушки Калины лесным лешачьим премудростям, одну её старый Калиныч жалел и давал ей возможность вволюшку порезвиться.

— Пусть до шести лет играет, — говорил он, глядя любимицу по головке. — А с шести — милости прошу в нашу школу!

Конечно, и к пяти годам Уморушка уже кое-что знала: и что такое лихо, и почём оно фунт, и где раки зимуют, и как крапива жжётся, и зачем зайцу длинные ноги, и ещё многое-многое другое. Она даже знала, почему нельзя всё время спрашивать: «Почему?» — но постоянно об этом забывала и спрашивала. Но вот из «волшебства» Уморушка почти ничего не знала и не умела. Когда она пыталась упросить дедушку Калиныча научить её чему-нибудь «такому-этакому», он строго выговаривал ей:

— Детям до шести лет колдовать строго воспрещается!

— А очаровывать? — спрашивала Уморушка.

— А очаровывать после шестнадцати будешь, когда школу кончишь! — почему-то еще сильнее сердился дедушка.

— А раньше никак нельзя? — на всякий случай спрашивала любопытная девочка. Но после такого вопроса дедушка так багровел и зеленел, что Уморушка сама быстро делала вывод: всё ясно — нельзя.

Однако, несмотря на запреты Калины Калиныча, Уморушка кое-чему научилась от братьев. Она научилась раздваиваться и УЛЕТУЧИВАТЬСЯ. Он первого волшебства ей была польза: например, сидеть дома и есть варенье из ежевики и одновременно лежать на берегу Журавлиного озера и загорать под ласковым летним солнышком. Этому волшебству Уморушка научилась первым делом. А вот от второго волшебства ей пока было мало пользы. Улетучиваться-то она научилась, только от кого ей было улетучиваться? От папы с мамой? От дедушки Калиныча? Они сами отлично умели это делать, и даже лучше, чем неопытная Уморушка. Вот, наверное, почему она охотно раздваивалась и очень редко, когда только чувствовала за собой какую-нибудь вину, улетучивалась в неизвестном направлении.

С тех пор, как Уморушке удалось подслушать новость о приходе в Муромскую Чашу страшных лесорубов, она окончательно потеряла покой. «Лесовичка я

или не лесовичка? Тут злодеи пришли с топорами, а я и в ус не дую? Надо что-то делать!»

Подумавши так, Уморушка быстренько накинула на голову ромашковый венок для повседневной носки и выбежала из дома.

— Первым делом нужно злодеев найти. Потом...— Уморушка не знала, что она будет делать потом, но огорчаться от этого не стала.— Потом видно будет. Главное, отыскать надо.

Уморушка вспомнила, как Шустрик рассказывал о встрече с Пашей около ивы Плаксы, и решила поискать непрошенных гостей возле Плакучих Ив. Но там лесорубов не было. Уморушка хотела спросить Плаксу о Паше, но ива замахала на девочку ветвями и страдальчески запричитала:

— Ах, Уморушка, не мешай!.. Мне своих слёз не выплакать, а ты с чужими горестями лезешь. Уходи, пожалуйста, нет здесь твоих лесорубов.— И Плакса нагнулась ещё ниже к ручью, чтобы не видеть окружающий мир с его заботами и лучше насладиться собственными страданиями.

Уморушка посмотрела на иву и поняла, что с такой подружкой Муромскую Чашу не спасёшь. Да и вросла в свой кусочек берега эта Плакса корнями сильно и прочно: не сдвинешь её с места, даже если вокруг всё будет гореть синим пламенем.

Побывав у Плакучих Ив и убедившись, что здесь никаких лесорубов нет, Уморушка отправилась наобум: всё время прямо и прямо, никуда не сворачивая, и вскоре убедилась, что маршрут она выбрала правильно: она вышла к палаткам лесорубов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Три дня было спокойно, и бригада Опилкина понемногу пришла в себя. Даже братья Разбойниковы вылезли на третий день из палатки и стали поговаривать о работе.

— Раз приехали сюда, нужно рубить,— заявил Паша геройски.

— Топорик дадут новый — поработаем,— скромно поддержал его Саша.

— Дам! Дам, ребятки! — Довольный такой переменной в настроении своих подчинённых, Опилкин велел Ведмедеву выдать братьям Разбойниковым по новому топору.

— Сегодня воскресенье, будем отдыхать, — сказал бригадир, — а завтра с зарей приступим.

Ведмедев, который без дела не мог посидеть и минуты, добровольно взял на себя обязанности бригадного повара. Услышав радостную весть, он приготовил такой роскошный завтрак, что обедать потом не пожелал ни один человек. Правда, жарить еду Егору Ивановичу пришлось на маленьком походном примусе: костёр он всё-таки побоялся разжигать...

— Ничего!.. — уписывая за обе щеки ведмедевское угощение, говорил Опилкин. — Всё перемелется — мука будет. Леших бояться — в лес не ходить!

По просьбе бригадира братья ещё раз поведали своим товарищам о встречах с таинственным Шустриком и его дедушкой. История, хотя и была ими слышана несколько раз, распалила Ведмедеву, и он принялся рассказывать всякие загадочные случаи из своей или чужой жизни. При этом он клялся, что всё, о чём он рассказывает, — чистая правда, и очень обижался, если ему все-таки не слишком верили. Все истории были почему-то на одну и ту же тему: о чертях, леших, ведьмах, оборотнях и вурдалаках.

Опилкин, послушав немного для приличия, вскоре поднялся и пошёл в свою палатку. Он не хотел забивать себе голову всякой ерундой, тем более что своих забот у него было предостаточно. Подойдя к палатке, он откинул полог и хотел было уже войти внутрь, но вдруг застыл на пороге как вкопанный. В палатке, где он поддерживал всегда такой порядок, всё было перевернуто вверх дном. Важные документы валялись вперемешку с не очень важными документами, в чернильном приборе торчал простой, обкусанный кем-то карандаш, любимая авторучка лежала рядом, развинченная на мелкие части, и истекала красными чернилами, напомнившими бригадиру кровь. Тут же на столике находился чистый листок бумаги с какими-то странными, похожими на буквы знаками:

УАТНМАТУМ

Опилкин переборол в себе страх и вошёл в палатку:

Попробовав прочесть и расшифровать таинственные закорючки, Григорий Созонович вскоре оставил это бесполезное занятие.

«Кажется, написано по-гречески,— подумал он.— Только из нашей бригады никто не прочтёт, вот беда-то какая!»

Он нагнулся и стал собирать с пола разбросанные вещи. Поднимая и раскладывая их по привычным местам, Опилкин сердито ворчал:

— Нигде от хулиганов покоя нет! И куда только милиция смотрит? В лесу безобразничают!..— Он ворчал и всё никак не мог успокоиться.

Когда уже почти все вещи и бумаги были уложены, Григорий Созонович решил на всякий случай посмотреть под низенькой раскладушкой: вдруг и туда что-нибудь завалилось? Он медленно, держась одной рукой за край раскладушки, а другой за столик, опустился на колени и заглянул под свою походную кровать. В ту же секунду что-то быстро метнулось из-под раскладушки и торпедировало Опилкина в лоб.

Два вопля слилось в один: один вопль — высокий, почти поросячий,— принадлежал Григорию Созоновичу, другой — густой и низкий, похожий на привальный гудок старых волжских пароходов,— принадлежал взорвавшейся торпедой.

— Нехорошо рыться без спроса в чужих вещах! — учил Уморушку и внуков старый лешак Калина Калиныч.— К каждому, кто нарушит это правило, обязательно придет возмездие! — Произнося последнее слово, Калина Калиныч всегда поднимал вверх правую руку с оттопыренным и чуть загнутым крючком указательным пальцем, а его ученики долго и внимательно рассматривали этот палец, давая в душе клятву никогда не касаться чужих вещей без разрешения хозяина.

И вот Уморушка нарушила свою клятву и к ней, как и обещал дедушка, пришло возмездие... Оно распахнуло полог палатки и грозно застыло у входа. Возмездие оказалось здоровенным дядькой с огромными ручищами и выпученными глазами. Уморушка хотела улетучиться или хотя бы стать невидимой, но от страха она всё-всё позабыла и только и успела сделать, как быстро и незаметно юркнуть под раскладушку.

«И зачем я его чертилку откусила,— подумала она, лёжа в укрытии,— вдруг она ядовитая?» — И Уморушка выплюнула на пол кусочек отгрызенного карандаша.

Возмездие в образе дядьки стояло на пороге и не входило в палатку.

«Может быть, ОНО потопчется-потопчется и уйдёт?» — шевельнулась слабенькая надежда. Но дядька вдруг ожил и шагнул, глухо ворча себе что-то под нос, внутрь палатки. Уморушка видела, как он стал собирать разбросанные повсюду ею бумажки и вещи, и сжалась в комок.

«Сейчас всё заберёт, а потом и меня!.. — с ужасом подумала она и почувствовала, как у неё защипало в носу.— Дедушка, миленький, вызволи!..»

Дядька нагнулся и заглянул под раскладушку. Уморушка не умела летать, но тут у неё вдруг получилось. Причём без всякого колдовства. Она не знала, как летают пули, поэтому вылетела из-под раскладушки стрелой. Но увы!.. Возмездие поджидало её, выставив вперёд крепчайшую преграду. Уморушка трахнулась об неё со всего маху и заревела так громко, что с тех пор в Муромской Чаше стали передавать из уст в уста легенду о заколдованном великане, который прячется в подземелье и только раз в сто лет выходит наружу и кричит диким и безобразным голосом.

Услышав со стороны бригадирской палатки дикие вопли и рычание, Ведмедев и братья Разбойниковы сразу догадались, что в жилище Григория Созоновича проник какой-то огромный и страшный зверь, может быть, даже тигр или лев¹. Нападение хищника застало бригаду врасплох: всё оружие лежало в палатке Опилкина, которым тот, по всей видимости, не успел воспользоваться. У одного Егора Ведмедева торчал из-за пояса поварской нож, которым очень легко было потрошить рыбу, но никак не львов и тигров.

Братья Разбойниковы с надеждой посмотрели на Ведмедева, и Егор Иванович понял их взгляды.

¹ Примечание: лесорубы знали, что в тех краях не живут львы и тигры, но после встречи с Шустриком и Калиной Калинычем они могли поверить во встречу с кем угодно.

— Я попробую... — И он двинулся к палатке Опилкина ползком, по-пластунски, зажав в зубах нож.

Тем временем в палатке наступила гробовая тишина.

«Неужто слопал?!» — с ужасом подумал Егор Иванович, подползая к страшному месту. Ведмедев прислушался: ни чавканья, ни жадного звериного урчания не доносилось из-за брезентовой стенки палатки.

«Мало ему одного Григория, наверное, ещё кого-нибудь поджидает, — подумал он, беря в правую руку нож. — Но кого? — Так и не найдя ответа на этот вопрос, Ведмедев уже хотел было ворваться в палатку, как вдруг полог её отодвинулся в сторону, и на волю вышел живой и невредимый Григорий Созонович Опилкин. Вышел бригадир не один: за шиворот он волок за собой маленькую, лет пяти-шести, русоволосую девочку с тремя голубыми глазами. Левый и правый глаз бегали у неё испуганно туда-сюда и только средний — на лбу — взирал на окружающее спокойно и умиротворённо.

— Да это же синяк! — взглядевшись получше, тихо воскликнул Ведмедев.

Уморушка увидела в траве ещё одного здоровенного дядьку, вдобавок держащего в руках острый, сверкающий на солнце нож, и попробовала вырваться из цепкой опилкинской лапы.

— И не пытайся удрать! — строго предупредил её разгневанный бригадир. — Пока не признаешься, кто ты и откуда, — живой я тебя не выпущу!

Поднявшийся с земли Ведмедев и подошедшие к ним Паша и Саша окружили их сплошной стеной, и Уморушка поняла, что ей сейчас придётся туговато...

— Я только топоры искала! — закричала она отчаянно. — И ультиматум хотела написать!

Опилкин вспомнил белый лист с затейливыми значками и удивленно спросил:

— А почему по-гречески?

Уморушка с недоумением посмотрела на него: неужели по-гречески получилось? Наверное, нечаянно...

— Тебя как зовут? — спросил Ведмедев и спрятал нож обратно за пояс. — Как ты здесь очутилась?

— Умора, — честно призналась юная лесовичка, но как она здесь очутилась, Уморушка объяснить не стала.

— Странное имя... — протянул недоверчиво Григорий Созонович. — Похоже на прозвище.

— А мальчишку Шустриком звали, — вспомнил вдруг Ведмедев и повернулся к братьям Разбойниковым: — Ведь так, брательники?

— Точно, Шустриком! — подтвердил Паша, а Саша сказал:

— Мальчишку — Шустриком, а старика — Малиной Рябинычем.

В другое время Уморушка обязательно бы рассердилась, что так бессовестно исковеркали имя любимого дедушки. Но сейчас ей было не до того: она лихорадочно вспоминала заклинания. Да ей и нужно было только одно заклинание — как улетучиться. Но оно упорно не приходило в голову.

Заговорив о Шустрике, Ведмедев вспомнил слова Уморушки о топорах. О том, что она пришла топоры искать. Страшная догадка осенила его.

— Подержите-ка её пока... — сказал он Разбойниковым, а сам подмигнул незаметно Опилкину, отзывая его в сторону. Григорий Созонович неохотно передал добычу из своих рук в руки Паши и Сашы и побрёл за Ведмедевым.

— Ну, — спросил он, когда они отошли достаточно далеко, — что за тайна у тебя появилась?

— Девочка — волшебница!.. — горячо зашептал Егор Иванович, испуганно озираясь по сторонам. — Топоры ищет, рассыпать хочет! Как тот мальчишка с дедом.

Опилкин вздохнул и потрепал Ведмедева ласково по плечу:

— Девчонка хуже любого лешего, я согласен. Но она не волшебница! Видал, как она твоего ножа боится! А уж если ей топор показать...

— А зачем она их ищет?

Опилкин пожал плечами:

— Кто её знает... Может быть, родители у девчонки лесники... Вот и надумала им новый топор подарить. — Опилкин помолчал немного и добавил: — Ты знаешь, Егор, я и в старика с мальчишкой плохо верю. У нас с тобой топоры целые, только у братьев утеряны. УТЕРЯНЫ! — повторил он, особо выделив и повторив последнее слово.

— Ладно, жизнь покажет, кто прав. — Ведмедев по-

вернулся и хотел было идти обратно к братьям Разбойниковым.

В это мгновение Уморушка вспомнила наконец заклинание о том, как можно улетучиться. Она радостно засмеялась и стала беззвучно шевелить губами.

— Ты что? — удивлённо спросил Паша.

— Ничего! — весело ответила Уморушка и исчезла.

Подержав ещё некоторое время пустоту, братья Разбойниковы разжали свои руки и посмотрели на них.

— Ничего... — повторил вслед за исчезнувшей девочкой Саша.

— Ничего... — как эхо, повторил Паша.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Там, где продирались сейчас Гвоздиков и его юная спутница, Мити не было и не могло быть. Там были НЕПРОХОДИМЫЕ ДЕБРИ.

— Вообще-то, лесорубов не мешало куда послать, — проговорил Иван Иванович, с трудом пробивая дорогу сквозь сплетённые ветки шиповника. — Наши силы могут кончиться раньше, чем этот тернистый путь.

Маришка, которая шла следом за Гвоздиковым, сосредоточенно молчала. Она уже мысленно сконструировала кустодрал, веткоруб и комбинированный чащеход и теперь вспоминала свою родню и любимую Апалиху. Словно наяву, увидела Маришка нахохлившегося петуха на заборе, печального Дружка под крылечком, бабушку и дедушку, сидящих одиноко у окна, и у неё защемило сердце. Может быть, Маришка и расплакалась бы от горьких чувств и грустных воспоминаний, как вдруг НЕПРОХОДИМЫЕ ДЕБРИ кончились, и перед путниками открылась огромная прекрасная поляна, сплошь усеянная необыкновенными одуванчиками. Белые, красные, синие, коричневые, цвета морской волны и цвета маренго, оранжевые, зелёные... да мало ли каких цветов росли здесь одуванчики!

Гвоздиков, ослепший на мгновение от этого великолепия красок, остановился, зато Маришка, забыв про усталость, кинулась вперёд со всех ног.

— Стой! — закричал Иван Иванович. — Стой, Маришка!

Куда там! Маришка летела к загадочным цветам, чуть касаясь земли.

И тогда Гвоздиков решил побить мировой рекорд по бегу на средние дистанции. Сбросив осточертевший рюкзак, он ринулся к поляне огромными скачками, напоминая своим бегом бег австралийских кенгуру. Разогнавшись невероятно сильно, Иван Иванович проскакал мимо Маришки и первым достиг поляны с одуванчиками.

— Стой!.. — продышал он, оборотясь к Маришке. — Их нужно исследовать. — С этими словами Гвоздиков нагнулся и сорвал первый попавшийся под руку одуванчик. Одуванчик был светло-оранжевый, и лёгкий белый пушок, словно седина, покрывал его.

Иван Иванович держал одуванчик за тонкий стебелёк и толком не знал, с чего именно нужно начинать исследование.

— Отойдем-ка пока в сторонку, — проговорил он Маришке чуть слышно и хрипло. — Ноги устали...

Они уселись под одиноким кустом боярышника, росшего на краю поляны, и занялись исследованием.

— Никогда не нужно спешить, Мариша, — поучительно строго сказал Иван Иванович. — А вдруг они ядовитые? Представляешь, какая бы беда могла с тобой приключиться?

— А я и не собиралась их жевать. Я их нюхать собиралась, а вы не дали. — И Маришка обиженно опустила голову.

Её подсказка пришлась как нельзя кстати.

«Проверю на запах...» — подумал Гвоздиков и, поднеся живой золотистый шар поближе к носу, стал втягивать в себя воздух. Ещё не успел Иван Иванович разобраться, чем пахнет странный цветок и пахнет ли он вообще, как глаза его вдруг закрылись и, роняя из рук злополучный одуванчик, неудачливый исследователь повалился на траву.

— Что с вами, Иван Иванович?! — бросилась к старому учителю Маришка. Но её предводитель молчал и только изредка сладко почмокивал губами.

«Да он спит!.. — догадалась Маришка. — Нюхнул разок одуванчик и — готово! — спит!»

Она выдернула из рук Ивана Ивановича коварный цветок и бросила его в сторону.

«Когда же он проснется? — Маришка глядела на

спящего, как младенец, Гвоздикова и готова была разреваться. — Нужно Митю искать, лесорубов... — Лёгкий дурман шёл со стороны Долины Волшебных Одуванчиков и нагонял сладкую дремоту.

«Сейчас и я свалюсь...» — Маришка открыла глаза, которые умудрились как-то незаметно для неё сами закрыться, поднялась с земли.

— Нельзя спать, Иван Иванович, нельзя! Вставайте скорее!

Но злые чары были сильнее Гвоздикова — он не поднимался. И тогда Маришка решила поискать Митю и лесорубов одна. Достав из рюкзака блокнот и карандаш, она быстро и коряво написала: «Иван Иваныч Я ушла искать Митю и лисарубов Спиите пака ни придём М. Королёва».

Маришка никогда бы не наделала столько ошибок, но сейчас... Впрочем, она даже не догадывалась, что наделала кучу ошибок в короткой записке. Ей было не до того. Вложив записку в карман Гвоздиковской рубашки, она снова полезла в рюкзак.

— Компас Ивану Ивановичу сейчас ни к чему, а мне — к чему. — Маришка достала компас, открыла крышку и посмотрела на двухцветную, слегка подрагивающую стрелку. — Юг там, запад там, значит, юго-запад посерединке. Туда и идти надо. — Маришка взглянула в последний раз на Ивана Ивановича, вздохнула с затаённой в глубине души завистью и быстро зашагала в сторону далёкого голубого бора, который как раз находился между югом и западом.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поужинав после непривычно тяжёлого рабочего дня, Митя очень захотел спать. Ноги его гудели, спина разламывалась, пальцы на руках мелко-мелко дрожали от перенапряжения, и всё-таки он не пошёл отдыхать: отдыхать было нельзя. Дождавшись удобного момента, когда старички, решив искупаться, сняли с себя верхнюю одежду и дружно намылили головы, закрыв при этом, конечно, глаза, Митя на цыпочках двинулся в сторону лесной чащи, благо она находилась отсюда в каких-нибудь двадцати — тридцати метрах.

Близнецы намурлыкивали себе под нос весёлую песенку и шагов его не слышали совершенно.

Жил на свете глупый гном,
Он построил хилый дом.
Но ударил сильный гром...
Где тот дом и где тот гном? —

пели они, с азартом намазывая шеи и щеки.

Дойдя до деревьев, которые стояли стеной, Митя на секунду остановился и перевёл дух. Страшновато было одному входить в незнакомый, полный неожиданностей, густой и тёмный лес. Вот если бы снова рядом оказались Маришка и Гвоздиков...

Митя оглянулся. Он увидел, как один из старичков потянулся за кувшином с водой, желая, наверное, смыть с головы и лица едкое мыло. Митя вздохнул и быстро вошёл в лес.

У маленького гнома
Была собака-гном:
Сидел хозяин дома,
А пёсик под окном...—

услышал Митя далёкий и уже одинокий голос.

«А они совсем не злые! — подумалось вдруг ему, и какое-то странное чувство, похожее на нежность, поселилось в его сердце. — Нет, не вернусь... Ивана Ивановича нужно искать, Маришку, лесорубов этих несчастных... Заколдуют их, чего доброго, кто потом расколдует?»

Митя шёл вперёд и не замечал, как ветки и цепкий кустарник бьют его по ногам и рукам, оставляя на них кровавые ссадины и царапины.

— Я дойду, дойду... — шептал он самому себе, — я обязательно дойду до них...

Страх, который ещё совсем недавно тревожил Митю, исчез, и только одно желание разыскать во что бы то ни стало своих друзей жило сейчас в Митиной душе.

«Лишь бы не зашло солнце!.. Лишь бы хватило сил!..» — Сосновый бор, по которому продирался Митя, внезапно кончился, и перед ним открылась большая опушка. А на опушке, на низеньком трухлявом пенёчке, сидела Маришка и горько-прегорько плакала.

Конечно, она заблудилась. Во всём виноватыми оказались компас и малина. Сначала вышел из строя компас. Синяя стрелка, которая должна была показывать только на север — на букву «С», показывала почему-то теперь на букву «В», и на букву «З», и на букву «Ю». Она показывала даже туда, где вообще никаких букв не было.

«Сломался, — догадалась Маришка. — В одну сторону только показывает».

Спрятав ставший ненужным компас в карман, Маришка решила идти напрямик, никуда не сворачивая. Прямым до соснового бора оказалось не так уж и далеко: через каких-нибудь полчаса Маришка достигла его опушки. Но здесь её ждала новая неприятность: на опушке росло полным-полно малины.

«Не мешало бы подкрепиться», — подумала радостно Маришка и бросилась собирать с кустов красные спелые ягоды. А когда она досыта наелась и присела на пенёк отдохнуть и отдышаться, вдруг с ужасом обнаружила, что забыла, ОТКУДА она пришла и КУДА она идёт. Бескрайние долины и холмы, поросшие густым лесом, виднелись в одной стороне. В другой стороне, в той, где она сейчас находилась, тянулся сосновый бор. Третьей и четвёртой стороны почему-то нигде не было. Маришка достала компас и посмотрела с надеждой на стрелку. Синий кончик, поколебавшись немного, миновал букву «С» и остановился неподалеку от «З». Красный кончик стрелки, не добежав до буквы «Ю», тоже прекратил свой бег, застряв около буквы «В». Маришка с силой потрясла компас и снова посмотрела на стрелку: синий конец её встал точно против «З», а красный — против буквы «В». Получилась сплошная ерунда: север оказался на западе, а юг на востоке. Маришка спрятала бестолковый компас обратно в карман и заплакала. Плакала она, кажется, второй раз в жизни, а может быть, и в третий. Этого точно уже никто не помнит, даже она сама.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Вспомнив заклинание, Уморушка так постаралась улетучиться, что явно перестаралась. Её занесло в такую даль, какую она ещё никогда и не видала.

«Вот это я залетела!.. — думала она, разглядывая с восхищением огромные корабельные сосны. — Никак, я в шишкинские леса попала».

Про шишкинские леса ей много рассказывал дедушка Калиныч, но пускать её туда пока не решался.

— Во-первых, — говорил он строго, — там граница Муромской Чащи. Во-вторых, там медведи водятся. Медведя встретить — не страшно, а вдруг охотника с ружьём! Вот напугаешься!

И Уморушка не слишком-то рвалась в эти шишкинские леса. Но сегодня её ЗАНЕСЛО сюда, и Уморушка была даже рада. Здесь не было лесорубов, не было охотников, не было медведей. Здесь были только красота и покой.

«Хорошо-то как!..» — улыбнулась Уморушка, глядя на облака, проплывающие над верхушками сосен, и стала подумывать, а не раздвоиться ли ей, чтобы стало ещё лучше в два раза. И тут она заметила на одной из опушек сидящих на пенёчке людей: мальчика и девочку.

— Охотники!.. — прошептала она, прячась в густом кустарнике и лихорадочно соображая, что же ей делать дальше. Но вскоре Уморушка изменила своё мнение: — Нет, не охотники... Снова лесорубы пожаловали...

До неё донеслись слова, которые произнёс мальчик:

— Вот что, Маришка, если ты будешь меня пилить, я обижусь, так и знай!

Мальчик замолчал, но и этих слов Уморушке было предостаточно: «Точно, лесорубы!.. Вот злодеи: сами друг дружку пилят, удержаться не могут!» Она тут же хотела приступить к решительным действиям, но её остановили слова девочки-лесоруба:

— Ладно, Мить, не сердись. Вместе дров нарубили, вместе и расклёбывать будем.

— Ты нарубила, не я! — буркнул в ответ мальчишка.

После услышанного волосы на голове Уморушки поднялись дыбом, и венчик шлепнулся на землю. Резко нагнувшись за ним, Уморушка обломала нечаянно сухую ветку. Ветка бабахнула, как из ружья.

— Кто тут? — испуганно спросили лесорубы, вскочив с пенёка.

— Я, — ответила Уморушка и вышла на опушку.

Маришка и Митя (это были, конечно, они) кинулись к незнакомой девочке со всех ног. Но когда до нее оставалось добежать всего несколько метров, девочка вдруг исчезла.

Маришка и Митя встали как вкопанные.

— Ну что же вы? — раздалось внезапно чуть в стороне от них.

Маришка и Митя как по команде перевели туда свои взгляды и снова увидели юную незнакомку. Она стояла возле зарослей малины и от нетерпения переступала с ноги на ногу.

— Что же вы? — повторила она, негодуя.

«Лесорубы» двинулись к ней. Десять шагов оставалось дойти до девочки, девять, восемь, семь...

— Я здесь! — раздалось за спинами Маришки и Мити. Они обернулись и увидели ЭТУ девочку. Повернулись к малиннику — девочки не было!

— Какие вы неповоротливые! — рассердилась странная незнакомка. — А ну, догоняйте! — И она... снова исчезла.

— Давай не будем догонять? — шёпотом спросил Митя Маришку. — Я тут разных типчиков повидал... — Но ответить Маришка не успела.

— Ага, испугались! — раздалось из-за кустов малины.

Маришка побелела от горькой обиды и ринулась напрямик через кусты. Митя припустился за ней, пытаясь руками прикрыться от клещущих по нему колючих хлыстов.

— Я тут! — раздавался временами девчачий голосок. — Туточки я! — Голосок перемещался всё глубже и глубже в лес, но Маришка и Митя уже этого не замечали.

— Кто тебя боится! — кричала время от времени в ответ Маришка. — Никто тебя не боится!

— Связываться с девчонкой не хочется, а то бы я тебе показал! — поддержал Маришку Митя. Он очень устал; от жары, бега, от мелькания деревьев перед глазами ему на мгновение померещилось, что предметы стали раздваиваться, Митя вдруг увидел, как из-за огромного дуба выглянули две одинаковые маленькие девчонки с ромашювыми венками на головах и дружно пропищали:

— А ну, покажи, трус несчастный! А ну, пока-

жи! — После чего девчонки исчезли, будто растаяли в воздухе.

Маришка, у которой тоже стало двоиться в глазах, не снижая хода, пропыхтела на бегу:

— Ничего... Вас двое и нас двое... Посмотрим ещё... кто кому... косички потреплет!..

Так они пробежали ещё метров двести. Наконец Митя не выдержал и взмолился:

— Всё!.. Не могу больше бежать!.. — И он упал на траву как подломленный. Плюхнулась возле него и Маришка.

— Ладно, — сказала она, тяжело пытая и отдуваясь, — мы их и так здорово погоняли...

— Вроде бы даже совсем прогнали, — подал свой голос и Митя. — Что-то больше не слышать и не видеть их.

И действительно, Уморушки не было теперь слышно и видно. Заманив «лесорубов» в глубинные дебри Муромской Чащи, она с ужасом спохватилась: «Заблудить-то я их заблудила... А как сама теперь отсюда выберусь?» Обратной дороги она не знала. Может быть, её и не было вовсе? Уморушка опустилась на траву и тихо заплакала. Ей было всего пять лет, она не ходила ещё в школу, и плакать ей пока чуть-чуть разрешалось.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Где только не искал потерявшихся ребят Иван Иванович! Он искал их в лесу, на полянках, в чистом поле, за горизонтом. Наконец он добрался до огромного болота. Кого только не было в этом болоте!.. Жуки всех мастей и размеров, пауки, комары, пиявки, змеи разных калибров так и кишели и над и под изумрудно-лимонной трясинной. Даже Кикимора, настоящая болотная Кикимора, жила здесь и правила всем этим царством. Если кого тут и не хватало, так это, наверное, одного Ивана Ивановича Гвоздикова. И вот он пришёл, точнее, влез, нагло, без спроса, с шумом и сопением, сначала пытаясь пробираться по кочкам, а потом, когда кочки кончились, а болото ещё только началось, он, махнув на всё рукой, полез напрямик. Метров пятнадцать ему удалось преодолеть, не держась за что-либо.

На шестнадцатом метре Иван Иванович начал тонуть. Он вдруг заметил, что движение вперёд прекратилось, а движение вниз усилилось. Он замер, задумался и испугался. Нет, Иван Иванович не был трусом, и вы напрасно подумали, что он испугался за себя. Он испугался за ребят: за Маришку и Митю.

«Они ведь совсем не знают фольклора! — подумал и чуть было не заплакал Иван Иванович. — Из-за этого могут пропасть». Он рванулся, но болото цепко держало его, желая, видимо, пополнить свою коллекцию. Змеи подплывали к нему, обнюхивали со всех сторон и отплывали прочь, почему-то не кусая. Пиявки тоже ни разу не вцепились в его погруженное почти наполовину тело.

«Странно, — подумал Иван Иванович, — очень странно... Чего они ждут: когда я совсем утону?» Он опять рванулся что было силы и ещё на два сантиметра погрузился в болото. «Лучше не дёргаться, — грустно пролетела мысль и тут же исчезла. — А чего ждать? Точнее, кого?»

Иван Иванович попытался повернуть голову, словно желая увидеть, нет ли хоть где-нибудь человеческой души, зная прекрасно, что, кроме него, никого нет в этом проклятом месте. Сначала он посмотрел через правое плечо и ничего не увидел, кроме бескрайней болотной равнины. Тогда он посмотрел через левое плечо и увидел рядом с собой, а точнее, за собой... Кикимору.

— Здравствуйте... — сказал он, вздрогнув от неожиданности.

— Здравствуй, коль не шутишь, — ответила Кикимора. — Да ты не шебуршись, — добавила она ласково, увидев, что Иван Иванович пытается к ней повернуться, но вместо этого только ещё сильнее уходит в жидкую бездну. — Я сама к тебе подойду.

С этими словами Кикимора не спеша прошлёпала по ряске и встала как раз напротив Ивана Ивановича.

— Ну, мил друг, отвечай: зачем пожаловал в мою вотчину?

— Простите, с кем имею честь разговаривать? — ответил вопросом на вопрос Иван Иванович и тут же поспешно отрекомендовался: — Иван Иванович Гвоздиков, педагог.

— Педагог? Из фокусников, что ли? — удивилась

Кикимора, услышав незнакомое слово, и присела на корточки, чтобы получше разглядеть утопающего.

— Нет, не фокусник,— поспешил разочаровать любопытную старушку Иван Иванович.— Учитель я. Детей в школе учу.— И он зачем-то добавил: — Языку и литературе.

— А-а!.. — пропела радостно Кикимора, и на лице её расцвела улыбка.— И я малых детушек уму-разуму учу! Дело хорошее.

— Очень приятно, коллега,— сказал Иван Иванович и вдруг резко задергал рукой, пытаясь вытащить её из-под болотной ряски на волю.— Извините,— стеснительно он улыбнулся при этом Кикиморе,— но меня, кажется, кто-то держит...

— Это Хфедька.— Кикимора выпрямилась и грозно обратилась к кому-то невидимому, спрятавшемуся под лимонной ряской: — Хфедька! Брось баловать! Я кому говорю! — Она пригляделась и добавила, но уже менее грозно: — Брысь! Не мешай с бедолагой беседовать.— Она снова присела на корточки и тихо пожаловалась Ивану Ивановичу: — Вот и учи таких. Всё озорник знает, а хулиганничает. Я уж и родителей его вызывала, и на солнышко за ушко вытаскивала — не помогает!.. Так и растёт обормотом.

— Кто?.. — только и вымолвил бедный Гвоздиков.

— Да Хфедька! Водяной. Кого я шугала.

— Настоящий водяной? — Иван Иванович не верил своим ушам.

— Да какой он настоящий! — брезгливо сморщилась Кикимора.— Мальчишка ещё, ему до своего отца расти и расти.

Иван Иванович вытащил наконец свою руку, посмотрел на неё как на чудо и, переведя взгляд на собеседницу, робко вымолвил:

— Простите, коллега... А вас как зовут?

— Кикимора,— охотно ответила старушка.

Иван Иванович закрыл глаза: «Ну да,— подумал он,— а кого же ещё я мог встретить ЗДЕСЬ?»

Он снова открыл глаза.

Перед ним сидела на корточках небольшого росточка старушка в стареньком болотного цвета балахончике и глядела на него зелёными, будто кошачьими, глазами любопытно и весело.

— Что мигаешь? — улыбаясь спросила она и погла-

дила Ивана Ивановича маленькой сморщенной ладошкой по голове. — Тонуть неохота?

— Нельзя мне тонуть... Дети у меня...

— Все так говорят, у всех дети, — перебила его Кикимора и тяжело вздохнула. — Не лез бы в болото. Ежели вы все станете в болота лазить, да ежели вас всех вытаскивать... Пошто сюда сунулся?

— Дети у меня... — снова повторил Иван Иванович, и звонкая слезинка вдруг прыгнула с его щеки и нырнула в воду, — потерялись. Нельзя мне тонуть! — И он ещё сильнее заёрзал в своём капкане.

Заёрзала и Кикимора.

— Где же ты их потерял, болезный?

Старый учитель пожал плечами:

— Мальчик, кажется, похищен, а девочка... Девочка сама куда-то ушла. Вот...

Гвоздикой достал из кармана рубашки Марипшкину записку и протянул её Кикиморе.

— Написала вот мне, что Митю ушла искать, да сгнула где-то тоже.

Кикимора повертела в руках записку, но читать не стала, а только спросила:

— Как же, милый, ты их проспал? Какой же ты учитель, коль за двоими углядеть не смог?

— Так получилось, коллега... — Гвоздикову было стыдно признаваться, но лгать он не умел и не любил. — Одуванчик меня подвёл. Странные нам попались одуванчики.

— Уж не в Долину ли Волшебных Одуванчиков вы забрели? — перебила его Кикимора, и глаза её зажглись любопытством ещё сильнее.

— Наверное. Вся поляна была в одуванчиках разноцветных!

— Мне бы синеньких принёс букетик!.. — мечтательно произнесла хозяйка болота и на мгновение прикрыла глазки. — А то бессонница замучила старую, что хочешь делай!

— Знал бы — сорвал. — Ивану Ивановичу искренне жаль было бедную старушку, страдающую бессонницей. — Я оттуда, когда проснулся, бегом убежал!

— Ну и правильно сделал, — согласилась Кикимора. — Разве можно спать, когда детишки разбежались?

— Нельзя, конечно. — Гвоздиков бережно отодвинул от себя двумя пальцами особенно настырного ужа

и добавил сокрушенно: — А я тут вот торчу, и то — наполовину...

Грустные мысли овладели Иваном Ивановичем с новой силой, и он замолчал. Перестала задавать вопросы и соскучившаяся по живому человеку Кикимора. В глубокой задумчивости Гвоздиков погрузился в болото ещё на вершок, затем ещё... Так бы он, наверное, и ушёл бы под воду, погружённый в свои невесёлые мысли, как вдруг Кикимора очнулась и заговорила вновь:

— Вот что, любезный... Утопила бы я тебя, да злости у меня нет. Отпущу, так и быть!

— А разве это плохо, что злости нет? — робко спросил Иван Иванович, ещё не веря в своё спасение.

— Конечно плохо. На свете всего вдосталь должно быть, значит, и злости тоже. А у меня её на всех не хватает, прямо беда! — Кикимора опустила голову, плечи её поникли, и вся она как-то сразу сжалась и постарела лет на двести.

Иван Иванович удивленно посмотрел на пригорюнившуюся старушку, но спорить с ней не стал, а попытался пошевелить ногами, без всякой надежды на чудо, попробовал опереться ими обо что-нибудь — и... почувствовал под ними твёрдое земляное дно!

— Спасён!.. — прошептал Гвоздиков, бледнея на этот раз от счастья. — Спасён, уважаемая коллега!..

Кикимора подала потрясённому от пережитого учителю руку и помогла добраться до берега.

— Ну, и где будешь своих головастиков искать? — вместо прощания спросила она, снимая с одежды Гвоздикова прилипшие водоросли.

— Не знаю. Пойду на юго-запад...

— «На юго-запад»!.. — передразнила его Кикимора. — По-нашему это называется — «пойду туда — не знаю куда». — Она на минутку задумалась, а потом решила всё-таки дать совет: — Вот что, уважаемый педагог...

— Педагог, — вежливо поправил Гвоздиков.

— Пусть педагог... На рассвете на Журавлином озере соберётся Лесной Совет. Мне тоже сегодня срочный штафет с нарочным был. Так вот... Соберутся там все почтенные жители Муромской Чащи, со всех её краёв и окраин. Туда и ты приходи, вдруг кто подскажет, где твоих головастиков искать.

— Спасибо,— поблагодарил добрую старушку Иван Иванович.— Только я до рассвета их ещё поищу.

— Поищи, попробуй,— не стала спорить Кикимора.— А Журавлиное озеро вон там! — И она ткнула рукой в ту сторону, куда уже опускалось уставшее солнце.

— До свидания! — сказал Гвоздиков и приподнял рукой шляпу. Маленький лягушонок вывалился из головного убора учителя и, радостно квакнув, запрыгал в родное болото.

— Гляди ж ты!.. — ахнула Кикимора, провожая лягушонка ласковым взглядом.— Тебя корю, а сама чуть своего воспитанника не проморгала! Ведь пропал бы длиннопалый в лесу не за понюх табаку!

— Извините... — смутился Гвоздиков и, не найдя в своё оправдание никаких слов, неуклюже повернулся и зашагал к далекому лесу. Уже пройдя метров пятьдесят, он вдруг остановился, обернулся и, замахав над головой шляпой, громко прокричал: — До свидания, коллега! Не поминайте лихом! — И снова зашагал навстречу синему лесу и загадочной неизвестности.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Общая беда сдружила Уморушку с Митей и Маришкой. Когда маленькая лесовичка узнала, что ребята никакие не лесорубы, а спасатели Муромской Чащи, она горько выдохнула:

— Что же я, глупая, наделала! Вас заблудила, себя с пути сбила...

Испугавшись, что Уморушка сейчас снова разревётся, Митя поспешно сказал:

— Слёзы лить потом будем. Теперь другие дела есть.

— Какие? — спросила Уморушка.

— Искать Ивана Ивановича, лесорубов... Искать путь к спасению, в конце концов!

Путей было много, и тот, по которому они зашагали, вёл прямёхонько к покосившейся избушке с двумя обитателями: с древней, но бодрой старушкой и с её чёрным ворчливым котом Асмодеем. Когда путники вышли на опушку леса, первым увидел избушку Митя.

— Что это? — шепнул он спорившим о чем-то Ма-

ришке и Уморушке и протянул дрожащую руку прямо перед собой.

— Это? — машинально повторила Маришка, глядя в темноту. — Это — избушка! — И тут голос у неё слегка дрогнул: — Но только на курьей ножке...

— Выходит, мы к Бабе Яге притопали?

— Всё лучше, чем ни к кому... — Маришка тяжело вздохнула и опустила голову. — А она и накормит нас, и напоит, и спать уложит... а потом посадит на лопату и съест!

Уморушка, которая внимательно сначала слушала разговор Маришки и Мити, вдруг улыбнулась и, смахивая ладошкой со щеки последнюю слезинку, проговорила:

— Как вы плохо, ребята, про мою нянечку думаете! Да нам повезло всем, что на её избушку наткнулись. Бродили бы сейчас по лесу голодные... — Она вспомнила слова Маришки о лопате и поспешила успокоить: — А лопат у неё в доме уже сто лет никто не видал!

— А как же она малых детушек в печку тискает? — искренне удивилась Маришка. — Прячет, наверное!

— Сказки всё это! — засмеялась Уморушка. — Баба Яга их сама про себя придумала, а другие повторяют.

Путники подошли поближе к избушке и остановились.

— Ни окон, ни дверей... — прошептал Митя. — Всё сходится...

— Кто ногой топать будет? — деловито спросила Маришка. — По правилу если, так всегда Ванечки топают.

— Я могу, — предложила Уморушка, — а то пошли так, без топанья?

— Нет уж, давайте по правилу. Раз Ванечки у нас нет, пусть тогда Митя топает. — Маришка посмотрела на Митю, и тому не оставалось ничего делать, как поднять ногу и топнуть ею об землю.

— Избушка, избушка, — зашипела Маришка в Митино ухо, подсказывая, — встань к лесу задом, ко мне передом!

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! — громко повторил Митя.

Но избушка не торопилась выполнять приказание.

— Оглохла она, что ли? — спросила Маришка неизвестно кого и, не дожидаясь ответа, что было силы оглушительно закричала: — Избушка, изба! Встань, пожалуйста, к лесу задом, а к нам передом! Очень тебя просим!

Но изба и на этот раз не стала поворачиваться. Зато из неё выбежал огромный чёрный кот и, сверкая в сгустившихся сумерках изумрудными глазами, завопил:

— Места вам в лесу мало? Размяукались тут под боком! А ну, брысь, мышата!

— Асмодеюшка! Ты что, кисонька? Это ведь я — Уморушка! — И маленькая лесовичка бесстрашно шагнула к огромному коту.

Асмодей потёр лапой глаза и снова взглянул на незваных гостей. Точно — это была Уморушка! От радости у бедного кота спёрло дыхание в горле и вместо имени любимицы из пасти взволнованного Асмодея вырвались какие-то нечленораздельные звуки:

— Мрр!.. Мррнай!.. Муррнаушка!..

— Узнал! Узнал, кисонька! — обрадовалась юная лесовичка. — Только имя немножечко спутал: не Муррнаушка я, а Уморушка!

Асмодей виновато боднул Уморушку головой под коленку и крикнул в сторону избышки:

— Прошу принимать гостей! — После чего запоздало шлёпнул по земле лапой.

Несколько секунд изба стояла неподвижно. И вдруг она вся мелко-мелко задрожала, заскрипела, закачалась, зашаталась и начала на глазах изумлённых путников поворачиваться к ним передом, а к лесу задом.

— Прошу! — протянул Асмодей лапу, приглашая всех в избышку.

Уморушка пошла первой. За ней поспешила Маришка, а за Маришкой потянулся и Митя. Асмодей шёл сзади, и душу его переполняла двойная радость: во-первых, он искренне был счастлив видеть Уморушку, а во-вторых, он знал, что его хозяйка щедро накормит гостей и что-нибудь от этого ужина ему обязательно перепадёт.

Асмодей и Маришка не ошиблись в своих ожиданиях: Баба Яга напоила и накормила бедных путников до отвала. Асмодей, усевшийся за компанию не-

множко закусить, так увлёкся, что чуть было не съел всё сам, но вовремя спохватился:

— Ой, кажется, больше не лезет! — И тут же печально добавил: — Жаль, что я такой маленький...

Асмодей вылез из-за стола, лёг на свою любимую лежанку и, посмотрев на Бабу Ягу сонными глазами, сказал напоследок:

— Их бы в баньку сводить... — И уснул, положив мордочку вместо подушки на передние лапы.

— В баньку бы неплохо, — повторила вслед за котом его хозяйка, — только нету у меня баньки, вот беда!

— Ничего, — утешил её Митя, — мы в речке завтра искупаемся. — И он робко посмотрел по сторонам, пытаясь взглядом обнаружить печально знаменитую лопату. Но лопаты нигде не было. Не найдя её, Митя не огорчился, а обрадовался; пихнув легонько локтем Маришку в бок, он шепнул: — И правда лопаты нет...

Уморушка услышала его шепоток и громко засмеялась:

— А я что говорила? Нянюшка напридумала про себя с три короба, вот её теперь и бояться!

Митя смутился и низко опустил голову. Смутилась и Баба Яга. Желая хоть как-нибудь оправдаться, она проговорила:

— С детишками нянчиться да сказок не придумывать? Захочешь — не получится: заставят!

— Это точно! — поддакнула ей Маришка. — Моя бабушка те же самые слова говорит.

— Про меня она много тебе сказок сказывала? — поинтересовалась Баба Яга.

— Много! — похвалилась Маришка. И стала перечислять, загибая пальцы: — Как вы Нюрочку-девчурочку в лесу поймали, как братца Иванушку с сестрицей Алёнушкой разлучили, как другого Иванушку на лопату посадили да чуть в печку не сунули...

— Ишь ты... — удивилась Баба Яга, сокрушённо качая головой. — Много сказок до вас дошло. А добрые сказки про меня у вас сказывают? — И она с надеждой посмотрела в глаза Маришке, но та виновато опустила взгляд и чуть слышно пролепетала:

— Нет, Ягусь... Не сказывают.

Баба Яга подошла к окну. Там, за окном, уже была ночь. Избушка стояла к лесу задом, к поляне передом,

позабыв повернуться после того, как гости в неё вошли. Над поляной сиял месяц. Возле него одна за другой, словно бы сбрасывая с себя шапки-невидимки и становясь видимыми, вспыхивали звёзды. С земли к месяцу летела какая-то странная штука и противно пищала: «Пи-пи-пи-пи-пи...».

— Скоро этих пищалок в небо накидают — в ступе и лететь побоишься: сшибут и не извинятся. — Баба Яга подумала об этом печально, почти с тоской. Летать на луну она и сама любила, особенно в юности.

— Нянь, а нянь... — прервала её раздумья Уморушка, — мне домой нужно скорее.

— Теперь-то не заблудишься? — Баба Яга согнала с лица грустное выражение и улыбнулась.

— Теперь не заблужусь. — Уморушка встала из-за стола, поблагодарила свою няню за приют и угощение, после чего попросила её как можно ласковее: — Нянь, а нянь... Помоги ребяткам Ивана Иваныча найти. Порастерялись все в нашей Муромской Чаще, прямо беда!

— Мы с Митей не потерялись, — поправила юную лесовичку Маришка. — Это Иван Иванович теперь потерялся, а мы нашли.

— Поищем, так и быть, — согласилась Баба Яга охотно. — Только утром на Лесной Совет слетаю, там и узнаю все новости.

— А мы? — спросила Маришка, и глаза её зажглись любопытством. — Мы с Митей не полетим на Совет?

— Нет, конечно! — ответила строго Баба Яга. — Ещё в жизни такого не бывало, чтобы человеческие дети на Лесной Совет являлись, да ещё в моей ступе!

— Мы и не уместимся втроём, — подал свой голос Митя.

— Уместимся, — успокоила его Маришка. — Я вон какая маленькая, да и ты не крупный мальчик. — Маришка осмотрела Митю с ног до головы и словно бы впервые его увидела. — Просто хилый какой-то!

Митя обиделся и повернулся к Маришке спиной. Маришка сообразила, что сказала немного лишнего, и виновато проговорила:

— Настоящий мужчина и должен быть худощавым. Мой папа тоже такой, его иначе бы и в полярники не взяли.

— Почему? — удивился Митя и снова повернулся к Маришке лицом.

— Потому что под толстым полярником лёд всё время будет проваливаться... А под хи... — тут Маришка вдруг поперхнулась, закашлялась и еле-еле закончила: — А под худощавым лёд не треснет даже.

Пока Маришка объясняла Мите полезность худобы, Баба Яга постелила им постель в углу своей маленькой, но уютной избушки.

— Ну, соколики залётные, прошу почивать!

Уморушка, которой давно было пора спать, засуетилась:

— Полетела я! Завтра встретимся! — Она чмокнула свою нянечку в щёку, помахала прощально ладошкой Маришке и Мите, ласково потрепала дремавшего Асмодея по загривку и... улетучилась.

— Ну, торопыга!.. — проворчала Баба Яга не очень сердито. — Эку скорость развила, ещё сшибёт кого-нибудь на лету! — И она укоризненно покачала головой.

Митя, который начал потихоньку засыпать за столом, приоткрыл веки, увидел посланную постель и еле поднялся с места.

— Чур я у стенки! — крикнула Маришка и первой успела забраться на лежанку. — Спокойной ночи, бабуся!

— Спокойной ночи, — ответила старушка и помогла уснувшему на ходу Мите добраться до постели.

— Спи, Митрий, — сказала она, накрывая мальчика льняным одеялом. — Умаялся-то как за день!

— Угу... — пробормотал Митя во сне, пытаясь поглубже закопаться головой в подушку. — Угу... — И, уже совсем погружаясь в сон, прошептал напоследок: — А лопаты нет у неё... нет лопаты...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Лесной Совет должен был начаться с минуты на минуту. Все собравшиеся ждали Бабу Ягу, которая на этот раз почему-то опаздывала.

— Может быть, она решила поспать? — предположила Учёная Сова. — Самое время присесть вздремнуть.

Но с ней никто не согласился.

— Ночь была для этого, — сердито сказала Кикимора. — А нас с Ягушей бессонница замучила. Уж коли ночью не уснула — утром тем более не заснёшь.

— Может быть, без неё начнём? — неуверенно спросил Калина Калиныч. — Дело важное, ждать и тянуть никак нельзя!

— Начнём! Начнём! — раздалась голоса из разных мест. — Опоздавшие своё мнение потом выскажут.

Шустрик, который тайком проник на Лесной Совет, хотя дедушка и не брал его, не выдержал и крикнул из-за пенька, за которым прятался:

— Начинай, дедушка! Семеро одного не ждут!

Разглядев внука, старый лешак ахнул:

— Наш пострел везде поспел! А ну, марш к Уморушке! Снова потеряется — с тебя взыщу!

— Не потеряется... — буркнул недовольно Шустрик, но на всякий случай стал невидимым и осторожно забрался на верхушку дерева.

Калина Калиныч, разумеется, заметил все ухищрения внука, но гнать его больше не стал: «Пусть послушает. Не повредит. Судьба Муромской Чащи и его судьба...»

Старый лешак потёр брови, собираясь с мыслями, вскинул взгляд на сидевших поблизости товарищей по несчастью и только было открыл рот, чтобы начать говорить, как из-за деревьев вылетела ступа Бабы Яги и приземлилась на поляне.

Все ахнули. В ступе кроме самой хозяйки сидели **ЛЮДИ! МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА!**

— Здравствуйте, — сказала девочка и первой вылезла из ступы.

Следом за ней выбрался мальчик, а за мальчиком ступила на землю Баба Яга. Сунув помело в ступу, бывшая няня Уморушки виновато сказала присутствующим на Лесном Совете:

— Простите великодушно за опоздание! Вот, — тут она показала рукой на Маришку и Митю, стоявших с ней рядом, — из-за этих дитятков задержалась.

Кикимора поднялась с пенёчка, на котором сидела, и подошла к ребятам.

— Уж не вас ли тот бедолага искал, что давеча в болоте моём тонул?

— Иван Иванович?! — охнула Маришка, и глаза её наполнились слезами. — В болоте тонул?!

— Не утоп, не бойся,— успокоила ребят Кикимора.— Вас пошёл искать.

— Я ему записку оставила, просила не уходить, а он...

— Послушался бы тебя твой учитель, так и по сей час там бы торчал,— перебила Маришку хозяйка болота.— А он искать пошёл, на меня вот наткнулся... Я ему присоветовала сюда прийти.— Кикимора вдруг рассердилась: — Из-за вас, сорванцов, не только в болото залезешь, а ещё куда похуже. Зачем учителя сонного, сморённого оставила, а?! — уставилась Кикимора на Маришку зелёными глазами.

— Я бы не оставила,— стала горячо оправдываться Маришка,— но у нас Митя пропал, и целая бригада лесорубов может пропасть, и вся эта Муромская Чаща может пропасть, и...

Тут Калина Калиныч властным жестом остановил девочку.

— Подожди-подожди, тараторка. Мы для того и собрались сегодня все, чтобы участь лесорубов решить да нашу Чащу от них отстоять.

— А Ивана Ивановича найти? — пискнула Маришка.

— Сам найдётся,— сказала Кикимора, садясь снова на пенёк.— Сюда зайвится, куда ж ему ещё идти?

Калина Калиныч рассадил вновь прибывших на свободные места и решил продолжить Лесной Совет.

— Да, друзья мои,— сказал он печально и чуть торжественно,— нам нужно обсудить два вопроса: как спасти Муромскую Чащу от лесорубов и что сделать с ними самими, когда мы их поймаем. Кто хочет высказаться — прошу!

Но никто не спешил высказываться. Обитатели Муромской Чащи привыкли решать все проблемы добром, не прибегая даже к колдовству. А если они и колдовали понемножку, так только для веселья и шутки.

— Кто хочет говорить? — ещё раз спросил Калина Калиныч и обвёл взглядом всех присутствующих на Совете.

— А что говорить? — подала первой голос Баба Яга.— И говорить тут нечего: всё ясно.— И она по привычке стала загибать пальцы: — Предупреждение делали? Делали. Пугать пугали? Пугали. Время одумать было? Было. Одно осталось: ультиматум предъ-

явить. Люди раньше всегда так делали: чуть что — ультиматум: «Сдавайтесь, и никаких!»

— А подействует на этих? — недоверчиво спросил Калина Калиныч. — Средство для нас новое — не знаю... А попробовать нужно!

Тут в разговор вмешалась Учёная Сова, которая хотя и подрёмывала слегка, но всё слышала:

— Ультиматум — изобретение человеческой мысли. А нам нужно приложить НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ усилие, чтобы спасти Муромскую Чашу, — сказала она нравоучительно. — Человек мнит себя царём природы...

Шустрик не выдержал и крикнул из своего убежища:

— Долой монархию! — После чего испуганно пискнул и мгновенно улетучился.

— Какая невоспитанность! — возмущённо захлопала глазами Учёная Сова.

Калине Калинычу стало стыдно за внука, и он пообещал:

— Я с ним дома поговорю...

Вдруг Маришка протянула руку, как она обычно это делала в школе на уроке, когда хотела отвечать, и, не дожидаясь, спросят ли её или не спросят, быстро заговорила прямо с места:

— Можно я скажу? Я тоже хочу сказать своё мнение!

— Не «сказать», а «высказать», — поправила её Учёная Сова, успокаиваясь.

— Высказать можно мнение? — охотно поправилась Маришка.

— Ну говори, пичужка, — разрешил старый лешак. И добавил: — Только быстро.

— Я быстро, — пообещала Маришка, поднимаясь с места. — Можно мы с Митей к дяденькам лесорубам пойдём и с ними побеседуем? В Апалихе они мне не поверили, а здесь поверят.

— Сомневаюсь я... — протянула Баба Яга угрюмо. — Ультиматум надёжнее.

— А вот и нет! — выкрикнула Уморушка, которая, как и Шустрик, не усидела дома и явилась на Лесной Совет. — Никакого толку от этих ультиматумов! Даже от греческих толку нет!

— А тебе откуда про это известно? — удивился Калина Калиныч.

— Да уж известно...— протянула Уморушка и потрогала зачем-то на лбу синяк.

И тут на поляну из лесных зарослей вышел, покачиваясь от усталости, бледный и растерзанный Иван Иванович Гвоздиков.

— Иван Иваны-ыч!..— закричал Митя радостно и кинулся со всех ног навстречу старому учителю.

— Иван Ваныч!..— рванулась следом за Митей счастливая Маришка.

— Нашёл... Нашёл...— лихорадочно шептал Гвоздиков, уже не имея сил сделать хотя бы один шаг им навстречу.— Наконец-то нашёл...

О том же, что он сам нашёлся, Иван Иванович даже не подумал.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Лесной Совет длился больше двух часов. Чего только не предлагали жители Муромской Чащи, но в конце концов все сошлись в едином мнении, и Калина Калиныч смог подвести итог.

— Первое! — торжественно объявил он собравшимся на Совет, вытирая со лба пот.— Поручается нашим гостям из Апалихи побеседовать с незнакомыми лесорубами. Если беседа не поможет, то мы снарядим ходок...

— Поможет! — выкрикнула Маришка и тут же прикусила язык под грозным взглядом Ивана Ивановича.

— И третье...— произнёс Калина Калиныч, забыв договорить о втором решении.— Если и ходоки вернуться ни с чем, то мы просто заколдуем наглых пришельцев!

— Надеюсь, что дело до этого не дойдёт,— тревожно проговорил Гвоздиков.— Мы побеседуем, и они образумятся.

— Образумиться может любой,— нравоучительно сказала своё слово Учёная Сова, с недоверием поглядывая на старого учителя.— Любой, но только не бесовестный!

И она была права. Во всяком случае, она была права сегодня.

Гвоздиков, Маришка и Митя целый час втолковывали неудачливой бригаде, что они не лешие, не колдуны, не волшебники, а обыкновенные люди, пришедшие в Муромскую Чащу для их спасения и для спасения самой Муромской Чащи. Особенно старалась убедить упрямых лесорубов Маришка. Она подступала к братьям Разбойниковым и сердито им выговаривала:

— Вы что, меня не узнаете, я же вам в Апалихе ещё про Муромскую Чащу рассказывала!

— Узнаём, почему не узнаём... — опускал глаза Паша, продолжая упорно гнуть свою линию, — там ты просто девчонкой была, а тут...

— Ну что «тут», что «тут»?!

— А тут ты волшебницей окажешься, — поддержал брата Саша.

— Я — волшебница?! — искренне удивилась Маришка. — Я самая обыкновенная второклассница! Видите, у меня ещё на руке чернильное пятно не стёрлось? — И она по очереди стала протягивать им свою руку с бледным фиолетовым пятнышком у запястья.

— Сейчас видим... — шептали парни, дружно пятясь от наседавшей на них девчонки. — А через минуту — хоп! — и нету!..

Хитрый Опилкин решил проверить старика и мальчишку с девочкой более надёжным способом. Он быстро сбежал в палатку и взял там свой старый топор. Спрятав его за спину, он вернулся и продолжил прерванный было разговор.

Старик, мальчик и настырная девочка просили лесорубов немедленно покинуть Муромскую Чащу. Бригада и сам бригадир с радостью хотели бы исполнить их просьбу. Но сколько дней и сил было уже потеряно! Сколько денег ушло впустую, выброшено на ветер... А сколько не заработано! Подумав об этом, Опилкин заскрежетал зубами. Только трудом, упорным трудом до седьмого пота могла бригада искупить и исправить совершённые ими ошибки.

— Нет! — решительно ответил после долгих и мучительных раздумий подозрительным спасителям Опилкин. — Мы не вернёмся, пока не выполним два годовых плана. С такой древесиной, как здесь, — это такие пустяки. — Разговаривая, он время от времени доставал из-за спины топор и, покрутив его в руках, прятал обратно за спину. Старик и особенно мальчишка

косили глаза на топор, но рассыпать его впрах что-то не собирались. Опилкин окончательно уверился, что перед ним обыкновенные нормальные люди, и никакие не волшебники, и потерял к просителям всякий интерес.

— Отдыхать, товарищи! — громко объявил он и зачем-то похлопал три раза в ладоши. — Завтра — тяжёлый день.

— Утро сегодня тоже было не лёгкое... — вздохнул Ведмедев и первым отправился на покой в палатку.

За ним потянулись и братья Разбойниковы. Опилкин, который хотел было уже идти следом за Пашей и Сашей, посмотрел в последний раз на странных пришельцев, и жалость к ним на мгновение шевельнулась в его одеревеневшем сердце:

— Прошу и вас к нашему, так сказать, шалашу... Устали, чай, с дороги?

Но Иван Иванович вдруг заупрямился и отказался от приглашения.

— Благодарю вас, — холодно сказал он Григорию Созоновичу. — И я и дети сыты. Мы раскинем свой бивуак где-нибудь в другом месте! — И он повернулся к Опилкину спиной.

А Маришка удивлённо подумала: «Оказывается, у нас какой-то бивуак имеется... А я и не знала!»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Но бивуака у Гвоздикова не было. Он сказал про него Опилкину лишь для того, чтобы отказаться от бригадирского приглашения.

— Наши друзья из Муромской Чащи подумают, что мы заодно с ними, — объяснил Иван Иванович ребятам. — Но разве мы можем согласиться на вырубку прекрасного заповедника?

— Не можем! — сказала Маришка решительно.

— Не можем, — ответил так же и Митя. И тут же спросил: — А что мы можем?

Гвоздиков отвел ребят подальше от стойбища лесорубов и пригласил их на минутку присесть.

— Что мы можем? — повторил Иван Иванович Митин вопрос, после того как они все уселись на траву. —

Многое! Безвыходных положений не бывает, нужно только хорошо раскинуть мозгами.

Митя улёгся на спину и сладко потянулся:

— И чего здешние граждане с ними чикаются? Не понимаю! Колдовать разучились, что ли?

Гвоздев посмотрел на мальчика и некоторое время не отвечал ему, сосредоточенно думая. Потом проговорил:

— Это было бы нечестно с их стороны — воспользоваться колдовством. Лесорубы колдовать не умеют, и силы поэтому явно не равны. Превратить царевну в лягушку или бригадира Опилкина в козьяку — пара пустяков. Но как трудно будет ему потом из козьяки вновь превратиться в настоящего человека!

Митя, до этого безмятежно глядевший на облака, вдруг резко вскочил.

— Смотрите! — крикнул он, показывая рукой куда-то вдаль. — Что-то летит, кажется, вертолёт!

Маришка и Гвоздиков тоже быстро поднялись на ноги и уставились в синее бездонное небо.

— Не-а,— сказала Маришка через несколько секунд,— это не вертолёт. У вертолёта крутилки сверху крутятся, а у этого махалки сбоку махают. Должно быть, махолёт летит.

Иван Иванович, хотя и был взволнован неожиданным известием, всё-таки не удержался и сделал Маришке замечание:

— Кто же так говорит, Мариш!.. «Махают»!.. Такого и слова-то в русском языке не найдёшь.

— Что ж, я его сама придумала? — удивилась Маришка.

Пока они пререкались, таинственный летательный аппарат приблизился к ним настолько, что его можно было рассмотреть получше.

— Кажется, это действительно не вертолёт... — проговорил неуверенно Иван Иванович.

— Я же говорила — махолёт! — засмеялась Маришка и подпрыгнула от радости на месте.

Гвоздиков снял очки, протёр их платочком, снова надел и, посмотрев, чуть прищурившись, вверх, тихо сказал:

— По-моему, это Змей Горыныч...

Действительно, это был Змей Горыныч.

Когда Змей Горыныч узнал, что он опоздал на Лесной Совет, то здорово рассердился.

— Почему меня не дождались?! — закричала на Бабу Ягу левая голова Змея Горыныча.

— Почему без меня всё решили?! — закричала затем правая. А средняя голова покачалась укоризненно и прошептала:

— Ай, яй-яй...

— Спать помене нужно! — рассердилась в свою очередь Баба Яга. — Прилетел, налетел на старую, раскричался!.. Тут такие дела делаются, а он спит себе в пещерке, похрапывает!..

— Да что делается-то? — уже спокойнее спросила правая голова.

— Из-за чего Совет собирали? — заглядывая Бабе Яге в глаза, спросила левая голова.

— Об этом тебе Калиныч расскажет. Калина! — позвала Баба Яга. — Тут к тебе дружок появился!

Но вместо старого лешака на поляне появились Иван Иванович Гвоздиков и его юные друзья Маришка и Митя.

— Вот он! — закричала запыхавшаяся Маришка. — Сюда сел!

— Ближе не подходит! — предупредил Гвоздиков. — Мало ли что случиться может...

— Идите, не бойтесь! — позвала ребят и старого учителя Баба-Яга.

— А мы и не боимся. — Митя посмотрел на Ивана Ивановича. — Вы не бойтесь, Иван Иванович?

Гвоздиков раздражённо махнул рукой:

— Ступайте. Если что — пеняйте на себя.

— Ладно! — Маришка, а следом за ней и Митя бросились к лежащему на поляне Змею Горынычу.

Змей Горыныч, казалось, дремал. Все шесть глаз его были прикрыты тяжёлыми веками, сложенные крылья чуть пообвисли, и края их лежали на земле.

Иван Иванович тоже подошёл поближе и, не в силах сдерживать своего восхищения, громко произнёс:

— Какой прекрасный экземпляр! Типичный представитель Киевского и Новгородского былинных циклов!

Змей Горыныч не спал. Приподняв веки, он секун-

ду-другую внимательно рассматривал стоящего перед ним Гвоздиков, затем тихо и гордо, но с затаённой в глубине души обидой, сказал:

— Может быть, вы были и правы, назвав меня прекрасным, но слово «ЭКЗЕМПЛЯР» я расцениваю как оскорбление личности. Вы ещё бы сказали: «Хороша штучка!..» Вы сами-то кто?

Иван Иванович немного опешил:

— Гвоздиков... учитель...

— Оно и видно!.. — ехидно проговорил Змей Горыныч. И передразнил: — «Типичный представитель!.. Былиных циклов!..»

Баба Яга поспешила их помирить:

— Ну что вы, в самом деле, как маленькие! Разве об этом сейчас нужно думать? Муромская Чаща на краю гибели!

— Я, кажется, для этого сюда и прилетел, — стал оправдываться Змей Горыныч. — Только пусть ко мне перестанут приклеивать ярлыки и давать всевозможные клички. Я устал за полторы тысячи лет от всего этого.

— Я и не думал давать вам клички, уважаемый. — Гвоздиков повернулся к Бабе Яге и словно бы попросил защиты: — Вы сами слышали, что я не сказал ничего оскорбительного.

— Не говорил, не говорил!.. — примиряюще сказала Баба Яга. — А с лесогубцами говорил?

— Говорил... — опустил голову Иван Иванович, — без толку только.

— Ах, дровотяпы!.. — Баба Яга хотела ещё что-то сказать, но передумала и снова громко позвала: — Калина Калиныч!.. Куда запропастился?!

— Тут я. Внучаток вразумлял. — Словно из-под земли вырос Калина Калиныч.

Змей Горыныч, который чуть было вновь не задремал, услышал знакомый голос, приоткрыл глаза и увидел своего старого приятеля Калинушку. Как постарел он за пятьсот лет разлуки! Мощные плечи обвисли, исчезла куда-то брусничная алость губ и щёк, некогда прямой и широкий стан похилился, и только блеск умных, с легкой лукавинкой глаз выдавал в этом старом лешем прежнего молодца лешака.

— Калинушка, — вильнул приветливо Змей Горыныч хвостом, — сколько лет, сколько зим!..

— Много, Горынушка... Поди, за пятьсот будет?

— Пожалуй, будет. Безвылазно в Далёкой Пещере пять веков провёл.

Средняя голова Змея Горыныча тяжело вздохнула и добавила от себя лично:

— Я против была, да вот они уговорили на глаза никому не показываться.— И она покосилась сначала на левую, а потом на правую головы.

— Чем же вы питались все эти пять веков, уважаемый?! — воскликнул изумлённый Гвоздиков.

— Воспоминаниями,— охотно ответила левая голова.— У нас их много!

— Если бы вы знали, каких трудов мне стоило уговорить их на это путешествие! — пожаловалась средняя голова на своих соседок.— Они никак не хотели расставаться с воспоминаниями о былом и начать жить настоящим.

— А чего хорошего в нём? — буркнула сердито левая голова.— Только взлетишь высоко, только почувствуешь: крылья окрепли, а тут тебе команда: «Стоп! Прилетели! Дальше нельзя — чужая территория!»

— Да если бы не Муромская Чаща, мы и не прилетели! — поддержала её правая голова.— Не хватало только, чтоб и Муромская Чаща пропала!

— Пропасть может.— Баба Яга покосилась на Калину Калиныча.— Наш воевода запретил колдовство применять, а разговоры-то не очень нам помогают!

— Это точно! — подтвердил Иван Иванович.— Беседовали с бригадой, вразумляли — всё без толку!

Баба Яга стала потихоньку закипать:

— Долго, Калиныч, мы с ними возиться будем? Терпенье у всех лопнуло, пора их и поприжать! Вот и Горыныч на подмогу пожаловал...— она вдруг ехидно улыбнулась: — Он с ними чикаться не станет!

Но Змей Горыныч внезапно обиделся и огрызнулся муромо:

— Что Горыныч? Чуть что — сразу Горыныч! Съесть, что ли, мне их прикажешь? Съесть человека не долго!

И тут Ивану Ивановичу пришла в голову гениальная идея.

— Есть никого не нужно! — перебил он начавших было ссориться старых приятелей.— Их нужно усыпить! Хотя бы одного — бригадира.

Гвоздиков обернулся к Калине Калинычу и спросил того, хитровато улыбаясь:

— Вы что на Совете постановили сделать, если наши переговоры ни к чему не приведут?

— Ходоков послать к начальству лесорубов. Пусть своих работников забирают, пока мы с ними сами не расправились!

— Вот и посылайте ходоков.— Иван Иванович присел на траву, приглашая присесть и остальных собеседников.

Все уселись рядышком со старым учителем. Один только Змей Горыныч продолжал лежать: сесть он не мог при всём своём желании.

— Пока бригадир будет спать, ни одно дерево лесорубы не свалят: побоятся. А ходоки за это время в город съездят, начальству Опилкина доложат: так, мол, и так, самоуправство ваш работник проявил. Заповедное место вырубить хочет — до последнего деревца! Оттуда скоман্দуют — они и уйдут не солоно хлебавши.

— А если не скоман্দуют? — выразил недоверие Калина Калиныч.

— Скоман্দуют. Там-то понимают, что Муромскую Чащу сберечь нужно. Одна такая на всю страну.— Иван Иванович не стал дожидаться новых сомнений со стороны недоверчивого лешака и поспешил до конца изложить свой план: — Нужно слетать вам, уважаемый Змей Горыныч, в Долину Волшебных Одуванчиков. Нарвите с десятков разных — и обратно. А Вы, Калина Калиныч, подложите их незаметно в палатку бригадира Опилкина...

— Рыженьких нужно нарвать! — перебила его Баба Яга.— Синенькие очень уж крепкие!

— Хорошо, нарвите рыженьких,— согласился Иван Иванович.— Они действуют безотказно, я на себе проверил.

— А кто в город к начальству поедет? — спросил Змей Горыныч.— Дело ответственное...

На этот вопрос Гвоздиков не нашёл сразу что ответить и только сказал:

— Нужно подумать...

Он хотел ехать сам, но тащить снова с собой всю «гвардию» было невозможно. Оставить же их без при-

смотра в Муромской Чаше Гвоздиков боялся: вдруг опять пропадут?

— Я поеду,— заявил Калина Калиныч, словно читая на расстоянии мысли Ивана Ивановича.— Я тут старший, мне и ехать.— Он вздохнул тяжело: — Плохо только, я города не знаю... лет триста-четырееста не бывал в нём. Поди, изменилось там многое.

— Перемены есть,— подтвердил Гвоздиков.— Большинство к лучшему.

Митя, который сидел до этого молча, прислонившись спиной к тёплому боку¹ Змея Горыныча, вдруг подал свой голос:

— Я с вами поеду, Калина Калиныч.

— Поехали, сынок! — обрадовался старший леший.— Вдвоём веселее! Может быть, и Шустрика возьмём... Там видно будет.

— Чего видно, чего видно!.. — раздался ворчливый голос Шустрика.— Конечно поеду!

— Ты сперва здороваться со старшими научись, а уж потом в путешествие направляйся! — Калина Калиныч сердито погрозил невидимому лешачонку: — Опять подкрадываешься? Опять деда напугать хочешь? Вот я тебе, пострелёнок эдакий!

— Надо больно пугать... — проворчал Шустрик и стал видимым, — а в город я с вами поеду! — И запоздало поздоровался: — Здравствуй, деда Горыныч.

— А меня с собою возьмёте? — на всякий случай спросила Маришка.— Она уже догадывалась, что Иван Иванович не отпустит её теперь от себя ни на шаг, и она оказалась права.

— Ты тут нужна,— отрезал сердито Гвоздиков.— Будешь разведчицей.

Маришка никогда не была настоящей разведчицей и поэтому сразу же согласилась остаться.

— Ну, не будем терять время,— сказал Калина Калиныч.— Кто с тобой полетит, за одуванчиками, Змеюшка?

— Я! — закричали одновременно Митя и Маришка.

— Я! — опоздало выкрикнул Шустрик и первым взлетел на спину Змея Горыныча.

¹ Примечание: змеи относятся к холоднокровным, но Змей Горыныч был огнедышащий змей, и поэтому бок у него был тёплый.

— Одного Шустрика хватит,— остановил других ребят старый лешак. И строго наказал внуку: — Нарвёшь рыженьких и синеньких. Рыженьких Опилкину, синеньких бабке Кикиморе. Бессонница старую замутила. Понял?

— Понял! — весело ответил Шустрик и нетерпеливо лягнул Змея Горыныча лаптем в бок.

Змей Горыныч вздрогнул, встрепенулся, открыл глаза и спросил:

— Летим?

— Летим! — крикнул Шустрик и помахал рукой провожавшим.

— Сам-то не нанюхайся и Горынычу не давай!

Из ноздрей Змея Горыныча повалил клубами дым, лёгкое пламя вырвалось из полуоткрытых пастьей, крылья затрепетали и расправились, тело напряглось, наливаясь силой; минута — и он взвился в небо, поднялся над облаками и исчез там вместе со своим лихим седоком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сначала всё шло точно по плану. Не минуло и часа, как Змей Горыныч и Шустрик вернулись с огромной охапкой золотистых и синеватых одуванчиков.

— Хватит для начала и одного,— сказал Калина Калиныч, откладывая в сторону самый крупный цветок.— Другие для добавки пойдут.

— Такого здорового одуванчика и на три дня хватит! — радостно проговорила Баба Яга.

— Может, и обернёмся за три дня,— неуверенно проговорил Калина Калиныч,— а может, и нет...

— Обернёмся! — пообещал Митя бодро.— Туда день, там день, оттуда день — как раз три дня.

— Ну-ну... — буркнул старый лешак и, держа в вытянутой перед собой руке огненно-рыжий одуванчик, двинулся к месту стоянки лесорубов.

— Только нужно незаметно положить... И только Опилкину... — бросил вслед Калине Калинычу Гвозди-ков.

Но старый леший не удостоил его ответом. Пройдя ещё несколько метров, он вдруг стал невидимым. Не-

видимым стал и одуванчик, и только по назойливо кружащемуся шмелю можно было догадаться об их местонахождении. Пока все наблюдали за Калиной Калинычем, со Змеем Горынычем случилось маленькое происшествие. Его левая голова не вытерпела и сунулась носом в ворох прекрасных одуванчиков.

— Ах, какая прелесть!.. — успела она восторженно произнести, закатывая от наслаждения глазки. — Какой чудный аромат!.. И тут же рухнула на землю, сражённая богатырским сном.

— Что ты наделала?! — завопили две другие головы в ужасе. Но левая голова сладко посапывала и ничегошеньки уже не слышала.

— Придётся и вам подремать, — сказала Баба Яга расстроившимся головам, — делать нечего.

Змей Горыныч вздохнул и отполз за большие кусты, вольно за собой по земле дурную голову.

— Я тут расположусь, — сказал он убитым голосом своим новым друзьям. — Надеюсь, я вам не понадобится эти три дня. — И, закрыв остальные четыре глаза, погрузился в воспоминания, похожие на дивный сон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Когда невидимый и неслышимый Калина Калиныч проник в палатку Опилкина, то он застал хозяина сидящим за столиком со счётами в руках.

— Строгий выговор за самовольную поездку в Муромскую Чащу — раз! — И Григорий Созонович отодвинул одну костяшку вправо. — Лишат премии за срыв июньского плана — два! — И вторая костяшка присоединилась к первой. — За поломку машины и траты горючего занесут выговор в трудовую книжку — три! — Палец отбросил вправо третью костяшку. — На собрании коллектива Берёзко скажет: «Ай-яй-яй, товарищ Опилкин!» — четыре! — Григорий Созонович хотел откинуть четвертую костяшку, но не успел. Он вдруг увидел на столе неизвестно откуда взявшийся одуванчик.

«Готов поклясться, что его здесь не было!» — подумал взволнованно Опилкин и поднял голову вверх, словно надеясь увидеть в палатке дыру, сквозь кото-

рую и свалился сюда загадочный цветок. Но дыры не было, да и не падают одуванчики с неба... Григорий Созонович опустил голову и уставился на таинственную находку. Одуванчик был свеж и красив, ни одна его пушинка ещё не успела сорваться и улететь с безжалостным разлучником-ветром прочь, и каждая из них излучала сейчас легкий, чуть-чуть дурманящий аромат. Рука Опилкина потянулась сама по себе к цветку и взяла его. «Обычно одуванчики не пахнут,— подумал Григорий Созонович, поднося золотистый шарик к носу,— а этот пахнет...» Опилкин хотел разобраться получше, чем пахнет странный цветок, но не успел. Перед его глазами вдруг поплыл лёгкий, золотистый, как одуванчик, туман, и бригадирская голова улеглась рядом со счётами.

— Так-то лучше будет...— прошептал Калина Калиныч, подкладывая под щёку Опилкина небольшую подушку. Потрогал счёты и, сам не зная, зачем он это делает, откинул вправо ещё одну костяшку. После чего тихо и незаметно, так же как и появился, исчез, оставив Григория Созоновича в объятиях Морфея.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Шёл двенадцатый час ночи. В маленьком вокзальчике станции Ворожейкино — ни души. До прихода пассажирского поезда «Большие Усищи — Светлогорск» оставалось около часа свободного времени.

«Подремлю полчасика,— подумала ворожейкинская кассирша, закрывая окошко кассы фанеркой,— раз нет никого, можно и подремать». Она положила голову на мягкие пухлые руки, с успехом заменяющие в нужный момент ей подушку, и приготовилась своё намерение претворить в жизнь.

И тут в фанерную заслонку кто-то резко и нетерпеливо забарабанил.

«Принесла нелёгкая кого-то...» — сердито подумала кассирша и оторвала голову от тёплых пуховиков. Однако амбразуру она не спешила открывать, а спросила через спасительную преграду:

— Что колотитесь?! Вы в свою голову так поколотитесь! — Тут на глаза кассирше попался прикреплён-

ный к стенке вымпел «За отличное обслуживание пассажиров», и ей стало немного стыдно. Уже мягче и вежливее она спросила: — Что надо? — и открыла окно кассы.

Прямо перед окошком стоял мальчик лет одиннадцати-двенадцати, в голубенькой, в чуть заметную клеточку рубашке, вихрастый и голубоглазый. В стороне, около входа, его дожидались древний старик и такой же мальчишечка, только обутый почему-то, как и его дедушка, в новенькие золотистые лапти.

«Ишь ты.. — подумала кассирша, с интересом разглядывая Калину Калиныча и Шустрика, — в лаптях!.. Должно быть, в область едут, на смотр художественной самодеятельности...»

Так оно и оказалось: старик и оба мальчика ехали в областной центр.

— До Светлогорска билет сколько стоит? — спросил голубоглазый мальчик. И поспешил добавить: — В общем вагоне.

— Четыре восемьдесят пять, — охотно отчеканила кассирша.

«Так и есть: только на один билет хватает...» — подумал расстроенный Митя, но билет всё-таки купил и отошёл с ним к Шустрику и Калине Калинычу.

По грустному виду паренька, купившего билет, по опечаленным физиономиям его товарищей кассирша догадалась об их финансовых затруднениях. Однако помочь она им ничем не могла. Она могла только посочувствовать и предупредить незадачливых путешественников:

— Не вздумайте зайцами ехать! Ревизоров на линии — пропасть! Да и стыдно в таком возрасте без билета кататься. — Сказав это, она снова скрылась в своём дзоте, предоставив старичку и двум мальчикам право искать самим выход из сложившейся ситуации.

Как только голова кассирши исчезла, Митя взволнованно спросил у Калины Калиныча:

— Что делать-то будем? Билет — один на троих!

Старый лешак задумчиво почесал затылок и, не отвечая Мите на его вопрос, предложил:

— Выйдем-ка отсюда... Не привык я к помещениям.

Они выбрались из вокзальчика на пустынную платформу и с удовольствием вдохнули свежий ночной воз-

дух. На небе уже вовсю светили звёздочки, месяц, чуть-чуть расплывшийся за эти несколько дней, висел прямо у них над головами; вдали, почти у горизонта, сияло незнакомое Калине Калинычу и Шустрику созвездие изумрудных, фиолетовых и рубиновых звёзд.

— Что это? — удивлённо спросил Шустрик и протянул в их сторону руку.

— Обыкновенные сигнальные огни, — пояснил Митя, — чтобы поезда в темноте не заблудились.

— Понятно... — прошептал Шустрик, хотя ему и не всё ещё было ясно и понятно.

Калина Калиныч вспомнил слова кассирши и спросил у всезнающего Мити:

— А как это «зайцем ездить»? Разве люди тоже колдовать умеют?

Митя улыбнулся:

— Что вы, Калина Калиныч! Просто так говорится: «ездить зайцем». Это значит: ехать бесплатно, без билета.

— Вот оно что... Ну-ну...

Старый лешак задумался. Ему пришла в голову простая и светлая мысль: он придумал, как провезти без лишних хлопот внука и юного друга Митю.

— Вот что, — сказал он через минуту мальчишкам, — превращу-ка я вас в двух зайчат...

У Мити испуганно взметнулись брови, и он уставился на Калину Калиныча ничего не понимающим взглядом. Шустрик, уже привыкший к фокусам и чудесам своего деда, только хмыкнул в ответ и поскрёб пальцем веснушчатый нос, словно пытаясь соскребать с него хотя бы одну веснушку.

— Да-да, — повторил Калина Калиныч, радуясь в душе тому впечатлению, какое произвела на Митю его необыкновенно мудрая выдумка, — превращу вас в зайцев, посажу в корзинку (неизвестно откуда и неизвестно как, но в руках его появилась небольшая корзинка с плетёной ручкой посередине), — и — вперёд, в город.

Митя хотел возразить, но не успел. Калина Калиныч пошевелил губами, и Митя вдруг почувствовал, как ноги его подкосились, и он упал на платформу, еле успев вытянуть руки. Секунду он рассматривал асфальт под своим носом, а когда чуть приподнял глаза, то с удивлением увидел возле себя большого рыжева-

того зайца с раскосыми и озорными, как у Шустрика, глазами. Заяц подмигнул Мите левым глазом и лениво прыгнул в стоявшую на платформе корзинку.

— Вот вам морковка, — раздался у Мити над головой голос Калины Калиныча.

Огромная рука деда Калины нырнула в корзинку и бережно положила туда несколько свежих и аппетитных морковок. И Митя, неожиданно для себя самого, вдруг так захотел похрумкать морковку, что ноги его, а точнее, мягкие заячьи лапы сами собой оттолкнулись от чёрного асфальта и опустились в корзинку, рядом с неунывающим Шустриком.

— Так-то, ребятки, будет лучше, — сказал, нагибаясь над корзиной, счастливый обладатель единственного билета. — Ночку подремлете в заячем облике, а утром я вас расколдую. Говоря эти слова, Калина Калиныч на всякий случай перевязал верх корзины своим верёвочным пояском: крест-накрест, несколько раз. После чего прислушался, уловил дружное похрумкивание и сопение двух дружков, улыбнулся и, взяв корзинку в руки, стал терпеливо дожидаться страшного чудовища по имени Поезд.

Чудовище прибыло без опоздания: минута в минуту. Словно чувствуя присутствие на платформе станции Ворожейкино родственной нечистой силы, чудовище ещё издали приветственно загудело и стало сбавлять ход, пока не остановилось возле Калины Калиныча.

Проводник Чайников, выглянув в окно и увидев одинокого пассажира с корзинкой в руках, выскочил в тамбур и открыл дверь.

— Поскорее, гражданин, сейчас отправляемся!

Чайников протянул руку, желая взять у старичка пассажира корзинку и тем самым облегчить ему посадку в вагон, но упрямый дед в старомодных лаптях и рубашке-косоворотке ещё крепче вцепился в свою корзинку и стал карабкаться по неудобным и высоким ступенькам вверх самостоятельно. Вышла из вокзальчика поглядеть в последний раз на любопытного старичка с двумя мальчишками ворожейкинская кассирша.

— А где мальчишки? — протянула она удивлённо, увидев, что старик садится в вагон один.

— Нет мальчиков, — сердито ответил Калина Калиныч, достигнув с трудом заветного тамбура.

Проводник Чайников заглянул в корзинку и засмеялся:

— Нет мальчиков, зато зайчики есть! — И, любезно открыв перед старым лешаком дверь в вагон, пригласил: — Прошу! Есть свободная нижняя полка. Берегу специально для престарелых и пассажиров с детьми.

— Для нас, выходит? — переспросил странный старичок проводника и почему-то при этом кивнул на корзинку. — Ну, спасибо.

Чайников закрыл наружную дверь, затем входную в салон и провёл Калину Калиныча к свободной полке:

— Вот, пожалуйста! — И, дождавшись, когда старичок усядется, бережно поставив рядом с собой корзинку, спросил: — Вам куда?

— В Светлогорск, — ответил Калина Калиныч услужливому проводнику и протянул билет.

Услышав, что странный пассажир едет в Светлогорск, Чайников очень обрадовался:

— В Светлогорск?! Ну, тогда можете спать спокойно! Светлогорск — станция конечная, её не проспите. И он, кивнув на прощание Калине Калинычу головой, ушел в своё служебное купе.

На противоположной от деда Калиныча лавке сидел большой грузный мужчина лет сорока пяти. Казалось, что мужчина спал, однако старый леший чувствовал на себе его цепкий взгляд из-под полуприкрытых глаз.

«Нехороший человек, — подумал о нём Калина Калиныч, — ох, нехороший... Притворяться любит».

Состав дёрнулся, и мимо окна поплыли редкие станционные огоньки. Калина Калиныч нагнулся над корзиной и прошептал:

— Ну, ребятки, кажется, поехали... Спите пока, и я вздремну. — Но Митя и Шустрик, не дожидаясь его приглашения, уже давным-давно спали.

Калина Калиныч подвинулся поближе в угол, прислонился к стенке, и вскоре непритворный храп раздался в их купе. Мужчина, сидевший напротив, раздражённо выпрямился, посмотрел по сторонам и, увидев, что все вокруг спят, быстро пересел на лавку к Калине Калинычу. В купе было темно, однако мужчина разглядел на дне корзинки двух рыжеватых зайцев.

«Мне на следующей станции сходить, а такое жаркое дальше поедет... — подумал он горько и ещё раз воровски осмотрелся. Все спали... Рука сама собой потянулась к корзине, вцепилась в плетёную ручку. — Лишь бы сойти успеть, — думал жулик, приподнимаясь медленно с лавки. — Сойду, а там поминай как звали!.. Не один леший этих зайцев не отыщет».

Мужчина встал и, крепко держа обеими руками корзину, на цыпочках двинулся в соседний вагон. Дверь в тамбур скрипнула, и вор исчез. Калина Калиныч сонно почмокал губами, поуютней прижался щекой к вагонной стенке и принялся рассматривать второй увлекательный сон. В вагоне было темно, тепло, пахло сырой древесиной и плесенью, и всё это напоминало старому лешаку родной и любимый трухлявый пенёк. Калина Калиныч спал и даже не чувствовал мерного покачивания вагона на стыках рельсов и судорожного подёргивания состава во время частых и коротких остановок. А поезд мчался сквозь тьму, унося его ближе и ближе к Светлогорску и всё дальше от несчастных и заколдованных Мити и Шустрика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Они проснулись от яркого электрического света и громких незнакомых голосов. Разговаривали двое: мужчина и женщина.

— Насть, а Насть! — звал мужской голос. — Гляди, что я достал!

По полу зашлёпали чьи-то босые ноги, и вскоре над Митей и Шустриком показалась женская голова, вся утыканная металлическими трубками.

— Аркашенька!.. — пропищала радостно голова. — Золотце ты моё!.. И как только ты догадался их купить?!

Митя и Шустрик наострили уши: быть не может, чтобы Калина Калиныч их продал!.. Но мужчина честно признался и тем самым развеял все сомнения:

— А я не покупал их. Дед какой-то в вагоне оставил. А я и того... взял.

«Врёт, — подумал Шустрик, — не мог дедушка нас оставить».

Не поверил мужчине и Митя. Он привстал на задние лапы и высунул нос из корзины, желая получше рассмотреть обманщика и вора, а заодно и место, где он находился теперь вместе с Шустриком.

— Гляди, какой любопытный! — Показала жена мужу на торчащий из корзины заячий нос. И вдруг предложила: — Давай зажарим его! У Коленьки как раз именины.

Услышав эти слова, Митя без сил плюхнулся на дно корзины, а Шустрик подумал: «Надо расколдовываться. А то поздно будет...» Но как ни старался Шустрик, какие только волшебные слова ни произносил, у него ничего не получалось. Слишком хорошо умел колдовать Калина Калиныч! Снять его заклятие мог только такой же чародей, как он сам, а Шустрик... Шустрик был бессилён! Меж тем хозяин дома, обдумав предложение жены приготовить жаркое, произнёс не совсем уверенно:

— Ну что ж, зажарить можно... Только ведь у нас кабанчик прирезанный лежит.

— А шкурки на шапку! — Хозяйка упорно добивалась своего, и Митя с Шустриком чувствовали, что уже не жар, а ледяной холод обдаёт их от лап до хвоста. — У Коленьки как раз нет новой шапки!

Хозяин не спорил, казалось, с женой, а соглашался, однако вывод у него получался совсем другой.

— Да, шапку Николаю надо, растёт парень. И шкурки хороши, не мешало бы сшить... Только я зайцев этих лучше Вырубалкину, завскладом нашему, отнесу. В подарок.

— В подарок?! — Хозяйка ахнула и подавилась. Несколько секунд было тихо, но вот голос её снова прорезался: — В подарок?! Этому ироду?!

— Нужному человеку. Он мне за них лесу на дачу отпустит. — Хозяин помолчал немного, потом добавил: — А дача — это покрупнее зайца зверь!

Хозяйка обдумала слова мужа и облегчённо вздохнула:

— Ну что ж, делай как знаешь. И то правда: кабанчик ещё весь целёхонький лежит, а Колька и без заячьей шапки побегаёт. Ещё заячью не трепал, оборот! — И она, выключив свет, легла снова спать.

Улёгся вскоре и хозяин. Только Митя и Шустрик не смогли уже сомкнуть глаз. Тщетно они пытались

прогрызть дыру в корзине или хотя бы сорвать переплетённые крест-накрест ремешки и верёвки. Жулик для надёжности обмотал корзину медной проволокой, и бедный Шустрик ничего не мог с ней поделаться. Когда старый Калина Калиныч объяснял лешакам-внучатам свойства меди, Шустрик прогулял с буйным ветром в обнимку весь урок. И вот теперь ему и его товарищу по несчастью Мите приходилось расплачиваться за этот прогул такой страшной ценой! Шустрик понял, какую непоправимую ошибку он совершил, и, ткнувшись розовым носом в пушистый Митин бок, зарыдал беззвучно и горько.

Утром первым к Мите и Шустрику подошёл сынок жулика Колька. Он заглянул в корзинку и радостно завопил на весь дом: «Зайчики!» — разбудив своим воплем отца и мать.

— Ну зайцы, ну и что? — сердито проворчала хозяйка и, встав с постели, пошла во двор выгонять корову в стадо. Когда мать вышла, Колька боязливо спросил у отца:

— А можно, я за уши их потрогаю?

— Потрогай, — милостиво разрешил папаша.

Мальчишка сунул руку в корзинку и ухватил первого попавшегося зайца за уши. Им оказался Митя. Он судорожно задрогал всеми четырьмя лапами, но Колька крепко держал его за удобные для такого дела лопушки. В другое время Шустрик расхохотался бы, увидев такую картину, но сейчас ему было не до смеха. Да и видел ли кто-нибудь хохочущего зайца?

Цап! — цапнул Шустрик мальчишку за руку. Не столько от боли, сколько от страха и неожиданности, мальчишка оглушительно заревел и, разжав пальцы, выпустил Митины уши на свободу.

— Кусается? — спросил отец сына. И сам же ответил себе: — Кусается. Не любит, когда за уши дерут.

— А я драл?! Подержал немного, а тот вцепился! — И Колька указал пальцем на Шустрика.

— Да ну?! — удивился жулик. — Сам пропадай, а товарища выручай? Гляди-ка ты... — И он, поднявшись с кровати, подошёл к корзине.

— Вот и ты так себя в школе веди, — наставительно добавил он сыну, разглядывая двух съёжившихся

на дне корзины зайцев. — За друзей заступайся, помогай им во всём. Тогда и они тебе когда надо помогут, а то и из беды выручат.

Жулик склонился пониже над корзинкой и улыбнулся как смог поласковее:

— Попались, братья-кролики!.. Что ж делать: не я, так тот старик вас бы продал. Должно быть, на базар в Светлогорск вёз? А к чему старому деньги? Ни к чему. А я дачку построю, вас, косоглазых, добром вспомню... — Он хотел погладить Митю и Шустрика по их длинным ушам, но вовремя спохватился и отёрнул руку. Да он не успел бы погладить их. В тот момент, когда он собрался было это сделать, Митя и Шустрик вдруг начали медленно, а потом всё быстрее и быстрее приподниматься из корзины. Верёвка и медная проволока, которыми был переплетён верх корзины, лопнули, и через три-четыре секунды зайцы уже висели в воздухе как раз между потолком и полом. Потом они плавно, словно пушинки, двинулись в сторону открытой форточки.

— Колька... — хрипло прошептал перепуганный до смерти папаша остолбеневшему сыну. — Улетят же зайцы... — Однако сам не тронулся с места ни на шаг.

А Митя и Шустрик, плохо ещё сами соображая, что же с ними такое происходит, уже ныряли один за другим в спасительную форточку. Миг — и они исчезли совсем. А в комнате остались стоять с открытыми ртами неудачливый жулик и его ещё менее удачливый сын Колька. Папаша лишился двух зайцев и на некоторое время рассудка — только и всего. А вот несчастному Коле пришлось вытерпеть от врачей сорок уколов. И самое обидное было то, что врачи вкачивали ему эти уколы не столько за укушенный палец, сколько за правдивый рассказ о летающих зайцах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Поезд пришёл в Светлогорск точно по расписанию. Давно проснувшиеся пассажиры — их было совсем немного — вышли из вагона, оставив сладко посапывающего в своём уголке Калину Калиныча в полном одиночестве. Проводник Чайников, которому тоже бы-

ло жаль будить утомлённого путника, всё-таки подошёл к нему и легонько потрепал по плечу:

— Дедушка!.. Светлогорск!..

— А? Что? — вздрогнул Калина Калиныч и открыл глаза.

— Приехали, дедушка, — повторил Чайников. И тут он заметил, что корзины с зайцами нигде не видно.

— А где наши зайчики?

Калина Калиныч судорожно начал шарить по лавке, заглянул затем под неё, под соседнюю лавку... Митя и Шустрик исчезли!

— Милые мои... Внучики...

Чайников побледнел: впервые в его вагоне совершена кража! Он кинулся помогать Калине Калинычу искать пропавшую корзину с «внучиками», хотя и понимал, что дело это почти бесполезное. Старый лешак смотрел на елозившего под лавками проводника и по-прежнему приходил в чувство.

«Где они, бедные?.. Неужели я не услышу, как стучат их маленькие сердчишки?.. — Калина Калиныч закрыл глаза и прислушался. Откуда-то издали до него донеслось глухое туканье. — Живы милые, живы!..» — радостно подумал он и тихо проговорил заклинание.

Что было потом — мы знаем. Митя и Шустрик, вылетев в открытую форточку, понеслись, будто птицы, в Светлогорск. Поля, луга, перелески и небольшие речушки мелькали под ними. В населённых пунктах, над которыми они пролетали, редкие прохожие останавливались, задирали вверх головы и, тыча в небеса руками, что-то оживлённо кричали: что именно — этого ни Митя, ни Шустрик разобрать не могли. Настоящие птицы, завидев их, в ужасе разлетались с диким граем¹.

Митя и Шустрик прошли на бреющем полёте над головами многочисленных пассажиров, разгуливающих по платформе, и влетели в открытое окно вагона № 7 недавно прибывшего поезда «Большие Усищи — Светлогорск».

— Зайцы!.. Зайцы влетели в окно!.. — раздался на

¹ Примечание: «с диким граем» — с громким «криком» и воплями, хотя вряд ли птицы могут кричать и вопить.

платформе крики, и толпа любопытных хлынула к седьмому вагону

Проводник Чайников, который уже в пятый раз ходил за чаем, считая своим долгом отпаивать Калину Калиныча, вышел в этот момент из служебного купе.

— В чём дело, граждане? — спросил он удивленно, заметив на платформе перед запертой дверью своего вагона толпу пассажиров.

— У тебя зайцы в вагоне! Два зайца! — закричали ему с платформы.

— Вы ошиблись, граждане, — как можно спокойнее и вежливее сказал Чайников, высовывая голову в приоткрытое окошко. — Во-первых, поезд дальше не идёт. Во-вторых, высадка давным-давно произведена. А в-третьих, я никогда и нигде не возил «зайцев». Разве что настоящих! — добавил он улыбаясь.

— Настоящие и влетели! — крикнул ему здоровенный детина, стоявший под самым окном. — Вжик над головой — и влетели!

— Я сейчас разберусь, — ответил ему Чайников и, вытащив голову из окна, побрёл по вагонному коридору. Никаких зайцев, разумеется, нигде не было. Зато проводник с удивлением обнаружил в купе Калины Калиныча кроме несчастного оборванного старика ещё двух мальчиков.

— Нашлись внучики! — поделился Калина Калиныч своей радостью с остолбеневшим Чайниковым. — Прилетели милые! — И он с ещё большей энергией принялся обнимать и целовать счастливых Митю и Шустрика.

А Чайников подумал: «Кажется, доработался... Пора брать отпуск». И, выпив чужой чай, он медленно побрёл к окну доказывать видевшим летающих зайцев, что они ничего не видели.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

У Берёзко была секретарша, которую все звали Танечкой. Танечка была волшебницей. Она умела самые обыкновенные фразы произносить так, что в её устах они превращались в необыкновенные.

— Берёзко занят! — говорила она очередному посе-

тителю, пытавшемуся проникнуть в кабинет Алексея Ивановича. И посетитель в страхе исчезал, потому что ему слышалось:

— Пошёл вон немедленно!

Если кто-нибудь пытался узнать у Танечки, когда можно будет попасть на приём к её начальнику, то она сурово сдвигала брови к переносице и переспрашивала любопытного посетителя:

— Чего-чего?

И любопытный сбегал, краснея от стыда, а в ушах у него ещё долго слышались Танечкины слова:

— А поглупее вы ничего спросить не могли?

Конечно, волшебница могла бы подыскать себе работу и поинтереснее, но Танечке очень нравилась именно эта. Она даже не любила выходные: за субботу и воскресенье Танечка успевала отвыкнуть от постоянных телефонных звонков, непрерывно раздававшихся в её приёмной, и поэтому по понедельникам у неё всегда болела с утра голова и было плохое настроение. И надо же было такому случиться, что именно в понедельник в приёмной у Танечки появился Калина Калиныч. Следом за ним робко вошли Митя и Шустрик.

— Здравствуйтесь, люди добрые! — низко поклонился Танечке старый лешак.

— Здравствуйтесь! — приветливо привстал и тоже поклонился старику очередной посетитель. Поздоровались со всеми и мальчишки. Только Танечка вместо «здравствуйтесь» почему-то сказала невпопад:

— Если вы за путёвками в пионерский лагерь, то вы опоздали. А на третью смену будут выдавать позже.

— Нам не нужны путёвки на третью смену, — вмешался Митя. — Нам...

Но договорить он не успел. Танечка вдруг побагровела и привстала из-за своего стола:

— Ах, вас не устраивает третья смена?! Ах, вам вторую подавай?! Ах...

— Тсс... — тихо сказал Калина Калиныч, и волшебница почувствовала, что язык её онемел и стал похож на сосульку, которую она так любила сосать в детстве.

— Нам Берёзко нужен, по важному делу, — произнёс Калина Калиныч, глядя теперь не на Танечку, а на неизвестного гражданина.

— Его нет, он должен прийти,— охотно объяснил тот новым посетителям.— Я сам его жду.

— И мы подождём,— бодро проговорил Калина Калиныч и обернулся к Мите и Шустрику: — Присаживайтесь, ребятки!

Наконец появился Берёзко и пригласил Калину Калиныча, Митю и Шустрика в свой кабинет.

Старый лешак не умел хитрить и изворачиваться. Поэтому прямо с порога он заявил Алексею Ивановичу:

— Добром дело решим или к волшебству придётся прибегнуть?

— Какое дело? Какое волшебство? — удивился Берёзко.

— Опилкин ваш человек?

— Наш,— ответил Алексей Иванович.— С ним что-нибудь случилось?

— Пока нет, но может случиться.— Калина Калиныч приблизился к уху Берёзко и прошептал: — Если из Муромской Чащи не уйдёт подобру-поздорову со своими неугомонами...

Алексей Иванович улыбнулся:

— Вы ошибаетесь, дорогой товарищ! Бригада Опилкина находится не в Муромской Чаще, а на участке Старых Куличиков! — Берёзко подошёл к большой, в полстены, карте и ткнул рукой в крошечный бурый квадратик на ней.— Здесь будет построен город Новокуличанск.

Но Калина Калиныч, покачав отрицательно головой, протянул указательный палец к зелёному крупному кругу, нарисованному на карте.

— Вот здесь они.— И грозно добавил: — Если завтра не уйдут сами, то там и останутся!

Алексей Иванович вызвал к себе Танечку:

— Закажите на завтра вертолёт, к восьми утра. Мы полетим в Муромскую Чащу.

Танечка немного помедлила, затем быстро стала что-то писать в блокнотике.

— Что с вами? — удивился Берёзко.

Вместо ответа Танечка, протянула блокнот: «Кажется, я проглотила язык. Вертолёт закажу, хотя ещё сама не знаю как... Гоните этих троих в три шеи!»

Дождавшись, когда Алексей Иванович прочтёт её записку, Танечка взяла блокнотик и вернулась в при-

ёмную. А Берёзко, глядя ей вслед, подумал: «Главное — не волноваться! Секретарша проглотила язык? Мелочи! Вот самоуправство Опилкина — это ЧП! Этим и займёмся».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Тем временем события в Муромской Чаще разворачивались своим чередом. Утром, в понедельник, Егор Ведмедев заглянул в бригадирскую палатку, чтобы позвать Григория Созоновича на делянку. Каково же было удивление пожилого лесоруба, когда он застал своего бригадира спящим за столиком!

— Эй... Григорий Созоныч... — позвал Ведмедев.

Но Опилкин не отзывался.

— Умаялся бедный... Поди, опять ночь не спал — трясса... — Ведмедев вернулся в свою палатку, растолкал братьев Разбойниковых.

— Все полегли! А кто работать будет? А ну, подьём!

— Сейчас, дядя Егор, сейчас... — и Паша повернулся на другой бок, а Саша пробурчал нехотя: — Ты иди, дядя Егор, мы догоним.

— Ну смотрите... — И Ведмедев отправился на делянку.

Придя туда, Егор Иванович облюбывал себе самое могучее дерево, поплевал на ладони и нагнулся за бензопилой «Урал».

Но завести он её не успел. Над лесом послышался ровный свистящий звук, и через каких-то несколько секунд на полянку к Ведмедеву мягко спланировала ступа с Бабой Ягой.

— Исполать тебе, добрый молодец! — ехидно проговорила старуха, кивнув слегка головой одеревеневшему лесорубу.

Егор Иванович, лишившийся вмиг дара речи, молчал и только хлопал глазами.

— Старшой ваш спит, а тебе неймётся? — строго спросила Баба Яга, так и не дождавшись, когда с ней поздороваются. — Или вы наше предупреждение не получили?

— По-по... — забормотал Ведмедев.

— Поппо? — удивилась Баба Яга, складывая на груди усталые руки. — Это ещё что за «поппо»?

— Пополучили... — выдавил из себя через силу Егор Иванович.

— И всё-таки рубите? Такую красоту — и в щепки?

Ведмедев оглянулся. Он словно впервые увидел Муромскую Чашу, увидел её будто чужими глазами: сказочную, великолепную, неповторимую...

— Придётся тебя наказать, милоч, — вывел его из глубокой задумчивости голос старухи-летуньи.

— К-как?.. — растерянно прошептал перепуганный лесоруб.

Зато Баба Яга находчивости не теряла:

— А это мы сейчас придумаем! — весело сказала она и стала вылезать из ступы. — Пеньком можно заколдовать, или жабой, или, опять же, колодой дубовой. На любой вкус выбирай! Хочешь жабой? — спросила она, подойдя совсем близко к Егору Ивановичу. — Всё-таки прыгать будешь, пеньком да колодой скучнее. — Она заглянула в глаза Ведмедеву и не прочла в них горячего желания стать жабой, пеньком или дубовой колодой.

— Мне с тобой валандаться некогда! — начала сердиться Баба Яга. — Других дел по горло! Решай, пока сама за тебя не решила.

Но Егор Иванович, уже самостоятельно превратившись наполовину в пенёк, всё ещё колебался с выбором. Так он, наверное, и допревратился бы полностью в пенёк, если бы не пришла внезапно к нему подмога. Повалявшись ещё немного, братья Разбойниковы всё-таки встали и начали собираться на делянку к Ведмедеву.

— Втроём веселее! — сказал Паша, беря новый топор и брезентовые рукавицы.

— За работой и страху поменьше нападает! — поддакнул Саша, пряча в газету шесть бутербродов и горстку конфет, завёрнутых в фантики с загадочной надписью: $A+B=C$. Через каких-то десять минут они были уже на участке. Братья думали, что Ведмедев за это время успел спилить немало деревьев и что им придётся только обрубать ветви и сучья. Каково же было их удивление, когда они не увидели ни одного поваленного дерева! Зато братья Разбойниковы увидели стояще-

го столбом Егора Ивановича и крутящуюся возле него подозрительную старушонку.

Не здороваясь со старшими, Паша сердито пробасил:

— Мы-то думали, что тут нарублено, а тут всё целёхонько стоит!

— Знали бы — не спешили так! — с обидой добавил Саша и положил газетный свёрток на землю.

Разглядев товарищей по бригаде, Ведмедев собрался с силами и выдал из себя вопль о помощи:

— Бра!.. Кра!.. Дра!.. — что в переводе означало: «Братцы!.. Караул!.. Драпайте!..»

Но Паша и Саша, которые плохо разбирались в элементарных алгебраических функциях, оказались слабыми и как переводчики. Недоуменно переглянувшись, они проговорили:

ПАША: Кончай баловать, дядя Егор!

САША: Работать бум, дядя Егор?

После чего Саша полез в свёрток за бутербродом, а Паша, сердито крикнув и не найдя ничего получше, во что можно было бы воткнуть топор, всадил его с размаха в ступу. Летательный аппарат, переживший три царских династии царей — Горохов, Рюриковичей и Романовых, повидавший на своём веку и Батыевы полчища, и пленение князя Игоря, и месть жены его Ольги, летавший по нескольку раз из варяг в греки и обратно, претерпевший дьявольские перегрузки во время полёта на Луну (куда Баба Яга летала в молодости из чистого любопытства), на этот раз не выдержал и развалился на две равные половинки. Любимое помело Бабы Яги также было перерублено самым безжалостным образом.

— Тьфу! — рассердился Паша не на шутку. — Трухлявый пенёк попался!

Он кинул топор на землю и нагнулся за бензопилой. Но взять её в руки он не успел. Бензопила вдруг взревела во всю свою мощь и приподнялась над землей. Бедолаги-лесорубы несколько секунд заворожённо смотрели на неё: их подружка пила на глазах у всех превращалась в зверя! Первым опомнился Егор Иванович. Пискнув чуть слышно своё любимое: «Бра!.. Дра!..» — он кинулся прочь с делянки. Братья Разбойниковы, которые на этот раз перевели то, что крикнул Ведмедев, ринулись за ним. Бензопила взревела ещё

больше, ещё громче, взмыла вверх, сделала круг над поляной и устремилась в погоню за лесорубами.

А Баба Яга, прижимая к груди две половинки ступы — два деревянных корытца, прошептала, чуть сдерживая готовые пролиться слёзы:

— Мы ещё посмотрим, кто тут тряжлявый пеня!.. Мы ещё разберёмся!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Уморушка, которая совершила несколько героических поступков, до сих пор не успела похвастать ими перед кем-нибудь. Правда, сначала она боялась и заикнуться о своём визите в бригадирскую палатку, но постепенно страх прошёл, а желание похвастаться осталось. Но, увы, достойного слушателя рядом с Уморушкой не оказалось. Все были заняты, всем было некогда. Даже Иван Иванович Гвоздиков и Маришка не стали её слушать. Гвоздиков заканчивал строительство Штаба спасения Муромской Чащи, который здорово напоминал по внешнему виду обыкновенный шалаш, а Маришка стояла на посту и охраняла этот Штаб. А часовым, как известно, разговаривать не положено даже с друзьями. Уморушка хотела было уже расстроиться, но тут ей в голову пришла светлая мысль. Забравшись на самую вершину Шабашкиной Горки, она отдышалась, поправила на голове венок и раздвоилась.

— Ты знаешь, как я здорово ультиматум написала! — без всяких предисловий похвасталась она перед своим двойником.

Но Уморушка номер два, вместо того чтобы похвалить её, вдруг заявила:

— И вовсе не ты его написала, а я! Причем по-гречески!

— Ты? — поразились Уморушка-первая.

— Я.

— Ты?!!

— Я!

Уморушка-первая хотела в третий раз выкрикнуть негодующее: «Ты?!!» — но посмотрела вниз и ахнула. Там, под горой, бежали три человека, а за ними, рыча и ревя от злости, гналось какое-то железное чудовище,

которому никак не удавалось схватить добычу. Стоило ему прибавить скорость и приблизиться к кому-нибудь из несчастной тройки, как бедная жертва, почуввав спиной смертельную опасность, тоже прибавляла скорость и уходила от разъяренного зверя.

— Смотри! — вскрикнула Уморушка-первая, — сейчас ОНО их слопаёт!

— Точно слопаёт! — побледнела Уморушка номер два.

Они переглянулись и дружно прошептали слово, которое совсем недавно подслушали у Шустрика.

Бензопила «Урал», настигшая было Ведмедева, вдруг смолкла и камнем рухнула вниз. Лесорубы, оглохнув от наступившей внезапно тишины, оглянулись и обомлели: новенькая бензопила валялась в траве, проржавленная насквозь. Ведмедев робко коснулся её носком сапога, и пила рассыпалась от одного прикосновения.

— Конец зверюге... — тихо прошептал Егор Иванович и вытер ладонью пот со лба.

— Дяденька, а дяденька, — услышал он вдруг девчачий голосок откуда-то сверху, — а почему ОНО на вас бросилось?

Ведмедев поднял голову и увидел на вершине горы двух одинаковых девочек.

Одну из них он видел вчера, и даже держал за шиворот, но какую именно — Егор Иванович сейчас точно не мог бы сказать.

— А кто её знает... Как видно, сбесилась... Правда, бензопилы редко с ума сходят, с моей, наверное, первый случай...

Братья Разбойниковы тоже увидели Уморушек и наперебой закричали:

— Гляди-ка: пропавшая нашлась!

— В двух экземплярах!

Ведмедев, уже отойдя слегка от пережитого страха, спросил с любопытством:

— Это вы, сестрёнки, тут шутки шуткуете?

— Мы, — признались Уморушки, — только какие же это шутки, когда ОНО вас чуть было не слопало?

Уморушка-первая внимательней взгляделась в стоявших у подножия горы людей и спросила:

— А ваш самый-самый главный где? Спит или уже проснулся?

— А зачем он тебе? — удивился Ведмедев. — Опять забодать его хочешь?

— Надо нам бодаться! — презрительно фыркнула Уморушка номер два и потрогала левой рукой чуть заметный синяк на лбу. — Просто... Просто велено вас в Штаб доставить, если проснётесь и озоровать начнёте! — закончила Уморушка-первая и победно взглянула на Уморушку номер два.

Та показала ей язык и успокоилась: кажется, они были квиты.

Услышав про какой-то штаб в Муромской Чаще, Ведмедев удивился ещё больше:

— Какой штаб? Откуда тут в глухомани какой-то штаб?

— Штаб спасения Муромской Чащи, — охотно ответила Уморушка-первая. — Вам тоже придётся туда пройти.

— Для выяснения личностей! — добавила Уморушка номер два.

И, переглянувшись между собой, Уморушки вдруг исчезли.

— Вот чудеса какие: опять пропала! — воскликнул Паша Разбойников.

— Уже две пропали, и обе сразу, — поправил его Саша.

— Ну, что вы стоите как вкопанные?! — раздался внезапно знакомый девчачий голосок рядом с ними. — Идите в Штаб!

— А где он? — развёл руками Ведмедев. — И где ты? — Он помолчал немного и решил поправиться: — Вы...

— Я тут, — сказала Уморушка и вынырнула из-за огромной спины Егора Ивановича (хотя братья Разбойниковы готовы были поклясться, что секунду назад её там не было). — А Штаб спасения Муромской Чащи находится вон там. — И она протянула вперёд руку. — Неужто ещё не знаете?

— Не знаем, — робко поворачиваясь к странной девчужке, ответил за всех Егор Иванович. — Мы тут ничего не знаем. — Он помолчал и грустно добавил в заключение: — И не понимаем мы тут — ничегошеньки...

А вечером проснулся Опилкин, хотя по всем правилам он должен был проспать ещё сутки. Ему вдруг приснился грозный Берёзко, явившийся в Муромскую Чащу снимать с бригадира стружку за его самоуправство.

«Начальство прилетело, а я сплю!..» — в ужасе подумал Григорий Созонович и, преодолевая через силу чары волшебного одуванчика, проснулся.

— Алексей Иванович, где вы? — робко спросил он, поводя кругом глазами. В палатке, кроме самого Опилкина, никого не было.

«Приснилось!» — радостно подумал Григорий Созонович и сладко потянулся. Дрёма ещё не совсем покинула его тело, нужно было освежиться. Опилкин вышел из палатки, сделал несколько разминочных гимнастических упражнений и направился в палатку к своим друзьям. Но там он никого не обнаружил.

«Где же бригада? — подумал Григорий Созонович. — Неужто без меня на делянку ушли?» Опилкин тревожно посмотрел по сторонам и прислушался. Обычный лесной шум был ему ответом. Пели-посвистывали птицы; шелест листьев, не умолкая, стоял над головой; тихо звенели кузнечики в пышном разнотравье. Но ни тюканья топора, ни надрывного воя бензопилы Григорий Созонович не услышал. И он испугался. И кинулся туда, куда утром живые и совсем здоровые отправились Ведмедев и братья Разбойниковы. Но и на делянке бригады не было. Опилкин, хотя и волновался, с удивлением заметил, что все деревья стояли целые и ни на одном из них не видно было следов пилы или топора. А ведь были же здесь и Ведмедев, и Паша с Сашей! Лежали нетронутыми бутерброды, любимые Сашины конфеты, топор, рукавицы... Валялась неподалеку от них перерубленная пополам старая, истёртая и измочаленная метла...

— Всего и нарубили... — тяжело вздохнул Опилкин и поднял обрубки помела. И вдруг побледнел.

«Откуда в лесу метла? Кто её хозяин?! — Григорий Созонович побледнел ещё сильнее от жуткой догадки: — А может быть, у метлы не хозяин, а хозяйка?..» Опилкин стал озираться по сторонам, но ни единой жи-

вой души не увидел. Тогда он решил отправиться к месту, где расположились странный старичок-учитель и его юные друзья.

«Всё-таки люди,— подумал печально Опилкин,— присоветуют что-нибудь». — Григорий Созонович медленно брёл на север, привычно ориентируясь по деревьям, ветви которых гуще росли к югу и реже к северу. Он шёл, вспоминая своих товарищей по бригаде, и грусть всё сильнее и сильнее разъедала его сердце.

«Ведмедеву Почетную грамоту пообещал вручить осенью. Паше крючков рыболовных хотел подарить, Саше... что я Саше-то думал отдать? Ах, да!.. «Мурзилку» с кроссвордами!.. Кому я теперь всё это вручу?»

Так, в печали и унынии, добрёл наконец Опилкин до Штаба спасения. И первым, кого он там увидел, был Ведмедев.

— Егор Иванович!!

— Григорий Созоных!!

Друзья кинулись навстречу друг другу, тяжело топая сапожищами по земле. От их топота затрясся Штаб, и из него выскочили все, кто там находился. От громкого топота проснулась средняя голова Змея Горыныча, но, убедившись, что это не горный обвал, через мгновение снова уснула.

Опилкин, у которого от счастья выступили слёзы на глазах, поначалу даже не заметил крылатое чудовище. Он обнимал Ведмедева, Пашу, Сашу и с чувством, неожиданным для него самого, бормотал:

— Живы ребятки!.. Ну и хорошо!.. А я-то думал!.. Ну и замечательно!.. — И тёр рукавом рубахи красный, похожий на маленький спелый помидор нос.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

А утром...

Утром прилетел вертолёт.

Первой его увидела Уморушка, которая ни свет ни заря заявила в Штаб спасения. Высунувшись из шалаша, она заметила вдруг маленькую движущуюся точку над деревьями и громко закричала:

— Смотрите-ка! Никак ещё один безголовый Змей Горыныч летит!

Правая и средняя головы Змея Горыныча проснулись от её крика и обиженно проговорили:

— А почему «ещё один»?

— По-моему, если кто тут безголовый и есть, так это горластый сорванец в голубеньком сарафанчике!

Уморушка растерянно поморгала и, догадавшись, что её имеют в виду, спросила чуть тише:

— А что же летит? — И ткнула рукой в сторону загадочной точки.

Иван Иванович, Маришка и все лесорубы вылезли из Штаба наружу и стали внимательно разглядывать приближающийся летательный аппарат.

— Нет, это не Змей Горыныч, — подтвердила Маришка, — у Змея Горыныча махалки сбоку... — Она не договорила и быстро поправилась: — Крылья могучие и красивые сбоку. А это... вертолёт!

— Точно! МИ-восемь! — узнал вертолёт Папа Разбойников.

— Берёзко летит! Алексей Иванович! — обрадовался Ведмедев и похлопал бригадира ласково и нежно по плечу.

Но Опилкин не спешил радоваться. Он чувствовал, что встреча с начальником не принесёт ему много счастья и радости. Пёка вертолёт летел над Муромской Чащей, шум его двигателей разбудил всех её обитателей.

— Что это? Что случилось? — стали раздаваться испуганные возгласы то здесь, то там. А те, кто не мог кричать и спрашивать, тревожно попискивали и прятались в норки или под кустики. Но переполох был устроен напрасно. Конечно, это был никакой не дракон, а самый обыкновенный замечательный трудяга вертолёт МИ-8. Подлетев к полянке, на которой столпились встречающие, вертолёт на минуту завис над ней, а потом медленно стал спускаться. Вот колёса коснулись травы, вот смолк двигатель... Покрутились по инерции лопасти винта и остановились.

— Ур-ра!.. — закричала радостно Маришка. — Ур-ра!.. Наши вернулись!

И все, даже те, кто не знал, что оно означает, тоже громко и весело подхватили Маришкино «ура». А прилетевшие уже выходили из вертолёта. Первым показался Калина Калиныч, за ним шли Берёзко, Шустрик, Митя, секретарша Танечка. Последним на землю спус-

тился пилот. Окинув взглядом ликующую толпу, пилот даже присвистнул:

— Мать честная!.. Да сколько ВАС тут всяких-разных!.. — И, благоразумно решив не мешаться у всех под ногами, отошел в сторонку, как раз к тем кустикам, за которыми уже не дремал, а потягивался Змей Горыныч.

От шума и гвалта, поднятого на поляне обитателями Муромской Чащи, пробудилась наконец и левая голова. Жадно вдыхая утренний воздух, она вдохнула запах сгоревшего вертолётного горючего. Ноздри левой головы расширились, верхняя губа, мелко подрагивая и обнажая огромные клыки, поползла вверх, и через несколько мгновений поляну потряс оглушительный Змей Горыныча чих. Он был так громок, что заглушил и приветственные крики, и ещё не смолкнувшие «ура».

«Салют устроили, черти,— подумал Берёзко.— Пожара лесного нам только и не хватало». И он посмотрел вверх, рассчитывая увидеть там яркие огни фейерверка. Но вместо огня Берёзко увидел падающего с поднебесья вертолётчика и ахнул.

— Ловите его! — закричал Алексей Иванович, тыча рукой в небо.

Но он мог бы и не кричать. Змей Горыныч, увидев, что он натворил своим чиханием, позеленел от страха и кинулся спасать неизвестного. Уже у самой земли, в каких-нибудь двадцати — двадцати пяти метрах от неё, средняя голова Змея Горыныча ухватила ушедшего в глубокий штопор пилота за хлястик его кожаной куртки. Куртка была сшита на светлогорской фабрике «Руслан» и, наверное, поэтому выдержала страшный рывок. Только верхняя пуговица, которую пришил сам вертолётчик, а не его жена, оторвалась и улетела в болото, где и досталась водяному Фёдке на добрую и долгую память.

— Вот это бахнуло так бахнуло! — произнёс восхищённо пилот, когда к нему вернулся дар речи. — Жертв и разрушений нет? — И когда ему сказали, что нет, он успокоился совершенно и даже похлопал Змея Горыныча ладонью по левой шее. — Спасибо, приятель, ты здорово меня выручил, — сказал он своему спасителю. — В такой переделке, как сегодня, признаться честно, я побывал впервые!

— Не стоит благодарности, — скромно потупя все

глазки, буркнул Змей Горыныч. — На моём месте вы поступили бы точно так же.

— Конечно, — охотно подтвердил пилот, — а как же иначе? — И он, похлопав ещё раз Змея Горыныча по шее, отправился к собравшимся на Большой Совет¹.

ЭПИЛОГ

Вот и подошла к концу наша история. Что делать: пора расставаться!

Как ты догадался, дорогой читатель, всё в нашей истории окончилось хорошо: лесорубы остались живы, Муромская Чаща цела и невредима. На Большом Совете бригадиру Опилкину вlepили строгий выговор с предупреждением. Против выговора Григорий Созонович не нашёл возражений, а вот предупреждение ему показалось явно лишним.

— Да чтоб я!.. Да чтоб ещё раз!.. — клялся он перед всеми и лупил себя кулаками в грудь. — Но ему не очень-то верили поначалу, и только потом, когда он перестал клясться и колотить кулаками, а вдруг часто-часто заморгал и поспешил низко опустить голову, ему поверили.

— На первый раз прощается! — выкрикнул Шустрик и быстро посмотрел на окружающих.

— Это уж как водится! — поддержал его Калина Калиныч.

— Ступочку мне новую пусть сколотят — и с миром, по домам! — подала свой голос и Баба Яга.

— Прощаем!..

— Так уж и быть!..

— Кто старое помянет!..

— Скатертью дорожка!.. — посыпались на головы лесорубов выкрики местных жителей.

А Берёзко, когда увидел, что вся заваруха, кото-

¹ Примечание: пилот совершенно не испугался и не удивился, увидев Змея Горыныча, по двум причинам: во-первых, он наслушался во время полёта разных разговоров о разных чудесах в Муромской Чаще; во-вторых, Змей Горыныч спас ему жизнь. А разве можно бояться своего спасителя? Конечно — нет, его можно только любить. Вот почему пилот полюбил Змея Горыныча чуть ли не с первого взгляда.

рую устроил самоуправец Опилкин, закончилась так хорошо для всех, поспешил сообщить радостную весть:

— Отныне и навсегда Муромская Чаща объявляется заповедником! Вот ваша «Охранная грамота». — И он поднял высоко над головой большую красивую папку из ярко-красного коленкора.

— Была Чаща Муромская местом заповедным, а стала заповедником... — буркнула сердито Баба Яга, — не звери же мы... — однако спорить она не стала.

Калина Калиныч принял «Охранную грамоту» из рук Алексея Ивановича и тоже высоко поднял её над головой.

— Ура! — закричала Маришка. — Наша взяла! — И громко захлопала в ладоши.

Глядя на неё, захлопали и другие.

Секретарша Танечка, которую Калина Калиныч давно уже расколдовал, протянула старому лешаку авторучку, какую-то бумажку и, стараясь перекричать шум аплодисментов, попросила:

— Распишитесь, пожалуйста, за грамоту. Вот здесь... — и она ткнула пальцем в самый низ бумажки.

Калина Калиныч повертел в руках авторучку, прихорюпился к ней и медленно вывел: К. К. ЛЕШАК.

— Спасибо, — поблагодарила Танечка и отобрала авторучку.

Паша и Саша, которым особенно не терпелось вернуться домой, не стали дожидаться конца Совета. Не сговариваясь, они дружно поднялись со своих мест и подошли к Бабе Яге.

— Мы того... — начал первым Паша, — мы ступочку сделать хотим...

А Саша добавил поспешно:

— Только из чего делать-то? Рубить нам не разрешается...

— Для хорошего дела, да разумно если — можно немного порубить! — засияла обрадованная старушка. — Айда, покажу из чего! — И она повела братьев Разбойниковых в небольшую рощицу.

Братья были не только хорошими лесорубами, они были и хорошими плотниками. Новая ступа вышла на славу. Не удержавшись от соблазна, Баба Яга тут же уселась в неё и сделала несколько кругов над поляной, где заседал Большой Совет.

— Здесь летайте, а за пределами Муромской Ча-

щи! — ни-ни! — крикнул ей Алексей Иванович и погрозил пальцем.

— Ладно! — весело откликнулась Баба Яга, взмыла ещё выше и скрылась за густым кучевым облаком.

Танечка нагнулась поближе к уху Берёзко и прошептала:

— Рассказать кому про такое — не поверят!

— Вы правы, Танечка... — вздохнул с лёгкой грустью Алексей Иванович. — Уж лучше не рассказывать.

После того как Большой Совет кончился, перед самым отлётом, Берёзко предложил сфотографироваться всем вместе на память. Ещё мальчиком он научился фотографировать, и вот сейчас это умение пригодилось как нельзя кстати. Первые снимки делал сам Берёзко, а потом его и всю компанию запечатлел Шустрик. Фотографии получились замечательные! Правда, на одном снимке у Змея Горыныча оказалась опущенной левая голова, а на другом — правая, зато на других снимках все три головы смотрели в объектив весело и с любопытством.

И вот прошло много лет...

Наши друзья выросли и стали работать — кто кем. Митя пошёл по стопам родителей и выучился на геолога. А вот Маришка... Маришка стала учительницей. Теперь она уже не обижается, когда её зовут по имени-отчеству: привыкла. Но вот привыкнуть к тому, что она уже никогда не сможет покататься верхом на Дружке или просто побывать в Муромской Чаше, — к этому она привыкнуть никак не может. Изредка, на уроках по внеклассному чтению или где-нибудь в походе со своими учениками, она нет-нет да и вспомнит о тех приключениях, в которых она побывала когда-то. В этот момент ребята слушают её особенно внимательно: затаив дыхание и открыв рты. Иногда они смеются. Особенно тогда, когда Мария Васильевна рассказывает им о полётах на Змее Горыныче. Они смеются не потому, что не верят ей. Они смеются потому, что это просто здорово: полетать на Змее Горыныче. Особенно на таком, который совсем не кусается...

ФЕЛИКС МАЛЯРЕНКО

ЗАКОЛДОВАННЫЙ АВТОБУС

СТАРЫЙ АВТОБУС

ил-был автобус номер 45-55. Он любил свой город и знал его, как свои четыре колеса. Он всегда был внимателен к пассажирам, подбирал их на остановках, ждал, когда они не успевали, и, если просили, останавливался на дороге и гостеприимно распаивал свои двери. Летом он отвозил детей на дачи, в пионерские лагеря или просто за город, а потом, отдохнувших, загорелых и соскучившихся, торопился возвратиться обратно домой.

Автобус не знал отдыха ни осенью, ни весной, ни зимой, ни летом. В любую погоду он выходил на линию, и, будь он человеком, про него бы сказали: работал не покладая рук. Но он был автобусом, а «не покладая колёс» не говорят.

Но как-то однажды он почувствовал, что у него заболело сердце. А сердце у машин, и это знают все, — мотор. Его отправили лечиться в автомастерскую, но все равно после этого у него часто болели ноги — его колёса, тело — его кузов, глаза — его фары. И вот однажды главный инженер автопарка сказал:

— Да, брат, пора тебе в дом престарелых.

А что такое дом престарелых для машин? Просто городская свалка. И что может быть страшнее, когда

твои внутренности растащат на запчасти, колёса снимут, чтобы сделать из них клумбы, стекла со временем разобьются, а внутри поселятся крысы и мыши?

Но самой тяжёлой была для него последняя ночь, когда он вспоминал свою тяжёлую автобусную жизнь и ему было горько оттого, что он больше не сможет проехать по улицам родного города и подвезти ставших ему родными пассажиров. Ему было грустно, но что поделаешь, когда тебе на смену приходят новые красивые быстрые и молодые автобусы. В ту ночь автобус стоял, думал, грустил, пока перед ним не появился высокий человек с холодным пустым взглядом, но с широкой улыбкой на лице.

НЕ ОЧЕНЬ-ТО РЫЖАЯ ЮЛЬКА

Демобилизованный морской пехотинец Саша Павлов сразу после службы решил пойти работать в автопарк. Он надел свой старый гражданский костюм, но рубашка лопнула на спине, пиджак не застегивался, а брюки поднимались над щиколотками, и поэтому Павлов, или просто Саня, заключил, что за два года службы он стал выше, крепче и сильнее, и пришлось ему надеть чёрные флотские брюки, заправить их в сапоги, застегнуть на четыре блестящие с якорями пуговицы гимнастёрку, из-под которой виднелись застывшие в штиле волны морской тельняшки. Потом он погладил перед зеркалом рыжеватые усы, поправил берет с алой звездой и в таком наряде отправился устраиваться на работу.

На флоте он метко стрелял из автомата, прыгал с парашютом, плавал и отлично водил бронетранспортёр, а вот на гражданке ему пригодилась только одна профессия — водитель.

Саня спустился во двор и увидел свою рыжую сестрёнку Юльку.

Вообще-то Юлька была и не очень-то рыжей. Её волосы больше походили на солому, но веснушки, эти проклятые веснушки, всё портили, а в особенности Юлькино настроение. И на этот раз оно было испорчено, и вот почему.

Она играла в резиночки со своими соседками по

двору Танечкой и Лариской. Юлька и Танечка растянули невысоко над землей длинную, зашитую в круг бельевую резинку, а Лариска различными способами с разных сторон перепрыгивала через неё. У Лариски всегда всё отлично получалось. Она могла легко перепрыгнуть резинку на любой высоте. Когда доходила очередь Юльки или Танечки, они сбивались при первых попытках. А Лариска прыгала и наискосок, и прямо, и ногами вместе, и перекрестив, задевая резиночку и не задевая. И всё это время Танечка смотрела в одну точку и, казалось, спала, а Юлька держала в руках Ларискину рогатку, кусала губы и думала:

«Теперь эта воображуля не остановится, пока ей не надоест, будет придумывать всё новые и новые фигуры, а потом займётся любимым занятием и устроит стрельбу камешками по мишени из рогатки. А мы будем стоять, ждать и смотреть».

Но тут во дворе что-то затарахтело, игра приостановилась, и все обернулись на маленький, похожий на ишачка, мопед, на котором в мотоциклетных очках и красном шлеме во двор вкатил их одноклассник Лёшка. Только вчера они с отцом закончили его мастерить, и теперь он обкатывал новую технику.

Лариска тут же закричала:

— Лёшка, Лёшик, прокати!

С серьёзным видом он подкатил к качелям, поднял на каску очки и оглядел девчонок:

— Давай,— сказал он,— машина-надёжа, троих попрёт, но место одно.

— Я первая,— тут же сообразила Лариска.

— Первая — горелая,— сонно проямлила Танечка.— Я вторая. Вторая — золотая.

— А я третья,— вздохнула Юлька. И тут же грустно добавила: — Третья — умытая, золотом облитая.

— Не золотом, а рыжими конопушками,— потыкала Лариска пальцами по щекам, изображая веснушки, села сзади Лёшки, обхватила его руками и крикнула: — Поехали!

Мопед затарахтел по двору. Лёшка сделал круг, другой, третий, хотел остановиться, но Лариска замялась и закричала:

— Ещё! Ещё! Хочу ещё!

Танечка села на скамейку, подперев щеку рукой, а Юлька выкрикнула:

— Хватит! Другим тоже хочется!

Но тут мопед хрюкнул и остановился.

— Сломался,— грустно вздохнула Юлька.— А ещё говорил, надёжа. Тоже мне, надёжа! А ещё эта Лариска!.. У, крыса!

Лёшка подкатил мопед к качелям.

— Не переживайте, отремонтируем. Ещё отправимся на нём в поход.

— Я первая,— опять закричала Лариска.

— А мы? — с обидой потянула Юлька.

— А мы всяких там рыжих-золотых не берём,— показала язык Лариска.— Правда, Лёшик?

— Ну...— потянул Лёшка, но тут из подъезда вышел Саня, и Юлька сказала:

— Ну и не надо,— и пошла к нему навстречу. Потом оглянулась и добавила: — Саня меня ещё не в такое путешествие возьмёт, и вообще он самый сильный, всем вам как даст, ещё жалеть будете.

— Так кому и что я должен дать? — спросил Саня.

— А что она рыжей, конопатой обзывается, подготавливает Лёшку, чтобы он меня на мопеде не катал, и в поход брать не хочет?

— Ладно, я тебя возьму в поход, а веснушки тебе идут, не переживай. Вот устроюсь работать, тогда и тебя покатаю.

— Вот так-то,— сказала Юлька, повернулась и пошла домой, даже забыв вернуть Лариске её рогатку.

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

В автопарке Павлова первым делом провели в отдел кадров, где его встретил длинношей, с широким, как у гусака, носом начальник. Он пристально посмотрел на Саню и сказал:

— Какую работу хотите получить?

— Самую трудную!

— Гм, самую трудную? — в нос повторил начальник.— Есть у нас такая работа. Вернее, не есть, а будет, и называется она киноводитель. Вам такая обязательно подойдет! Будете ездить и в это же время для малышей всякие полезные мультики крутить о том, как надо дорогу переходить и чистить зубы. И полезно, и

приятно. Доехали, например, наши малыши до детского сада и — дорогу переходить научились, и зубы чистить, и шнурки на ботинках завязывать, и еще чего-нибудь там, пуговицы на рубашке застегивать. Ну как, желаете?

— Не жалаю. Вернее, каждый день про шнурки и зубы не жалаю, а вот просто мультики — пожалуйста.

— Просто мультики? — почесал гусиную голову начальник. — Конечно, можно, если нам смету по мультикам утвердят. А если и про зубы, и разные там «Ну, погоди», про кота Леопольда или еще какие, согласитесь? Тем более вы сами тяжёлую работу просили. А что может быть тяжелее зубной боли? Когда у меня зуб болит, в жизни самый тяжёлый период наступает.

— Согласен, — сказал Павлов. — Где наша морская пехота не пропадала!

— И где не пропадала? — поинтересовался начальник.

— Нигде! Везде выходила победителем.

— Вот и отлично, теперь вам только и осталось, что отремонтировать старый автобус, который стоит на двадцать пятой площадке, разукрасить его весёлыми картинками и приступать к работе. Можете идти.

— Есть! — отдал честь сержант Павлов, но вдруг вспомнил, что он не у себя в полку, и покраснел.

— Га-га-га, — рассмеялся начальник, — здесь не армия, ничего, отвыкнете.

Саня улыбнулся и спустился во двор. Но когда он подошёл к двадцать пятой стоянке, то ничего там не увидел. «Может, на другую поставили», — подумал Павлов, обошёл все вокруг, но никакого автобуса не нашёл.

— Что за шутки над морской пехотой? — сказал Саня, когда поднялся к начальнику в кабинет. — Автобуса под номером 45-55 на двадцать пятой нет.

— Как нет? — вытянул длинную шею начальник и посмотрел в окно. — Точно, нет. Он был у нас очень дисциплинированным автобусом и никуда сам без разрешения не отлучался.

— Может, кто взял?

— Ну кто мог унести старый автобус?

— Почему унести?

— Потому что проехать у нас можно только через ворота у проходной, а они охраняются бдительным вах-

тёром. И на запчасти водители его растащить не могли, кузов бы хоть остался. Волшебство какое-то. Без милиции здесь не обойтись. Придётся вызывать. Но вы не переживайте, поработайте на рейсовом, пока мы его найдём. Водители нам нужны. Только жалко — рейсовый картинками не украсишь.

АВТОБУС ИЩЕТ МИЛИЦИЯ

«Странные дела творятся в этом автопарке, — думал сержант морской пехоты, а теперь водитель, но ещё не киноводитель. — Удивительные дела. Целый автобус взял и пропал. Милиция с овчарками приезжала. Собаки на месте покрутились, все, как одна, в небо уставились и завывли, будто это ракета, а не автобус. А может, какой-нибудь вертолёт его подцепил? Мы в морской пехоте и не такие чудеса выделявали, когда на учениях нужно было. Один раз проникли в тыл к условному противнику, подползли к его штабу, который находился в салоне крытой машины, вызвали по радиации вертолёт, потом быстрехонько подцепили машину тросами и доставили к своим, да так аккуратно, что штабисты даже не поняли, что они в плену.

А здесь, на гражданке, кому этот старый автобус понадобился? Майор милиции так и сказал, что за время его службы это первый случай, когда целый автобус исчез, и никаких следов. Эх, нашего старшину сюда сейчас, он бы сразу этот секрет разгадал. От него ничего не скроешь».

Саня шёл по улице и думал. Вокруг по тротуару спешили люди, по проезжей части торопились автобусы и троллейбусы, сновали грузовые и легковые машины. И вдруг издали он заметил столпотворение у стенда «Их разыскивает милиция».

Саня подошёл и вблизи разглядел две фотографии в профиль и анфас автобуса под номером 45-55, а ниже историю пропажи и просьбу ко всем, кто его увидит, обратиться в милицию или автопарк.

«Вот ты какой, мой автобус, — подумал Саня, — где же тебя найти? Кто же украл тебя и какие преступления с твоей помощью он совершит?»

Но не знал Павлов, что кражу совершил волшебник

Золотой Хорекор, который был опаснее не то что группы, а целой тюрьмы преступников. Он воровал улыбки и смех у людей. А улыбки и смех — это признак счастья.

ЗОЛОТОЙ ХОРЕКОР

В ту ночь незнакомец ходил вокруг автобуса, с удовольствием потирал руки, хотя радоваться было нечему, и наконец похлопал дверцу водителя:

— Пойдёшь ко мне? Я волшебник. Я счастливый, я весёлый, я очень весёлый волшебник. У меня всегда прекрасное настроение, я постоянно улыбаюсь. Я буду твоим хозяином, а ты моим слугой.

«Слугой? — подумал автобус, — слугой я никогда не был и не знаю, получится ли? А вот помощником... Я всегда помогал людям».

Но, наверное, волшебник умел читать мысли.

— Ты будешь слугой и своей службой будешь мне помогать, а это не так уж сложно.

«Слугой все-таки лучше, чем на свалке», — подумал автобус.

— Прекрасно, — рассмеялся волшебник, — мне самое главное, чтобы ты согласился. А то без согласия я не смогу обучить тебя своему волшебству. Ну как, согласен?

«Согласен, конечно согласен», — решил автобус.

— Вот и отлично! Сейчас будем у меня.

Волшебник взмахнул рукой, автобус почувствовал легкость и через мгновение оказался у гаража двухэтажного дома. Ворота гаража были небольшими, для «Жигулей». Автобус бы в них не прошёл.

— Отныне ты будешь жить там, — показал волшебник на гараж.

— Но я...

— Не перебивай, — взмахнул рукой волшебник, и автобус стал маленьким, не больше «Волги». — Таким ты будешь только снаружи, а изнутри останешься, как и был.

«Таким маленьким?» — удивился автобус и потемнел.

— Да, и таким чёрным...

Всю ночь автобус простоял в гараже. Можно было уснуть, но он не знал, что будет завтра, как он будет работать у этого волшебника, ведь всю жизнь ему приходилось сталкиваться с простыми людьми. В гараже было темно, плотные ворота не пропускали света, и он не знал, день сейчас или ночь. Но вдруг автобус услышал, как мягко повернулся ключ в замке, ворота открылись, и перед ним появился вчерашний знакомый. И только сейчас в ярком солнечном свете можно было рассмотреть его. Человек был очень высок, на его макушке поблескивала лысина, а к переносице прижимались золотые очки. Его рот растянулся в долгой улыбке, а вот глаза были злыми и совсем не улыбались.

— Я волшебник Золотой Хорекор, правитель счастливой страны! Я самый улыбающийся, а значит, самый весёлый волшебник. Выходи, и ты увидишь мой дворец и мой сад.

Автобус выехал на бугор, где в соснах стояла коробочка двухэтажного дома, обрамлённого цветущими деревьями. Вниз до самого озера, опоясанного каменными тропинками, спускалась длинная лестница. По берегам кудрявились пышные вётлы, а над водой плыл прозрачный туман.

«Красиво», — подумал автобус.

— Конечно красиво. В моём саду всё должно быть красиво. И иначе нельзя, ведь я правитель счастливой страны, хотя и страны завистников. В моем царстве люди живут богато в городах Изобилия, Золотом, Зеркальном и городе Птиц. И даже пустыня в моей стране золотая. И всё равно в моей стране все завидуют друг другу, и особенно мне. О, если бы ты знал, как мне тяжело. Все хотят меня со свету сжить. Каждый строит козни, даже мой лучший слуга Улыба и тот обворовывает меня. И ты не смотри, что я всё время улыбаюсь. Мне тяжело, поэтому мне нужны слуги. Пришлось сделать тебя маленьким, чтобы никто не завидовал. Я даже дворец вынужден обратить в коттедж, и собаки, — показал он на двух дворняг, — и те раньше были породистыми догами и медали носили. Они только с виду паршивые, а прикажу — в клочья разорвут.

А теперь мы займёмся тобой. Сейчас я волью в твой бак волшебный бензин, и ты сразу почувствуешь силу,

какой у тебя никогда не было. У тебя появятся способности, которыми ты раньше не обладал, и ты сразу станешь умным и добрым. Добрым ко мне одному, твоему хозяину — Золотому Хорекору. И никто никогда не сможет тебя забрать, никто никогда тебя не найдёт, никто никогда тебя не узнает.

Хорекор принес канистру, открыл крышку бака и стал вливать тягучий красный бензин. Автобус почувствовал, как прибавляются его силы. Теперь он сможет летать, как новый легковой автомобиль, носиться по дорогам, перепрыгивать через овраги. Но вместе с тем какая-то тяжесть обволакивала сердце, темнота застилала глаза, и всё вокруг стало сразу злым и неприветливым.

У дома торчали оципаннные, как палки, деревья, под гору сползала кривая лестница и утыкалась в мутное озеро, вокруг которого змеились серые, с тёмными пыльными пятнами дорожки. Толстые и короткие, без зелени вёты бочонками вросли в берега и никого не подпускали к озеру. Две грязные собаки у покосившегося дома со злостью лаяли друг на друга. И только один человек мягко улыбался ему — это был волшебник Золотой Хорекор.

ЧТО ЗА АБРАКАДАБРА!

Дома Саню ждала очередная неожиданность. Хоть вечер ещё не наступил, в квартире было темно. Окна занавешены, а из-под двери Юлькиной комнаты пробивался красный свет и вылетали какие-то простуженные слова:

— Барам — бурак — дурак. Шура — мура — дура. Уры — луры — куры — дуры.

Будто кто-то сочинял непонятные стихи. Вслед за ними прогремел лающий кашель.

«Ещё тайн в моем доме не хватало, — подумал Павлов. — Раньше на флоте в разведку специально ходил, чтобы тайны военные разгадывать, думал, службу закончу, тайнам конец, а тут в собственной квартире кто-то кашляет незнакомым голосом».

— Кто там? — крикнул он и толкнул дверь, но она не поддалась.

— Я, Юля,— слышался голос сестры, а потом вновь кто-то хрипло закашлял.— Чего тебе? Не мешай!

— Ты с кем? Ну-ка, открывай!

Дверь отворилась, и Саня увидел Юльку, магнитофон на паласе, тусклый красный фонарь на стене, на столе зеркало и что-то дымящееся в чашке. Он тут же включил свет. Глаза у Юльки были заплаканы, волосы спутаны и повязаны красной лентой, а два крыла веснушек от носа к щекам замазаны то ли алой краской, то ли губной помадой.

— Кто здесь ругался и кашлял?

— Никто.

— Что, ваш второй «А» к учебному году спектакль готовит?

— Нет.

— Так что же это за абракадабра такая?

— Не знаю,— не поднимая глаз, сказала Юлька.

— А зачем этот дым, красный свет, зеркало и замазанные щёки, что за колдовство?

— Чай, не твоё дело! — раздался чей-то хриплый невоспитанный голос.— Хочу — колдую, хочу — нет, а ты не мешай.— После этого в комнате кто-то опять долго и пронзительно кашлял. Откашлявшись, хриплый голос повторил: — Хоть бы смазывали чаще и на холод не ставили, а то красивыми все хотят быть, а о моём здоровье никто не заботится...

— Что за абракадабра? — ещё раз повторил Саня.— Ты кто, вылезай!

— Не вылезу. Здесь тепло. И ты не командуй. Два года невесть где пропадал. Ишь, герой выискался. И вообще, иди и не мешай. Нам Юльку краше делать надо. Видишь, конопушки у неё. Её из-за этого весь двор дразнит, в игру не берут, и Лёшка не её, а Лариску на своём новеньком мопеде катает. Думаешь, не обидно нам?

И пока кто-то всё это хрипло объяснял, Саня, осматривая комнату, заглянул под Юлькин диван, за шкаф, под стол, но никого не нашёл.

«Загадки не хуже, чем в разведке. Нет, лучше прапорщиком в морской пехоте остаться, чем на этой гражданке непонятно с кем разговаривать», — думал он.

— Так ты вылезешь?

— Не вылезу. Холодно у вас. Отопительный сезон ещё не начался. И вообще, иди и не мешай нам, Пав-

лов, веснушки выводить и Юльку царицей красоты нашего двора делать.

— Так где ты?

— Не скажу,— опять хрипло ответил кто-то и снова закашлял. И только тут Саня заметил, что кассета в магнитофоне крутится. Он нажал клавишу и выключил его.

— Вот это ты зря,— опять прохрипел кто-то.— А я б тебе про автобус рассказал.

— Ты зачем? — вдруг заплакала Юлька.— Он мне обещал веснушки вывести, а теперь он обидится. Я его и так две недели уговаривала, чтобы он мне помог.

— Ничего не понимаю,— сказал Саня.— Кто это?

— Не знаю,— ответила Юлька,— кто-то в магнитофоне.

— Откуда он знает про автобус?

— Какой автобус? — на этот раз удивилась Юлька.

— Он сказал!

— Магнитофон ничего не говорил.

— Тогда вообще ничего не понятно. Что происходит? Что за непонятная гражданская жизнь. Нет, снова уйду в морскую пехоту, стану прапорщиком, старшиной роты. На флоте легче.

ЗЕРКАЛЬНАЯ КОМНАТА ХОРЕКОРА

— Теперь ему будет хорошо! Теперь он ни одного человечка на дороге не подберёт,— от радости потирал руки Хорекор.— А потом возненавидит людишек, которые будут ругать его. А мне от этого радость. Терпеть не могу людишек. Мне хорошо, когда им плохо. Если я хоть один денёк не сделаю какой-нибудь гадости, то сердце у меня начинает колотиться, печень болеть, а голова каруселью кружится. А с этим автобусом можно стольким навредить!.. Пока я одному что-нибудь сделаю, автобус пробежит по дороге и тысячам настроение испортит, и тогда наступит мой черёд. Я буду безвозвратно забирать улыбки, смех, веселье, радость. Из всего этого я приготовлю эликсир молодости, который продлит мою жизнь. Ведь мне уже триста лет, но я полон сил, и всё благодаря волшебному эликсиру.

Хотя запас его у меня сейчас исчерпан, осталось на каких-нибудь двести лет.

Хорекор поднялся к себе во дворец, прошёл одну комнату, другую, третью, наконец оказался в зеркальном зале и накрепко закрыл двери, чтобы ни одна улыбка не вылетела, ни одна смешинка не пропала.

— А как же иначе,— усмехнулся Хорекор,— это такой ненадежный трудносохраняемый товар. Чуть зазеваешься, и он опять окажется у своего владельца.

В зале всё сияло от улыбок, смешинки птицами носились в воздухе, а под самым потолком весело раскатывались всевозможные оттенки счастливого, радостного смеха.

— Хорошо действует мое изобретение с зеркальными стенами, полами, потолками, шкафами и антресолями. Все у меня зеркальное, даже ящички для улыбок из зеркал, чтобы улыбки не могли вылететь наружу, чтоб запутались в своём зеркальном отражении, чтобы не знали, где лево, а где право, где начало, а где конец, где верх, где низ. Потеряв ориентировку, они останутся здесь и никуда не вырвутся. А придёт время, и я приготовлю из них эликсир.

Эх, людишки, собирают денюжки, золото, драгоценные камушки и даже не знают, где настоящие богатства. Они легко теряют его, заставляют других терять улыбки и смех и даже не замечают этого. И только я один научился собирать и беречь это богатство. Поэтому я самый умный, самый сильный, и я буду ещё умнее и сильнее, когда соберу все улыбки, весь смех, всё счастье на земле. Тогда я стану властелином, и все будут подчиняться мне, только мне. Сейчас подзаряжусь и выпущу автобус. Пусть мчится по дорогам, а я полечу вслед за ним и соберу все то, что растеряют эти глупые людишки.

БЕДА ФЕДИ ЧАЙНИКОВА

Вечером Саня сидел и думал, как завтра пойдёт в автопарк, узнает, нашли ли автобус, и если нет, то попробует предложить свои услуги. Может, его флотская выучка и два года в морской пехоте пригодятся для поисков. Юлька, забыв про свои горести, сидела рядом

и смотрела по телевизору «Спокойной ночи, малыши». И тут зазвонил телефон.

— Здравствуй, Павлов,— донесся из трубки грустный голос.

— Здравствуйте,— ответил Саня.

— Это я, Федя Чайников, разве ты меня не узнал? Мы ж в одном взводе служили.

— Чайник, дорогой,— обрадовался Саня.— Ты что, заболел? Откуда в твоём голосе такая грусть? Где весёлые нотки, ты же у нас был самым неунывающим.

— Не знаю! — вздохнул Чайников.— Я хотел быть клоуном, чтоб людей веселить, но что-то со мной произошло. А что — до сих пор не пойму. Мой смех куда-то пропал. Я сам не смеюсь и других смешить не могу. Теперь я если и буду, то только грустным клоуном, а весёлым мне, наверно, уже никогда не быть.

Знаешь, я стоял за городом, ждал на остановке автобус, но, как ни странно, на дороге было очень пусто. Солнце, небо, кусты, пыль — и никого. Но вдруг чёрный, как ночь, автобус, и не автобус даже, а какой-то огромный паук, и на меня летит. А мне ни капли не страшно, даже немного забавно. Всякие глупые стишки в голову лезут: «Что за каракатица по дороге катится». Я улыбнулся и поднял руку, а автобус рядом пролетел, и у меня улыбка тут же пропала. В душе пустыня, грустно, и себя жалко. Сколько после этого ни пробовал, ни разу не мог хоть чуточку улыбнуться, а ведь во мне столько смеха было, на всех бы хватило. А теперь... Ну, Павлов, извини. Я из цирка звоню, сейчас мой выход.

— Выход клоуна?

— Нет, уборщика манежа.

— До свидания, Федя, заходи ко мне.

— Зайду,— вздохнул Чайников,— когда свой смех верну. Не могу я грустным с тобой встречаться.

Мультик по телевизору закончился. Юлька встала, потянулась, а Саня уже хотел повесить трубку, как что-то внутри её захекало, закашляло, и на этот раз прозвучал простуженный голос, но не Феде Чайникова, а знакомого из магнитофона.

— Привет, Павлов, а я знаю, почему у Чайникова пропал смех. Думаешь, он заболел? Нет. А тебе не скажу, потому что ты вреднящий. Узнать-то хочешь, а магнитофон выключил. Вот так-то,— в трубку неужи-

данно разразился жестокий кашель, который сменили короткие гудки.

— Опять эта абракадабра откуда-то вылезла, — сказал Саня.

— И не абракадабра, а Дымовик-Домовик. — На этот раз мужским простуженным голосом ответила диктор телевидения, появившаяся на экране. — И всё равно ты вредный, и я тебе не скажу, — прохрипела дикторша и тут же исчезла.

— Вот крыса, — возмутилась Юлька, — даже объявить не могла, что дальше будет.

ЧЁРНЫЙ ПАУК

Когда на следующее утро Павлов пришёл в автопарк, вахтёр Вертушкин долго и пристально через очки рассматривал его пропуск:

— Так вот, значит, по кому сорок два человека плачут, надрываются.

— Сорок два? — переспросил Саня.

— Да, сорок два. Ко мне на проходную звонят, все провода оборвали. И я знать не знаю, что отвечать.

— Я никого не обижал, вот защищать — защищал, а обижать — нет.

— Значит, обидел, коль ревет. И не оправдывайся. Целых две группы детского сада и две воспитательницы с ними. У них на сегодня киноавтобус запланирован. А тебя, слышал, киноводителем назначили?

— Так автобуса нет!

— Так детям этого не разъяснишь. Вот они и ревет, воспитательницы плачут, потому как не могут успокоить детей. А вечером у родителей постные лица будут, потому как дети придут неуспокоенные, а завтра у родителей на работе настроение будет испорченное. А потом и другой садик заревёт, ведь он на следующую неделю запланирован. Так через месяц, глядишь, у нас будет не город, а ревуший водопад, потому как от слёз будут реки, а от рева много шума. Вот и получается, Павлов, ты — виновник.

— Так что же мне делать?

— Найти автобус!

— Так милиция не нашла, а я?..

— А вот ты найдёшь. Зря, что ли, тельняшка под гимнастёркой? Морская пехота, меня не проведёшь, в воде не тонет, в огне не горит, с неба слетает, не разбивается, и везде победу одерживает. Вот чует мое сердце, ты найдёшь и вернёшь детишкам автобус.

— Найдёшь! Найдёшь,— вдруг простуженным голосом сказал селектор в проходной и хрипло закашлял.

— Кто это? — спросил Саня.

— Наверно, начальство, оно-то знает,— поднял указательный палец Вертушкин,— ему сверху всё видеть.

И тут Павлов узнал, кому может принадлежать этот кашель.

— Знаю я это начальство, оно мне ещё дома надоело.

— Не надоело,— обиженно прохрипел селектор.— Я тебе ещё не помогал, чтоб надоест. Мы ещё дома поговорим.

— Так ты подумай,— сказал Вертушкин.

— Подумаю,— пообещал Саня.

Павлов в своей красивой чёрной форме шёл по улице и всё думал об одном: «Ну как это можно украсть автобус, чтобы никто не заметил. И вообще, кому это нужно?»

По проезжей части легко шуршали легковушки, быстро катили неуклюжие автобусы, неслышно проходили квадратные троллейбусы, звенели трамваи. Они везли людей и грузы, торопились и мчались, но не было среди них его автобуса под номером 45-55. «И вообще...» — хотел было пожаловаться на тяжёлую гражданскую жизнь Саня, как увидел похожий на паука маленький чёрный автобус, который спешил, толкался и, как задиристый мальчишка после кино, рвался вперёд, мешая всем остальным. Этот чёрный невоспитанный, не обращая внимания ни на свистки милиционеров, ни на призывы машины ГАИ, мчался к перекрёстку. Светофор красным светом требовал остановиться, но автобус пролетел перекрёсток и, выбив полосатый жезл у милиционера, исчез. Он исчез так же стремительно, как и появился. Будто его и не было.

А на лица водителей и пассажиров туча набежала. Только что светлые от улыбок, они потускнели и потемнели, скисли и завяли. Саня задумался над странным

автобусом, но сразу отвлекся. На него сердито смотрел человек с широкой, до ушей, улыбкой. Но это длилось недолго, потому что вдруг и прохожий исчез.

«Куда он мог деться? — подумал Павлов, — наверно, затерялся среди других прохожих». Саня и не предполагал, что с этим человеком ему придётся скоро встретиться.

А в это время Хорекор уже сидел в своей зеркальной комнате и нажимал на кнопки персонального компьютера.

— Итак, сегодня пятьсот человек лишилось улыбок, двести — смешинок, сорок — заразительного смеха и двадцать пять — смеха заливистого. Ещё две группы детского сада с воспитательницами, да у восьмидесяти родителей тех детей испорчено настроение, — Хорекор от радости потёр ладони, но вдруг его улыбка исчезла.

— Странно, почему у меня не хватает одного испорченного настроения? Он снова принялся нажимать кнопки, но одной улыбки не хватало. Пересчитал ещё раз. Нет. Её не было. Тогда он со злости швырнул машинку в шкаф, зеркало на ящике разлетелось, и оттуда вырвались смешинки. Хохоча, они веером прошлись по комнате. Он бросился их ловить и складывать обратно в ящик, но они снова вырывались и разлетались в разные стороны.

— Так из-за одного неиспорченного настроения сколько улыбок и смешинок можно потерять. Ну, я ему покажу, ну, я с ним сделаю... Но кто это? — Хорекор включил дисплей компьютера и стал внимательно просматривать улицу. — Так кто же не опечалился, кто? На экране люди шагали назад, автобусы двигались задом наперёд. И вдруг он увидел Павлова до встречи с автобусом и после. Тот не опечалился, не расстроился. Он был просто задумчив. — Так вот у кого не испортилось настроение, вот кто не отдал свою улыбку.

— А ну-ка, скажи, кто это, — спросил он свой волшебный компьютер.

— Он хочет забрать автобус, — ответил тот.

— Не отдам, — сказал Хорекор.

— Твое дело. Но он из морской пехоты, в воде не тонет, в огне не горит, с неба прыгает — не разбивается и везде победу одерживает.

— Ну, это ещё посмотрим, я его ещё увижу, я ещё с ним поговорю, — выключил дисплей Хорекор.

В ПОХОД

Не успел Саня зайти в дом, как Юлька бросилась к нему:

— Я с тобой пойду автобус искать. У меня каникулы и времени свободного уйма. Ты же обещал.

— Я пока никуда не собираюсь,— снял сапоги Саня.

— Собираешься, я знаю,— мне об этом Дыма, Дымовик-Домовик сказал. А ещё он сказал, что поможет тебе, но никуда без меня не пойдёт. Только я одна смогу разгадать то, до чего ты не догадаешься. Пойдём к телевизору, он там.

На экране певица исполняла что-то весёлое, но вдруг она закашляла и простуженным голосом Домовика сообщила, что просто так с Саней и Юлькой идти не может.

— Мне нужна оболочка, а содержание у меня и так отличное. Я могу показать дорогу к нему, а с ним сразиться у меня не хватит сил.

— Я тебе дам школьную форму,— обрадовалась Юлька.

— Не одежду, а что-нибудь такое... ведь я же Домовой невидимый, неслышимый, неходящий, раньше в печной трубе жил. Поэтому мне нужна форма, чего тут непонятного.

— А почему в трубе? Что, больше жить негде было? — удивилась Юлька.

— Какая ты непонятливая,— возмутилась певица голосом Дымы,— да жить-то где было? И дом хоть и был большой, но и семья-то домовых, хранителей этого дома, небось тоже не маленькой была. Я в печи — Дымовик, в сарае мой братишка — Сараяшник, в хлеву — Хлевушник, а ещё Конюшник. Тот всё больше с лошадьми шалил, любимым так гриву в косы заплетал. А ещё среди нас был ласковый Баенник, тот всё больше сны навевал. А за печкой наша самая младшая сестричка Кикимора располагалась. Ох и шалунья была!..

А этот Хорекор,— с обидой продолжил Дыма,— пришёл, бедным прикинулся, и его наша домовая семья пожалела и приняла. А он такое вытворять начал! И лошадей загонял, и кур передушил, и шуму наделал. После этого хозяева решили, что дом порчен, и покину-

ли его. А как нам без них? Дом в запустение пришёл, разрушился, и мы остались без крова. До сих пор мучаемся. Никто с нас не заботится, сироты мы. Дом он наш разорил, радость нашу, улыбки наши украл. Бедные мои, несчастные...— грустно закончил и зашёлся в кашле Дыма.

— А если форму мяча дадим? Согласен? — тихо спросил Саня.— У тебя голова не закружится, будешь сам катиться? А мы в мяч микрофон зашьём, чтобы мог разговаривать.

— А мяч тёплый? — переспросил Дыма.— А то без дома я уже двести лет как от хвори избавиться не могу.

— Кожаный.

— Ну, если кожаный, тогда пойдёт.

— Ура, в поход! Пусть Лариска знает! — закричала Юлька. Потом схватила свой рюкзачок и почему-то первым делом бросила туда рогатку и вслед за ней положила куклу.— А когда выходим?

— Завтра же,— прохрипел Дыма,— иначе Хорекор ещё больше плохого наделает.— Завтра идём на рассвете.

ВСЛЕД ЗА ДЫМОЙ

Если бы кто-нибудь в этот предрассветный час вышел на улицу, то увидел странную картину. В свете фонарей по тротуару шагал широкоплечий морской десантник с рюкзаком за спиной, а за ним еле поспевала тоненькая девчушка тоже с рюкзаком, но поменьше. И уж самые внимательные могли бы разглядеть, как впереди них катится новенький футбольный мяч без всякой посторонней помощи, как клубок в сказке.

И если бы самый любопытный подошёл поближе, то услышал, как этот самокатящийся мяч издает хрипловатые и ворчащие звуки.

Мяч прокатился по улице, свернул на другую, и тут Саня остановил такси. Он подхватил мяч, сел с Юлькой на заднее сиденье, и через двадцать минут они были на окраине города. Здесь Саня поставил мяч на край дороги, и тот тут же скатился в кювет. Саня догнал его, хотел поднять, но Дыма тут же прохрипел:

— Павлов, ты такой большой, а думай дядя за те-

бя. Страна Хорекора в стороне от больших дорог находится. Туда на машине не доберёшься. Поэтому не мешай мне вести вас к нему. Я знаю самый короткий путь через город Изобилия. И ты не беспокойся, моё содержание за вас думает, а моя форма вас ведёт.

— Ладно, веди,— отпустил его Саня.

— И не приставай к нему,— попросила Юлька, он мне пообещал взять у Хорекора средство, которое любое желание исполнит и избавит от веснушек.

— Да тебе с веснушками хорошо.

— Где же хорошо, если Лариска сказала, что у меня самые деревенские веснушки.

— Много твоя Лариска понимает.

— Много. Потому что у неё веснушек нет.

— Хватит вам,— сказал Дыма.— Хорекор услышит, тогда нам не очень-то поздоровится.

И мяч покатился по мягкой траве, белым земляничным цветам, не обращая внимания на щекочущий бока серебристый ковыль.

ПОЧЕМУ ПРОСПАЛ ХОРЕКОР

— Хорекор, Золотой вы наш, ваше смехотворное улыбочество, вставайте. Вы сегодня на пять минуточек больше проспали, чем вчера. Вставайте, вам самые чудесные блюда с улыбочками и смешиночками приготовлены. Вставайте, примите ваш волшебный эликсир.

Хорекор открыл один глаз. Рядом с кроватью стоял улыбающийся лакей Улыба и всю растягивал рот.

— А, это ты, любезный,— открыл другой глаз Хорекор.— Ну, сколько улыбочек своровал, мой хороший, пока я спал? Сколько смешиночек проглотил, пока я за своими ящичками не присматривал? Вкусно ли тебе было? Весело ли твоему ненасытному брюшку?

От этих слов Улыба ещё шире растянул рот и захохотал ушами.

— Да что вы, Золотой вы наш Хорекорчик. Мы кушаем только то, что остается после вас. Мы ведь не имеем ключиков к вашим комнатам.

— Верно, ха-ха-ха,— засмеялся Хорекор,— доверь тебе, и ты всё растащишь. Тогда мне ничего не останется. А я хочу пожить, ведь я ещё молоденький, мне

всего-то триста лет. Но почему я сегодня так долго спал? За это время можно было бы смея на целый месяц собрать, а если постараться, то и на два. Что-то у меня сегодня с утра смех не такой звенящий и улыбка не такая широкая. Ну-ка, дай мне портативный всевидящий компьютер. Что мне подскажет его цветной объёмный экран?

Лысый и толстый старик Улыба тут же выскочил за дверь.

— Старый, а бегаешь как спортсмен-разрядник. Сдается, что украл у меня эликсир, настоящий на весёлом детском смехе. Раньше он на базе работал и таскал всё подряд, а теперь у меня устроился. Понимает, что дороже весёлого, хорошего настроения ничего нет.

— Вот он, — тут же влетел старый Улыба, подпрыгивая и радуясь, как маленькая девочка.

— Опять, наверно, детского смеха попробовал, вориска несчастный, — проворчал Хорекор.

— Извольте, ваше улыбочество, в портативный всевидящий взглянуть, увидеть, что в мире происходит, — поклонился Улыба.

— Ну-ка, всевидящий, всеслышающий, — нажал кнопку Хорекор и приказал: — Расскажи, что на свете делается, отчего мне так нехорошо живётся, почему сегодня я проспал на пять минут больше положенного и с утра не так звонко смеюсь?

— Сегодня утром, — ответил голосом диктора компьютер, — недалеко от вашего дома произошло землетрясение, дома разрушены, жертв нет.

— Нет, от землетрясений мне плохо не бывает. При землетрясениях веселья очень мало, и улыбок, и смеха.

— А ты, Улыба, послал слуг к месту происшествия?

— А как же не послать, послал.

— Давай, всевидящий, дальше рассказывай.

— Наводнение. Река разлилась, дома затопила.

— Про наводнение я знаю. Там уже всё собрано, осталось маленько подобрать.

— Ну, тогда у меня пока ничего нет. Да, вот ещё посмотрите, Золотой вы наш. Двое людишек. Один морячок и девчонка идут к вам, кажется. А впереди морячок мячик толкает. Наверно, футболист. Принимайте гостей.

— Так вот почему мне весело, но не так. Радостно, но не совсем. Эх, ладно. Мы с ними разберёмся. Не таких уговаривали. Пусть идут. Они думают, мы им будем мешать, а мы, наоборот, поможем. Против хорошего ещё никто не устоял. Правильно, Улыба? Ты ведь тоже под меня когда-то копал и хотел, как ты говорил, вывести на чистую воду. А я создал тебе условия, и ты уже сколько лет служишь мне. Теперь я знаю, без меня ты уже никуда, за меня ты в огонь и воду.

— Конечно,— старый лакей широко разулыбался.— А если ещё и зарплату прибавите, то я для вас не только в огонь и воду, в медные трубы войду.

— То-то, а теперь за моих дружочков примемся, а то что-то они далековато зашли.

ГОРОД ИЗОБИЛИЯ

Солнце уже поднялось над степью. Вокруг белели цветы земляники, и над поляной порхало, поднималось и перемешивалось огромное облако бабочек-белянок. Было красиво и тепло. Мяч катился впереди, за ним, весело пританцовывая, шла Юлька, рядом быстрым походным шагом — Саня.

— Как хорошо. Давай остановимся.

— И я тоже на природу последний раз выкатывался двести лет назад. Пока мы с Хорекором не встретились. Он мне сразу настроение испортил, после этого я форму потерял, и у меня больше ни времени, ни желания не нашлось.

— Надо торопиться, ведь мы ещё не устали,— сказал Саня.— До завтрака нужно ещё хоть немного пройти, а то наш поход затянется.

Впереди бежала тропка-прямушка, как будто кто взял и вытянул её за оба конца. Воздух был настоящим цветочным ароматом. А степь уходила во все стороны и, казалось, нигде не кончалась.

Нигде не было ни одного дерева, ни одного домика, ни одного столбика.

И вдруг через нагретый воздух проявилось разноцветное расплывчатое пятно, и с этой же стороны долетела весёлая музыка. Вскоре путешественники увидели разноцветный город. Тропинка вела к нему, и не про-

сто вела, а тянула и торопила. Дыма уже не катился, а летел. Юлька бежала за ним, а Саня перешёл на скорый шаг.

Когда они приблизились к окраинам, то увидели, что поднявшийся на пути город необычен. Дома его были похожи на цветы. На огромных стеблях они поднимались над землёй и разноцветными лепестками расходились в разные стороны. С зелёных стеблей и ярких лепестков смотрели розовые, голубые, салатовые и жёлтые окна. Дома медленно вращались, и окна постоянно меняли свой цвет. Между домами кружились разноцветные бабочки. Солнце пригревало, но жарко не было, потому что на улицах шумели, пузырились разноцветные фонтаны, в пенящемся водовороте принимавшие форму яблок, бананов, ананасов, вишен, клубники.

Юлька достала из рюкзака кружку и до половины наполнила её из оранжевого шара.

— Ой, как здорово. Апельсиновая газировка. Фанта! Вкуснотища! — и побежала к другому фонтану. — А здесь яблочный сок, а здесь банановый, а тут вишнёвый. Как мне тут нравится! Видела б Лариска. Это тебе не на речку поход!

— Неплохо, — сказал Саня.

— Подумаешь, газировка. Просто сладкая вода, — кашлянул Дыма. — Я соков не пью.

Рядом стоял автомат. Юлька нажала кнопку. В автомате что-то щёлкнуло, и он выдал три порции мороженого в зелёных стаканчиках с жёлтой, красной и голубой розочкой наверху.

— Вкусно, — попробовала и зажмурила глаза Юлька.

— Отличное, — похвалил Саня, — Дыма, будешь?

— Такой большой, а насмехаешься. И так кашель. Мы, домовые, без мороженого обходимся. Идёмте дальше, не будем задерживаться.

— Смотрите сюда! — закричала Юлька. — Здесь шоколадный магазин, и чего только нет: кони, зайцы, белки, волки шоколадные!

Она принялась разглядывать полки, где в разноцветных обёртках застыли шоколадные звери. По полкам, откинув крышки, лежали коробки с конфетами, на прилавках огромными башнями возвышались причудливые торты.

— Как хочется,— проглотила слюну Юлька.— Да вот жаль, денег нет.

— А что вам хочется? — спросил толстый с красными щеками, розовой шеей и печальными глазами дядька, стоящий за прилавком.

— Что-нибудь. Можно белочку.

— Пожалуйста, берите, и денег не надо. Берите сколько съедите. Если хотите, то и шоколадного тигра можете взять. Только, пожалуйста, съедайте всего от головы до хвоста. А то некоторые голову слопают, лапы кое-как осият, а до хвоста, и говорить нечего, дело никак не доходит.

— Так пусть зайчиков и белочек берут,— пожал плечами Саня.

— Хм, будут зайчиков брать, когда тигры бесплатные,— прокашлял Дыма.

— Вот-вот,— грустно сказал продавец.— Зайчиков мало кто берёт, всем почему-то тигров хочется. Думают, что осият, но никто ещё не съел. И от этого грустно.

— Кому грустно? — покраснела Юлька.— Ей тоже захотелось взять тигра.

— Всем. И мне, и тому, кто тигра не съел, потому что его съедает тигр.

— Как съедает?

— Очень просто. Тигры, они коварные. Не съешь его, он к тебе в совесть заползает, и совесть с тигром тебя уже поедом едят. Вот раньше наш город был не такой богатый, а я леденцами торговал. Леденцов сколько возьмёшь? Один, два, три. Надоест, язык заболит, во рту противно станет. Ох, я был весел и строен. Ходил по нашему городу и выкрикивал хорошие стихи собственного сочинения. «Бери леденцы, тяни, неси на радость себе, во рту соси». И всё мечтал о шоколадном магазине. Народ подходил, брал конфеты, говорил «спасибо» и сосал себе на здоровье. И сколько у меня смеха было — на сто человек бы хватило! Думал я, что, когда у меня будет шоколадный магазин, тогда мне веселья на тысячу человек хватит. Но пришёл человек, подарил мне шоколадный магазин, сделал наш город богатым, а веселья почему-то не стало совсем. Вижу недоеденных тигров, а они меня и тех, кто не доедает, грызут. А вы куда путь держите?

— Мы идём к Хорекору за своим автобусом! — сказал Саня.

— Вот этот человек и подарил мне шоколадный магазин. Возьмите у меня шоколад, идите, сделайте что-нибудь, чтобы я снова стал счастливым и весёлым. И не берите, пожалуйста, тигров, они хоть и шоколадные, но всё равно тигры...

— Странный какой-то, — сказала Юлька. — Жить в таком городе, где лимонад и соки фонтанами бьют, где мороженое в автоматах: нажал кнопку и ешь... и быть таким грустным. Что-то непонятно. Мне здесь нравится. А вот видите, — и она показала на стрелку, — что на ней написано? Пляж. Пойдёмте, и Дыма прогреется, а то вообще раскашлялся.

— Ишь, пожалела, — кашлянул Дыма. — Надо торопиться, а то попадём в беду. Просто так бесплатные города на пути не попадают даже в сказках.

— А когда мы ещё попадем в такой город? О таком даже Лариска не мечтала. Такое только во сне бывает.

— Это и есть сон, — прохрипел Дыма.

— Да какой сон, когда зайцы шоколадные, а мороженое сладкое.

— Надо искупаться, — сказал Саня, — путь дальний.

— Эх вы, а ещё... — кашлянул Дыма.

По дороге на пляж Юлька всё пробовала, ей всё нравилось, она ела, пила и, когда пришли к реке, так насытилась, что еле плелась вслед за Саней.

— Давайте отдохнём. Давайте отдохнём, — канючила она.

Саня взял её рюкзачок и погладил по голове:

— Сейчас окунёшься в речке, взбодрись и отдохнёшь. Смотри, как здесь красиво. Песок золотой, грибочки разноцветные, музыка весёлая, и везде бесплатные автоматы. Вода в реке, смотри, белая, как туман.

На песке лежали толстые и розовые жители города, одни спали, другие с грустными скучными лицами смотрели кто в небо, кто на речку, кто просто так.

— Можно возле вас раздеться? — спросил Саня дядю в шляпе.

— Раздевайтесь, — печально сказал тот.

— Как у вас здорово, — зевнула Юлька. — Хочешь — ешь, хочешь — пей, хочешь — купайся.

— Все, кто попадают в наш город, так считают,— лениво и грустно ответил дядя.

— А речка у вас тёплая?

— Парное молоко.

Саня разделся, расправил плечи, разбежался и прыгнул в воду, но тут же вынырнул и вышел на берег.

— Так это и есть молоко, парное молоко.

Юлька зачерпнула из реки ладошкой и попробовала:

— Жирное, как сливки. Я в такой речке тоже купаться не буду.

— Я же говорил,— проворчал Дыма.

— Вот тебе бы следовало горло молочком тёплым полечить,— посоветовала Юлька.

— У меня не горло, у меня душа простужена.

— Вот поэтому здесь никто и не купается,— сказал дядя.— Молоко жирное, вкусное, купайся, пожалуйста, но никто не хочет. И вообще, в нашем городе всё есть, но почему-то грустно и скучно.

— Так почему вы в другой город не переедете, туда, где чего-нибудь не хватает? — спросил Саня.

— А что, мы дураки? Нам здесь хорошо. Где нам всё так хорошо будет? От добра добра не ищут.

— А веснушки в вашем городе выводят?

— А зачем? — спросил розовый дядя в шляпе.— Не все ли равно, с веснушками вы или без них?

— Точно,— зевнула Юлька.— И зачем мне веснушки выводить, когда с веснушками в этом городе тоже хорошо. И мороженого сколько угодно, и соки, и бутерброды. А Лариска узнает, от зависти лопнет. Я здесь останусь, пока вы там за автобусом гулять будете. Зачем куда-то идти, когда и здесь хорошо. А кино у вас есть?

— Есть,— зевнул дядя.— Идите в кинозал, там вам любой фильм покажут. И по телевизору у нас передачи весёлые. С утра до вечера. У нас всё весёлое, вкусное, сладкое, только почему-то люди смеяться перестали.

— Всё, я никуда не иду,— в ответ зевнула Юлька и разлеглась на песке.

— Скорее отсюда укатываемся, а то мы все розовыми и толстыми станем и даже не заметим, как это случится.

— Сейчас,— стал собираться Саня,— только Юль-

ку надо забрать, а то она уже начинает розоветь и толстеть, и через час я её не утащу.

— Она будет круглой, и её придётся катить,— прохрипел Дыма.

Саня подхватил сестру, но она вдруг подняла порочный визг.

— Не хочу! Не тащите меня! Мне здесь нравится! Где я столько мороженого съем? Где я столько соков выпью?!

Отдыхающие повернули в её сторону сонные лица. А дядя зевнул.

— Сейчас прибегут железные стражи. Никого нельзя насильно из нашего города уводить.

— Скорее,— торопил Дыма и крутился от нетерпения.— Скорее, они уже бегут.

Со всех сторон пляжа к ним неслись железные стражи со страшными железными головами и железными палками в руках.

Саня подхватил Юльку и побежал. Дыма покати́лся за ним. Юлька визжала вовсю.

— Не хочу, отпусти, мне здесь нравится!

Десять стражей гремело за ними, не отставая ни на шаг. Саня свернул в парк, пробежал по аллее, бросился в кусты. Дыма за ним. Саня зажал Юлке рот. Стражи, высекая на асфальте искры, пробежали мимо.

— Кажется, отвязались,— Саня отпустил Юлке рот, но она вновь завизжала, и тогда стражи повернули в обратную сторону.

— Эх, не хотелось с ними связываться,— сказал Павлов и вышел из-за кустов.— Будь что будет. Смотри, Юлька, радуйся. Мы ещё увидим, где наша морская пехота не пропадала.

Роботы налетели на него, но он взмахнул руками, и они, как железные банки, покатались в разные стороны, загремев по асфальту. Это не вывело их из строя; легко поднявшись, стражи пошли на Саню, вовсю размахивая палками.

— Мы ещё кое-что можем,— тихо сам себе сказал Саня и, когда подбежал к нему первый, подпрыгнул, выбил палку из рук робота, а его перебросил через себя.

Страж грохнулся, а его квадратная голова отлетела и закрутилась на асфальте. То же самое произошло со

вторым, но Саня не заметил, как третий подобрался сзади и замахнулся.

— Берегись,— услышал он Юлькин голос, успел отпрыгнуть чуть в сторону, и палка только слегка задела его по щеке. На месте царапины выступила кровь.

— Саня! Саня! — заплакала Юлька, но брат продолжал отбиваться от роботов и, когда последний, заскрежетав железом, рассыпался на куски, быстро схватил Юльку, рюкзак, но сестра тут же вырвалась и сказала, что ей помощь не нужна.

Вместе с Дымой они побежали под цветочными домами мимо скучных и грустных жителей этого города, мимо фруктовых фонтанов, переполненных продуктами магазинов, молочной реки в степь. И ещё долго бежали, пока не повалились от усталости в траву на белые цветы земляники.

— Тяжело крутить мяч,— сказал Дыма,— надо отдохнуть.

— Вовремя мы ушли,— снял с себя рюкзак Саня,— всё-таки страшно оставаться там и превращаться в таких же розовых, толстых, ленивых и скучных.

— Да,— вздохнула Юлька,— разве это город? Там даже веснушки лень выводить. Эх, только бы выпить сейчас фанты из фонтана.

— Бери воду,— протянул ей фляжку Саня,— сейчас отдохнём — и в путь.

КУДА ОНИ ДЕНУТ СВОЮ СИЛУШКУ!

Хорекор ходил по зеркальному залу и никак не мог найти себе места. Он улыбался, смеялся, хохотал, садился и вновь вставал.

— Прошли всё-таки! Они прошли город Изобилия. Они не остались там, их не задержали сладкие фонтаны и автоматы с мороженым. Ну ладно, не захотели счастливой жизни, пусть. Пусть идут. Как раз впереди пустыня. Вот там мы посмотрим, куда они денут свою силушку. Вот там мы посмотрим, кто в песках не тонет, кто в жаре не горит, кто не разбивается о ветер и кто победу одерживает.

На ночь путешественники остановились в степи, но стоило первым лучам окрасить облака, как Саня отдернул полог палатки:

— Подъём! Выходи на зарядку!

— Ох, не хочется, — потянулась Юлька.

— Ну почему так рано? — захныкал Дыма. — Я такой сладкий сон видел, как в своём детстве, когда мне ещё ста лет не было. Ты, Павлов, жестокий человек. Это для твоей Юльки шоколад сладкий, а для нас, домовых, кроме снов, ничего слаще не бывает. Зачем ты этим грубым словом «подъём» всё загубил? Где теперь я достану такой сон?

— Дыма, дорогой, извини меня. Ты же сам торопил нас.

— Да, тебе хорошо, — захныкал Дыма, — а я намкну в росе, знаешь, как мне тяжело будет покрышку крутить. И посмотри, пока мы с тобой разговариваем, она спит.

Юлька и не думала просыпаться. Она скатилась к краю палатки и тихо посапывала.

— Ну и спите, — сказал Саня, — а я пойду дальше...

Солнце красным шаром только повисло над горизонтом, роса ещё сверкала разноцветными огоньками, а по степи шёл огромного роста морской пехотинец с рюкзаком за спиной, спящей девочкой на плече и с мячом в руке. Он шагал широкими шагами, и просыпающиеся цветы с удивлением смотрели ему вслед. Девочка спокойно спала, а мяч подпрыгивал и побрякивал.

Но вдруг в лицо Сане дохнул горячий с песком ветер. От его жара закрылись цветы и высохла роса. Саня прошёл ещё немного и увидел клубы жёлтого, огромного, во весь горизонт, облака, надвигающегося на него. Он остановился, разбудил Юльку и положил мяч на землю.

— Можно и осторожней, — прокашлял Дыма.

— А мне сон снился, — потянулась Юлька. — Будто я ехала, ехала и приехала в пустыню.

— Приехала, посмотри, — сказал Саня. — Песчаная буря.

— Она же нас засыплет, что нам делать? — тут же захныкала сестра.

Горячая песчаная волна надвигалась на степь, на

траву, на цветы. Через пыль было заметно, как что-то чёрное, похожее на паука с крыльями пронеслось в поднебесье. Паук кружил, взлетал, поднимался, нырял. И от него исходил оглушительный хохот: «Засыплю, закручу, затоплю песком...»

— Бежим,— закричала Юлька.

— Стой, куда бежим? — сказал Дыма.— Ну-ка, Павлов, подбрось меня.

Саня хлопнул по мячу, но Дыма, падая, прохрипел:

— Не руками, а как в футболе, ногой.

Саня подержал мяч в руках, не решаясь пнуть его, потом со всей силы поддал его сапогом. Мяч взвился, а когда со свистом полетел вниз, Саня подбежал и поймал его.

— Вперёд, за мной! — крикнул Дыма.— Я увидел, я вспомнил, куда надо бежать.

Они побежали под углом к песчаной волне вслед за Дымой. Скоро впереди показался редкий лесок тоненьких берёзок. Дыма летел туда. И Саня только тут, вблизи, увидел овраг.

— Павлов, быстро у самого края оврага рой землянку! — прокричал Дыма.

— Я вас понял, товарищ старшина,— проговорил Павлов, достал маленькую сапёрную лопатку и быстро, как траншеёкопательная машина, заработал ею. Скоро маленькая пещера была готова.

— Ветки несите! — командовал Дыма.

Саня продолжал работать лопаткой, но сейчас он рубил ветки, а Юлька, хватая их полные охапки, быстро несла к маленькой пещерке.

— Всё, залазь! — крикнул Дыма, скатился по склону и быстро, как в футбольные ворота, влетел в правый нижний угол пещерки.

Юлька нырнула за ним, а Саня залез последним, завалив ход березняком.

В маленькой пещере все прижались друг к другу и только смогли передохнуть, как сверху загредело:

— А, спрятались. Знаю, что там. Но вам не уйти! Я вам покажу! Я засыплю вас песком!

Песочная река пескопадом потекла вниз.

— Ха-ха-ха,— смеялся Хорекор.— Засыплю, замурую, завалю.

Песок всё сыпал и сыпал. Его заносило в пещеру.

Сане и Юльке уже нечем было дышать, но гремющий хохот Хорекора не умолкал.

Юлька прижималась к брату и тихо шептала:

— Ой мамочки, мамочки, что делать?

— Спокойно! Спокойно! — говорил Саня, прикрыв глаза.

Дыма покашливал в углу, но кашель его не был слышен в общем вое и свисте. Песок пробивался через листву полога, буря всё не кончалась, и сквозь её волчий вой доносился злобный голос Хорекора:

— Так вам и надо, голубчики. Будете знать, против кого идти. Ха-ха-ха. — Теперь-то вы не вылезете из-под песка. Ха-ха-ха. В золоте купайтесь, дорогие мои.

Хохот, оглушая, кружил над оврагом и вдруг исчез.

— У, крыса! — пробормотала Юлька.

ПО ЗОЛОТОЙ РЕКЕ

Стало тихо. Ни шума травы, ни пения птиц, ни писка полевых мышей, ни шуршания песка. Тишина, как музыка, после грохота звучала в пещере.

Юлька приподняла голову и прислушалась. Дыма глухо кашлянул. Саня прошептал:

— Сидите, не двигайтесь. Я пойду разведу, что там, наверху.

Он попробовал разодрать зелёный полог, но песок тонким ручейком потёк в их пещеру. Саня попробовал заделать прореху, но это ему не удалось, и песок продолжал сочиться через щель. Его шуршание напоминало злой смех Хорекора. И тогда Саня понял, что, если ничего не делать, песок засыплет пещеру и затопит её. Он быстро достал лопату, стал пробивать отверстие в потолке и с облегчением вздохнул, когда в пещеру ворвался солнечный луч. Саня расширил лаз и вылез наружу, на островок земли. Вокруг сверкало жёлтое песчаное море с блестящими дюнами. Солнце отражалось в каждой песчинке и ярким светом слепило глаза. Вокруг, насколько хватало глаз, жёлтыми обжигающими лучами сверкало золотое море.

Саня склонился к лазу и вытащил сначала рюкзак,

Дыму и самой последней Юльку, уже по пояс засыпанную песком.

— Песочек-то не простой, — прокашлял Дыма. — Из чистого золота. Бери, Павлов, набирай полный рюкзак. Счастья-то сколько тебе привалило.

— Привалило, чуть не завалило. И куда я с ним денусь? У меня в рюкзаке палатка, еда, фляга с водой. А этого золота — до горизонта, и нам по нему идти.

— Может, ты, Юлька, возьмёшь? — настаивал Дыма.

— У меня этого золота полная голова. Теперь и не отмоешь. От этого песка я ещё рыжее стала.

— Ну вот, никто меня не слушает. А ведь золото не искусственное, а вы не верите.

— Как же не верить? Верим, — сказал Саня. — Только зачем оно сейчас, когда главное — до Хорекора дойти. Вот как нам из золотой пустыни выбраться? Лучшее б дорогу показывал.

— Пошли, — покатился по песку Дыма.

— Вперёд, — сказал Саня, сделал шаг и по колено ушёл в песок. Он попробовал вытащить ногу, но другая провалилась вслед за первой. Все его попытки выбраться не помогли, он уходил в песок всё глубже и глубже.

— Зыбучий песок, зыбучий песок, — забегал вокруг Дыма. — Скорее спасайся, спасайся скорее, а то затянет.

Юлька тоже испугалась и уже хотела броситься на помощь, но Саня её остановил.

— Стой, не надо, увязнешь. Быстро вытаскивай верёвку, — он снял рюкзак и бросил ей.

И тут Юлька сообразила, что делать. Она достала и размотала моток, бросила один конец верёвки брату, а другой обмотала вокруг берёзки и, завязав на узел, стала тащить Саню из песчаной трясины.

Саня, накрутив верёвку на руку и напрягаясь изо всех сил, потянул к себе и медленно, сантиметр за сантиметром, принялся вылезать из песка. Сначала показалась его грудь, потом ремень, брюки, сапоги. И, ещё чуть подтянувшись, он оказался на островке.

— Чуть сапоги не потерял, — сказал он, — вытряхивая из них песок. Теперь придётся подумать и попотеть, прежде чем выбраться отсюда.

— А может, перелететь? — прокашлял Дыма. — Ес-

ли вытащить и накачать горячим воздухом мою камеру, я смогу перелететь пустыню.

— Ты-то перелетишь, а мы?

— Я возьму вас.

— Да тебе бы свою покрывку перенести, не говоря уже о Юльке.

— Или, пожалуйста, раздуйся в тысячу раз, — попросила Юлька. — тогда бы мы полетели на тебе, как на воздушном шаре.

— Я бы раздулся, да боюсь — лопну. Тогда и вы пропадете.

— Да, теперь мы не выберемся. Теперь здесь нам пропадать, — захныкала Юлька. — И почему для маленьких не делают косметических салонов? Тогда бы мне не надо было с вами идти. Теперь мы не дойдём, и Лариска вообще со мной никогда играть не будет. И Лёшка только её одну будет на мопеде катать. Если бы это был песок, а это не песок, а болото какое-то. Ходить по нему нельзя — затягивает. Не песок, а вода! И воды этой — море! Края не видать.

— Не хнычь! — сказал Саня. — Дай подумать, безвыходных положений не бывает.

— Да разве не море? Море настоящее. Песчаное море, — продолжала хныкать Юлька. Вдруг её лицо просияло, слёзы высохли.

— Да, море. Верно, море! Но если море, то в море существуют морские течения. А по течениям можно плыть на корабле.

— Какое море? Какой корабль? Такое только в сказках бывает, — возмутился Саня.

— Павлов, это и есть сказка, — прохрипел Дыма.

— А если море, то должен быть где-то берег и должна быть лодка.

— Верно, молодец, — похвалил Дыма. — А ну-ка, Павлов, подфутболь меня, может, я что-нибудь увижу.

От хорошего удара Дыма взвился над пустыней и закричал:

— Вижу, вижу лодку! — И, приземлившись, продолжал: — Она за лесочком стоит, как раз рядом с течением. А течение бежит в нужную для нас сторону. Мы туда сможем пройти по краю оврага. Здесь земля твёрдая, а там под парусом вперёд по течению. Да, ещё не забудь шест из берёзы вырезать...

Скоро в жёлтом песчаном море по золотой реке

плыла старая чёрная лодка с зелёным палаточным парусом. Юлька сидела на корме у руля, Саня держал парус, а Дыма на носу отдавал команды.

— Сейчас нам направо,— говорил он. Река поворачивала вправо и лодка вместе с ней.— А теперь налево! — И опять река поворачивала, а за ней меняла направление и лодка.

— Дыма,— спросила Юлька,— река поворачивает, потому что ты ей говоришь, или сама по себе?

— Нет, потому что мы так оба хотим. И вообще, думать надо, почему ты, Юлька, едешь на лодке?

— Да потому что больше не на чем ехать.

— Нет, неправильно. Ты едешь, потому что держишься за руль, и чем крепче будешь держаться, тем быстрее приедешь туда, куда тебе нужно. Только бы Саня парус из рук не выпустил.

— Не выпущу, ты только смотри, чтобы река поворачивала, где нужно.

— Верно, я это и делаю. А то этим рекам только дай волю, убегут. Водяные реки всё норовят собраться и в море уйти, и против ветра плыть. Ничто на них не действует, кроме хорошего слова. Скажешь им: «Какие вы сегодня блистательные и быстрые», — и они тебя быстро в нужную сторону домчат, а попробуй им нагрубить, тогда уведут куда попало и бросят.

— Надо же, какие капризные,— сказал Саня.

И тут лодку закрутило и стало бить о песчаные берега.

— Павлов, что ты наделал? — закричал Дыма.— Что теперь будет? — И тут же запричитал: — Дорогая вы наша, ваша самая что ни на есть блистательность и быстрота, ваша стремительность и бездонность! От незнания это он, а не по злему умыслу. Простите нас, мы больше так не будем.

Лодку перестало качать, и она пошла ровно.

— Вот видишь,— сказал Дыма шёпотом,— с их блистательностью надо поосторожней.

— Ладно,— сказал Саня,— в морской пехоте легче, там полосу препятствий пробежал хорошо — старшина тебя похвалил. А тут подход нужен, оказывается. Не знал. Лучше бы прапорщиком на сверхсрочной службе остался.

— Ещё успеешь,— сказала Юлька,— до Хорекора нужно добраться.

— Доберёмся,— прохрипел Дыма,— если руль держать будешь. Тогда точно речка нас из пустыни выведет.

ЗЕЛЁНОЕ ПЯТНО

Сколько плыли путешественники по волшебной реке, трудно подсчитать: часы у Сани забились песком и остановились. День сменял ночь, ночь сменяла день, а в золотой пустыне не становилось темно: днем — потому что солнце, а ночью пустыня светила накопленным за день светом. И трудно было понять, когда в этой сказочной пустыне наступает утро, приходит вечер, разгорается день, опускается ночь.

Путники проголодались, но больше всего хотелось пить. А пить в пустыне, хоть и сказочной, всё равно было нечего. И даже в реке не было воды, потому что река была из чистого золотого песка.

— Может, рыба в ней водится? — спросил Саня.

— Конечно, Павлов, должна! — ответил Дыма.— Ну-ка, Юлька, забрось удочку!

— А где она у меня? — удивилась Юлька.

— Ну как это — иметь шею и не знать, где у неё удочка. Что за детство! Ох уж мне эти акселераты, а голова пустая.

— А при чём здесь моя шея?

— А бусы? — от возмущения подпрыгнул Дыма.

— Бусы? Неужели на них можно что-нибудь поймать? Они же пластмассовые?

— На все бусы слишком жирно. А на одну бусинку, я думаю, можно.

— Попробуем,— Юлька достала нитку из Саниного рюкзака, привязала к ней булавку, наживила ее бусинкой и бросила в реку. Сначала бусинка тащилась за лодкой, а потом вдруг резко нырнула в глубину. Юлька быстро потянула на себя нитку и вытащила из песка трепыхающуюся золотую рыбку не больше пальца.

— Маленькая,— сказал Дыма,— потому что наживка не та. Вот если бы наживка была богаче, бриллиант или рубин, тогда бы можно было и побольше рыбку вытащить.

— Всё равно интересно,— сказала Юлька и снова забросила удочку с бусинкой.

Не успела Юлька извести на рыбу все свои бусы, как Дыма закричал во всю хрипоту своего горла:

— Земля! Земля! Видите зелёное пятно?

— Ура, земля! — обрадовалась Юлька, отстёгивая с удочки рыбку шириной с ладонь.

— Ура, земля, настоящая земля, оазис с водой, деревьями, людьми! Ура! — закричал Дыма.

— А может, мираж? — спросил Саня.

— Ты что, Павлов, через час будем там.

Но через час зелёное пятно не приблизилось, а передвинулось влево.

— Река проходит мимо. Надо выбираться из неё. Юлька, правь к берегу, — скомандовал Саня.

— Ты, Павлов, будто не в сказке находишься. Зачем выбираться, когда речка сама доведёт. Нужно одно — договориться с ней. Если к речке с подходом, она что угодно сделает. Сейчас я её попрошу:

«Ваше речное глубочество, ваша быстროходная текучесть, приведите нас к зелёному островку, мы за это вам будем благодарны».

Река тут же повернула в сторону зелёного пятна и так быстро понесла лодку, что парус вывернулся в обратную сторону и Саня снял его. Только он закончил с этим делом, как лодку прибило к берегу с зелёной травой, а золотая река, развернувшись, ушла в своё русло.

Дыма первым выкатился на берег, густо заросший изумрудной травой, и направился к золотым домам, а брат с сестрой, позабыв про усталость, поспешили вслед за ним, мечтая о стакане холодной воды.

Но город оказался пустынным. На улицах — никого, окна домов наглухо зашторены. Нет ни людей, ни фонтанов, ни колодцев, ни, тем более, автоматов с газированной водой.

— Что за вымерший город? — развела руками Юлька. — Саня, давай постучим в дверь. Попросим воды и купим чего-нибудь поесть, а то ни магазинов, ни киосков, ни одного самого закудалого базарчика. Я попробую.

Она подошла к двери и дёрнула золотой шнурок. В ответ переливчато отозвались колокольца.

— Сейчас выйдут.

Но было тихо, за дверью не слышалось ни звука, ни шарканья шагов.

— Дома построили красивые, а двери не открывают,— сказал Дыма.— Лучше наоборот. Дома были бы старые, а пить давали. Павлов, может, ты потрясёшь? Саня дернул за шнурок.

— Оторвёшь,— испугалась Юлька.

— Не оторву. Но если люди есть, то должны же они нам на помощь прийти. Ладно, пойдём к другому дому.

Но и в другом, и в третьем двери никто не открывал. Брат с сестрой стучались, нажимали кнопки звонков, дёргали за шнурки колокольчиков, гремели тяжёлыми толстыми золотыми кольцами, но все их попытки были напрасны. Золотой город в золотой пустыне молчал. И только на окраине они увидели аккуратную бревенчатую избу, от которой повеяло человеческим теплом.

Из будки навстречу им выполз и залаял исхудавший пёс. Но лаял он не зло и смотрел на незнакомцев, как бы извиняясь за свой вид и за то, что сразу не может впустить их.

На зов собаки вышел худой седобородый старик. Он открыл калитку и пригласил гостей во двор. Потом молча проводил их в дом.

Усадил за огромный резной стол, зачерпнул ковшом воду со дна бочонка и разлил брату и сестре в высокие деревянные кружки.

Вода была вкусной, сладкой, и казалось, ею нельзя было напиться. Старик молчал и подливал её из огромного резного ковша.

— Может, хватит? — кашлянул Дыма.— Прошли через пустыню, а воду пьёте, как верблюды. На меня бы кто капнул, а то я тоже перегрелся.

Старик недоверчиво посмотрел на ворчащий мяч, а Юлька подбежала и вылила остатки из своей кружки на него. И тут Саня увидел, как потемнели и ушли вглубь глаза старика и ещё плотнее сжались его губы:

— У нас для мячей воды нет.

Юлька тоже что-то поняла, покраснела и села за стол.

— А почему на улицах никого? — попробовал перевести разговор Саня.— Почему нам никто не открыл двери в богатых домах?

— Потому что, кроме меня и моей собаки, в городе никого нет.

Старик помолчал, а потом стал тихо рассказывать. И вот что слышали путешественники.

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОГО ГОРОДА

Совсем недавно на месте пустыни был огромный липовый лес, в котором жили прекрасные мастера — резчики по дереву. Они пилили липу, вырезали из неё ложки и чашки, ковши и другую посуду, разрисовывали яркими весёлыми красками, продавали, а на вырученные деньги покупали себе одежду, еду и инструменты. Жили они небогато, но у них был густой лес, чистый воздух, прозрачные, богатые рыбой реки. Они любили работать, отдыхать и веселиться. И был в городе прекрасный родник, который лечил от всех болезней, дарил людям долголетие и хорошее настроение. Так они жили много лет, пока однажды к ним не заглянул высокий улыбающийся человек. Ему понравились их леса, он стал покупать липы, платя за это золотым песком. За каждое дерево отсыпал горы золота. И постепенно люди продали ему весь лес. Им казалось, что, став богаче, они будут счастливее, но чем богаче они становились, тем ещё богаче хотели быть. Они стали завидовать друг другу и пытались перещеголять друг друга. Стали строить золотые дома, а для этого им надо было ещё больше золота. Тогда они продали улыбающемуся человеку реки. Со временем они меньше улыбались по-доброму, научились злорадно смеяться. А однажды, чтобы получить ещё больше золота, они продали источник. В городе не стало воды, не стало леса, и люди не смогли в нём жить. Они разъехались, оставив золотые дома, золотой песок, золотую пустыню.

Но жил в городе старый мастер, который больше всего на свете любил свою работу. В его чашках простая каша становилась такой вкусной, что даже самые капризные дети съедали её и просили добавку, вода в его кружках была слаще компота. И даже горькие лекарства в его ложках были приятными. Его посуду покупали бедняки, потому что у них не было денег на дорогую еду и на дорогую посуду. За работу мастер брал

немного. На хлеб, неброскую одежду и простые инструменты ему хватало. Люди благодарили его улыбками.

И даже когда город стал золотым, он трудился, продолжая дарить людям радость. И жители города всё чаще пренебрегали его простой посудой, предпочитая золотую, а он всё работал и работал. Сколько ни крутился вокруг него Хорекор, он не продавал ему ни свои инструменты, ни своего секрета.

Когда город превратился в золотую пустыню и люди ушли, он остался один. Не было воды, и он думал, что умрёт, но случайно в старинной книге вдруг обнаружил секрет волшебной лопаты, которую нужно было сделать своими руками.

Долго трудился мастер, изнемогая от жары и жажды, пока наконец не вырезал её. Лопата сама указала на родник. Но его едва хватало утолить жажду себе и собаке да полить огород. Но зато вода оказалась чудесной: стоило только раз полить ею овощи, и до конца созревания им хватало влаги.

— А как же деревья, которые растут на улицах этого города? — спросила Юлька.

— Они искусственные, — закончил рассказ мастер. — Люди выменяли их на золото, потому что настоящие зеленые деревья в нашем городе больше не росли.

— Мы шли к Хорекору, — сказал Саня, — и по песчаной реке попали к вам. Спасибо за гостеприимство, нам надо торопиться. Сколько злодеяний успеет он совершить!

— И я бы пошёл с вами, — сказал старый мастер, — да уж годы не те. Но вам помогу. Когда-то я тоже собирался сразиться с Хорекором и вырезал щит. Возьмите его. Он защитит вас. Вы должны дойти до Хорекора и победить его. Я мечтаю увидеть свой край зелёным, с настоящими, а не с искусственными деревьями и травами. Идите к городу фотографа, передайте ему привет от мастера Игната, он поможет вам. Я вам дам ещё волшебный компас, он проведёт вас через золотые пески. За песками будет лес, от леса два часа ходьбы до фотографа. Я бы вам дал ещё воды, но у меня её больше нет, а той, что выпили, вам пока хватит.

КТО ИМ ПОМОГАЕТ!

Хорекор заливался истерическим хохотом. От этого дом его дрожал, и рядом с Хорекором дрожал от смеха слуга Улыба.

— Это не они. Они не могли подняться из засыпанного песком оврага и пройти пустыню с зыбучими песками. Это невозможно!

— Ваше Смехотворное Улыбчество, может, они идут не вдвоем, может, кто-то им помогает из ваших врагов?

— Кто им мог помочь? Ты болван! — закричал Хорекор. — Ты самый болванистый из всех пней, будь им!

Улыба тут же превратился в корявый улыбающийся пенёк.

— Нашёл, где пнём оборачиваться, — ннул его Хорекор. — Теперь мне придётся вытаскивать тебя отсюда. — Он ещё раз пнул ногой пенёк, и тот закричал.

— Ваше Улыбчество, посмотрите на мяч.

— Мяч? Точно, мяч! Вот кто ведёт их к нам, вот кто знает дорогу.

Он включил телевизор и увидел, как впереди морского пехотинца катится мяч.

— Простой мяч, и никто его не толкает, он катится сам по себе! Кто это?

Включил кроссвордную систему отгадывания своего компьютера Хорекор, и на экране появился мужичок в лаптях, полосатых заплатанных штанах, подпоясанной верёвкой рубахе и соломенной шляпе. Старичок громко кашлял.

— Так это же мой старый приятель Дымовичок-Домовичок! Эх ты, какой обидчивый. Подумаешь, я тебе немного насолил, а ты уже готов открыть наше секретное волшебство. И ты, Улыба, совсем оболванился, пенёк пнём, а ну-ка, возвращайся в своё прежнее состояние.

Улыба тут же принял свой старый лысый вид.

— Последний раз тебя прощаю, а то надоел. Давай-ка разберись с этим кашлюном. — И Хорекор засмеялся счастливым смехом. — Сейчас я им сделаю, сейчас пожалуют, что к нам пошли. Давай-ка, Улыба, в дорогу.

НЕПРОХОДИМЫЙ ЛЕС

Долго ли, коротко ли шли наши путники, но вот вдали показалась зелёная лесополоса.

— Скоро отдохнём,— сказал Саня.

— Скорей бы,— потянула Юлька, хотя совсем и не устала.

Дорога нырнула под бархан, поднялась вверх и спустилась к лесу. Ветви тесно переплелись между собой, а маленькие просветы между ними заполняли гибкие лианы. В лес не мог вкатиться ни маленький Дыма, ни протиснуться тонкая Юлька. Его стена протянулась от одного края горизонта к другому.

— Вот незадача,— сказал Саня.— Как нам теперь дальше идти?

— Если есть препятствие, значит, есть способ его преодолеть,— глубокомысленно прокашлял Дыма.— Надо подумать. Прошу не разговаривать, а то в моей резиновой голове мысли не удерживаются и вылетают, как воздух из проколотого мяча.

Дыма так сосредоточился, что не услышал, как кто-то громко застонал. Саня и Юлька побежали на стон, а Дыма в глубокой задумчивости продолжал заниматься важным делом.

Стон, казалось, раздавался рядом, но бежать пришлось далеко, к толстому дубу, где высоко на ветке висела ворона. Она была привязана за ноги, крылья её безвольно повисли чёрными тряпками, а голова болталась на длинной ошипанной шее.

— Спасите меня, помогите мне! Я торопилась к вам! Это Хорекор привязал меня к дубу, чтобы я не могла помочь вам пройти через дремучий лес. Ой, как мне больно. Если вы не отвяжете меня, я умру, и кто тогда поможет вам?

Саня, не раздумывая, стал карабкаться по стволу дуба, держась за его чёрную кору, хватаясь за лианы, подтягиваясь на ветках. Скоро он был рядом с вороной, достал нож и перерезал верёвку, на которой она висела, распутал ноги.

Но тут ворона будто раздулась, стала огромнее орла и бросилась на него. Саня, не ожидая нападения, отмахнулся, но ворона вцепилась в его руку. Он отшвырнул её. Ворона взлетела, сложила крылья и снова бросилась на Саню, но Павлов успел спрятаться за

ствол. Птица вновь спикировала. Саня встретил её ударом кулака. Ворона, кувыркаясь, полетела вниз и только перед самой землёй распрямила крылья и, каркая, полетела прочь:

— Всё равно вы пропадёте, вам никогда не перейти этот лес и не найти дороги обратно. Кар-ка-ка.

— Там Дыма,— закричала Юлька и помчалась вслед за ней.

Саня стал слезать, потом оттолкнулся от ствола, прыгнул на землю и побежал за сестрой. Но ни Юлька, ни Саня не успели.

Ворона подлетела к Дыме, подхватила его, взмыла вверх и уже на верхушке огромного дуба продырявила мяч и бросила вниз. Скомканный, помятый, он шмякнулся о землю и от удара сложился в лепёшку.

— Дыма, Дыма! — подбежала Юлька, но он молчал.

Ворона, каркая и смеясь, летала над ними.

— Кар, не пройдёте, кар, пропадёте, кар, сгниёте здесь. Будете знать, как против Хорекора идти.— Потом села на верхушку дерева и зашлась каркающим смехом: — Ка-ка-кар.

— Ещё и насмеяется,— сказала Юлька.

Саня пошарил глазами по земле, но, не найдя ничего нужного, полез в Юлькин рюкзак и швырнул золотую рыбку в хохочущую птицу. Но ворона сидела так высоко, что рыбка, не долетев до неё, стала падать. Тогда ворона сорвалась со своего места и схватила рыбку клювом. На вершине переложила её под крыло и прокаркала.

— Кар-си-бо! Кар-ка-ка!

— Ах ты! — сказала Юлька, полезла в рюкзак, вытащила оттуда рогатку, которую забыла отдать Лариске, и, не целясь, выстрелила, даже не надеясь попасть.

Но ворона будто подавилась, вместо карканья закашляла, кувыркнулась с ветки и плюхнулась в песок.

Вот тут-то уж не зевал Саня. Он бросился к бархану, схватил ворону за шею, и... от удивления тут же разжал руки. Из них вывалился толстый испуганный старик.

— Не бей меня, пощади. Я не хотел, это Хорекор заставил вас навредить. Я бедный старый несчастный

Улыба, слуга Хорекора. Он меня превращал в пни и колоды, а сейчас сделал вороной с ужасным характером. В таком позорном виде я должен был вам мешать. Ну разве по мне не видно, что я не злой, что я хороший?

— А зачем Дыму изорвал?

— Это не я, это Хорекор моими руками, то есть клювом, пока я был вороном.

— Не верь ему, Саня, не верь. Он всё врет. Отпустишь его, он снова в ворону превратится и будет вредить.

— Не трогайте меня. Я вам подскажу, как через лес пройти.

— Ладно, вставай, показывай дорогу.

— Я её сам не знаю,— закрыл синяк под правым глазом Улыба.

— Ну, я же говорила, что обманет.

— Я не обманываю. Мы с Хорекором лес перелетаем. Но, скажу вам по секрету, он живой, и с ним надо договориться, удивить его, разгадать. Только тогда он пропустит.

— Врёт он,— повторила Юлька.

— Не вру я. Не вру,— захныкал Улыба.— Клянусь всеми смешинками, которые остались в моем личном сейфе, я вас не обманываю.

— Хорошо, собираемся в дорогу,— сказал Саня и стал надевать рюкзак.

Но стоило ему отвернуться, как Улыба взмахнул руками, снова превратился в ворону и, вовсю работая крыльями, стал удирать.

— Я же говорила, что обманет. Разве можно такому верить,— сказала Юлька.

Ворона села на ветку и снова превратилась в Улыбу.

— А вот и не обманул, а вот и не обманул! — закричал он оттуда.— Только не удивить вам и не разгадать загадки и вечно торчать перед лесом. И обратно вы дороги не найдёте.

— Ах, ты ещё и насмехаешься,— схватила рогатку Юлька.

Но Улыба снова превратился в ворону, громко прокаркал, взмахнул крыльями и скрылся за лесом.

— У, крыса,— сказала Юлька и тут же решила: — Дай-ка я попробую с ним договориться.

— Не верю я в это,— сказал Саня,— пошли искать проход.

И тут в Юлькином рюкзаке пропищала кукла: «Ма-ма, ма-ма». Юлька поплелась вслед за братом, но кукла в рюкзаке продолжала пищать: «Ма-ма, ма-ма, ма-ма», будто заведённая ключом.

— Говорил тебе, правильно укладывай рюкзак. Что у тебя кукла болтается?

— Ничего не болтается,— обиделась Юлька.

— Как нет, когда только и делает, что мяучит.

— Ма-м, ма-ма, ма-ма,— продолжала жалобно просить кукла.

— Я и сама не знаю почему; если бы болталась, я чувствовала.

— Ну хорошо, давай я посмотрю, как уложены вещи в твоём рюкзаке.

Саня достал куклу и положил её на землю. Но она тут же встала и, продолжая повторять «ма-ма, ма-ма», пошла, ворочая руками и головой, а потом зашлась в жестоком кашле.

— Так это же Дыма! Дыма, родненький! Хорошо, что ты в куклу перебрался. Содержание у тебя хорошее, а форма пока такая сойдёт. Да, Дыма?

— Ма-ма! — закричала в ответ кукла.

— Но с такими ножками далеко не уйдёшь,— подхватил его Саня.— Давай я тебя понесу, а ты дорогу показывай. Правильно мы идём?

— Ма-ма, ма-ма,— отрицательно покачала головой кукла.

— Нам в обратную сторону?

Кукла опять покрутила головой из стороны в сторону.

— Что за абракадабра? — вновь возмутился Саня.— Ни туда, ни сюда. Перелезай этот лес, что ли? И опять кукла повертела головой влево-вправо.

— Ну, тогда я не знаю, что делать.

— Ой, я, кажется, догадываюсь. Саня, подожди,— замахала рукой Юлька.— С лесом, наверно, надо так же, как с золотой рекой, договориться. Правильно, Дыма?

Кукла в ответ качнула головой.

— Ваше лесное высочество, ваша зелёная необъятность,— начала придумывать Юлька, вспоминая обороты, которые Дыма применял к реке.— Пропустите нас,

пожалуйста, мы будем вам безмерно благодарны.— Юлька сделала паузу, посмотрела на Саню, а потом на лес — ни одна его ветка не пошевелилась.— Ваша наикрасивость и наисвежесть, — продолжала Юлька, — ваша крепость и сила, пропустите нас, пожалуйста.

Но лес ни единым поворотом сучка не ответил ей.

Юлька продолжала придумывать приятные для леса слова, но он в своём деревянном молчании ни разу не подал ей знак, ни единым покачиванием самого маленького листочка. Она говорила и говорила, пока Саня не остановил её:

— Хватит, что с этим истуканом разговаривать? Бесплезно это. Хвали его не хвали, толку никакого не будет.

— Может, его полить? — спросила Юлька.

— Чем ты его польешь? Здесь нужно море воды, а вокруг нас не то что море, а океан песка.

— Да наверно, он и не живой! — вдруг крикнула Юлька. — Живой бы давно ответил, понял, пропустил. Не лес это, а забор. И забор какой-то ненастоящий: нейлоновый, капроновый, полиэтиленовый. И вообще, это какие-то искусственные насаждения!

— Нейлоновый забор? Искусственные насаждения? — раздался какой-то возмущённый деревянный грохот, и Юлька от страха прижалась к брату.

— Кажется, удивился, — прошептала она.

А лес от удивления и возмущения стал сначала в сторону, а потом назад отводить ветви под треск ломаемых сучьев.

И тут брат с сестрой увидели, как в сплошной его стене образуются бреши. Саня подхватил Юльку, пробежал в образовавшуюся дыру и оказался на дороге. Лес ещё с минуту постоял в таком возмущённом удивлении и вновь вернулся в начальное состояние.

— Проскочили, — сказал Саня, — оказывается, это был не лес, а всего лишь лесополоса. Обычный лесной забор. Он и удивился оттого, что ты его разгадала. А теперь, — обратился он к Дыме, — покажи, в какую сторону нам идти.

Кукла подняла руку и качнула головой: «Ма-ма».

— Спасибо, Дыма, — поблагодарил Саня, поставил куклу на дорогу и только хотел надеть рюкзак сестре, как вдруг из леса выскочила огромная крыса, схватила Дыму и бросилась бежать обратно.

Саня выхватил из кармана золотую рыбку и швырнул её в крысу в тот момент, когда лес неожиданно раскрылся. Крыса несколько раз перевернулась вместе с куклой, покатилась в образовавшуюся дыру и обернулась Улыбой. На этот раз другой его глаз заплыл и покрылся синевой. Саня бросился к дыре, но лес хлопнулся перед ним.

— Дыма, бедный Дыма! У, проклятая крыса! — запричитала Юлька. — Как он... Как мы без него? Надо что-то делать, надо срочно его выручать.

— Вперёд, быстро вперёд, — сказал Саня, — скоро стемнеет. Как только дойдём до фотографа, сразу поможем ему.

ГУСИНОЕ ЦАРСТВО

Долго ли, коротко ли шли наши путники, но скоро впереди в лунном свете они увидели городок. Саня шёл впереди и оглядывался на сестру, которая еле плелась. До первых домов оставалось немного, когда поднялся страшный шум: заготовали гуси. В окне крайнего дома вспыхнул яркий свет, и на крыльцо вышел сгорбленный человек с фонарём.

— Кто там? — спросил он.

— Мы к вам от мастера Игната.

— Проходите, — открыл калитку сгорбленный человек, идя навстречу и разгоняя птиц. — Кыш, кыш отсюда. Кыш, надоели, проклятые. Если гуси спасли Рим, то меня эти чудовища вгонят в гроб.

Утром Юлька проснулась от гусяного гогота. Настроение у неё было отличное. Она вспомнила ужин с жареной гусятиной, улыбнулась, потянулась и тут же принялась одеваться. А когда вышла из спальни в гостиную, то увидела Саню, который сидел на лавке, слушал хозяина дома и кивал головой.

— Я старый фотограф, и я не могу без любимого дела, — говорил хозяин, всё время поправляя очки. Вид у него был просящий, к его чёрному костюму налепился белый пух, а седые редкие волосы разметались по голове. — Хотя бы один снимок. Я уже давно не делал портретов, а природу надоело. Пожалуйста, ну хотя

бы один на двоих. Я вам за это дам столько гусей, сколько унесёте.

— Да мы не против. И не надо нам ничего, — не понимал Саня, зачем его уговаривают.

— И я сейчас, только умоюсь и причешусь, — пообещала Юлька.

Фотограф тут же навел на Саню фотоаппарат и, когда Юлька села, сказал: «Внимание на объектив, сейчас вылетит птичка».

Брат с сестрой устали в фиолетовое окошечко. Фотограф взмахнул рукой, фотоаппарат щёлкнул, и из него вылетел огромный жирный гусак. Птица, гогоча, задела крылом Юльку и плюхнулась Сане на колени. Юлька от неожиданности закрыла голову руками, а Саня мгновенно смахнул гуся.

— Ну и шуточки у вас, — сказал он. — Тоже мне, птичка. Могли бы предупредить, что ваш фотоаппарат гусями стреляет.

— Мог бы, конечно, мог. Но войдите в моё положение. Если бы я вас предупредил, то разве вы согласились бы сесть перед фотоаппаратом? А мне так давно хочется снять портрет. Но, наверно, хороший портрет не получится. Ваша девочка закрыла глаза, а вы зачем-то подняли руку.

— Так кто знал? И, сами понимаете, в обычных фотоателье даже ласточки не вылетают. А тут гусь как артиллерийский снаряд из фотоаппарата такого маленького калибра.

— Простите меня. Я старый человек. У меня больные ноги, меня мучает радикулит, шалит сердце. Ну, скажите, зачем мне нужно столько гусей? Вы думаете, у меня всегда из фотоаппарата гуси выскакивали? Нет, не всегда. Раньше, когда я был моложе, из моего фотоаппарата эх какие только птички не вылетали! Звонкие синицы ранней весной, соловьи в мае, и тут же пели. А там и малиновки, и лазоревки, и горихвосты, и щеглы. А зимой, бывало, красногрудых снегирей полный дом набивался. Ко мне со всей округи семьями приходили. И так все любили фотографироваться! И хоть дом этот был не богат, зато сколько улыбок, сколько смеха здесь звенело. Однажды ко мне в фотоателье зашёл высокий худой человек в очках.

— Он улыбался? — спросила Юлька.

— Да, но такой улыбки я ни у кого больше не видел.

— Это Хорекор?

— Да, Хорекор, и он тоже сел в кресло, но к нему из фотоаппарата вылетела ворона. Я испугался, что он рассердится и я останусь без ужина. А он говорит: «Я ваш аппарат исправлю. Уж очень он вам мелкую дичь выдаёт. Не желаете чего-нибудь покрупнее? Соглашайтесь». А я что? Я тогда был так голоден. Целый день ничего не ел.

Теперь у меня соловьи не поют, синицы не звенят. Зимой на снегиря так посмотреть хочется... Они у меня раньше как яблоки по полкам сидели. Теперь один гусиный гогот, и ни одного клиента. Кому захочется, чтобы к нему на голову гусь свалился.

— Мы к Хорекору идём, он у нас автобус украл и друга нашего Дыму,— сказала Юлька.

— Если к нему, то возьмите, пожалуйста, это,— фотограф достал фотоаппарат из шкафчика на стене.— Это аппарат не простой, а волшебный. Он может перенести вас туда, куда вы направите его. Но действует фотоаппарат лишь один раз. Только на один самый серьёзный случай. И пожалуйста, не забывайте старого фотографа, которому хочется снова услышать соловьиные трели. Ваш путь будет лежать через Зеркальный город. Передайте от меня привет старому зеркальщику Мирону. Он вам поможет. А мячик я вам ночью починил, можете в футбол играть. Берите.

— Зачем он нам, если Дымы рядом нет?

— Как нет? — прохрипел простуженный голос.— Сами меня забыли, а говорите, что Дымы нет. Нехорошо!

— Да не забыли, не забыли,— обняла мячик Юлька.— Дымочка, миленький! Как здорово, что ты с нами.

— Думали, я останусь с Улыбой! Так я и остался! Нетушки! Я ему оставил свою скверную кукольную форму. Только без одежды продрог.

— Ну что ж, присели перед дорогой,— сказал Саня.— А теперь встали и пошли.

И вновь по дороге покатился футбольный мяч, за ним зашагал морской пехотинец, уверенно держа за руку маленькую девочку. Вдали в окружении белых гу-

сей стоял, ссутулившись, старый фотограф и вслед им махал рукой.

НАД ПРОПАСТЬЮ

Хорекор сидел у своего волшебного телевизора. Улыба с двумя синяками стоял рядом. По лицу Хорекора пробегала нервная улыбка.

— Посмотри, посмотри на свою работу.

— Да я...

— Тебе бы только в сторону уходить. А они, видишь, идут. И пока ни я с песчаной бурей, ни ты со своими уловками не смогли их остановить, колода берёзовая! Я всю свою силу вложил в песчаную бурю. Теперь я против них не смогу даже маленький вихрь организовать.

Улыба, который уже успел превратиться в колоду, улыбался берёзовой улыбкой.

— Ну ладно, последний раз дарю тебе возможность исправиться и не допустить этих к нам. Сбрось их в пропасть.

— Хорошо, хи-хи-хи,— деревянным смехом засмеялся Улыба.

Дорога в Зеркальный город сначала шла ровно, но вдруг стала резко уходить в гору. Дыма на подъёмах буксовал, и Саня взял его в руки. Юлька мужественно карабкалась вслед за братом, и только на самых крутых подъёмах Саня подавал ей руку, но она отказывалась и говорила:

— Я сама, мне не тяжело.

Дорога тем временем всё сужалась и сужалась, пока не превратилась в тоненькую тропку, прижимающуюся к скале.

— Внимание, осторожно, скоро должен быть обрыв,— раздавался глухой кашель Дымы, и эхо многократно повторяло его.

Тропа всё время поднималась, и скоро внизу под ними за клубилась туманом глубокая пропасть, а вертикально вверх поднялась отвесная скала. Юлька с Саней прижались к ней и шли осторожно. Даже Дыме

от этой высоты было несколько не по себе, и с каждым шагом его кашель становился всё тише и тише. Солнце поднялось над ущельем, скалы накалились. Всё живое замерло. Только трое путешественников осторожно пробирались по тропе да одинокий гриф с лысой шеей застыл на другой стороне ущелья.

— Саня, достань фотоаппарат, давай перенесёмся через пропасть. А то как бы нам не свалиться, — попросила Юлька.

— Ты же знаешь, его можно использовать только раз, а нам пока ещё не очень трудно.

— Саня, а если обвал, почему у тебя щит... — начала Юлька, но вдруг её внимание привлекла птица.

Гриф развернул свои широкие крылья, взмахнул ими несколько раз, оторвался от скалы и поднялся над ущельем.

Но не это насторожило Юльку, а камень, который он держал в лапах. Гриф летел в их сторону.

— Саня, скорее! — закричала Юлька.

Брат достал из-за рюкзака щит, поднял его над головой и прижался к скале. Сестра встала рядом.

Птица подлетела и бросила камень на скалы. Ударившись, он столкнул другой, тот третий, и скоро лавина ринулась вниз на путешественников.

— Ну, теперь-то вы не выберетесь, — гремел над ущельем торжествующий смех. — Будете знать, как ставить мне синяки.

Камни всё падали и падали, ударяясь о щит. Когда последний прогрохотал вниз, эхо размножило хохот и гриф обернулся Улыбой.

— Всё, теперь вам не выбраться, тропа завалена камнями. — Снова обернулся грифом и, взмахнув крыльями, сорвался с места.

ТЫСЯЧА ЗЕРКАЛЬНЫХ ЗАЙЧИКОВ

— Все живы? — спросил Саня. — Хороший щит, выдержал.

— Все, — чихнула Юлька. — Ох и пыли от этих камней.

— Пыли много, шума много, а места мало. Как выберемся?

— Может, ты, Дыма, со своей волшебной силой можешь нам? — спросил Саня.

— Моей волшебной силы хватает, чтобы дорогу показывать. Силы мало, а идти далеко.

— Ну, тогда попробуем выбраться так, — опустил щит Саня, — крыша у нас хорошая, не падает. Попробуем раскатать камни.

Он принялся толкать их. Они не поддавались. Только один на уровне глаз можно было сдвинуть. Саня напрягся. Но напрасно.

— Нам бы на ту гору, — сказал Дыма, — там за ней Зеркальный город. А отсюда не выберешься никак, мы придавлены камнями. Ни у меня, ни у Сани нет сил сбросить их.

— Но ведь безвыходных ситуаций не бывает, — сказала Юлька.

— Верно, не бывает, — сказал Саня. — Достанем топорик, будем пробиваться через камни.

— Топорик достанешь, а на гору не улетишь, — прохрипел Дыма.

— Улетишь, — вдруг обрадовалась Юлька. — Саня, нам же гору видно. Мы сейчас будем там. Доставай фотоаппарат, он должен вынести нас из каменного плена.

— Если бы мы были на открытой местности... — засомневался Саня. — Будь что будет, всё равно больше ничего нет.

Он достал фотоаппарат, Юлька прижалась к нему, Саня навел объектив на гору, щёлкнул и тут же зажмурился. Когда он открыл глаза, то увидел, что они стоят на широкой дороге, а снизу отражённым светом бьёт тысяча солнечных зайчиков. Это был Зеркальный город.

В ЗЕРКАЛЬНОМ ГОРОДЕ

— Вот, наверно, у кого счастливая жизнь! — сказала Юлька, когда они шли по дороге, спускавшейся уступами с горы.

Город посылал им множество солнечных зайчиков. Зайчики весело играли даже тогда, когда туча наплывала на солнце.

В городе всё было зеркальным: крыши домов, стены, заборы, окна, вывески на магазинах и даже афиши.

— Наверно, жители этого города любят смотреться в зеркало,— сказала Юлька.

— Нет, они не любят показывать, что у них есть дома и что творится на душе. Они зеркалами закрываются друг от друга. Ведь в зеркале никого, кроме себя, не увидишь. Даже новостями они не любят делиться друг с другом. Поэтому и грустные такие,— объяснил Дыма.

— Конечно, если всё в себе носить, то ещё не таким грустным станешь,— вздохнула Юлька.

По улицам Зеркального города в зеркальных одеждах и зеркальных очках ходили грустные люди. И намазаны они были зеркальным кремом, потому и лица их блестели, как зеркала. Люди ни с кем не разговаривали. По улицам города тысячами блуждали солнечные зайчики. Видно, солнечные лучи, попав сюда, не знали, куда им упасть, оттадживались от одного зеркала к другому, летели с крыши на стену, со стены на забор, с забора на прохожих, с прохожих на окна и, намаившись, удирали прочь из этого города.

Юлька обратилась к одному из прохожих:

— Простите, вы не скажете, где живет мастер Мирон?

Тот пристально посмотрел на неё потом поправил зеркальные очки и ушёл, ничего не ответив, а эхо от Юлькиных слов долго бродило по городу: «Мирон, Мирон, Мирон, рон, рон... он...».

— Здесь даже слова не задерживаются и отражаются, как свет от зеркал. Поэтому люди и не говорят. Скажи слово, и все услышат. Как же нам найти зеркальщика? — сказал Саня.

— Неужели придется весь город обойти? — расстроилась Юлька.

В конце зеркальной улицы они вдруг увидели небольшого плотного большогоголового человека в простой одежде и кожаном фартуке. Человек ждал их. Видно, эхо донесло до мастера его имя.

— Это вы мной интересовались? — спросил он и тут же предложил: — Пойдемте в дом. Расскажете, за чем пришли.

— Вам привет от старого фотографа. Он сказал, что вы нам поможете одолеть Золотого Хорекора.

— Вы преодолели непроходимое ущелье. Давно никто не приходил с той стороны. Как только Хорекор раздвинул горы, ни один не осмелился проделать этот путь. Значит, вы действительно желаете победить его? — волнуясь, говорил Мирон, а когда останавливался, смешно надувал щеки. — Но вы теперь мои гости. Должны отдохнуть и поесть, и тогда я отпущу вас.

Мирон вывалил картошку в мундирах из чугунка в большую чашку и нарезал хлеб большими ломтями.

— А почему дома в вашем городе зеркальные? — спросила Юлька, снимая кожуру с дымящейся картофелины.

— Я же вам объяснял, — прохрипел Дыма.

— Дымочка, я помню твое объяснение, но пусть мастер расскажет — почему?

— Говорите, что любите, а сами переспрашиваете других, — обиделся Дыма. — Ну ладно, пусть расскажет.

— Раньше наш город был очень весёлым, — надул щёки и начал свой рассказ Мирон. — Все жили вместе, праздновали вместе, радовались, а если и ссорились, то сразу мирились. Но пришёл в наш город...

— Высокий улыбающийся человек, — прокашлял Дыма.

— Верно! А откуда вы знаете?

— Зеркала не делаем, а знаем, — продолжал вредничать Дыма.

— Знаете, так и знайте. Молодец, — сказал Мирон. — Так вот, пришёл он и стал продавать волшебные зеркала. Продавал очень дёшево. Весь город накупил их. А волшебство в этих зеркалах было такого свойства. Есть у тебя яблоко, а ты ещё одно хочешь, кладёшь перед зеркалом своё, а потом протягиваешь руку и через стекло достаёшь его отражение. У тебя уже два яблока. Вот тут-то наш город пуце прежнего стал радоваться и веселиться. Как здорово-то получается. Можно ничего не делать, а знай себе перед зеркалом разные вещи расставляй и бери, что тебе надо. Да веселиться-то было нечему. Яблоко ты, оказывается, не из зеркала, а у соседа забрал. Сосед только яблоко откусить собрался, а оно уже у тебя. Тебе радость, а соседу расстройство. И началось в нашем городе самое бессовестное воровство. Каждый друг у дружки тягал, что мог, сам не понимая этого. Ох, ссоры тогда в нашем

городе начались! А коль начались ссоры, то исчезли улыбки, смех и радость. Люди нет чтобы выбросить эти проклятые зеркала, стали друг от друга зеркалами закрываться, чтоб не видели, что друг у дружки находится, и не могли забрать. Поэтому город наш стал зеркальным и подозрительным. Никто друг дружке ничего не дает, никто друг с дружкой не разговаривает, никто друг дружке душу не открывает.

— Я говорил, а вы не слушали,— подал голос Дыма.— Вот видите, я правильно догадался.

— Правильно, правильно, Дыма. Ты у нас самый догадливый,— похвалила Юлька.

— Ну, нам пора,— сказал Саня.

— Мы пойдём,— прохрипел Дыма.— Давайте нам меч-кладенец, чтоб Хорекора победить.

— Хорекора мечом не победишь. Я дам вам буквы и волшебное зеркало, которое он продавал. До него вам осталось идти день и ночь. Вот вам зеркальные одежды, зеркальный зонтик. А буквы понадобятся...

Мирон не договорил. Неожиданно разразился грохот, засвистел ветер, двери распахнулись, и кто-то страшным голосом произнёс:

— Озеркалься, Мирон!

И старый мастер превратился в зеркальную статую...

ТАЙНА ПЯТИ БУКВ

— Так тебе и надо, старый дурак,— попробовал улыбнуться Хорекор, но улыбка у него не получилась.— Сколько сил я потратил, чтобы сделать тебя зеркальным. Но теперь ты навек застекленел. Теперь любой мальчишка может тебя толкнуть и разбить на осколки. Ха-ха-ха!

Но это был не хохот. Хорекор выдавливал из себя смех. Улыба стоял рядом и дрожал.

— Можешь не дрожать. Всё равно они не отгадают тайну пяти букв, а завтра мы расправимся с ними. Не дрожи, я даже не буду превращать тебя в сосновый сучок, мне нужны силы для завтрашнего боя. Не дрожи, завтра мы их победим.

Под зеркальным зонтиком в зеркальных одеждах

из Зеркального города уходил высокий мужчина, позади него шла девочка, а у ног катился зеркальный мяч.

— Не отставайте от меня, а то я выйду из-под зонтика, и меня опять схватит этот проклятый Улыба. Кто же вам тогда дорогу покажет? — хрипел Дыма.

Юлька шла и думала, зачем Мирон дал им пять букв: три «О», одну «Р» и одну «Т».

— Какое волшебное слово должно получиться из этих букв? Может ты, Дыма, знаешь?

— Я неграмотный, я в буквах не разбираюсь. Я, как некоторые, в школе не учился и тройки не получал. Вот веснушки вывести и дорогу показать — это пожалуйста.

Но Юлька, не обращая внимания на бормотание Дымы, уже слагала волшебное слово:

— ОТОРО, — вроде волшебно, но непонятно. ОРОТО — вроде то же самое. Может, РООТО или ТООРО? А вдруг ООТРО или ООРТО, РОТОО или ТОРОО? Какое из этих слов волшебное? Какое должно сокрушить Золотого Хорекора? Дыма, может, ты помнишь какие-нибудь заклинания? Какое из этих слов похоже на них?

— В школе учишься, а такая тёмная, — прохрипел Дыма. — Я обычный домовый и заклинательных слов не знаю. Что я, шаман или знахарь какой-нибудь?

— Хватит вам препираться! Хорекор услышит, — сказал Саня.

— А он, думаете, не слышит? Видите, над нами летучая мышь? Это его помощник, наверно, опять за мной охотится, но достать не может.

— Я ему сейчас, — сказал Саня, — есть у нас ещё золотые рыбки?

— Не высовывайся. Не это сейчас главное. Главное сейчас — дойти, — прохрипел Дыма.

— Верно, — сказал Саня.

Но летучая мышь будто услышала их разговор, сложила крылья и бросилась на зонт и тут же отлетела. Зеркальный зонт отразил её. Мышь вернулась, снова бросилась на зонт и опять отлетела. Тогда она схватилась за выпирающий черенок и принялась рвать зонт. Но её когти не могли процарапать ткань. Саня тряхнул зонт, и мышь тут же свалилась. Тогда она поднялась под облака и камнем бросилась на зонт, но снова от-

летела, перевернулась, упала на дорогу и тут же обернулась Улыбой. Одну руку он сжимал в кулаке, а другая как плеть повисла вдоль тела.

— Он крыло, то есть руку сломал,— предположила Юлька.

— Не надо было злодейством заниматься,— прохрипел Дыма.— Не занимался бы, не имел бы синяков, и руки были бы целы. Вперёд, надо торопиться.

— Какое же слово? — снова начала гадать Юлька.

Саня думал молча. Так они прошли весь вечер, пока на востоке не появилась светлая полоска неба, стали гаснуть звёзды и пока горячее, как из печи, солнце не выкатилось из-за горы. Наконец вдали показался двухэтажный квадратный дом и над окнами второго этажа засветились буквы: «ЗОЛОТОЙ ХОРЕКОР».

— Юлька, а может, секрет букв в зеркале? — сказал Саня.

— Зеркале? — Надо подумать,— пробормотала она.

У дома стоял высокий человек. Он пробовал улыбаться, но у него ничего не получалось. Губы сжимались, а их кончики опускались вниз. Это был Хорекор.

— Зачем вы пришли сюда? — прогремел его голос.

— Мы пришли за своим автобусом, — сказал Саня и вышел из-под зонта.

— Но я вас не звал! Сейчас я с вами расправлюсь. Ну-ка, морячок, готовься к бою.

Хорекор поднял руку, и из неё вылетели молнии. Павлов успел пригнуться, и молнии пролетели над ним.

— Саня, я догадалась, я знаю, продержись, я сейчас! — закричала Юлька. Она вдруг поняла, что надо не сочинять, а забрать буквы из имени Хорекора. Что никакой он не Хорекор, а Хорёк, и две буквы «О» и «Р» лишние у него. Так же как лишние две буквы «О» и «Т» во втором слове, поэтому он не «золотой», а «злой».

Но Хорекор метнул другую молнию, Саня успел подпрыгнуть и кувырнуться вперёд.

— Сейчас, сейчас,— пробормотала Юлька.

Она поставила буквы перед зеркалом, быстро достала их отражение из зазеркалья, и перед братом забежал на коротеньких ножках зверёк с грязно-коричневой шерстью. А под карнизом дома уже висело: «ЗЛОЙ ХОРЕК».

— У, крыса,— сказала Юлька.

Саня схватил зверька за шиворот, поднял над землёй, а тот извивался и всё пытался его укусить. Но неизвестно откуда появился небольшой, ростом с Юльку, старичок в лаптях, полосатых брюках и в рубахе, подвязанной верёвкой. Старичок сунул покрывку от мяча Хорьку в пасть, тот схватил её зубами, старичок дёрнул и что-то подхватил на лету.

— Он Дыму укусил! — закричала Юлька и бросилась с кулаками на старичка. — Зачем ты дал ему Дыму укусить? Что тебе Дыма сделал?

Но старичок посмеивался и уворачивался от Юлькиных ударов.

— Да не кусал он Дыму. Дыма — это я. Он укусил покрывку, и я выдрал у него золотой зуб, волшебный, чтоб он больше не творил злых дел. Бери, Юлька, он твой. Он одно любое твоё желание исполнит. А для Хорька он больше не волшебный. Отпускай, Павлов, зверька.

Саня разжал руку, и хорёк, извиваясь, убежал в кусты.

— А теперь нужно освободить наш автобус, — сказал всем старичок. — Ну-ка, Павлов, снимай замок с гаража.

Саня свернул дужку замка и открыл гараж. Перед ним стояло чудовище, похожее на паука.

— Не переживайте, — попробовал успокоить всех Дыма, — всё будет нормально. Теперь надо бы самых главных пленников освободить.

Дыма повёл их в дом, и Юльку поразила красота и убранство комнат, которые следовали одна за другой: голубые, розовые, зелёные, оранжевые, жёлтые. Но Дыма тащил их так быстро, что она не успевала рассматривать мебель, картины и всякие безделушки. Он искал зеркальную комнату. Но комнаты переходили в залы, лестницы переводили с этажа на этаж, но зеркальная комната не встречалась. Они бродили по дворцу, пока окончательно не заблудились. И тут Юлька подошла к зеркалу:

— Смотрите, что там?

На неё смотрела девочка, похожая на Юльку, но без веснушек.

— Неужели это я?

Саня тоже заглянул в зеркало и увидел там парня, чохом на него, но усатого и в погонах прапорщика.

И только Дыма остался в зеркале таким, каким хотел быть.

— Ой, как мне без веснушек не нравится,— сказала Юлька, перекатывая в руке золотой зуб,— вроде я, а вроде другая девчонка.

— Да и мне тоже...— сказал Саня, поправляя гимнастёрку.— Всё-таки отслужил.

— Вот и отлично,— обрадовался Дыма.— Это зеркало желаний и есть вход в зеркальную комнату.— Дыма толкнул зеркало, и оно повернулось, как дверь.— А теперь,— сказал он,— выпускайте чужой смех, чужие улыбки, чужую радость.

Саня с Юлькой принялись открывать дверцы шкафов и шкафчиков, и оттуда с весёлым гомоном, хохотом, смехом вылетали смешинки, хохот, улыбки.

— Ну, вроде всё,— сказал Саня,— пора возвращаться.

Они вышли из дома и не поверили своим глазам. Дом превратился в дворец, вокруг которого белой пеной расцвёл сад, по саду бродили две огромные добрые собаки, а рядом стоял похожий на огромную божью коровку автобус.

ДОМОЙ

Юлька села на первое сиденье у окна, Дыма рядом с ней. Саня завёл автобус и тронул его с места. Автобус немного прокатился по дороге и поднялся над землёй.

Летел автобус высоко, и было видно, как внизу остается дворец, белый сад, блестящее озеро. Автобус сделал круг и двинулся домой. Юлька смотрела через окно на лес, дорогу, реку, пока её не ослепили солнечные зайчики. Автобус подлетел к Зеркальному городу, снизился, и она увидела, как им машет с земли мастер Мирон, а жители сбросили зеркальные одежды и снимают зеркала с домов.

Юлька, Саня и Дыма помахали жителям Зеркального города, сделали круг над ним и полетели дальше.

Автобус поднялся, чтобы перелететь горы, и Юлька показала всем вниз, туда, где раньше простиралось ущелье. Его там не было. Горы срослись.

За горами автобус пошёл на снижение к городу фотографа. Он кружил над ним, гуси разбегались в разные стороны, а фотограф стоял с фотоаппаратом, махал им рукой и щёлкал. И из его фотоаппарата, и это было видно, вылетали маленькие серенькие птички.

— Соловьи! Это соловьи! — радовалась Юлька.

От фотографа автобус помчался дальше, и с высоты путешественники увидели прозрачный лес. В таком лесу хорошо собирать ягоды и грибы. Но и он скоро кончился. Автобус оказался над пустыней.

— Саня! — закричала Юлька. — Опустись пониже, там какие-то пятнышки. Сверху плохо видно.

Автобус нырнул и полетел над барханами.

— Это зелёные ветки! — закричала Юлька. — Здесь будет лес.

А когда они пролетали Золотой город, мастер Игнат, прощаясь, махал им рукой.

Автобус промчался над степью и приблизился к городу Изобилия. Внизу двигалась змейка, и, когда автобус опустился, можно было рассмотреть, что это жители города, делая зарядку, совершили пробежку друг за другом.

— Эх, фанты бы попробовать из апельсинового фонтана, — попросила Юлька. — Давай, Сань, а то улетаем из сказки, где ещё такой город встретишь?

Автобус приземлился на площади. Юлька достала кружку из рюкзака, набрала в фонтане апельсиновой газировки и стала пить. Выпила одну, другую, третью.

— Всё, напилась. Надо с собой взять, — сказала она Сане.

Но вдруг откуда-то появился железный стражник и сказал:

— Здесь, в сказке, пейте сколько в вас влезет, но из сказки выносить ничего не разрешается.

— Что поделаешь, — развел руками Саня, — если выносить ничего нельзя. Пора лететь дальше.

Автобус сделал круг над городом и помчался домой.

В сказочной стране время быстро летит, поэтому домой они прилетели ночью. Автобус нырнул на своё место в автопарке, Саня, Юлька и Дыма вышли из него. Дыма тут же попрощался и сказал, что в таком виде ему сейчас появляться опасно даже ночью: жители могут растащить его на сувениры. Он пожал Сане руку

и исчез. Брат с сестрой пошли отсыпаться после бессонных сказочных ночей.

Наверное, на этом сказка бы кончилась, но...

И СНОВА ЛАРИСКА

На следующий день Саня пошёл в автопарк, а Юлька спустилась во двор. Там, у качелей, стояли Лариска, Танечка и Лёшка.

— А мы в поход на речку ходили. Знаешь, как здорово было, — похвасталась Лариска. — Лёшка в воду с разгону на мопеде въехал, мы с ним так искупались!

— Ну и что, — сказала Юлька. — Я тоже путешествовала. И возьми свою рогатку.

— Ты! — засмеялась Лариска. — Ой, умора. Она путешествовала! А с кем? Кто тебя возьмёт?

— Кому надо, тот и взял.

Она хотела рассказать, как они добирались до Хорекора, но передумала, сунула почему-то руку в карман и достала что-то твёрдое и колючее. Это был золотой зуб. Юлька тут же вспомнила, что он может за воротами сказки выполнить одно желание, посмотрела на Лариску, и ей почему-то расхотелось превращать ее в крысу.

— Не хочешь, не верь, — спокойно сказала Юлька. — Оттого что не веришь, ничего не изменится.

— Да что вы спорите, — сказал Лёшка. — Давайте лучше кататься на мопеде. Юлька, садись, я тебя прокачу. Я ведь тебя ещё ни разу не катал?

— Не катал, — сказала Юлька. — Поехали!

От этих слов нос у Лариски вдруг стал острее, а хвост стал тоньше и вытянулся.

«Этого я не хотела, лучше бы Хорекор или Улыба в крысу превратились», — подумала Юлька, села позади Лёшки и помчалась с ним по двору.

В ПЕРВЫЙ РЕИС

Бывший сержант, а теперь уже шофёр Павлов с отличным настроением шагал на работу в свой автопарк.

Он обгонял прохожих, улыбался, представляя, как сегодня в свой первый рейс не просто повезёт детский сад и покажет ему кино, но полетает под облаками.

Но вдруг он увидел весёлого кудрявого человека. Он шёл смешной походкой, весело размахивал руками, а люди, глядя на него, улыбались.

— Привет, Павлов,— сказал он, и Саня узнал в нем Чайникова Федю.

— Привет, Чайник, ты куда?

— Ко мне вернулся мой смех, и я тороплюсь в цирк. Меня приняли клоуном.

— Грустным?

— Нет, весёлым. Извини, спешу! — сказал Чайников и побежал в цирк на репетицию.

Саня пошёл дальше, но перед милицией, у доски объявлений, где вешают листки с приметами различных преступников, он увидел толпу.

Он подошёл и увидел рядом с автобусом фотографию Улыбы, а под ними большими буквами было напечатано:

«МИЛИЦИЯ ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ ГРАЖДАНИНУ УЛЫБОВУ, КОТОРЫЙ, РИСКУЯ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, СУМЕЛ ОТЫСКАТЬ АВТОБУС И ПРИВЕСТИ ЕГО В АВТОПАРК».

«Странно,— подумал Саня,— нужно пойти и всё выяснить». Но на проходной вахтёр Вертушкин остановил его:

— Пока ты невесть где пропадал, нашёлся гражданин, который привел автобус и красиво разукрасил его под божью коровку.

Это немного огорчило Саню, но ещё больше расстроили его слова начальника отдела кадров, который, вытирая платочком круглую голову, сказал:

— Мы теперь, Павлов, вынуждены вас снять с детского автобуса. Поскольку товарищ Улыбов проявил героизм, получил два синяка, руку сломал, а автобус нашёл и привёл, мы отдадим ему его. А вы будете работать на рейсовом.

— Это я, это мы автобус привели,— попробовал возразить Саня.

— Ну, это вы фантазируете. Ещё вчера ночью товарищ Улыбов, когда привёз автобус, сразу доложил. И не надо присваивать себе героизм ваших же товарищей.

— Какой он товарищ, он только мешал,— сказал Саня.

Но начальник отдела кадров уже не слушал, а рылся в столе.

— Пойдёмте во двор, там будет торжественный выход киноавтобуса на линию.

Он нашёл ножницы и поднял голову.

Во дворе в окружении шофёров, как огромная божья коровка, стоял автобус. Вокруг него была натянута розовая ленточка, а за рулём с двумя синяками и перевязанной рукой улыбался Улыба.

Начальник отдела кадров произнёс торжественную речь, разрезал ленточку, все захлопали в ладоши и расступились, давая путь киноавтобусу. Улыба стал заводить автобус, но у него ничего не получалось. Он двигал рычаги, крутил руль, нажимал на педали, но автобус стоял. Шофёры, стоявшие рядом, сначала смотрели с недоумением на все старания Улыбы, а потом стали посмеиваться.

— Как же он привёл, когда даже завести не умеет?

Тогда Улыба со всей силы ударил по рулю, и автобус выбросил его через окно. Вернее сказать, катапультировал, ведь он был летающим, как самолёт, а самолёты иногда катапультируют своих пилотов, которые не могут справиться с управлением.

Разразился самый настоящий хохот, хохотали даже те, кто до этого ни разу не улыбнулся, а начальник отдела кадров тянул свою длинную шею и разводил руками. Улыба поднялся с земли и бросился к двери автобуса, но дверь быстро захлопнулась. Улыба пробовал раздвинуть её, но у него ничего не получилось. И тогда на глазах у всего автопарка он вдруг превратился в крысу, хромая, шмыгнул под колёса и убежал.

— Вот этого я никак не ожидал от настоящего героя,— обиделся начальник отдела кадров.— Мы его на доску Почета хотели повесить, а он фокусы показывать, превращаться в животных, которые портят инвентарь нашего автопарка.

Автобус вдруг подъехал к Павлову и распахнул перед ним дверцу. Саня сел за руль, и они тронулись с места в свой первый рейс. Автобус весело мчался по улицам родного города. Он встречал знакомых людей, видел старые остановки, новые дома, и ему было радостно оттого, что он снова нужен людям.

НИКОЛАЙ ЛЕДЕНЦОВ

СОРОЧЬИ
СКАЗКИ

СКАЗКА О ТРЁХ СЕСТРИЦАХ И ОДНОМ БРАТЦЕ

авным-давно жили три сестрицы и братец в Годке-Городке.

Жили дружно, работали ладно, друг другу помогали. О других заботились.

Сестрица Веснинка-Журчинка раньше всех вставала, выходила на речку, садилась в узорные санки, дарённые солнцем, и катилась вниз по течению, ломая посиневший лёд. Мчалась так, что зайчишки еле успевали прыгать по льдинам, уступая ей дорогу. Эй, с дороги! Весна летит, тепло несёт!

Перезвоном льдинок всех рыбок будила, в стайки созывала, сил прибавляла. Снежные сугробы в ручьи превратила. Журчат они, говорливые, до самого синего моря бегут. Землю обогрела, теплом обласкала, водой напоила — легко дышится ей.

Букашек на свет выманила, талой водой умыла. Смотрите, смотрите, что делается вокруг! Небо прозрачное, воздух свежий, ветерок тёплый.

Бабочку в радуге искупала, и стала бабочка краше радуги.

У зорьки красок заняла и петушку голосистому грешок подцветила. Ходит петушок с огненно-красной короной и бойко кукарекает — довольный.

Медведю помогла из берлоги вылезти да шубу но-

вую надеть. Помолодел медведь в обнове. На поляну вышел всем зверям показаться. Ходит, важничает. Смотрите, какой я красавец!

Сады да луга цветами обрядила. Не забыла Веснинка и про лес. Берёзке косынку из зелёных листочков повязала, сарафанчик белый надела. До земли поклонилась берёзка и добрую Веснинку поблагодарила.

Много забот-хлопот у Весники-Журчинки, а устали нет. Для всех охотно старается.

Пернатым-крылатым платья бисером расшила. Радуются птахи своему наряду. Бодро, слаженно песни поют, Веснинку восхваляют.

Научила их Веснинка без гвоздя и топора, одним клювом гнёзда мастерить. Травинка к травинке, прутик к пруту — и домик готов. Вроде бы просто, но и тут сноровка нужна.

Грачам черногрудым качели на высоких ветках приладила. До небес грачи взлетают.

Всем весело и хорошо с Весниной-Журчинкой.

В честь Весники лягушка на кочке на одной ножке барыню сплясала. Подпрыгнула, лапкой притопнула, громко квакнула: «Я ли не плясунья!»

Гром-говорун плясовую ей сыграл. Последний раз так лихо приударил в барабан — трах-бах-бах! — что он не выдержал и лопнул. Да такой грохот по земле пошёл!..

Вмиг очнулся братец Весники — Светлячок-Теплячок.

— Ох ты, — сказал он, — чуть не проспал. Спасибо тебе, сестрица. Вовремя меня разбудила. Иди, отдыхай, пришла моя пора трудиться.

Расправил грудь Светлячок, засучил рукава, присанился и зашагал по лесам, полям и рошам.

Увидел шиповник — мимо не прошёл, яркими розами украсил. Хотела лисуха те розы сорвать, да не тут-то было. Вмиг отскочила. Об шипы укололась. Много их на ветках.

В роще кудрявой липу отыскал, цветами душистыми осыпал. Летают к ней пчёлки-невелички да мёд потихоньку в ульи таскают.

В поле неоглядном все колоски зёрнами янтарного цвета наполнил. Не колоски, а прямо-таки бубенчики! Пробежится по ним ветерок, а они: звень-звень! Хлебо-роба к себе зазывают.

И ребяташкам Светлячок удружил. В сосновом бору палатки расставил, тропки-дорожки песком усыпал.

На большой поляне Светлячок в футбол с мальчишками сыграл, да по ошибке, вместо мяча, арбуз полосатый в ворота забил. Разлетелся арбуз и вратарю всё лицо рыжими семенами исконопатил.

Увидел Светлячок грибы и решил им помочь над землёй подняться. Потянул, потянул — и не осилил. Крепко земля их удерживала. Пришлось сестрицу Дождинку-Золотинку на помощь звать.

Не пожалела сестрица водицы дождевой. Махнула платком, и из тучи, точно стрелы из натянутого лука, капли полетели. Целые сутки уливали землю. Глубоко промочили её. Размякла она, и поднялись грибы. У каждого шляпка — что зонт развёрнутый.

Увидела белочка те грибы, захватила лукошко и решила собрать. Нашла гриб-боровик — удивилась: большой, а на одной ножке. Сосчитала у себя — четыре. Подумала, подумала, да так и не взяла гриб-одноножку. Ни с чем ушла.

Пришлось Светлячку ту белку догонять да лукошко грибами наполнять. А Дождинка-Золотинка ей пояснила, что грибов четвероногих не бывает. И принялась белка грибы собирать, на острые сучки деревьев их накалывать, к зиме сушёных запасать.

Доволен Светлячок-Теплячок помощью сестрицы. За её доброе дело не остался в долгу. Помог ей каждый листик на деревьях позолотить-разрумянить. Что ни лист, то малое солнышко. Весь лес цветами зари пылает.

Ушёл Светлячок отдыхать, а у сестрицы дел прибавилось.

Заглянула она под старый пенёк, а под ним ёжик клубком свернулся. Съёжился. Холодно ему. До весны заснул.

Пожалела Дождинка ежишку и одеялом из листьев прикрыла. Спи, спи, колючий колобок! В тепле добрые сны снятся.

Увидела Дождинка жука-дровосека. В расщелину коры упрятала. Для него и расщелина — отрадная избушка.

Малому кроту в глубокую нору соломы постелила, чтобы мягче было на боку зимой лежать.

И птиц Дождинка не оставила без своей заботы.

Журавлей крылатых к облакам подняла. Прокурлыкали они и на юг полетели. Перелётных птиц за собой позвали.

Многие улетели, а сорока дома осталась, звонарём у кормушки пристроилась. Хорошо ей, да провинилась. Пока на обед подруг сзывала, все крошки из кормушки сама съела. Съела, и глазом не моргнула!

Уследила Дождинка-Золотинка проказы сороки и наказала её. По-особому придела. Не белая и не чёрная, а приметная теперь она. Стыдно ей стало. Оттого и прячется. По задворкам летает и везде прислушивается, не про неё ли плохое говорят.

Побывала Дождинка-Золотинка во дворах людей престарелых и — чем могла — помогла: кому дровишек в поленницы уложила, кому картошку в погреба ссыпала, кому валенки починила. Зимой всё пригодится!

Ещё бы сестрица потрудилась, да метелица поторопилась. На оленях сестрицу третью, Снежинку-Серебринку, примчала.

Нарядная Снежинка-Серебринка: вся белая, искристая, шубка пушистая, шапочка собольим мехом обшита, а варежки жемчугом расшиты. Есть чем любоваться!

Поглядела Снежинка на лес оголённый и сжалась. Свои варежки не пожалела, на ветки деревьев надела. И поля раздольные Снежинка вспомнила. Белым-разбелым одеялом укрыла.

А на реке скатерть ледяную расстелила. Теплоотрадно рыбкам подо льдом. Будет им душно — Снежинка лунки во льду понаделает. Дыши, рыбка, и малая и великая!

И ребятишкам теперь весело: от берега до берега катаются, коньками по льду расписываются, завитушки разные вырисовывают.

Зайчонку Снежинка белую шубку подарила. Нарядился в неё зайчонок, зарылся в сугроб, а ребятишки думали, что это снежная горка. Покатились с неё на лыжах и тотчас свалились. Заяц с перепугу вскочил и пустился наутёк. Ребятишки в погоню за ним. Хотели догнать виновника, да где уж! Зайнышка что ветер мчался. За такую прыть Снежинка-Серебринка лентой его наградила. Как победителя марафонского бега.

Думал, думал заюшка, куда ленту привязать, и нацепил её на оба уха. Так и живёт теперь с чёрными бантиками на кончиках ушей.

Вскоре пришёл Новый год.

Снежинка-Серебринка знает, как его встречать. Ранорано поутру пригласила зверей лесную ёлку наряжать. И Деда Мороза со Снегурочкой позвала. Никто не отказался.

Бурый медведь приковылял. Серый волк с зайцем враз прискакали. Белочка с лисой тоже пожаловали.

И Дед Мороз со Снегурочкой на лыжах прикатили да волшебный мешок с гостинцами и нарядами прихватили.

Все радостные, все дружные. В Новый год никто не сорится!

Взглянули гости на ёлочку — красавица она! Зелёной пирамидкой возвышается. Одного на ней не хватает — новогодних игрушек. Надо их раздобыть.

И разбежались звери в разные стороны, а вскоре вновь собрались возле ёлки.

Белочка грибы сушёные да орехи кедровые, на зиму запасённые, принесла и на ёлку развесила. Заяц морковки, что свечи, к веткам приладил. Медведь бочку мёда под ёлкой поставил.

Лиса хвостом по снегу помела, петушка нарисовала, лапами подхватила, забралась на бочку с мёдом, достала верхинную ветку ёлки и посадила на неё снежного петушка. От удовольствия облизнулась и глаза прищурила.

А уж как звери развеселились, когда Снегурочка и Дед Мороз достали из волшебного мешка разные игрушки и нарядили ими ёлку!

И чего только не было на ёлке: шары блестящие, флажки цветастые, ленты расписные, бусы стеклянные, конфеты шоколадные.

Снежинка-Серебринка ещё добавила красоты новогодней ёлке. Встряхнула облако, и полетели из него снежинки-звёздочки. Словно на парашютиках, опустились они и на ветки ёлки присели. Совсем похорошела ёлка!

И начался новогодний праздник.

Встали звери в хоровод, вместе с ними и Дед Мороз со Снегурочкой по кругу пошли.

— Песенку бы надо спеть, — предложила Снежинка-Серебрянка. — Кто лучше поёт, тот подарок получит. Один, а может, и весь мешок.

Дед Мороз со Снегурочкой запели.

— В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...

Звери подхватили ту песню, но всяк по-своему.

Волк во всю мочь завыл, лиса заскулила, а медведь так рывкнул, что несколько игрушек с ёлки слетели. Белочка со стыда покраснела, потому что совсем не могла петь.

Да и заяц не пел. Одно лишь сумел: по бочке с мёдом забарабанил лапами: бум-бум-бум!

— Стоп, стоп! — сказала Снежинка-Серебрянка. — Это что же за пение?.. Ни стройности, ни слов, ни мотива... Ну, а кто лучше спляшет?

Ободрились звери: плясать — не петь. В лютый мороз много раз они выплясывали, чтобы согреться.

Прыгают звери, притопывают, лапами прихлопывают. Никому из них не скучно. И Снегурочка, и Дед Мороз лихо вытанцовывают. У всех ладно получается. Эх, эх, эх! Нет веселья конца!

Но кому же достанется новогодний подарок? Кто будет счастливым?

Не долго думала Снежинка. По-доброму взглянула на всех, улыбнулась и сказала:

— Все вы молодцы! Все старались! И подарки всем поровну!

И раздала их.

...Так и живут-поживают братец и три сестрицы в Годке-Городке. Все их знают, все их ждут, каждый год встречают да приветствуют: Веснику-Журчику — весной, Светлячка-Теплячка — летом, Дождинку-Золотинку — осенью, а Снежинку-Серебрянку — зимой. И не только приветствуют, но и помогают им. Они любят помощников!

Вот и сказке конец, а правде начало...

Не будь солнца золотого — не жить бы сестрицам и братцу в Годке-Городке, не гулять радостно на воле.

ВИШЕНКА

У дороги, недалеко от леса, выросла ветвистая, кудрявая вишенка.

Пришло время, и расцвела она. Душистая стоит. Потом и ягодами нарядилась. Румяно-красными. Соком налитыми.

Первой лиса те ягоды заметила. Осторожно, крадучись, подошла, плутовато поглядела и сказала:

— Ах, ах!.. Какая прелесть! — И ласково добавила: — Вишенка, вишенка, нагнись пониже, я в ягодки посмотрю.

Насторожилась вишенка. Впервые такое услышала. Стоит не шелохнется.

Лиса хвостом завилыла, облизнулась, вокруг вишенки прошла и ласково проговорила:

— Ну что ты, вишенка, не гнёшься?.. Нагнись, нагнись. Я же твой самый-самый лучший друг!

Не поверила вишенка. Спросила:

— А почему же ты не приходила, когда воды мне не хватало и корням тесно было в земле?

— Ах, вишенка, некогда было. Дел много. А ты не сердись. Нагнись, нагнись!

Поняла вишенка, что лиса не друг её. К небу ветки подняла.

— Ах так! — возмутилась лиса. — Сама достану.

Подпрыгнула за ягодой и... ветку отломала.

Больно вишенке, а лиса и не думает жалеть её. У лисы своё на уме: все ягоды поесть.

Объела ягоды с отломанной ветки, поглядела на другие — высокогато. Говорит:

— Пойду медведя позову. Он лазить ловкий.

Пришёл медведь с вёдрами вишню собирать. Увидел он деревце, заревел:

— Ка-кое чу-у-до! И кто те-е-бя, ви-и-шня, здесь у до-о-ро-о-ги посадил?

Лиса проворно ответила:

— Я, Мишанёк, я... А ты кушай, не стесняйся, да и в вёдра собирай.

Замахал лапами медведь, потянулся к веткам, начал ягоды на землю стряхивать.

— Молодец, Мишанёк, молодец! — хвалит лиса, а сама ягоды торопливо подбирает. Советует: — Ты на верхушку забирайся. Там ягоды вкуснее.

Забрался медведь на самую верхушку да не рассчитал: верхушка-то тонкая, нежная, согнулась и... сломалась.

Чуть не заплакала вишенка от боли.

А медведь упал на землю. Лежит, стонет. Нос лапой проверил — цел ли?

Лиса тем временем ягоды с отломанной вершинки обирает. Мякоть ест, а бобки-косточки в разные стороны швыряет. Не нужны они ей.

Просит медведь:

— Угости, лиса.

— Ах, Мишенька, сейчас, сию минуту.

Пообещала, а сама опять ягоды в свой рот кладёт. Съела все, говорит:

— Всего лишь одну нашла, и ту тебе отдаю. Кушай, кушай, вся хворь пройдёт.

— Спа-а-си-бо, ли-и-суха! Добрая ты. Да-вай всегда дру-у-жить.

— Согласна, согласна, — охотно ответила лиса. — И тебе будет весело, и мне сытно. Тебя кто обидит — я помогу.

Вдруг увидела лиса бежавшего из леса зайца.

— Спрячемся в канаву, — говорит она медведю. — Посмотрим, не сюда ли спешит?

Прискакал заяц к вишенке, задиристо сказал:

— Ты что же мне ягод не оставила? Я тебя сажал, о тебе заботился, а ты, неблагодарная, других накормила. Да за это я с тебя кору сдеру.

Ничего не ответила вишенка. Не знала она, кто её посадил.

А заяц не унимается. Задиристо требует:

— Где хочешь ягоды ищи, а меня корми!

Не стерпела лиса, выскочила из канавы, подбежала к зайцу и сказала:

— Ты почему требуешь ягод? Разве ты сажал вишенку?.. Да знаешь ли ты, сколько я трудилась? И поливала, и землю рыхлила, и каждый листик вот этим языком — она показала свой язык — протирала от пыли. Ах ты, обманщик!

В их разговор медведь вмешался и рявкнул:

— Уди-и-рай, заяц, а то рассержусь и за уши тебя отта-а-с-каю.

Не успел медведь лапой замахнуть, как испуганный заяц скрылся в лесу.

А лиса поглядела на вишенку, недовольно покачала головой — нечего с неё взять. Предложила:

— Пошли, Мишенька, в лесок. Может, там чем-нибудь угостишь меня. Что-то проголодалась.

Только вошли в лес, а навстречу им мальчик с рюкзаком за плечами. Спрашивает:

— Вы видели вишенку у дороги?

— Нет, нет, — живо ответила лиса. — Я не видела. Может, ты, Миша, видел?

— Да ты что, ли-и-са? — пробасил медведь. — Разве забыла?.. Мы же оба были около ви-и-шенки.

Понял мальчик.

— Значит, так... Оба были, а лиса не была... Почему же нос её вишнёвым соком испачкан?

Лиса вмиг хвостом свой нос вытерла.

— А ну, ведите меня к вишенке. Вижу что-то неладное.

А когда увидел он поломанное деревце, строго спросил:

— Кто же из вас загубил вишенку?

Лиса проворно пояснила:

— Вот он, топтыш неуклюжий. За ягодой полез и сломал. Говорила ему: будь осторожней, а он... Ломать — ума много не надо.

— А где ягоды? — спросил мальчик.

Молчит лиса. Молчит медведь. За них вишенка ответила:

— Они вместе ели, но больше лиса. Лишь одну ягодку удалось спасти.

Лиса злобно упрекнула медведя:

— Эх ты, ротозей. Зачем ягоду оставил?

Медведь виновато опустил голову.

— Ну вот что, — предупредил мальчик. — Отсюда до тех пор никуда не уйдете, пока вишенку не вылечим.

— А как её лечить? — хитро спросила лиса, но, заметив недовольство мальчика, заявила: — Сумею, сумею.

Конечно, легче говорить — труднее делать.

Попробовала лиса отломанные ветки к дереву привязать, а они не держатся. Надставила верхушку, а она не срастается. Лишь с помощью мальчика сумела все раны на вишенке садовым варом смазать да забинтовать.

И медведь после подсказки мальчика догадался, что надо делать. Воды принёс и землю около вишенки полил.

Ободрилась вишенка. Ветками встряхнула. Листья к солнцу подняла.

Радуется мальчик, что вишенке помогли. Спрашивает:

— Ну как, вишенка, легче тебе?

— Спасибо, добрый мальчик... Скажи, пожалуйста, кто меня здесь у дороги посадил? Лиса сказала — она, заяц сказал — он, а я им не верю. Кто сажает — тот не ломает!

И мальчик рассказал вот что:

— Однажды весной наш пионерский отряд остановился на этом месте на привал. Поели, попили, хотели дальше идти, а вожатый говорит: «Давайте на память о нашем походе по родному краю что-либо посадим». А что сажать, если никаких саженцев с собой не привадили: У меня в кармане оказалась косточка от вишенки. Обрадовались ребята, лунку вырыли, бобок в неё положили, землёй укрыли, водой из фляги полили и дали слово приходить сюда и помогать вишенке расти. Вот я и пришёл. Жаль, что с опозданием. Но ты уж, вишенка, прости меня за это.

Сказала ему вишенка:

— За то, что ты вылечил меня, дарю тебе самую лучшую сохранённую спелую ягоду. Она не простая. Посмотри в неё.

Взглянул мальчик и... глазам своим не поверил.

В ягодке, как в маленьком телевизоре, он увидел своих друзей-товарищей. Кто с лопатой, кто с лейкой, кто с мотыгой. Все бегают, торопятся. На обочине дороги лунки копают, в них косточки вишнёвые кладут, водой поливают, землёй засыпают. Едва отойдут от лунки с посаженным бобком, как из-под земли вырастают кустики вишенки. Вмиг вырастают. Цветут и ягодами наряжаются. Не дорога, а прямо-таки садовая аллея.

Загляделся мальчик в ягодку-телевизор и сказал:

— Что же мы стоим без дела?.. А ну-ка, лиса и медведь, быстренько за работу. Собирайте бобки-косточки, что раскидали. Сажать их будем.

Оглянулся, а зверей будто ветром сдуло. В лес сбегали.

Но ничего!.. Что от зверей ожидать?.. Они только способны ломать... Сам проворно собрал бобки и посадил их вдоль дороги.

Прошло сколько-то лет, и вдоль дороги зацвели и украсились ягодами все посаженные мальчиком вишенки. Всякий, кто проходит или проезжает по дороге,

спрашивает: «Кто же посадил эти вишенки?.. — И по доброму говорит: — Спасибо ему!»

МЕДВЕЖКА-СЛАДКОЕЖКА

В старом-престаром сосновом бору, среди поваленных ветром деревьев, стояла бревенчатая, укрытая снегом избушка с одним оконцем.

В той низкой избёнке жила бурая медведица. Жила не одна. Был у неё сынишка. Медвежкой звали. Такой шумливый, такой проворный, что похожих на него, наверное, на свете не было. А ещё был он сладёной. До того сласти любил, что сколько хочешь съест, и при этом не только рот, но и нос выпачкает.

Мать, правда, не ругала его. Одно лишь говорила: — Нос-то вытри, Медвежка.

Оттого в шутку и повелось за ним прозвище: Медвежка Вытри Нос.

Однажды в полдень, когда мать ещё спала, Медвежка сладкого захотел. Забрался на стул, открыл дверцы шкафа, достал с нижней полки кастрюлю, заглянул в неё, перевернул и вздохнул — пусто в ней.

Не раздумывая долго, со средней полки снял чугунок. Заглянул в него, а в нём лишь стенки да доньшко.

«Ага, — подумал Медвежка, — наверное, мама выше упрятала от меня сласти».

Потянулся к верхней полке — высокогато. Сообразил: чугунок под ноги подставил. Встал на него, достал с полки горшок и только хотел узнать, что в нём лежит, как нога с чугунок соскользнула и Медвежка вместе с горшком на пол упал. Горшок вдребезги разлетелся, а Медвежка шишку на лбу потирает.

От шума медведица очнулась. Протёрла глаза, спросила:

— Что ты делаешь, Медвежка?

— Я-то?.. Да мёд ищу.

— Экий ты сладёна. Да разве забыл, что медку всего лишь чайная ложка осталась?

— А мне больше и не надо.

— Ну, ладно. Бери.

Рад-радёхонек Медвежка. Бегает с ложкой по избе, кричит:

— Медок, медок, прыгай в роток!

Ясно, что медок-то не умел сам прыгать, а Медвежка поиграл-поиграл им и слизнул с ложки. Так слизнул, что ни одной капельки не оставил. Глаза от удовольствия вверх закатил да как закричит:

— Ещё хочу, ещё!

— Ну, тише, тише, Медвежка. Не мешай мне спать.

И медведица дала ему кусок сахара, чтоб не донимал.

Медвежка лизнул сахар — понравилось, ещё лизнул — опять вкусно. Схрупал сахарок, сказал:

— Сладковато, Не хуже мёда.

И погладил лапой по животу.

Мать посоветовала ему:

— Ложись, Медвежка, баиньки. Я что-то тебе расскажу...

Уложила его в детскую кроватку, укрыла одеяльцем из цветных лоскутков, погладила по голове и начала рассказывать:

— Вот лето наступит, и мы с тобой в лес пойдём, ягоды калины, малины собирать да мёд в дуплах искать. Это самое медвежье дело. Только пчёл тогда бойся. Они так ужалят, что с ног свалишься. А нос — вот такой распухает, — и показала лапами во всю ширину плеч.

И ещё говорила медведица, и ещё рассказывала, а Медвежка слушал, слушал, моргал, моргал глазами и заснул.

И медведица на своей кровати крепко уснула. Похрапывает. Стены избёнки от храпа шатаются.

А Медвежке снится сон...

Сидит он в малиннике, срывает ягоды и суёт их в рот. Сок от ягод во рту разливается, по губам растекается. Медвежка лапой то и дело утирается.

— Вкусно, — говорит.

Ещё бы — ягод поел! Да из леса голос матери раздался:

— Мед-веж-ка! Где ты?

— Тут я, тут!

— Идём мёд искать.

Припустился Медвежка к матери.

Идут по лесу вдвоём. Медвежка вокруг деревьев шустро бегает, по травке кувыркается, радуется, что скоро медок ему достанется.

Остановила мать сынишку, носом повела, говорит:
— Чую мёд в дупле на сосне.

Подвесила Медвежке на грудь кастрюлю, сказала:
— Лезь.

Попробовал Медвежка взобраться на дерево, да сноровки маловато — тут же и сорвался.

— Эх ты, неумейка!

И помогла ему нижнюю ветку достать.

От ветки к ветке — так и добрался Медвежка до дупла. Сунул лапу в дупло — что-то липкое попало. Вынул лапу, а с неё мёд стекает. Лизнул и чуть от удовольствия вниз не упал.

— Вот это вкуснятина! — сказал он.

И начал торопливо мёд доставать да не в кастрюлю, а в рот себе укладывать.

Просит мать:

— Угости, сыночек!

— Сейчас, сейчас, — пообещал Медвежка, но не сдержал своего слова. Сам весь мёд съел.

Собрался с дерева слезать, а тут пчела к нему полетела. Закружилась над Медвежкой, зажужжала:

— Ах ты, нечестный! Не трудился, а весь мёд забрал! Жжик!

И ужалила его в нос.

Закричал Медвежка, прикрывая лапами нос:

— Пууу-хнет!

И слетел с дерева, обломав нижние ветки.

И что за диво: слева и справа целая туча-куча пчёл на него налетела. Как одеялом накрыли. Серdito зажужжали. По-своему заговорили:

— Он не только сладкоежка, но к тому и эгоист. Себя любит больше матери. Не угостил её мёдом. Сам всё съел. Не жалейте его!

И начали со всех сторон жалить его. Тысячи жал! И в нос вонзают, и в лапы, и в открытый рот.

Туда-сюда мечется Медвежка. Головой крутит, лапами отмахивается, а пчёлы, как нарочно, сильнее прежнего жалят...

Наконец, проснулся Медвежка. Ух!.. Со страха пот на лбу выступил... Прислушался, а за стенками избёнки пчелиный рой жужжит.

Вадрогнул Медвежка: «Неужели опять пчёлы ко мне летят?»

Укутался одеялом поплотнее, задрожал от страха,

а когда догадался, что пчёлы в избу не залетят, усмехнулся: «Да это же ветер жужжит-завывает».

Лежит Медвежка на кровати, сон вспоминает. И перво-наперво — съеденный мёд. Эх, теперь бы хоть пол-ложечки испробовать!

Заскучал Медвежка без сладостей. Ничего его не интересуется. Только окно завлекло. Ставня оконная то откроется, то закроется.

«И чего она? — подумал Медвежка. — В лес, что ли, зовёт?»

Проворно встал с постели, подошёл к окну, поглядел и рот разинул. Вся земля около избушки сахаром усыпана.

«Эге, сколько сахара на улице, а я и не знал», — обрадовался он.

Медвежка и в самом деле не знал. Впервые он снег увидел. И откуда храбрость у Медвежки появилась! Распахнул дверь и убежал.

В открытую дверь ветер подул, и прямо на медведицу. Холод в шубу её забрался. Очнулась медведица от холода, повела глазами — нет Медвежки. Вскочила с кровати и за порог. Увидела его — остолбенела.

Медвежка стоял по плечи в снегу и с жадностью уплетал снег.

— Что ты делаешь? — рассерженно воскликнула мать.

— Я-то?.. Сахару наедаюсь!

Не стерпела медведица. Схватила сына за ухо и повела в избу.

Пробовал вырваться Медвежка, но не тут-то было: мать крепенько держала его. В избе отшлёпала за провинность, а потом простила, обняла и сказала:

— Глупый ты, Медведюшка. Не всё белое сладкое. Когда не знаешь — спрашивай.

Заплакал Медвежка. Понял, за что наказан. Попробовал что-то сказать, да рев какой-то получился.

— Что ты говоришь? — спросила мать.

— Ры-ы-ы, — ответил Медвежка и закашлялся.

Пожалела мать сынишку. Стала лечить его. Теплым молоком поить, шерстяным платком горло обвязывать, а он «ры» да «ры».

Снежный сахарок подвёл!

ЗАЙЧИШКА-ХВАСТУНИШКА

Давным-давно это было...

Жил заяц в лесу. Везде он ходил, везде бродил, прыгал-скакал, собой доволен был.

Однажды подошёл к озеру, пригнулся к воде и возгордился собой, видя своё отражение.

— Ишь, какой я красавчик!

Потянул себя за уши, а они в воде удлиннились, провёл по усам — они вытянулись, шевельнул хвостом — он больше, чем у лисы, показался.

— Ай да я!

Смотрится не насмотрится заяц на себя.

Множество рыбок к нему подплыли, удивляясь его хвальбе. Даже щука во все глаза на него уставилась.

Заметил заяц водных зрителей, махнул лапой, крикнул:

— Прочь, малявки лупоглазые! Не достойны вы на меня смотреть... Эй, есть кто в лесу?.. Выходите на меня любоваться!

Услышал ёжик, живший в домике под деревом, вышел на полянку и добродушно сказал:

— И чего ты, зайчишка, выхваляешься?

— Как ты сказал? — возмутился заяц. — Я не зайчишка, я — ЗАЯЦ! Видишь?

Он вспрыгнул на пенёк, приподнялся на цыпочки, расправил грудь, запрокинул повыше голову, подкинул в стороны усы, важно сказал:

— Вот какой я величины!

— Хэ, хэ! — усмехнулся ёжик. — Разве величина важна?.. Ты лучше покажи, что делать умеешь?

— Я-то?.. — заяц прихлопнул лапой в свою грудь. — Да всё, что задумаю!

— Не может быть, — усомнился ёжик.

— Не веришь?.. Эх ты, ежик-колобок. Гляди!

Он спрыгнул с пенёка, припал к земле и что было силы шарахнулся вперёд, а потом скакнул в сторону. Туда-сюда, туда-сюда. Вперёд-назад — в сторону, вперёд-назад — в сторону. На одной ноге попрыгал, на другой повертелся, остановился, спросил:

— Ну, как?.. Ловко я умею?

— Хэ, хэ... — ёжик протёр очки. — Оттого, что ты кувыркаешься да мечешься — потеха для других. А что ещё умеешь?

— Умею глазами играть. Раз, — заяц прикрыл левый глаз, — два, — прикрыл правый, — три, покосил обоими. — В сторону гляжу, а тебя вижу. Понял, какой я?

— И всё-таки ничего удивительного... А что ещё можешь?

— Могу ветер выдувать.

Он вдохнул воздух и с силой начал выдувать. На озеро подул — вода зарыбилась, на дерево подул — листья полетели, ветки закачались. Вдыхает — выдувает, вдыхает — выдувает. От натуги глаза покраснели.

— Хватит, хватит, — остановил его ёжик, — а то ещё лопнешь... И опять не то.

— Ну, что ты какой! Ничем тебя не удивишь. Сказал, всё могу — значит, могу!

А сам задумался: «Чем же его удивить?»

Почесал лапой за ухом и неожиданно крикнул:

— Могу на дерево залезть!

— Это как же? — спросил ёжик, поглядывая на зайца поверх очков.

— А вот как...

Подскочил заяц к дереву и давай зубами кору скоблить. Погрыз — ступенька, погрыз выше — вторая.

— Подожди! — остановил его ёжик. — Зачем же так?.. Дереву-то больно. Для него кора что шубка для тебя. Давай я выдерну клочок твоей шубки.

— Э-э, — возразил заяц, — больно будет... Ну, ладно. Другое покажу.

Он подскочил к пеньку и начал лапами по нему барабанить. Бьёт, приговаривает:

— Силу пытаю,
Пенёк разбиваю.
Силу пытаю,
Пенёк разбиваю.
Хлоп-стук, хлоп-стук!

Бьёт заяц левой, бьёт правой, обеими лапами пристукивает. Постучит, во все стороны поглядит и опять ударяет. Колотит так, что самые глухие рыбы не выдержали того грохота и на дно опустились.

Ёжик уши лапами прикрыл, чтобы не оглохнуть.

А заяц бьёт, надрывается. Уж такое у него желание — доказать ёжику, что он ловкий, что всё умеет.

Прошла минута, другая... Пять миновало, а он не

утихает. С таким азартом колотит, что боли в лапах не чувствует. Сколько времени бил — не заметил, но, видно, надоело ему, размахнулся и бах-тарарах по пеньку. Трухлявый пенёк в щепки разлетелся.

Рыбы, видя это, плавниками захлопали, а щука острыми зубами защёлкала. Поздравляли зайца за его ловкость.

— Вот как надо уметь! — похвалился заяц.

— Ну и что в том? — возразил ёжик. — Разве это мастерство? Чтоб разбить — ума много не надо. Что полезного делать умеешь?

— Эх, ты... Умею рыбу хвостом ловить!

Он сейчас же облокотился на коряжку, что у берега была, и опустил в воду хвост. Поглубже опустил, чтоб побольше рыбы наловить. Косит глазами на воду. Улыбается. Забылся. Никого, кроме себя, не видит. И не заметил, как щука, крадучись, к нему подплыла.

Опомнился заяц, да поздно... Как закричит:

— Спа-си ме-ня, ёжик!.. Спа-си!

Ёжик подскочил к нему, помог выбраться из воды.

А от берега... отплыла щука с заячьим хвостом в зубах. Выставила голову из воды, подмигнула ёжику и была такова.

С тех пор у всех зайчишек-хвастунишек не хвост, а хвостишко-коротышко!

ЗОЛОТОЙ ОРЕШЕК

На ветке высоченного кедра белка сидела. Пушистая, с большим хвостом, зоркими глазами и с кисточками на ушах.

Обняла белка передними лапками найденный кедровый орешек, повернула его с боку на бок, уложила как надо, раздробила скорлупу и добралась до ядрышка. Вкусное оно! Любимая еда белки! Съела одно — ещё захотела. Оглядела дерево, завидела кедровую шишку, подскочила к ней, обхватила лапками и отгрызла. Удобно уселась на ветке и только хотела одну чешуйки от шишки отделить да орешек выбрать, как услышала голос птицы кедровки:

— Ты зачем чужие орешки грызёшь?

— Как чужие?.. На дереве они общие.

— А вот и нет!.. Это я дерево посадила.

— Как это — ты?.. На кедре лишь в двадцать лет орешки появляются. Неужели тебе больше двадцати?

Призналась кедровка:

— Да нет, похвалилась я. Не я сажала, а моя прапра-прабабушка. Об этом мне мама говорила. Но всё равно кедр мой. По наследству достался.

Вздохнула белка и обиженно сказала:

— Какая же я несчастливая. Никто не посадил мне дерево в наследство.

Пожалела кедровка бедную белку:

— Ну, ладно, ешь мои орешки.

А потом задумалась и предложила:

— Давай сами кедры сажать. Посадим их вон на той поляне, что осталась после сгоревшей кедровой рощи, вырастим свою и — живи не тужи.

Охотно согласилась белка:

— Давай... А с чего начнём?

— Перво-наперво, с заготовки орехов. Мама мне говорила: «Запас орехов от голода зимой спасает, а весной — лес приумножает».

Засуетились белка с кедровкой. Без устали, легко и ловко шныряют по веткам кедра, срывают шишки, достают орешки, таскают на поляну, закапывают в землю около корней и пней, а то и прямо под мох и в другие места. Трудятся да приговаривают:

— Для еды и для леса!

— Для себя и для всех!

Заботливо прячут орешки. Каждая в своё укромное местечко.

Белка с кедровкой ещё бы трудились, да метелица помешала. Примчалась, завьюжила, все кладовки ореховые снегом укрыла. Всюду похолодало. Пришлось белке и кедровке в свои жилища от стужи спрятаться.

Забралась белка в дупло, прикрыла входное окошко пучком сухой травы, чтоб лютый ветер не залетал, свернулась клубочком и заснула.

Кедровка тоже в своём гнезде приютилась: оно было на дереве, в чаще елового леса.

...Бегут дни, проходят недели. Может, белка с кедровкой до весны не встретились бы, но обeim спрятанные орешки вспомнились.

Вылезла белка из дупла, соскочила с дерева, пробежалась, остановилась, разгребла снег, а под ним её

кладовка с орешками. Достала орешек, вбежала с ним на ветку, разгрызла — вкусно. За другим сбегала. Пощёлкала орешки и опять легла спать.

Кедровка тоже нашла свою кладовку. Раскопала снег сильным клювом, забрала орешек, упрятала его в рот, другой схватила, третий — целый десяток уместился во рту, — взлетела на дерево и все поочередно расклевала. Расклевала и спохватилась:

— По-моему, что спрятали для еды, уже все съели.— И к белке стучится: — Давай сохраним остаток орешков для рощицы.

— И правда, давай! — отвечает та.

Кедровка стала брать для еды семена ели, а белка припасённые грибы, которые летом наколола на сучки. Так и пережили они лихое зимнее время.

Заиграло солнце лучами, зазвенела весна ручьями, потеплело в лесу. Трава и деревья к свету потянулись.

Белка с кедровкой тоже весне радовались, но, заглянув в кладовки, куда с осени орешки уложили, тяжело вздохнули и головы опустили — в кладовках было пусто. Ненасытные лесные мыши все оставшиеся запасы орехов погрызли.

Закручинились белка с кедровкой. И как не кручиниться?.. Мечтали рощицу вырастить, а теперь ни одного росточка из земли не покажется.

Горюют белка с кедровкой, а помочь горю нечем. И вдруг случилось чудо...

Из середины трухлявого пенёка, где сохранился лишь один спрятанный кедровкой орешек, показался росток. Небольшой росток, но живой, зелёный. К свету потянулся. Быстрее быстрого начал расти. И такой дивный кедр вырос, что во всём таёжном лесу подобного не найти.

Захлопала белка лапками и радостно закричала:

— Вот это да!!! Вот так чудо!

Кедровка сказала:

— Да ты погляди, какая шишка с орешками на нём красуется.

— Ой, — вскрикнула белка, — посмотри, какой один орешек золотистый.

Орешек на весь лес ярко сверкал.

Заметил дятел тот орешек и всем зверям да птицам телеграмму отстукал:

— Скорее идите, скорее скачите, скорее летите

сюда! Здесь невиданное свершилось. На кедре золотой орешек вырос.

Немало птиц и зверей отозвалось на ту телеграмму.

Медведь косолапый приковылял, соболь спесивый скоро примчался, поползень короткохвостый прилетел.

Все глядят не наглядятся на ослепительно яркий, золотой орешек. Глядят и облизываются. Для них орешки — лучшее лакомство.

И тут-то произошло для всех неожиданное...

Красавец кедр встряхнул зелёной головой, наклонил ветку с шишкой и сказал:

— Бери, кедровочка, золотой орешек. Ты меня посадила — тебе и дарю. Спасибо тем, кто лес сажает!

— Белка тоже сажала, — подтвердила кедровка.

— И ей охотно дарю, только не золотой.

— А другим? — спросила кедровка.

— И другим... Вы же для всех сажали.

С тех пор каждый год кедровка с белкой прячут орешки в запас. Зимой ими кормятся, а весной радуются, если из сохраненного орешка вырастает кедр-богатырь.

РОДНОЕ ГНЁЗДЫШКО

Прилетел в лес голубок, уселся на вершину дерева и громко заворковал:

— Куу-кру-кухтуу, куу-кру-кухтуу!

Услышала голубка то весеннее воркование, прилетела к голубю, и вместе начали они строить гнездо на дереве.

Носит голубь в клюве сухие прутики-травинки, передает голубке, она укладывает их в развилке ветвей около ствола под себя и рядом с собой — получается гнездо. Будто не очень прочное, а ветер не разорит.

Увидела кукушка строителей гнезда, презрительно усмехнулась и спросила:

— Зачем пустячным делом занимаетесь?.. Делать, что ли, нечего?.. Для кого стараетесь?

— Для деток, — в один голос ответили голубь с голубкой. — А ты разве не мастеришь гнездо?

— А зачем силу тратить?... Чужих гнезд хватает.

— Как же так? — удивились голубь с голубкой. —

Неужели для родных деток не будет родного гнездышка?

— У меня деток много, для всех не настроишь.

И улетела кукушка на другое дерево.

А голубка отложила в гнездо два чисто-белых блестящих яйца, осторожно села на них и, ради любопытства, стала наблюдать за кукушкой.

Кукушка же притаилась в листве дерева и глаз не сводит с малой птахи, лесного конька. Выжидает, когда птичка покинет своё гнездышко, лежавшее на земле вблизи пенька.

Ждёт-пождёт кукушка, а конёк ни с места.

Тогда схитрила она. Пролетела низко над птахой и испугала её: полёт кукушки напомнил коньку полёт ястреба — всем известного истребителя птичек и грабителя гнёзд.

Оробел конёк, взлетел и оставил гнездышко без внимания.

Того и надо кукушке. Присела она на покинутое гнездо, отложила в него своё яйцо и полетела к другим певчим птичкам. Летаёт от одного гнезда к другому. Много яиц подкинула в чужие гнёзда.

Такой кукушкиной проделки не ожидала голубка.

«Да что она делает?.. Да разве это честно?.. Да как же она потом найдёт своих деток?» — недоумевала голубка.

Но кукушка об этом не задумывалась. Её и след пропал.

Возвратился конёк к своему гнезду и не заметил, что в нём уже прибавилось яичек. Надо бы их сосчитать, но он не умел, а отличить подкинутое кукушкино яйцо от своих не мог, оно было очень схожее с другими и величиной и окраской.

Уселась птаха на кладку яичек и терпеливо обогрела их теплом своего тела. Дней десять ждала появления на свет малышек. Наконец одно яичко лопнуло, и вылупился из него птенец.

Обрадовалась птаха. По-матерински обрадовалась. Она не знала, что первенцем был кукушонок. Голый, слепой, с большой головой.

Вскоре и другие птенцы зашевелились. Слабенькие, беспомощные. Только рты могли открывать.

Теперь у мамы и папы забот стало полон рот. Пятых детей надо кормить. Засуетились родители. И в

траве ищут корм деткам, и на лету хватают. И невдомёк им, что творится в их гнезде.

Подсох кукушонок, оживился и принялся по одной выталкивать птенцов из гнезда.

Пригнётся, взвалит на спину, попридержит крыльшками, попытается ближе к краю гнезда, упрётся головой в его дно, поднатужится, встряхнёт ношу и вытолкнет из гнезда.

Четыре дня не утихал кукушонок. Всех крохотных птенцов повыбрасывал, один остался.

Раскрыл широченный жёлтый рот: еды, родители, подавайте! Еды!

Голубка, глядя на кукушонка, больше прежнего удивилась: «Ай, ай!.. И кто его такой жестокости научил?»

А кукушонок рос. Не по дням, а по часам. Ел за пятерых, а ростом вскоре перегнал приёмных родителей. Уж крыльями замахал, из гнезда выпорхнул, с ветки на ветку перелетает. Мог бы сам себе еду находить, а он всё ни на минуту рта не закрывает: корма ждёт.

Повзрослел кукушонок и в лес улетел, не поблагодарив кормильцев за их заботу.

Не то что голубята. Подросли, научились летать, а родителей не покинули, не расстались с отцом и матерью. Между собой не ссорятся, еду друг у друга не отнимают.

Увидела кукушка дружную голубиную семью, позавидовала:

— Счастливая ты, голубка! Все детки рядом с тобой, а я даже не знаю, куда мои разлетелись. Ай, как скучно одной и тоскливо! И что делать, чтоб семью сохранить?

Голубка охотно посоветовала:

— Не летай к чужим гнёздам, своё мастери. Родное гнёздышко само к себе зазывает. Оно теплом и лаской согретое.

— Верно, верно, — подтвердил голубь. — Оно семью бережёт.

Ещё раз позавидовала кукушка счастью голубок, а сама — какой была, такой и осталась.

Так никогда и не научилась родное гнёздышко мастерить.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ КОЗЛЁНОК

Возле речки, на высоком берегу козлик — малые ножки, чёрные сапожки похаживал и щипал траву.

Вдруг к нему подлетела непоседливая птичка козодой и начала забавно кружить над ним. Юркнула влево, юркнула вправо, затем вверх, вниз, даже под него нырнула. Она везде мошек ловила, а козлику показалось, что птичка играть с ним захотела.

Взглянул козлик на птичку, а она уж на рог к нему села.

Прищурился козлик, нацелился боднуть птичку, но не тут-то было: она вспорхнула и в лес полетела. Скакнул козлик за ней да загляделся на летунью и упал с разбегу, зацепившись за сухую ветку, что лежала на пути. И зашиб ногу.

Больно козлику и обидно, что птичку не догнал. Да ещё не вовремя засмеялся кто-то: «Ха-ха!»

Возмутился козлик. Привстал, оглянулся, спросил: — Это кто посмел над чужой бедой смеяться?

В то время из речки лягушка выглянула.

— Эй, квакушка! — окрикнул козлик. — Это ты надо мной смеялась?

И, не дождавшись ответа, швырнул в неё веткой, о которую ушибся.

Но лягушка ловкой оказалась — увернулась. Выставила голову из воды, смотрит на козлика — малые ножки, чёрные сапожки, хочется ей с ним заговорить.

А козлик молчит. Большую ногу растирает.

Жалко стало лягушке рогатого, очень жалко. «Он ведь теперь шагу не шагнёт, травинки не сорвёт», — подумала она и сказала:

— Давай полечу.

— Уходи, — резко ответил козлик. — Ты смеялась над моей бедой.

— Нет, нет, ты не прав. Этого не было, — пояснила лягушка. — Тебе, наверное, послышалось. Я «ква-ква» — квакнула от удивления. Давай, давай полечу.

И, не дождавшись согласия, засуетилась лягушка. Она проворно прыгнула на берег, быстро прошлась вокруг тополя, набрала пушинок, смочила их водой, приложила к большой ноге козлика и пояснила:

— Держи так... Тополинки что ваточка, а водица что лекарство. От холодной водицы опухоль спадает.

Послушался козлик. Удерживает на ноге тополиные пушинки.

А лягушка раз прыгала к речке, другой и столько воды натаскала, что хватило её, чтобы не только лечить козлика, но и напоить рогатого.

Уж час миновал, а может, и два... Попробовал козлик на больную ногу встать — вот так чудо! — она уже здорова.

Во весь рост козлик поднялся, головой потряс, играть надумал. И пошёл, пошёл по берегу прыгать-скакать: топ-топ, скок-скок!

А лягушка посмотрела, посмотрела ему вслед, что-то пождала, пождала и, не дождавшись, нырнула в речку. Выставила голову из воды и немигающе смотрит на козлика — малые ножки, чёрные сапожки.

Остановился козлик. Спросил:

— Чего так глядишь?.. Не узнаёшь, что ли?

— Ква... Почему же?.. Узнаю. Неблагодарный ты. Слово вежливости не знаешь.

Задумался козлик. Поморгал глазами, потряс бородкой и сказал:

— Здравствуй!

— Здравствуй, — ответила лягушка, — но не то слово.

Помолчал, помолчал козлик и стыдливо проговорил:

— Извини!

— Извинить бы тебя можно, но лучше вспомни слово вежливости.

Козлик голову опустил, копытцем землю поскрёб, будто отыскивая в ней слово вежливости, а потом радостно крикнул:

— Пожалуйста!

— Ква... Что ты, козлик?.. Это очень хорошее слово, но его в другое время говорят, когда что-то просят.

Козлик ещё больше задумался. Даже копытцем по лбу постучал, а затем попросил лягушку:

— Подскажи мне, какое это слово.

По доброте своей не могла отказать лягушка. Она поплыла по реке и предложила:

— Читай!

Лягушка с удивительной лёгкостью плыла по реке, а за ней писались большие, узорные, ярко-серебристые буквы.

Козлик очень плохо читал, но всё же сложил буквы в единое слово:

— С-п-а-, спа, с-и, си, б-о, бо. Спа-с-и-бо! Как здорово! Слово-то простое.

И козлику стало стыдно аз своё незнание. А тут ещё птичка козодой прилетела и, порхая над его головой, проговорила:

— Невежа ты, невежа. Слово вежливости не помнишь!

И козлик, не желая больше быть невежей, набрал в лёгкие воздуха и что есть силы крикнул:

— Спа-си-бо!!!

Перевёл дух и повторил:

— Спа-си-бо!!!

Это слово слышали и жучки, и паучки, и даже рыбы. Его подхватил ветер и очень осторожно, чтоб не обронить, донёс до лягушки.

А птичка козодой сорвала цветы на лужайке, позолотила их в лучах солнца и поднесла лягушке за её доброту.

Поклонилась лягушка и вежливо сказала:

— Спасибо! Ква, ква!

С тех пор и козлик — малые ножки, чёрные сапожки не забывает это милое слово.

Тут и сказке конец, а кто «спасибо» говорит, тот молодец!

КАК ПЕТУШОК ГОТОВИЛ СЕБЯ В КОСМОНАВТЫ

Петушок не всегда таким был...

Когда он вылез из скорлупы и первый раз увидел свет, то цветом был похож на лимон. На небольшой желтоватый лимон.

Вначале он всех боялся и часто прятался под крыло матери, а потом, когда крылья подросли, осмелел. Даже стал непослушным.

Начнёт клушка-мать цыплят к себе сзывать, а петушок вроде и не слышит. Бегает по двору, крылышки ветру подставляет. Доволен, что ветер подгоняет его. Не петушок, а кораблик с парусами.

Правда, петушком рановато было его называть. Ни-

чего у него не было петушиного: ни гребешка, ни хвоста нарядного. Да и петь по-петушину он не умел. Одним лишь отличался от курочек — забияка, мог подражаться с кем захочет.

Но шло время... Подрастал петушок, вырослел. О других начал заботиться. Целыми днями землю разгребал, червяков да зёрнышки отыскивал. Найдёт что-либо и всех курочек к себе приглашает. Хоть понемногу, да всем!

Не заметил петушок, каким красавцем вырос. Хвост вроде радуги, всеми цветами переливается, а гребешок, как рубин, пламенеет. И голос появился. Звонкий, с переливом. Такие песни петушок запел, что даже солнце замирало, слушая их. Пел и утром, пел и вечером. А однажды запел и ночью. Да, да, именно так!

И вот как это случилось...

Проснулся петушок, открыл глаза и чуть с насеста не свалился. Прямо на него в оконце сарая звёздочка смотрела. Как снежинка белая, узорчатая, ярко сияющая.

Может быть, она и раньше сюда заглядывала, но петушок почему-то не замечал этого. Зато сейчас — куда и сон девался.

А звёздочка глядит на него, улыбается.

Лучи в оконце протягивает, будто поздороваться хочет.

Заволновался петушок. Спросил звёздочку:

— Останешься со мной?

— Не могу, — ответила звёздочка. — Сестрицы и братцы ждут моего возвращения.

«Как же так? — подумал петушок. — Она улетит, а я здесь останусь?»

Потрогал крылья, потрянул ими — есть в них силён-ка!.. И спросил он звёздочку:

— А можно к тебе полететь?

Ярче прежнего заулыбалась звёздочка, ласково ответила:

— Будешь космонавтом — прилетай!

И полетела в родную сторонку. Туда, где их мно-

го-премного, видимо-невидимо, где необъятный звёздный мир.

А петушок не сдержался и крикнул ей вслед:

— Я сейчас лететь хочу!

Звёздочка ничего не ответила, далеко уж была и не слышала.

Услыхали куры слова петушка, удивились:

— Куд-куда ты хочешь лететь?

— Туда, — твёрдо ответил он, — к звёздочке.

Раскудахтались куры, захихикали:

— Ну и рассмешил ты нас, петушок, — говорили одни.

— Разве это возможно? — удивлялись его смелости другие.

— Пусть, пусть попробует! — устрашали третьи.

Загрустил с той ночи петушок, ярко-красный гребешок, затосковал. И как не грустить: звёздочка в небесах, а он — на земле. Посмотрит ночью на небо, а из всех точек звёздочек ОНА самая приметная, самая красивая, самая лучистая! Так и кажется, что к себе зовёт петушка. Потому каждую ночь петушок звонко-голосом ей поёт:

— Ку-ка-реку! К тебе, к тебе хочу!

И решил петушок: «Будь что будет — начну к полёту готовиться».

И стал тренировать себя.

Куручки от жары в тень прячутся, а он под солнцем ходит.

Куручки от забора до забора прохаживаются, а он с забора на забор смело летает. И утром, и днем, и вечером.

На лету повороты-развороты делает. То начнет на одном месте быстро-быстро кружиться, проверяет, не кружится ли голова?

И ноги, и шею, и крылья тренирует петушок.

Где-то обруч нашёл, на ногу надел, вокруг ногí его крутнул, с одной ногí на другую перекинул, потом на шею, с шеи на клюв, с клюва на крыло. Туда-сюда перебрасывает, будто жонглирует.

День-деньской не перестает петушок тренироваться.

В дверь сарая влетает, в оконце вылетает, вокруг куриного домика облёт совершает.

Один залёт-облёт, другой, третий...

Сколько же надо терпения!

А иной раз прокукарекает и догоняет свою песенку.

Сколько дней прошло — не считал, но наконец петушок решил, что он к полёту готов, и отправился в школу космонавтов.

Заметили петушка горожане, воскликнули:

— Смотрите, смотрите, какой красавчик летит! Ай да петух! Быстрее ракеты мчится!

Удивляются прохожие, и петушку радостно.

Ведь на него люди смотрят, его полётом восхищаются.

У входа в школу космонавтов хвост распушил, голову выше приподнял, грудь пошире развернул и вперёд выставил — бравый вид.

Так и вошёл.

Поздоровался вежливо с космонавтами и попросился:

— Возьмите меня, пожалуйста, в полёт. У меня сила великанская! И отвага есть!

И взмахнул крыльями, чтоб доказать свои слова. И взлетел.

Да не рассчитал петушок и так стукнулся головой о потолок, что люстра вздрогнула, и петушок шлёпнулся на пол.

Огорчился петушок, что космонавты будут над ним смеяться, но ошибся: космонавты — люди добрые. Одно ему сказали:

— Нет, дорогой, чтоб к звёздам летать, не только сила и храбрость нужны. Скажи, к примеру, сколько будет дважды пять?

Петушок не задумываясь ответил:

— Ко-ко... Сто!

— Да, плоховато ты знаешь таблицу умножения, а космонавту надо много, много знать.

И объяснили ему про все науки.

Вздыхнул петушок — многое он не знал, поблагодарил космонавтов за советы и возвратился в свой двор. Опять начал всему учиться. То и дело говорит: «Кок-ко-ко, ко-ко-ко!»

Кто знает, может, таблицу умножения запоминает, а может, зёрна считает для далёкого полёта. Дело-то нешуточное! Взялся за него — не отступай, доводи до конца!

Куры-хлопотушки не мешают ему.

Одно говорят:

— У него слово верное. Что захочет — того добьётся.

Готовься, готовься, голосистый петушок!

Доброго тебе полёта!

НАТАЛЬЯ ОСИПОВА

ПРО ОСЛИКА

НЕОБЫЧНЫЙ УЧЕНИК

В одном городе жил весёлый любознательный ослик Иша, и было у него одно заветное желание: он мечтал вырасти образованным ослом. Как и все, кому посчастливилось родиться ослами, Иша был не только любознательным, но ещё и упрямым, а упрямство, если его, конечно, проявлять там, где нужно, может иногда оказаться очень полезным. С Ишей именно так и получилось. Он решил во что бы то ни стало стать школьником и приобрёл для этого всё необходимое: вместительный ранец, тетрадки в линейчку и клеточку, ручки, цветные карандаши — словом, всё, что заботливые взрослые покупают своим непоседливым детям к началу нового учебного года. Подумал он и о цветах. Всё лето выращивал под окном своего домика бархатистые георгины, а когда наконец наступило время отправляться в школу, собрал их в букет. Букет получился таким огромным, что и самого ослика трудно было разглядеть за шапками цветов.

В школе Ишу сначала даже и не заметили. Он смиренно простоял всю торжественную линейку, внимательно выслушал напутственные речи директора, но, как только протянул свои чудесные георгины учительнице

первого «А» Алевтине Петровне, сразу оказался в центре всеобщего внимания.

— Смотрите, смотрите! Ослик учиться пришёл! — зашумели дети.

Кто гладит, кто конфеткой угощает, а кто и за хвост потихоньку дёрнуть норовит. Разволновалась и Алевтина Петровна: ведь учить ослов ей раньше не приходилось, а вдруг он не усвоит школьную программу? Однако опыт педагога подсказал ей, что, если у малыша есть тяга к знаниям...

— Это можно только поприветствовать, — подытожил ее размышления подоспевший директор. Как и всякий директор, он давно мечтал из самой обыкновенной школы сделать необыкновенную. К тому же был убежден, что общение с животными делает детей добрыми и отзывчивыми. — Может, ещё за опытом к нам приедут, — расчувствовался он, — а может...

Лицо директора неожиданно помрачнело, он с тревогой взглянул на ослика, доверчиво ждавшего своей участи, и после минутного раздумья произнес:

— Ладно, примем, а там посмотрим.

— Ура! — закричали дети. — Теперь на переменах можно будет кататься на ослике!

Так Иша стал учеником первого класса. Казалось, не могло быть в этот радостный для всех день ни одного недовольного человека, но все-таки один такой нашёлся. Появление ослика почему-то ужасно рассердило школьную уборщицу Клаву:

— Напринимали всяких. Даже справки от ветеринара не спросили. Может, он... бешеный!

СЮРПРИЗ

Алевтина Петровна приложила все усилия, чтобы развить способности необычного ученика. Скоро ослик научился читать, писать и даже решать в уме сложные задачи по арифметике. Особенно полюбились ему две буквы «И» и «А». Иногда без всякой причины, а порой и вовсе некстати, он вдруг выпаливал: «ИА, ИА!» — вот до чего они ему нравились. Самыми интересными он находил задачи про овощи и фрукты, среди которых было немало его любимых лакомств.

Соседка по парте, Таня, специально для Иши сочиняла всякие вкусные задачки, которые ослик буквально «проглатывал» на ходу.

Однажды на уроке рисования Таня забыла принести кисточку.

— Возьми мою, — предложил ослик.

— А как же ты? — удивилась девочка.

— Обо мне не беспокойся. Знаешь, зачем нужен хвост ослику моего возраста? Чтобы не тратить время на поиски кисточки. — С этими словами Иша ловко обмакнул в краску свой хвост, и скоро в его тетради появилось изображение бледно-розовых гладиолусов.

— Молодец, — похвалила Алевтина Петровна, — такой рисунок можно, пожалуй, представить на школьную выставку.

На радостях ослик весь альбом изрисовал диковинными цветами, но акварель быстро кончилась, да к тому же и звонок прозвенел.

Ослику очень хотелось продолжить интересные занятия.

«Вот бы краски где-нибудь раздобыть, — думал он, — я бы всему классу сюрприз устроил».

И тут, как часто бывает в жизни, ослику помог случай. На следующем уроке его послали за мелом в школьную кладовую, и там Иша неожиданно обнаружил банку голубой масляной краски, вероятно припрятанную Клавой еще со времени летнего ремонта.

— Везёт же мне! — обрадовался ослик и, дождавшись, когда все дети после уроков разошлись по домам, притащил найденное сокровище и с удовольствием принялся разрисовывать всё, что попадалось ему на глаза.

Скоро стены, парты и даже стол Алевтины Петровны неузнаваемо преобразились, и, если бы ослик мог допрыгнуть до потолка, он бы и над ним как следует поработал.

Оставалось раскрасить только дверь, но едва Иша приблизился к ней, как вдруг та неожиданно распахнулась и на пороге появилась уборщица Клава с ведром и веником в руках.

— Безобразия! — закричала она, увидев чудесные рисунки. — Так испортить школьное имущество! Ну, сейчас я угощу тебя веником!

— Но я вовсе не любитель веников, — возразил

ослик, ловко увертываясь от Клавы, — я хотел только сделать ребятам сюрприз.

— Будет тебе от меня сюрприз!

Видя, что с Клавой совершенно невозможно договориться, Иша вцепился зубами в веник и, оторвав от него добрую половину, что есть духу помчался по коридору. Уборщица пустилась было за ним вдогонку, забыв, что у ослика по сравнению с ней имеется еще две лишние ноги, а лишние ноги никогда не бывают лишними, если нужно быстрее удрать от кого-нибудь; к тому же второпях она опрокинула ведро с водой, и... случилось то, что так часто бывает с недобрыми людьми: Клава села в лужу.

— Ничего, я это так не оставлю, — заявила она и с этой минуты ещё больше невзлюбила животных.

ЧЕМ МЕТЛА ЛУЧШЕ ВЕНИКА

Утром ребята пришли в школу и не узнали свой класс: на стенах красовались цветы, порхали бабочки и стрекозы, — всё радовало глаз, всё было празднично и нарядно. Услышав новость, заглянул в класс директор.

— Да-а, — произнес он задумчиво. — На будущий год все первые классы так раскрасим, будем активно формировать в детях чувство прекрасного.

Понравился осликов сюрприз и Алевтине Петровне, ну, а о ребятах и говорить нечего — они были в полном восторге. Зато уборщица Клава явилась в кабинет директора страшно разгневанная.

— Вот, полюбуйтесь! Это всё проделки вашего подопечного! — возмущалась она, размахивая обгрызанным веником.

— Неужели Иша на это способен? — усомнился директор. — Может, вы его чем-нибудь обидели?

— Обидела?! — возмутилась Клава. — Да с ним никакого сладу нет, давно пора его выгнать из школы!

— Ребята так не считают, — возразил директор.

— Ребята ваши — озорники невозможные. Вчера на уроке физкультуры до чего додумались: прыгали через осла, вместо того чтобы прыгать через коня!

— Как! — пряча улыбку, воскликнул директор. —

В классе учится ещё и конь?... Или вы имеете в виду спортивный снаряд?

— Я имею в виду, что скоро уволюсь отсюда! — заявила Клава.

Директор знал, как мало осталось на свете школьных уборщиц, и вовсе не хотел ссориться с Клавой. Он постарался успокоить её, пообещав во всём разобраться.

— А пока вы получите новый веник, — торжественно произнёс он.

— Я бы предпочла метлу, — проворчала Клава.

— Что вы говорите, неужели метла удобней? — поинтересовался директор.

Клава странно улыбнулась и произнесла таинственным шёпотом:

— Конечно, особенно если на ней летать...

Директор недоуменно посмотрел на Клаву:

— Что-то я не совсем вас понимаю.

Клава расхохоталась:

— Да вы что, забыли? Я ведь на новогодней ёлке всегда Бабу Ягу играю. Хоть и не скоро Новый год, а метлой запастись не помешает.

— Простите, совсем упустил из виду, — с облегчением вздохнул директор и любезно проводил Клаву до самой двери.

ВКУСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Была уже середина первой четверти, когда Алевтина Петровна принесла в класс большой тяжёлый альбом. До начала урока оставалось ещё несколько минут.

Алевтина Петровна положила альбом на стол, а сама вышла в коридор. Таинственный альбом сразу же привлёк внимание любопытного ослика. Он подошёл поближе и, стараясь никому не мешать, принялся осторожно перелистывать его шероховатые страницы.

Наконец прозвенел звонок. Дети заняли свои места и приготовились слушать, а Алевтина Петровна взяла в руки альбом и сказала:

— Сегодня мы будем изучать растения нашей области. Это гербарий, дети, то есть коллекция трав и цветов. Давайте их внимательно рассмотрим.

Она открыла первую страницу, но, увы, страница была пуста.

— Странно, — удивилась учительница и перевернула следующую.

Там тоже ничего не оказалось. Алевтина Петровна перелистала весь альбом и только у самой обложки обнаружила жёлтый стебелек прошлогодней крапивы.

— Где же растения? — недоумевали ребята. — Вот так гербарий...

Неожиданно с последней парты поднялся ослик. Он был ужасно смущён.

— Ты хочешь что-нибудь сказать об исчезнувшей коллекции? — спросили его.

— Да, — виновато прошептал ослик, — она была очень вкусная.

Тут всё сразу выяснилось. Не зная, что такое «гербарий», проголодавшийся ослик подумал, что травинки попали в альбом случайно, и не упустил случая полакомиться.

Ребята притихли, ожидая, что же скажет на это Алевтина Петровна, а Алевтина Петровна сказала:

— Раз так случилось, придётся нам сейчас пойти в лес и собрать новые растения.

— Ура! — закричали ребята. — Мы идём в лес! Как хорошо, что ослик съел гербарий!

Уборщица Клава, услышав шум в первом «А», тотчас же приложила ухо к двери.

— Понятненько, — прошептала она, злорадно усмехнувшись. — Эта скотина уже уроки срывает. Вот и докатились.

А ребята с учительницей отправились на опушку, что была совсем неподалёку от школы, и так хорошо изучили местные растения, что на следующем уроке почти все получили отличные отметки.

НОВОГОДНИЙ МАСКАРАД

Вот и Новый год подошёл. «Ка-ни-ку-лы» — написали первоклассники в своих дневниках. А в школьном зале уже ждала их, сияя разноцветными огнями, ёлка. Каких только маскарадных костюмов не придумали дети к новомуднему празднику! Только ослик никак не

мог решить, в каком виде появится перед Дедом Морозом. В конце концов он отправился за советом к Тане.

— Ты уже придумала себе костюм? — спросил он девочку.

— Конечно, — ответила она.

— Это, наверное, костюм Снежинки или Красной Шапочки?

— Не ломай голову, всё равно не догадаешься. На новогодней ёлке я появлюсь в костюме... ослика! — Таня была в восторге от своей выдумки, она тотчас же продемонстрировала Ише свой наряд: коричневая шапочка с длинными ушами делала девочку ужасно забавной, а к комбинезончику оставалось пришить только хвостик с кисточкой.

Танин «ослик» произвел на ослика Ишу потрясающее впечатление.

— У тебя замечательный костюм, — сказал он, — а я, наверное, не пойду на ёлку.

— Почему? — удивилась девочка.

— Потому что у меня нет маскарадного костюма.

Таня на минуту задумалась, потом взяла щётку для волос и провела по торчащей во все стороны ослиной гриве.

— Что ты делаешь? Я сегодня уже причёсывался, — запротестовал он.

— Ну, не упрямясь, пожалуйста. Сейчас я заплету тебе косички, привяжу свои любимые бантики и подарю розовый сарафанчик. Вот будет смешно, если ребята на ёлке нас перепутают!

Конечно, этого не случилось. На новогодней ёлке ребята их сразу узнали, но всё равно было очень весело. Ослик пел и танцевал вместе со всеми, водил весёлый хоровод и тоже получил подарок от Деда Мороза. Как большинство нетерпеливых малышей, Иша не успокоился, пока не съел всё, что находилось в красивом пакете.

— Никогда в жизни не пробовал ничего подобного, — признался он, дожёвывая последнюю карамельку.

Услышав это, все тридцать первоклассников вытащили из своих пакетов конфеты и с такой радостью принялись потчевать ослика, что тот едва успевал проглатывать.

В это время из-за ёлки к ним незаметно подкралась страшная Баба Яга.

— Сейчас же прекратите, иначе погубите животное! — притворно заволновалась она. — Ах, негодные дети, где вы видели, чтобы осликов кормили конфетами, да ещё шоколадными!

Но Бабу Ягу никто не слушал и не боялся, как ни размахивала та своей новой метлой — ребята только смеялись в ответ.

ДРУЗЬЯ ПОДДЕРЖАЛИ

На следующее утро Иша проснулся пораньше, сделал зарядку и, выпив чашечку тёплого молока, отправился в школу. По дороге он, как обычно, зашёл за Таней, но девочка в этот раз искренне удивилась его приходу.

— Какая ещё школа? Каникулы начались, — сказала она улыбаясь. — Ты лучше на каток приходи, там сегодня все наши ребята будут!

— Но я ведь не умею кататься на коньках, — вздохнул ослик.

— Пустяки. Было бы желание, а научиться можно в два счёта, — заверила его Таня.

Ослик обрадовался и побежал в магазин покупать коньки. Он долго не мог подобрать для себя подходящие, впору пришлись лишь самые маленькие, для фигурного катания. Когда Иша наконец появился на катке, все первоклассники были уже в сборе. Таня, покрасневшая с мороза, издали замахала ему рукой. Ослик вышел на лёд, но стоило ему сделать шаг, как все четыре ноги у него сразу же разъехались в разные стороны, хорошо, что рядом оказались ребята и вовремя поддержали. Так на катке ослик впервые понял, как много значит в жизни дружеская поддержка. Дети помогали Ише до тех пор, пока тот не научился в конце концов твёрдо стоять на коньках.

— А теперь попробуй-ка сдвинься с места, — предложил Саша.

Иша попробовал, и, к всеобщей радости, у него получилось.

— Смотрите, я, кажется, научился! — закричал Иша вне себя от восторга, но именно в эту секунду потерял равновесие и шлёпнулся посреди катка.

— Где же была ваша поддержка? — обиженно сказал он подоспевшим ребятам.

Конечно, не так-то просто оказалось ослику научиться кататься на коньках, и если бы не помощь друзей, вряд ли это ему когда-нибудь удалось. Весь день провёл ослик на катке и только к вечеру вернулся домой, а ночью ему приснился блестящий лёд, на котором он с лёгкостью выделял сложнейшие «па».

КЛАВА ДЕЙСТВУЕТ

Между тем Клава не сидела сложа руки.

— Пока школьники на каникулах, — решила она, — напишу-ка я письмо в газету. Пусть все, наконец, узнают о проделках невыносимого животного!

Вот только куда писать, Клава ещё не решила. Дело в том, что в городе выпускалось сразу несколько газет. Клава открыла справочник — сколько названий! Глаза у неё так и разбежались. Однако, поразмыслив, она остановила свой выбор на одной небольшой еженедельной газете.

— Кажется, это то, что мне нужно, — рассудила она, — газета «Транспорт» — самое подходящее место для такой темы. — И с воодушевлением взялась за перо.

«Уважаемая редакция! — Клава старалась писать «по-научному». — В нашей школе учится транспортное средство в одну ослиную силу, оно безнаказанно ломает чужие веники, срывает уроки и объедается апельсинами. Пора этому положить конец! Надеюсь, ваша газета напомнит кое-кому, что ослы — это не роскошь, а всего лишь средство передвижения».

Клава старательно расписалась и поставила дату.

А в это время ничего не подозревающий ослик играл с ребятами в снежки, строил снежные крепости, катался на санках, — шёл последний день зимних каникул. У самых ворот школы дети слепили огромную снежную бабу, на голову ей водрузили дырявое ведро, а в руки дали растрёпанный веник, который случайно отрыли в сугробе.

— На кого-то она немножко смахивает, — заметила Таня.

— Тихо ты, — дёрнули её за рукав ребята.

Мимо них с письмом в руках важно прошествовала Клава.

ЧТО БЫ ЭТО ЗНАЧИЛО!

Редакция газеты «Транспорт» была совсем небольшой. В ней работали всего три человека: толстенький редактор Андрей Иванович, фотограф Папа да корреспондентка Наташа. Целыми днями Андрей Иванович придумывал весёлые заголовки для новых статей, шустрый Папа бегал по городу и фотографировал всё, что только двигалось на колёсах, а Наташа умудрялась писать такое, что никто никогда до этого не читал. Так и получалась у них маленькая симпатичная газетка, выхода которой жители города всегда ожидали с нетерпением.

В этот день Андрей Иванович был в полном смятении. Ни одного нового заголовка не подсказывало ему воображение. Фотограф Папа чувствовал себя не лучше: всё, что только могло двигаться, он уже сфотографировал, даже хозяйственную сумку на колёсиках.

Неизвестно, как дальше бы сложилась судьба маленькой редакции, если б на пороге не появился почтальон с Клавиным письмом.

— Заказное, — многозначительно произнес он, — распишитесь, пожалуйста, в получении...

Содержание письма всех удивило и озадачило.

— Транспортное средство в одну ослиную силу... что бы это значило? — недоумевал редактор.

— Может быть, в школе изобрели какой-нибудь осломобиль, — предположил Папа. — Дети — большие мастера на всякие выдумки.

— Возможно, это просто шутка, — улыбнулась Наташа. — Какой-нибудь мальчишка разыгрывает из себя ослика, а сам потихоньку проказничает.

— А по-моему, речь идет о самом настоящем животном, — неожиданно для всех выпалил почтальон, который из любопытства всё ещё стоял на пороге.

— Ослик-первоклассник. О, это была бы настоящая сенсация! — воскликнул Андрей Иванович.

В ту же секунду в его мозгу зародилось столько

новеньких, оригинальных заголовочков, что редактор даже за голову схватился. Не дожидаясь его распоряжения, расторопные Паша с Наташей уже собирались в дорогу: Паша на ходу перезаряжал фотоаппарат, Наташа отыскивала чистую страницу в распухшем от записей рабочем блокноте. Увлекая за собой удивлённого почтальона, корреспонденты выскочили на улицу.

— Подробностей, побольше подробностей, друзья мои! — неслось из форточки взволнованное напутствие редактора.

— Станный народ эти газетчики, — пожимая плечами, задумчиво изрек почтальон.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Всегда рады гостям, — говорил директор школы Паше и Наташе. — О чём писать будете? Какие показатели вас интересуют?

— Нас не показатели, нам бы показали... этого, который венниками объедается...

— Всё понял. Ох уж эта Клава! — вздохнул директор. — Мне нужно было это предвидеть. Хорошо, я вам его покажу. Кстати, у него сегодня... а впрочем, сами увидите.

Директор повел гостей вверх по лестнице. В первом «А», где учился Иша, было принято отмечать день рождения. Ребята придумывали имениннику шуточные поздравления, дарили сделанные своими руками подарки — каждый с нетерпением ждал наступления такого дня. Наконец дождался его и ослик. Девочки под руководством Алевтины Петровны испекли в честь Иши яблочный пирог, а мальчики сплели ослику коврик из разноцветной соломки. Счастливый именинник принимал поздравления друзей, когда в класс вошли корреспонденты.

— Кажется, гостей у нас прибавилось, — улыбнулась Алевтина Петровна и предложила всем отведать сладкого пирога.

Упрашивать никого не пришлось: пирог исчез быстрее, чем фотограф Паша успел вытащить из чехла свой старенький фотоаппарат.

— Остановитесь! — вскричал он. — Сейчас же со-

берите пирог обратно! Нужно его сфотографировать. Это же такая интересная подробность!

Но было поздно. От интересной подробности остался только маленький кусочек, предназначенный Паше и Наташе, зато ребята так весело улыбались, что фотография всё равно получилась замечательная.

Паша и Наташа провели в школе целый день. Много удивительных историй, связанных с Ишей, рассказали им ребята. Вот только именинник повёл себя странно, захлопал ушами и убежал в неизвестном направлении.

— Это он от скромности, — пояснил директор, — ну, да ничего, что непонятно — спрашивайте у меня.

— Спасибо, кажется, мы всё уже выяснили, — ответили корреспонденты. — Вот только хотелось бы почитать автора письма...

— А у неё сегодня выходной, — сообщил директор.

Ребята, услышав, что Клава написала про ослика в газету, обрадовались. Не зная содержания письма, дети думали, что она хотела прославить их любимца, и были ей за это благодарны.

ЧТО МОГУТ СДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ СЛОВА

Дома, сидя на диване, Клава с нетерпением развернула свежий номер газеты «Транспорт». Фотография ослика в окружении улыбающихся первоклассников сразу же бросилась ей в глаза. «Только ли средство передвижения?» — вопрошал набранный крупным шрифтом задиристый заголовок.

Прочтя газету от начала до конца, Клава, не скрывая досады, зашвырнула её в дальний угол комнаты.

— Это все оттого, что их сладким пирогом угостили, — рассудила она. Её недобрые думы прервал звонок в дверь.

— Входите, не заперто, — отозвалась хозяйка.

На пороге появились ребята из первого «А».

— А мы к вам в гости, — сказала Таня и протянула ей букет алых тюльпанов.

— Это мне? — растерялась Клава. — Но ведь я...

— Не удивляйтесь, пожалуйста, мы всё поняли: вы только с виду такая хмурая, на самом деле вы доб-

рая и отзывчивая, иначе разве стали бы писать в газету про нашего ослика.

Клава никогда не слышала таких тёплых слов, она даже не подозревала, что делать добрые дела бывает порой очень приятно.

Ей вдруг очень захотелось, чтобы всё, что говорили о ней сейчас ребята, было правдой.

— Ослик и вправду ничего, — смущенно пробормотала она. — Если и проказничает иногда — так ведь животное всё-таки, а я их, животных, завсегда обожаю.

— Значит, мы не ошиблись, что принесли его именно вам, — продолжала Таня.

— Кого «его»? — насторожилась Клава.

Ребята переглянулись, и один мальчик вытащил из-за пазухи маленького, взъерошенного котёнка, похожего на пушистый серый комочек.

— Он бездомный, — объяснила девочка. — Мы нашли его в подъезде под лестницей и, зная, как вы любите животных...

При виде котёнка Клава совсем растерялась.

— Да вы просто молодцы, — прошептала она. — Я всю жизнь мечтала иметь котёнка, да всё как-то под лестницей для меня ничего не находилось.

Котёнок, чувствуя себя в центре внимания, сдержанно мяукнул, что на кошачьем языке означало: «Хочу чего-нибудь вкусенького».

— Сейчас, сейчас, лапочка, — моментально поняла Клава и побежала на кухню разогревать молоко. Впервые в жизни ей захотелось о ком-нибудь позаботиться.

ПРОВЕРКА УДАРЕНИЕМ

С тех пор, как Клава приютила котёнка, прошла не одна неделя. Занятия в школе шли своим чередом, приближался конец учебного года.

— Завтра будем писать контрольный диктант на безударные гласные, — сказала ребятам Алевтина Петровна. — Не забудьте проверить ударением каждое слово. Сейчас мы вспомним, как это делается. Кто хочет пойти к доске?

Алевтина Петровна оглядела класс. Желающих

оказалось предостаточно: у доски любили отвечать все первоклассники.

— Иди, пожалуй, ты, Иша, — решила учительница.

Ослик взял мел и старательно вывел под диктовку учительницы слово «лесок».

— Как узнать, правильно ли ты написал? — спросила его Алевтина Петровна.

— Очень просто, — ответил Иша и с размаху ударил копытом по только что написанному слову. Доска с грохотом упала со стены.

— Что ты наделал! — воскликнула учительница.

— Слово какое-то непрочное попало, — оправдывался ослик, — я его ударением проверил, а оно...

Услышав шум в классе, заглянула Клава.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовалась она.

— Ослик не усвоил как следует правило, — огорчённо вздохнула Алевтина Петровна.

— Ничего, бывает, вы уж на него не обижайтесь. А доску я вам в один миг повешу.

Учительница не знала, чему больше удивляться: ослиному поступку или неожиданному Клавиному добродушию. Историю с бездомным котёнком ребята ей ещё не успели рассказать, а без неё невозможно было понять перемену в поведении уборщицы.

Клава порой и сама забывала о том, какая она теперь стала добрая и отзывчивая. Увидев в коридоре во время перемены ослика, она было замахнулась на него веником, но вовремя спохватилась и вместо этого ласково потрепала его по шее:

— Ну, чего расстроился? Подумаешь, правило не усвоил. Хочешь, вместе будем проверять слова ударением?

— Тогда в школе ни одной доски целой не останется, — ответил ослик.

И они дружно расхохотались.

НОВЫЙ ДРУГ

Никогда в редакцию газеты «Транспорт» не приходило столько писем. Читатели требовали продолжения полюбившейся темы, их интересовали малейшие подробности из жизни школы, где учатся такие заме-

чательные ребята и такой удивительный ослик. Добродушный почтальон давно стал своим человеком в дружном коллективе газетчиков. Он охотно выпивал с редактором чашечку чая и принимал самое активное участие в обсуждении будущих статей. Однажды почтальон торжественно положил на стол голубой конверт, украшенный множеством иностранных марок. С первого взгляда было видно, что письмо, прежде чем попасть в тесную комнату редакции, долго путешествовало по свету.

— Друзья! Кажется, мы выходим на международную арену! — воскликнул Андрей Иванович и почти угадал. Письмо, действительно, имело отношение к арене, только к цирковой, а написал его известный клоун Вася, тот самый, что мог рассмешить даже самого грустного человека в мире.

«Дорогая редакция! — писал клоун. — С большим интересом прочитал статью о необыкновенном ослике, живущем в вашем городе, и хотел бы с ним подружиться. Уверен, что только в цирке по-настоящему раскроются все знания, приобретенные им в школе. Очень прошу передать ослику привет, надеюсь, что мы с ним обязательно встретимся».

— Это интересно, — произнес редактор, закончив чтение, — как видите, тема получила новый поворот.

— А ослик нового друга, — добавил почтальон.

ПОДХОДЯЩЕЕ МЕСТО ДЛЯ ОБРАЗОВАННОГО ОСЛИКА

Учебный год подходил к концу, когда стены домов запестрели яркими афишами, извещающими о том, что в город приехал цирк. На площади за одну ночь выросла красивая палатка, а у жителей только и разговоров было, что о предстоящем представлении. Билеты в кассе были распроданы мгновенно, но ослик и его друзья не унывали, надеясь, что клоун Вася, приехавший вместе с жонглерами, акробатами и фокусниками, обязательно для них что-нибудь придумает.

Так и случилось. Вася прислал первоклассникам заготовленные на такой случай приглашения. Улыбающиеся и нарядные дети в назначенный час подо-

шли к цирку. Клоун уже поджидал их у главного входа.

— Я занял для вас места в первом ряду, — весело сообщил он. — Рассаживайтесь, сейчас будем начинать.

Впервые в жизни ослик оказался в цирке; всё приводило его в восхищение: и ловкие прыгуны, и акробаты, танцующие на тонкой проволоке, и фокусник, достающий из пустого ящика множество удивительных вещей; а когда на арене появился клоун Вася, ослик просто не смог усидеть на месте. Под гром аплодисментов он выбежал ему навстречу, а Вася, не растерявшись, тут же представил его публике.

— Хочешь сегодня помогать мне на арене? — шепнул клоун ослику.

Иша радостно закивал, и с этой минуты цирк навсегда завоевал его сердце.

«Кажется, это самое подходящее место для образованного ослика», — подумал он.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

Прозвенел последний звонок, и вчерашние первоклассники распрощались со школой до следующего года.

— Ну, вот и сбылась моя мечта, — прошептал Иша, разглядывая оценки в своем табеле, — только почему-то мне все равно грустно, наверное, потому что цирк уехал из города. — Он с тоской посмотрел в сторону площади, где ещё вчера высился разноцветный купол, а сегодня только ветер играл обрывками старой афиши.

— Почему ты такой печальный? — забеспокоились его друзья.

— Потому что теперь я просто не могу жить без цирка, — ответил ослик и, опустив голову, задумчиво пошёл прочь.

Дома он достал из-под кровати чемодан, положил туда коврик из разноцветной соломки, несколько любимых книжек, расчёску, зубную щётку — словом, всё, что необходимо образованному ослику, отправляющемуся в дальний путь. Покончив со сборами, Иша сел на чемодан и загрустил. Конечно, ему очень хотелось

догнать цирк, но жаль было и расставаться с ребятами, со школой. А товарищи ослика тем временем обо всем догадались (настоящие друзья всегда догадливы) и, хотя были привязаны к Ише всей душой, не стали его отговаривать, а просто пришли пожелать ему счастливого пути.

— Не забывай нас, пиши, — говорила Алевтина Петровна, — а чтобы избежать ошибок, обязательно проверяй слова ударением.

— Обещай, что ещё приедешь, — то и дело повторяли ребята.

— Конечно, приеду, — отвечал Иша. — К друзьям всегда возвращаются!

СКАЗОЧНАЯ
КАРУСЕЛЬ

Виктор Сидоренко

ЭСТЕ

Карандашу по имени Эсте (что, очевидно, значило — «Средняя Твёрдость») однажды приснилось море. Зелёное, блестящее, ласковое и загадочное. Над ним солнце — смотреть невозможно, какое яркое. И чайки... Карандаш торопливо рисовал их привычным росчерком: сверху — вниз и вверх направо, как в бухгалтерских бумагах. И во сне конторские галочки оживали и с громкими криками кружились над ослепительными волнами.

Взволнованный проснулся Карандаш, увидел, что лежит по-прежнему на столе среди деловых бумаг, рядом с тяжёлым, самодовольным арифмометром и пустым чернильным прибором, и стало ему грустно оттого, что происшествие, так приятно его взволновавшее, случилось с ним во сне, а не наяву.

День прошёл. Другой, третий. Работа шла из рук вон плохо. Одни волны да чайки на уме у Эсте. Хозяин, главный бухгалтер, уже дважды в сердцах шмякал им о стол. А когда третий раз бросил он Карандаш от себя, тот понял, что жить без моря больше не может. И решил бежать из конторы. Любыми путями добраться до моря и нарисовать его.

Ночью, когда все спали, Карандаш подкатился к

краю стола. Но едва собрался соскользнуть вниз, его остановило Пресс-Папье — любопытная голубая старуха. С тех пор, как в конторе появились шариковые авторучки, её услугами никто не пользовался. Её держали на столе просто так, для украшения в именном чернильном приборе без чернил.

По мнению Эсте, старуха Пресс-Папье была набитой дурой. Но она имела золотой набалдашник на спине, и это давало ей право задирать нос. А так как у неё было два носа, то она задирала оба. При всем том старуха без конца любила повторять: «Я в высшей степени уравновешенная. Я уравновешиваю самое себя...»

— Ты убегаешь? — спросила Пресс-Папье. — Почему?

— Мне надоело заниматься ерундой, — чистосердечно признался Карандаш. — Каждый день одно и то же — заметки, цифры!.. Я хочу рисовать море...

— А почему именно море?

— Я видел его во сне.

— Во сне?! Держите меня, я теряю равновесие! Застонал разбуженный Арифмометр:

— Не контора, а сумасшедший дом... Через свой мозг за день я пропускаю миллионы цифр. Могу я хотя бы ночью отдохнуть? Или вам безразлично, как я буду служить человечеству?

Они перешли на шёпот.

— Послушай, малыш Эсте... Я каждую ночь вижу во сне нашего главбуха в голубых нарукавниках. Он пишет квартальные отчёты прекрасными голубыми чернилами! А я их промокаю!.. Если бы ты знал, какое это удовольствие! Ради таких снов ты бы не захотел просыпаться всю жизнь... А ты говоришь — море... Оно хотя бы голубое?

— Оно многоцветное. Но, пожалуй, больше зелёное.

— Фи, как неинтересно! Я люблю всё голубое. Посмотри, под луной моя золотая голова тоже кажется голубой. Не правда ли?

— Прощай, тетушка Пресс-Папье... Смотри свои голубые сны. А мне этого мало. Я хочу стать художником... Прощай.

И он ушёл. Через щель под дверью выбрался на улицу и... тут бодрость стала покидать его. Куда ид-

ти? Где оно — море? Кругом так темно. Неожиданно из темноты до него донесся удивительно знакомый, торжественный шум. Он не ошибся. Так шумело море, которое он видел во сне. Звуки становились всё явственнее: целые водяные потоки весело низвергались и текли уже совсем близко. Прохлада чувствовалась всё больше. Две желтоглазые поливочные машины с шипящим грохотом выскочили прямо на Эсте из чёрной бездны улицы, мощный водяной поток опрокинул, смыл и выбросил его на тротуар.

Придя в себя, Карандаш стал искать сухое место. Свернул в ближайший переулок. Потом в другой. И так всю ночь бродил он по пустому холодному городу. А перед самой зарей, измученный и продрогший, уснул. Прямо на асфальте.

Он не видел, как поднялось над городом большое солнце. Не слышал, как запели птицы. Чьи-то руки подняли его, и чей-то голос обрадованно произнёс:

— Ах, как кстати ты здесь валяешься!

Это был продавец горячих беляшей, и ему нужен был карандаш. Он сунул беглеца в карман и зашагал дальше, толкая перед собой пузатую жёлтую тележку, полную румяных вкусных беляшей.

Час ли прошёл, два ли. Торговцу понадобилось записать выручку. Он открыл свой замасленный блокнот, достал Карандаш.

Но едва вывел первую цифру, Эсте охнул — острие его сломалось. Не удивительно: Эсте уже считал себя художником и не собирался возвращаться к прошлой жизни.

Разве мог знать обо всем этом продавец? Нет, конечно. Он вынул нож, равнодушно и грубо очинил Карандаш и записал всё, что ему было нужно. Больше того, он обмусолил беднягу, и тот плакал, лежа на дне кармана.

— Я не перенесу, если такое повторится! — восклицал он сквозь слезы. — Бежать! Немедленно бежать! К морю! — С этими словами он проткнул карман хозяина жёлтой тележки и выпрыгнул на мостовую.

Не успел Эсте сообразить, куда двигаться, как очутился в руках какого-то мальчишки. Мальчишка тот был большой разгильдяй и специально убегал с уроков, чтобы вытворять всевозможные гадости. Он схватил Карандаш и стал подрисовывать артистам на

афишах такие отвратительные усы, что Эсте сразу же потерял рассудок и сердечко его хрустнуло.

И закрутила-завертела нашего беглеца жизнь городская.

Через неделю он уже не мог вспомнить всех, в чьих руках побывал.

Им подписывали справки, приказы, накладные; чертили графики и схемы; сочиняли любовные записки, писали протоколы, кляузы, стихи; подделывали документы и даже ковыряли землю в цветочных горшках.

Но самое ужасное было то, что почти каждый его очинял, и он становился всё меньше и меньше.

— Когда же я буду рисовать море? — вздыхал Карандаш. — Ведь от меня скоро уже ничего не останется...

И в самом деле, ещё через несколько дней Эсте превратился в малюсенький огрызок.

— Ну, брат, отработал ты своё, — сказал последний его владлец. Подбросил Эсте на ладони и раз и другой и воткнул его непонятно зачем в щель в заборе, мимо которого проходил.

«До чего же бесславно и глупо всё закончилось, — думал Эсте, зажатый между досками. — Отсюда мне уже никогда не выбраться... Значит — всё...» — И он решил не смотреть больше на мир, не слушать его звуков, не думать ни о чем.

Но это оказалось невозможным. Раньше ему не доводилось заниматься воспоминаниями. Просто некогда было. Поэтому он даже не догадывался, какая у него богатая и цепкая память.

Долгой и сложной дорогой, которая привела Эсте к одиночеству на заборе, память возвратила его обратно в то далекое время, когда он был большим и красивым и когда первый его хозяин, главбук, вынимая утром Карандаш из пластмассового стаканчика на своем столе, приветствовал его благодушной песенкой: «Эсте, Эсте-ти-ка...».

Теперь от четырёх золотых букв на некогда блестящем фраке Карандаша осталось лишь одно «Э», да и с него давно стелела позолота.

Трещина на остатке сердца напоминала Карандашу о том, как однажды Бухгалтер бросил его в сердцах о стекло.

В другой раз Бухгалтер укусил Карандаш. След от его зуба всё ещё хранился на спинке Эсте.

Вспомнились Карандашу и ворчун Арифмометр, и старушка Пресс-Папье. Но никаких чувств при этом, ни хороших, ни плохих, он к ним почему-то не испытывал.

Вспомнилось, как в субботу и воскресенье, когда в конторе было пусто, он целый день смотрел из своего стаканчика в окно и чуть не плакал от скуки.

Неожиданно Эсте разволновался, отчетливо вдруг вспомнив, как страдал из-за отсутствия карандаша в телефонной будке Молодой Человек. «Чудак, — подумал тогда Эсте, — ищет карандаш, стоя на карандаше. Чудак!»

Он улучил момент и ткнул чудака в подошву. Вот было радости. Чудак от счастья даже поцеловал Карандаш.

Ещё больше разволновался он, вспомнив Поэта, который с его, Эсте, помощью написал красивые стихи про то, как по небу синему плывут облака, похожие на белые лилии.

После Поэта у Эсте была приятная встреча с мальчиком-математиком, который в перерывах между решениями задач прятал Карандаш в своих ладонях и дышал на него, будто хотел согреть.

Эсте вдруг снова очень живо почувствовал на себе тепло его пальцев.

Только почему-то голос у мальчишки был совершенно другой. Громкий и удивлённый.

— Ну почему ты не рисуешь? Почему?

При этих словах Эсте очнулся, но ещё долго не мог поверить, что мальчик, освободивший его из унижайшего заточения и теперь нетерпеливо водивший им по бумаге, ему не снится. Когда же наконец он это понял, то сразу же открыл для спасителя грифель своего сердца, и тот на белоснежном тетрадном листе нарисовал замечательный корабль с моряками, флагами, якорями. Ветер весело трепал ленты на бескозырках моряков. Корабль смело разрезал высокие волны. Над волнами ярко светило солнце и летали чайки. Карандаш рисовал их легко, радостно, привычным росчерком: сверху — вниз и вверх направо, как тогда, в далёком сне.

ЦВЕТЫ ДЛЯ ДЕДА МОРОЗА

Эта сказка для взрослых, которые когда-то были детьми, и для детей, которые обязательно станут взрослыми. Взрослые же от детей отличаются, как известно, лишь своими ошибками.

АВТОР

Случай на экскурсии

Ася поспорила с Зиной: если за время экскурсии Варвара Ивановна два раза произнесёт свое любимое словечко «оригинально», Зина отдаст Асе жевательную резинку. Если нет — Ася отдаёт Зине вырезанную из картона большеглазую кудрявую куколку с набором накладной модной одежды. Пока подружки шёпотом заключали договор, Варвара Ивановна поинтересовалась:

— О чём ты, Веткина?

— О северном сиянии! — выпалила Ася первое, что взбрело в голову.

— Оригинально...

— Один — ноль!..

— А мы о чём говорим, Зина?

Зина ответила как полагалось:

— Об осени, Варвара Ивановна...

Тут-то и появился Дед Мороз с внуком Хладиком. Никто, правда, в это не поверил, поскольку все считают, что Дед Мороз может появляться лишь в сказках. Даже такой наблюдательный человек, как Асина мама, работающая продавцом в магазине «Цветы». Она заметила, что ртутный столбик градусника за витриной магазина упал вдруг до отметки «минус один». Но предположить, что произошло это по вине белобородого старика и мальчика в белой куртке и шапочке, — как можно?! Уж такие все мы теперь неверующие.

Меж тем на улице делалось всё свежее. Ребята стали натягивать на головы капюшоны. От холода у Варвары Ивановны запотели очки. Торопливо объяснив про то, как тёплые потоки воздуха в нижних слоях атмосферы сменяются холодными, учительница заключила:

— Волшебница Зима, ребята, совсем рядом. Мы с вами уже ощущаем её характерное дыхание. Зима идёт с красавцем Морозом под руку...

При этих словах Дед Мороз приосанился, разгладил бороду и отвесил преподавательнице величественный поклон. Понятно, что не верящие в чудеса школьники засмеялись над ним, как над клоуном. А Варвара Ивановна вообще повернулась к кривляке старику задом:

— Все взяли жёлтые карандаши!.. Будем рисовать осень.

— Можно рисовать осень коричневым карандашом? — спросила Ася.

— Можно, Веткина, можно, — разрешила учительница. И, вздохнув, добавила: — До чего же нравится нам оригинальничать.

— Два — ноль!

Сосулька — раз, сосулька — два...

Пока ребята собирались заняться коллективным портретом осени, между Хладиком и Дедом Морозом произошёл такой разговор:

— Ты говорил, когда мы приходим в город, дети радуются. Отчего же они не радуются сегодня?

— Нас просто не узнали...

— Тебя легко узнать по бороде.

— Сейчас многие носят бороду.

— Ну, а одежда?

— Что — одежда?.. Сейчас многие одеваются экстравагантно. И вообще... — признался Дед, — в последние годы нам рады лишь в дни школьных каникул... Почему? Люди непостоянны. К тому же во всём ищут выгоду. А какая выгода от нас, коли они придумали холодильник... Будь осторожен с людьми... Никакой близости. И помни: ты — Мороз! Тебя должны бояться!

Хладик указал на разноцветные растения в витрине магазина:

— Что это?

— Цветы.

— А что такое «цветы»?

— Никто из нас не держал их в руках, — признался Дед, поморщившись. — Но слышал — для людей

это большая радость... Вот почему они так любят весну.

Хладик разволновался:

— Значит, если бы мы пришли с цветами, нам бы тоже обрадовались?

Дед покачал головой:

— Что за мусор у тебя в голове... гм-гм... Продолжим урок... — Он указал палкой на дерево за цветочным магазином: — Подуй на него.

Хладик так напаялся, что с дерева слетели почти все листья.

— Неплохо, — одобрил Дед, — теперь будем делать сосульки!

Он думал, что сообщение о сосульках приведёт внука в восторг, но Хладика затея Деда оставила совершенно равнодушным.

«Не понял», — подумал Мороз и заговорил приподнято:

— Я научу тебя делать сосульки, внук! Видишь, кругом капли дождя?.. Берём одну такую ка-апелючку... — (Хладик кивнул.) — тянем книзу, выходит — сосулька...

— Ты уже показывал.

Дед снова поморщился:

— Тогда почему, интересно, вместо сосуллек у тебя получаются завитушки?

Хладик хотел объяснить. Но Дед, не собираясь слушать, наседавал с новым вопросом:

— Сосулька должна быть какой? Я тебя спрашиваю!

— Она должна быть прямой.

— А на конце?! — Старик коварно прищурился.

Хладик — руки по швам — отчеканил заученно:

— А на конце — острый.

— Делай, — потребовал Дед, — увидим, как ты понял.

Из одной капельки Хладик вытянул маленькую сосульку, из другой — побольше.

— В том же духе — сорок штук, — приказал Дед. — А я пойду посмотрю, как там у других идут дела.

Надо вам сказать, что кроме Хладика у Деда Мороза было ещё одиннадцать внуков, котрых он готовил к работе в новом зимнем сезоне.

Хладик дождался, когда круглая спина Деда Мо-

роза растворилась в толчее улицы, и сразу — к цветочному магазину.

...На подходе к городу Дед покрыл льдом небольшое, удивительно прозрачное озеро. Под тонким льдом таинственно шевелились нежные коричневые водоросли с верхушками-завитками. Они-то и привели Хладика в восторг. Неяркое солнце сказочным клубком катилось сквозь эти завитки, указывая бредущим морозикам дорогу...

Сейчас в зелёном сумраке магазина плавало сразу несколько таких солнц. У Хладика дух захватило, когда он распахнул дверь и переступил порог. И было отчего. Нежным зелёным дымом струился по стенам аспарагус. В нём там и сям, словно спелёнутые новорождённые эльфы, благоуханно атели ярко-красные комочки роз. Меж ними вспыхивали чистые белые звёзды калл и лилий. Жёлтые глаза ромашек в белых пушистых ресницах простодушно смотрели вокруг. Над всем этим предупредительно застыли огромные круглые ладони филодендрона с растопыренными пальцами.

Больше Хладик ничего не успел разглядеть. Крупная женщина в длинном сером платье закричала:

— Мальчик! Мальчик, скорее закрой дверь!!! С улицы такой холод, ты погубишь мне все цветы!

Заворожённый дивным зрелищем, Хладик не двигался с места, только улыбался.

Тогда женщина затопала ногами:

— Что за бестолочь такая! Сейчас же убирайся из магазина, пока я не оторвала тебе уши!

Она двинулась на Хладика, как тяжёлая серая туча. Ему сделалось страшно, и он убежал.

Витаминовый нос

С плоской крыши цветочного магазина, своими поручнями и лестницей напоминающей корабельную палубу, Ася рисовала цветными карандашами осень. Вернее, два осенних дерева с отпиленными когда-то верхушками, из которых, словно стрелы Робин Гуда, торчали в разные стороны прямые длинные ветки.

Хладик, неслышно возникнув за спиной Аси, заглянул в её рисунок и изумился. Взволнованное холодное дыхание морозика обожгло девочку, она схватилась за правое ухо:

— Ой!.. Ой!

Хладик заглянул через левое плечо Аси.

-- Ай! — вскрикнула она, хватаясь за левое ухо. И увидела Хладика: — Ты чего-о-о?..

Если бы восхищённый блеск в глазах морозика можно было перевести в слова, Ася прочитала бы следующее: «Ах, как замечательно ты рисуешь! Мне бы так!» Но Асина мама только что рассказала дочери про хулигана в модной белой куртке и шапочке. Ася насторожилась:

— Ты хотел погубить цветы в магазине?

Хладик обрадовался, что девочка сразу же коснулась приятной ему темы:

— Цветы — это что?

Ася прикрыла глаза:

— Не смешно.

— Почему?

— Потому что — глупо.

Хладик пустил в ход последнее, дедовское:

— Цветы — это радость?

— Хватит изображать, — оборвала Ася и спросила очень строго: — Ты кто?

Хладик опечалился:

— Не узнаёшь?.. Посмотри внимательно...

— Очень нужно.

— Внук Деда Мороза я, — открылся Хладик.

— Ах! Ах! Ах! — Ася сделала реверанс, как научили её в хореографическом кружке Дома пионеров. — Ваше ледяное величество, подарите нам, пожалуйста, снежинку! — И протянула к мальчику ладошки. Хладик дохнул в них. Ладошки наполнились крупными снежинками.

Тут Ася испытала такое потрясение, что долго не могла произнести ни слова.

А Хладик, обрадовавшись тому, что его наконец признали, спросил:

— Сосульку хочешь?

Ася торопливо кивнула.

Хладик «вытянул» из дождевой капли на телевизионной антенне сосульку, поколебавшись секунду, превратил её в хрустальный завиток, протянул онемевшей девочке.

— Ты гений, — заключила Ася, попробовав сосульку на язык.

— Нравится?! — обрадовался Хладик.

Ася утвердительно кивнула.

— А дедушке — нет, — с горечью признался Хладик.

— На стариков очень трудно угодить, — с пониманием откликнулась Ася. И стала передразнивать Варвару Ивановну: — «О чем ты думаешь, Веткина? Хватит оригинальничать, Веткина!»

— «У тебя мусор в голове...» — подсказал Хладик.

— Вот-вот, — закивала Ася. Потом поинтересовалась: — Слушай, и на окнах рисовать можешь?

— Как ты — нет.

Ася была польщена:

— Почему?

— У меня нет разноцветных карандашей. У меня одни лишь белые.

Ася обрадовалась.

— Дарю тебе свои! Пожалуйста! — Протянула она коробку с карандашами Хладиду.

— Ты... Мне?... — он не находил слов, чтобы выразить свою радость. — А что я подарю тебе? — Хладик достал из кармана морковку. — Вот. Возьми... Мой нос. Женька клевал с удовольствием.

— Что за нос? Что за Женька? — Ася ничегошеньки не понимала.

Хладик разъяснил:

— Женька — мой друг — воробей. У него белое пёрышко на спинке. Когда снегом засыпало ячменные зёрнышки у курятника, Женька целый день просидел голодный. Ночью он сел мне на голову. «Не могу, говорит, уснуть, так есть хочется...» Я посоветовал: «Поклюй немножко мой нос, в нем много всяких витаминов». Так мы стали друзьями...

— Какой же это нос? — Недоуменно крутила Ася в руках «подарок». — Это обыкновенная морковка.

— Ну, конечно! — расцвел Хладик от её сообразительности. — Я же сначала был самым обыкновенным снеговиком. Ребята вылепили меня во дворе, приделали этот нос... Потом пришёл Дед Мороз и забрал с собой.

«Нет, если даже он заливает, то вполне нормально...»

— А что было до того, как ребята вылепили тебя из снега?

— До того миллионом снежинок я летал в заоблачных высотах.

Взвесив все «за» и «против», Ася решила: из всех интересных мальчишек, которых она встречала в своей судьбе, этот, пожалуй, самый оригинальный, как сказала бы Варвара Ивановна. Вслух же заключила более чем сдержанно:

— Нормально живёшь... Как звать тебя?

— Хладик.

— А я — Ася. Ася Веткина. — Она вытерла о куртку влажные от растаявшего снега ладони: — Можно тебя потрогать?

— Потрогай, — улыбнулся Хладик.

Очень осторожно, одним пальчиком, она прикоснулась к его одежде, к руке, к щеке. После этого обоем стало весело. Запрокидывая лица к небу, они принялись хохотать.

На громкий их смех из магазина вышла Асина мама. Прислушалась:

— Ася!.. Ты не одна там?!

Хладик изменился в лице. Это не укрылось от Аси.

— Одна, одна! — поспешила она заверить мать. И когда та ушла, сетуя на тяжёлый день, на магнитные бури, по чьей милости ей то и дело мерещится что-то несуразное, спросила Хладика: — Чего ты испугался?

Мальчик признался:

— Эта тётенька хотела оторвать мне уши.

Ася снова стала смеяться:

— Как можно оторвать уши тебе?! Ты же Мороз! Да ты бы как завыл! Как посыпал снегом! — Тут на ум ей пришла замечательная идея. — Слушай, а в самом ли деле ты Хладик? Можешь сделать, чтобы снег пошёл? Ну, хоть чуть-чуть... Ну, только над нами!.. А, Хладик? Ну, пожалуйста...

— Хорошо... — Хладик протянул к небу руки. Между его ладонями пробежала серебряная искра.

Тотчас же на крышу повалил густой снег. Скоро его напало так много, что можно было лепить снежки. И Ася лепила их и бросала в Хладика. Тот ловил брошенные в него снежки. Потом превратил их в пломбирные шарики и протянул Асе красиво уложенными, в хрустально сверкающей ледяной вазочке.

Аппетитно поедая шарики, Ася чистосердечно признавалась:

— В жизни не пробовала ничего вкуснее. — Зябко поёживаясь, она сделала ещё одно признание: — Знаешь, какая самая большая мечта? — Но не сразу смогла сказать, поскольку закашлялась, после чего стала так дрожать, что стоило большого труда понять: оказывается, она мечтает увидеть северное сияние. — А т-ты в-в-в-и-дел с-с-с-е-вер-ное с-с-си-я-ни-е?

Хладик кивнул:

— Старики Морозы зажигают его, когда рождается новый морозик и когда погибает.

Ася задрожала ещё сильнее:

— П-п-п-п-п-по-о-ги-б-а-е-ет?

Хладик у её дрожание не понравилось. Он деликатно дал понять девочке об этом:

— Ты стала другой. Зачем?

Ася не сообразила, что он имеет в виду.

Хладик показал, как она дрожит, и спросил:

— Зачем ты это делаешь?

— Я л-л-лег-ко-о од-е-та... А здесь с-с-с-снег...

— Интересно получается! — возмутился Хладик. — Ты же сама хотела! Ты просила снег! Какая, оказывается, ты непостоянная. — Он отступил от девочки на шаг.

— Не уходи.

— Дедущка предупреждал меня быть осторожным с людьми...

Ася поняла: сейчас Хладик уйдёт, больше она его никогда не увидит, и расплакалась.

И в это время появилась Асина мама:

— Ах, вот здесь кто! Девочка моя, он обидел тебя?!

Конечно же, как всегда, всё у неё некстати, как всегда — невпопад. Не успела плачущая Ася рта раскрыть, женщина грозно двинулась на Хладика.

— Да я тебе уши...

Хладик, понятно, тотчас же растворился в воздухе.

Мать долго приходила в себя:

— Что со мной происходит сегодня?.. Безусловно, это влияние магнитных бурь... — Нагнулась, потрогала крышу под ногами: — Мне кажется или это в самом деле снег?.. Нет, кажется...

Неизвестно, сколько бы ещё она сомневалась. Ася вдруг покачнулась и упала...

— Помогите! Помогите! — закричала мать, озираясь вокруг.

Какие уши у мороза

Через несколько дней после того, как Ася заболела, её, слабую, бледную, с закутанным горлом, навестила Варвара Ивановна.

— Всего лишь шестое место смогли мы занять без тебя по сбору макулатуры, — сообщила Варвара Ивановна сразу же после обмена приветствиями и справки о самочувствии. — Так что болеть тебе никак нельзя! — заключила учительница.

Помолчали. Ася бедным голосом спросила:

— Варвара Ивановна... Вы, когда к нам шли... Хладика не встретили?

— А кто он... этот Хладик? — Почему-то Варваре Ивановне подумалось: речь идет о котёнке.

— Фантазия, Варвара Ивановна, — подала голос мать Аси.

Ася обернула к ней глаза, полные слёз:

— Почему ты так говоришь? Ты же видела его! Ты даже хотела оторвать ему уши!

— Простите, кому вы хотели оторвать уши? — вежливо поинтересовалась Варвара Ивановна.

Мать засмеялась:

— Деду Морозу.

Потом выяснилось, что не Деду Морозу, а племяннику. Ася поправила:

— Внуку!

— Оригинально... — Варвара Ивановна придвинула стул к Асиной постели. — Расскажи мне, Веткина, про Хладика...

— Не сердитесь на неё, — попросила мать.

— Да что вы! Сейчас очень модно дружить с представителями дикой природы. Зина, например, у нас дружит с дельфином. Она нашла его после шторма на морском берегу. Ну, а другим, естественно, немножко завидно.

Мать не поняла педагогического маневра и ударила в воспоминания:

— Мы тоже, когда отдыхали на юге, нашли после шторма на берегу дельфинчика... Мёртвого... Помнишь, Ася?

Ася прижала бледные руки к груди:

— Но Хладик живой! Мы с ним играли! Я трогала его... Почему вы мне не верите?

Варвара Ивановна сделала большие глаза :

— Мы верим... Верим...

— Честное слово?

— Конечно. Так, значит, вы играли. Ты трогала его руками.

— Да! — обрадовалась Ася. — Он делал специально для меня снег, сосульки. Одна сосулька была как хрустальное колечко... Потом я подарила ему цветные карандаши, а он мне — свой нос.

— Нос?! — переспросила Варвара Ивановна.

— Нос. Он у меня в пальто. Мама, принеси, пожалуйста!

Мать вздохнула :

— Наверное, ты его потеряла, доченька. В кармане никакого носа нет...

— Есть! Есть! — Ася буквально вывинтилась из простыней. Взрослые едва её удержали. — В правом кармане, мама!

— Там была лишь грязная морковка... Я выбросила её, — призналась мать.

Услышав это, Ася уткнулась лицом в подушку и безутешно расплакалась. Никакие уговоры, доводы не могли её успокоить.

Расстроенная мать, провожая учительницу, умоляла не судить строго ребенка, ослабленного болезнью.

— Что вы! Что вы! — успокаивала Варвара Ивановна бедную женщину. — Стремление к оригинальности — не порок. В этой истории мне неясно лишь одно: кому же все-таки вы хотели оторвать уши?

— Варвара Ивановна, в тот день неожиданно сильно вдруг похолодало... И мне показалось... — Мать замахала руками. — Глупости, конечно...

Но Варвара Ивановна уже не на шутку была заинтригована :

— Что вам показалось?

Мать перешла на шёпот :

— Какой-то мальчишка в белой куртке и в шапочке... То появлялся, то исчезал... словно в воздухе растворялся... Легкий и белый весь, как облачко...

Любопытство Варвары Ивановны дошло до предела :

— А уши?..

Мать собрала лоб в морщины :

— Уши?.. Право, не помню... Обыкновенные, кажется... А, собственно, при чем здесь уши?

— Вы же хотели их оторвать, — резонно заметила учительница.

Мать хлопнула себя по бёдрам:

— Так ведь он чуть не погубил цветы в магазине!

Варвара Ивановна удивленно подняла брови:

— Не хотите ли вы сказать, что Хладик существует?

— Безусловно! — выпалила мать и сама испугалась. — Варвара Ивановна, как можно верить в подобные сказки?

Они обе посмеялись с облегчением. Тем не менее, спускаясь с крыльца, Варвара Ивановна долго и подозрительно озиралась по сторонам.

Урок рисования

На плоской крыше цветочного магазина Дед Мороз проводил урок рисования. Серо-голубые холсты в виде оконных рам морозики расписывали белыми узорами из точек, волнистых линий, игольчатых веток, несложных геометрических фигур и снежинок различной величины.

Морозики довольно быстро усвоили задание и теперь просто набивали руку. Хлопот с ними не было. Дед мог ходить среди мольбертов и предаваться своему любимому занятию — рассуждению вслух о неразумности людей.

— Не спорю, люди могут многое, — говорил старик. — Понастроили разных машин, по воздуху летать научились... Придумали часы с кукушкой, жевательную резинку... холодильник...

Холодильника Дед Мороз не мог простить людям и не уставал рассуждать на эту тему часами, начиная с былой славы погребов, набитых метровыми глыбами льда и кончая озоновыми дырами, которые старик видел собственными глазами и которые уже испортили климат на планете до такой степени, что может пойти дождь в январе. Кому только сказать: дождь в середине зимы! А всё из-за них, из-за холодильников.

Зная, что с холодильниками — это надолго, ученики потихоньку начинали заниматься чем хотели. Играли в белые рукавички: тыча между растопыренными пальцами белым карандашом, соревновались, кто быстрее оденет кисть руки в морозом вязанную перчатку.

ку. Смешно было, когда, борясь за первое место, кто-то в спешке сбивался с ритма в движении карандаша, делал лишнюю петлю, а порой и палец. Словом, можно было навеселиться вволю.

Главное, чтобы только в любой момент, когда Дед посмотрит на тебя, сделать вид внимательно слушающего человека. И ещё: когда Мороз говорит, что люди, умея многое, никогда не смогут нарисовать на стекле так, как они, морозы, утвердительно кивнуть головой: никогда! Никогда!

Сегодня, пользуясь тем, что Дед занят мыслями вслух, Хладик увлечённо раскрашивал Асиними цветными карандашами белый рисунок на холсте.

Старик заметил, что внук совершенно не слушает его, и спросил:

— Чем ты занят?

Вопрос застал морозика врасплох. Он не знал, что ответить.

— О чем ты думаешь?

Хладик потупился:

— Я девочку простудил.

Братья-морозики засмеялись. Дед пожал плечами:

— Тебе положено простужать. Ты — Мороз.

— Она болеет уже десять дней, — заметил Хладик.

Деда это не проняло:

— Всё правильно. С Морозом шутки плохи... — Тут взгляд его упал на рисунок Хладика. Старик буквально подавился: — К-как... К-как понимать? Разве узоры на окнах бывают красными и зелёными? Дети! — обратился он к присутствующим. — Какими бывают узоры на стёклах?!

— Белые!! — дружно ответило ему одиннадцать звонких голосов.

— Слышал? Сейчас же сотри! И вообще, где ты взял эту гадость? Дай сюда!

Хладик прижал карандаши к груди:

— Это — подарок...

— Сейчас же дай сюда!

От возмущения лицо Деда Мороза стало багровым:

— Ты не слушаешься меня? Деда Мороза?! Прочь с моих глаз, пока я не рассердился и не превратил тебя снова в глупого снеговика!

Перепуганный Хладик слетел с крыши снежным бу-

руном. Многократное, колючее, обжигающее эхо пре-
следовало его:

— Снова в глупого снеговика!.. Снеговика!.. Снего-
вика!..

«Мне никто не верит...»

Он убегал всё дальше и дальше от магазина, на
крыше которого разбушевался Дед, и вдруг совершенно
неожиданно столкнулся с Асей.

— Хладик, дорогой, как хорошо, что ты вернул-
ся! — Она крепко взяла его за руку, словно опасаясь,
как бы он снова не покинул её. — Понимаешь, мне
никто не верит! Ни Зина, ни Варвара Ивановна!

— Чему не верят? — озадачился Хладик.

— Не верят, что я с тобою знакома! Что ты вообще
есть! Подняли на смех... В стенгазете, как врушку,
протащили с карикатурой.

Хладик ничего не понял, пожал плечами:

— Не обращай внимания...

— Как — не обращай? — взвилась Ася. — Ты мой
друг! А они не верят!

«Что сделала с ней болезнь!» — ужаснулся Хладик
и спросил:

— Тебе... плохо?

— Ещё бы!.. Никто не верит...

Одно из окон Асиной многоэтажки, возле которой
они стояли, распахнулось. Зина с улыбочкой воткнула
локотки в подоконник:

— Привет!

Ася обрадовалась появлению Зины, сказала с гор-
достью:

— Познакомься. Это — Хладик.

Зина всплеснула руками, покачала головой и бук-
вально засыпала Хладика вопросами:

— Мне знакомо ваше лицо. Вы из какой квартиры?
А в какой школе учитесь? Это ваша мама мороженым
за углом торгует? А ваш папа, случайно, холодильник
ки не ремонтирует? Хи-хи-хи-хи!

Ася тормошила Хладика, как спящего:

— Видишь — они не верят, что ты — Мороз.

— Ну и пусть. Уйдём, — предложил Хладик.

Рот и глаза у Аси стали круглыми:

— Как -- уйдём?! Ты должен ей доказать!

— Зачем?

Ася не знала, чем больше она возмущена: хихиканьем Зины или спокойствием Хладика.

— Какой же ты друг?! Над нами издеваются, а ты!..

Из глаз её побежали слезы. К слезам, как и все настоящие мальчишки, Хладик не мог оставаться равнодушным. Он махнул в сторону дома рукой — Зина замолчала, закрыв рот ладонями. А когда открыла, обнаружилось, что в зубах у неё плотно скатанный снежок. Между вытянутыми ладонями Хладика пробежала серебряная искра и застыла в воздухе морозной цепочкой. Хладик бросил цепочку в сторону многоэтажки. И тут началось невероятное. С совершенно ясного неба повалил вдруг снег. Внутри дома что-то тревожно загудело. Оконные занавески взметнулись до потолка. Зина отчаянно завопила: «Ма-а-а-а-ма-а-а-а!». Доказательства Хладика насмерть перепугали и Асю. Однако чувство удовлетворения было сильнее. И, увидя Хладика подалее от дома, она смеялась до изнеможения:

— Ой, не могу! Ой, умру!

— Тебе очень плохо? — встревожился Хладик, думая, что недавняя тяжёлая болезнь всё ещё даёт о себе знать.

На что Ася, благодарно сжимая ладони Хладика, призналась ему от всего сердца:

— Мне очень хорошо с тобой, Хладик! Ты — настоящий друг! — Тут она вдруг погрустнела: — Знаешь, я одна тяну класс назад.

Ася живо увидела и услышала Варвару Ивановну:

«Всего лишь шестое место по сбору макулатуры! Веткина, ты, наверное, не понимаешь, какое страшное несчастье случилось в нашем городе?! — Варвара Ивановна подняла к небу ладони и глаза: — Бу-маж-на-я фа-бри-ка в про-стое!.. Нет сырья! Пионеры, не оставим страну буз тетрадок и книжек!»

— Не оставим, Хладик? — обратилась Ася к товарищу, а в ушах её продолжал звучать голос Варвары Ивановны: «Очистим город от бумажного хлама!»

— Очистим, Хладик?!

Хладик кивнул. И они пошли.

Переходя из подъезда в подъезд, Ася зажигатель-но выкрикивала:

— Бумажная фабрика в простое — нет сырья! Сдавайте старые газеты, тетради, журналы! Старые газеты! Тетради! Журналы!

Макулатура, замороженный чай и мусор в голове

Чтобы доставить на школьный двор собранную бумагу, пришлось попросить в цветочном магазине специальную тележку. Ася вся светилась от счастья:

— Представляешь, Хладик, завтра Варвара увидит эту кучу, очки у неё сразу на лоб подпрыгнут!

Хладик на Асину радость не реагировал, а когда она спросила, почему он вдруг стал такой грустный, признался:

— У меня снова мусор в голове...

— Кто сказал?

— Дедушка. Я думаю не о том, о чем надо думать Морозу.

— А о чем ты думаешь? — насторожилась Ася.

— О цветах.

— О цветах?!

И тут Хладик открылся ей, как самому близкому другу:

— Когда мы приходим в город, цветов уже нет. Никто из нас не держал их в руках. А я видел цветы очень близко... Мне хочется их нарисовать.

— Ну и нарисуй!

Хладик вздохнул:

— Дедушка не разрешает.

— С этими стариками одна морока! — Ася прикрыла глаза, что являлось признаком крайнего её недовольствия. — Только и знают, что запрещать! — Она много чего хотела сказать о стариках-запретителях, но тут появилась Варвара Ивановна в платке, наброшенном на плечи, со стаканом чая в руках.

— А я думаю, кто это у меня здесь? — Она удовлетворённо оглядела огромную бумажную кучу и с ещё большим удовлетворением отпила горячий чай. — Bravo, Веткина, bravo! Рада, что ты наконец снова включилась в нашу кипучую школьную жизнь! Неужели всё это ты одна?

Ася кивнула на морозика:

— Он мне помог. Познакомьтесь, Варвара Ивановна: это Хладик.

Ася не сомневалась: сейчас челюсть у Варвары Ивановны отвалится, а очки сами собой взлетят на лоб. И ошиблась. Кипучая школьная жизнь научила Варвару Ивановну в совершенстве владеть собой.

— Хладик? — переспросила она совершенно спокойно. — Тот самый?

— Тот самый.

— Здравствуй, Хладик, — пропела Варвара Ивановна с той интонацией, с какой натягивают четвёрку безнадёжному троечнику. — Как здоровье дедушки?

Хладик задумался. Какое здоровье может быть у Мороза? Вспомнил, по какому поводу больше всего брюзжал он последнее время:

— Машины его раздражают...

Не успел он произнести эти слова, как появился Дед Мороз. Правда, он был настолько чумаз и неряшлив, что напоминал скорее незадачливого прохожего, которого с ног до головы обдала грязью проходившая мимо машина.

Хладик едва успел возвратитъ учительнице её чай, Дед сердито ухватил внука за ухо.

— Совсем от рук отбился, негодник... Но всё... Больше я с тобой нянчиться не буду. Увижу ещё раз, что ты с людьми заигрываешь, превращу в снеговика. Запомни!

Варвара Ивановна отрешенно смотрела вслед уходящим, пока они не скрылись из виду, затем с сухой досадой призналась:

— Веткина, сейчас у меня огромное желание взять тебя за ухо так же, как того мальчишку, которого ты зовёшь внуком Деда Мороза.

— Он и есть внук, — пролепетала Ася.

Варвара Ивановна тряхнула волосами.

— Довольно!

— Вы же говорили, что верите мне, — робко напомнила Ася.

— Не желаю больше с тобой разговаривать.

Отчего-то Асе не хотелось, чтобы учительница увидела её слезы. Ни слова больше не говоря, она убежала со школьного двора.

Варвара Ивановна поправила на плечах платок,

хотела допить чай, но с ужасом обнаружила, что сделать этого не может.

— Невероятно!.. Мой чай превратился в кусок жёлтого льда!

Вопреки законам физики

В большую перемену школу потряс взрыв. Закричали все дети разом. Никогда ещё не кричали они так ошалело. Варвара Ивановна выскочила из учительской.

Возбужденные мальчишки летели по коридорам, катились по лестницам и истошно вопили:

— А-а-а-а! А-а-а! Ур-р-ра-а!!!

— В чем дело? Что случилось?!

Четверо пойманных Варварой Ивановной не знали, почему они кричат.

Пятый сбивчиво объяснил:

— На школьном дворе сам собой залился вдруг каток!

— Как так?

— Так.

Варвара Ивановна спустилась во двор. Он действительно был подо льдом. Распалённые старшекласники, пугая малышню страшными голосами, гоняли по льду консервную банку. Малышня с пушистыми от холода лицами заискивающе смотрела на «стариков» и, рискуя схлопотать щелчок в лоб, с вороватой настырностью пыталась прокатиться в ботинках по краешку необыкновенного голубого, ровного и чистого льда, испещрённого, как боевое хоккейное поле, линиями и окружностями, которые при ближайшем рассмотрении оказались набранными из мельчайших пузырьков воздуха.

В учительской под самозалившийся каток педагоги срочно подводили научную основу. Через два с половиной часа это им почти удалось.

Но тут появился совершенно удручённый учитель физики и сообщил:

— Уважаемые коллеги... в городском сквере застыл фонтан! Он висит в воздухе, как гигантское коралловое дерево, на ничтожно тонкой и хрупкой опоре — огромная масса со смещённым центром тяжести...

Это... Это, извините, вопреки всем законам физики и вообще... за пределами мировой науки.

Наступило долгое молчание.

Гениальная идея

Ася искренне радовалась успехам Хладика:

— Дедушка поставит тебе все «пятёрки»! Вот увидишь!..

Но однажды она вспомнила:

— Ты же мечтал сделать узоры разноцветными! Виновато потупясь, Хладик признался:

— Дедушка отобрал у меня цветные карандаши...

Ася сокрушённо стукнула кулачком по ладошке:

— До чего же он у тебя трудный... Надо заняться его перевоспитанием. — Чтобы утешить товарища, сказала: — Не расстраивайся — я подарю тебе краски. Идём.

Дома она протянула ему плоскую пластмассовую коробочку:

— Вот... Тебе...

Краски привели Хладика в восторженный трепет. Он попробовал кисточкой одну колодочку с пигментом, другую. Посмотрел на свет. Тихонько подул на кисточку — комната стала наполняться разноцветными искрами и снежинками. Взобравшись в кресло с ногами, Ася, щурясь и улыбаясь, следила за этим чудом.

Неожиданно Хладик с виноватым видом оторвался от пола и медленно стал подниматься к потолку. Факт этот Ася приняла за очередной сеанс чудес, а Хладик, прижимая коробочку с красками к сердцу, прошептал:

— Прощай, Ася...

— Ты куда? — удивилась девочка.

— В заоблачные высоты... Кажется, я снова становлюсь миллионом снежинок...

— Не улетай...

— Трудно дышать, — признался Хладик. — Знаю почему... Дедушка предупреждал... я не послушался... Только не думай, пожалуйста... Я не жалею ни о чем...

На Асиных глазах он стал стремительно уменьшаться, терять очертания, поплыл к форточке, словно дым. В это время в прихожей птичкой пропел звонок.

Ася спрыгнула с кресла, решительно опустила Хладика на пол и... спрятала его в холодильнике. После чего открыла дверь.

На лестничной площадке задумчиво прохаживалась Варвара Ивановна.

— Веткина, — заявила она, переступив порог, — я пришла просить у тебя прощения. Я была несправедлива к тебе. — Она поежилась. — Как, однако, у вас... Бр-р, бр-р... оригинально!

Варвара Ивановна последила из-под очков за летающими по комнате снежинками:

— Какая теплая атмосфера! Снег идёт...

Ася предложила учительнице раздеться, та отказалась:

— Благодарю... Однако, согласись, Веткина. — Она попыталась изловить золотистую снежинку. — Владеть одной таким чудом... Просто... нечестно... Мороз... Ведь он для всех! А ты, прости, как ты с ним обращаешься?

— Как? — недоумевала Ася. — Нормально... Вот даже не простужаюсь больше...

Варвара Ивановна грустно покачала головой и стала загибать перед Асиным лицом пальцы:

— Ты заставляешь его носить свой портфель... Собирать макулатуру! Сводить глупые счёты с подружками...

Не дав Варваре Ивановне загнуть четвёртый и пятый пальцы, Ася громко разрыдалась.

— Что с тобой? — опешила учительница.

Ася зарыдала ещё громче. Наконец, давась слезами, она призналась:

— Мне сты-ы-ыд-но...

Варвара Ивановна удовлетворённо вскинула голову:

— Очень хорошо. Я верила в тебя. Теперь успокойся и выслушай меня внимательно...

Варвара Ивановна терпеливо дождалась, когда всхлипывания Аси прекратятся. После чего положила руку ей на плечо:

— Скоро Новый год. Почему бы тебе не пригласить к нам на праздник Хладика?

Ася даже подпрыгнула от неожиданности:

— Правда?

— Конечно! Новый год с настоящим Морозом! Такого мероприятия не было еще ни в одной школе!

Представляешь, газеты напишут: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». А кто — мы? Наш класс.

Радость на лице Аси сменилась сомнением:

— Опять скажут — оригинальничает Веткина.

— Даю тебе слово — не скажут.

Ася покачала головой:

— Нет... Дедушка ему не разрешит.

Варвара Ивановна ласково взяла девочку за подбородок, чтобы видеть её глаза:

— А если пригласить их вместе с дедушкой?

Ася задумалась:

— Он такой строгий...

— Может быть... что-нибудь подарить ему? Что он любит?

— Хладик?.. Цветы.

Варвара Ивановна мизинцем поправила очки:

— Очень мило... Только как нам увидеться с ним?

— В ночь под Новый год, — открылась Ася. — Старый Мороз будет принимать работу Хладика и других морозиков по городу.

— Какую работу?

— Ледяную, конечно!... Ах, Варвара Ивановна, если бы вы знали, как я за Хладика переживаю. Он такой талантливый! А дедушка без конца к нему придирается!..

Варвара Ивановна ногтем поцарапала на Асином плече какое-то пятнышко:

— Может, помощь требуется? Так мы бы всем классом...

Идея понравилась Асе. Она снова подпрыгнула и захлопала в ладоши:

— Здорово! Сейчас спрошу... — Распахнула холодильник.

Хладик с блаженной улыбкой спал среди пакетов и бутылок.

— Изумительно! — простонала Варвара Ивановна, опускаясь перед холодильником на корточки. — Здравствуй, Хладик! Я — Асина учительница!.. Помните, вы мой чай заморозили?... Но это — пустяки. И я не о том. В общем, скоро Новый год... и... все мы... и я... приглашаем вас... Куда же вы?

Варвара Ивановна не могла понять, куда исчез Хладик. Заглянула за холодильник, за дверь, даже под стол — морозика нигде не было.

— Оригинально, — только и смогла сказать учительница.

«Отличный кадр!»

Хладик знал, какой подарок сделает он Асе.

Когда на город опустилась ночь, когда окна знакомой многоэтажки засветились разноцветными огнями, а предпраздничное тепло квартир весело вырывалось на улицу, Хладик, стоя на карнизе, увлечённо расписывал красками окно Асиной квартиры. Он знал: утро завтрашнего дня будет тихое, светло-розовое, с дымкой. Представил, как солнечный зайчик через неплотно занавешенные шторы прыгнет на Асину подушку, осторожно потрогает мягкими пальчиками ресницы девочки и будет ласково щекотать их до тех пор, пока Ася не проснётся... Вот она открыла глаза: «Ах, какой странный, какой непривычный свет лежит квадратами на занавесках!» Быстро встала с постели, распахнула шторы и... онемела от восторга перед сказочной разноцветной картиной, какой явится ей завтра её собственное окно... Здесь и желтоглазые ромашки в пушистых белых ресницах, и розовые бутоны, и яркие звёзды лилий, и волшебная зелёная паутина аспарагуса... Ася, конечно же, поймёт сразу, чьих это рук дело. «Хладик! Мой добрый Хладик! Мой верный друг! Вот так сюрприз преподнёс ты мне!»

Хладик ещё не знал, что сюрприза не получится. В стороне, притаившись среди заснеженных аттракционов детской площадки, за его работой наблюдала не только та, кому предназначался сюрприз, но и много других людей: Варвара Ивановна, Зина, Асина мама и специально приглашённый со студии местной кинохроники кинооператор.

Ася в этот час испытывала очень сложные чувства.

— Теперь-то хоть вы мне верите? — спрашивала она всех без конца.

Варвара Ивановна, боясь, как бы громкий шёпот девочки не помешала мероприятию, прикладывала палец к губам, умоляла:

— Тс-с-с... — сначала Асю, а затем её маму, то и дело твердившую:

— Чудо!.. Чудо!..

Кинооператор в наушниках и с микрофоном на длинной трости тоже переживал:

— Слабый звук... Надо подойти поближе...

Мать удерживала его за рукав:

— Что вы, что вы! Спугнёте!

— Пожалуй, — согласился оператор и стал жужжать камерой на дальний план.

Тут подала голос Зина:

— Ой... Что это?

Все стали прислушиваться к знакомым и в то же время непривычным звукам в ночи. Оператор поднял трость с микрофоном к небу.

— Воробей! — первая сообразила мама.

— В такой час? — не то усомнилась, не то удивилась Варвара Ивановна.

Ася обострила ситуацию:

— Это Женька — друг Хладика! Я узнала его. У него белое пёрышко на спине.

— Белое? — поднял брови оператор. И на всякий случай пожужжал кинокамерой в темноте, откуда доносилось тревожное воробьиное чириканье.

— Тс-с-с...

Все моментально стихли.

С правой стороны многоэтажки появился Дед Мороз. Он, подводя итоги предновогодней работы, то похозяйски крякал, то ворчал, пробуя палкой дорогу. Вот он остановился, долго растирал в пальцах снег, с удовольствием пощёлкал ногтем по длинной сосульке на углу киоска, торгующего днём горячими пончиками, и увидел Хладика. Тот тоже увидел деда, опустил кисточку.

— Хочешь опозорить мои седины? — спросил Дед.

— Зачем ты так, дедушка?

— Что он сказал? — обратилась Варвара Ивановна к Зине, которой наказывала всё запомнить, ничего не пропустить.

— Я не расслышала, — призналась Зина.

— Ужасная слышимость, — согласился кинооператор.

— Он должен поставить ему оценку, — напомнила Ася.

— Тихо!.. Чудеса начинаются!.. — Варвара Ивановна, словно дирижёр, энергичным движением погасила все звуки, так как снова заговорил Дед Мороз.

— Тысячи лет рисуют морозы цветы на окнах белыми.

— Потому, что они не видели живых цветов, — заметил Хладик.

— Сотри, — попросил Дед тихо.

— Три. Он ставит ему «тройку», — перевела по догадке Зина.

— Это мой подарок, — не сдавался Хладик.

Дед начинал закипать раздражением:

— Я не люблю повторять!

На этот раз мать решила попробовать себя в качестве переводчицы:

— Не три — он ставит ему пять!

— Ты же сам говорил: цветы — это радость... — продолжал защищаться Хладик.

— Спускайся сюда, — потребовал Дед.

Хладик послушно спустился, протянул к деду руки и заговорил бурно, горячо, слегка заикаясь от волнения:

— Помнишь, мы пришли в город, на нас никто не обращал внимания?.. Я сделал много сосулечек, как ты просил. Но на них тоже никто не обратил внимания. Никто не знает, для чего они нужны? Какой от них прок?

Дед ударил палкой о землю:

— Как ты смеешь?!

Хладик продолжал, ещё более волнуясь:

— Но сколько радости было, когда я подарил ребятам каток. Или — когда на реке перевернулась лодка с малышами, а я подстелил под неё лед, и дети не утонули... После этого многие стали со мной здороваться. Меня приглашают в гости, ждут, скучают без меня... Мне делают подарки. Значит, нам могут быть рады не только в дни зимних каникул?!

Оператор сорвал с головы наушники:

— Совершенно ничего не слышно!..

— Кажется, что-то про каникулы они, — гадала Зина.

Тем временем Дед Мороз обошёл внука со всех сторон.

— У тебя нет гордости. Я давно заметил. И предупреждал тебя... Жалкий кривляка. Ты недостойн называться Морозом... Потому, что тебе очень нравится красоваться среди людей... Ну, что же — красуй-

ся. — Он ударил Хладика палкой по плечу, и тот превратился в снеговика.

Ася испуганно вскрикнула. Варвара Ивановна угрозила ей рукой в пуховой перчатке:

— Тихо!.. Тихо!.. Чудеса продолжаются!

— Хладик, — прошептала Ася.

У матери была другая забота:

— Завтра расскажу на работе — никто не поверит!

Оператор показал большой палец:

— Отличный кадр!

Зина не удержалась, захлопала в ладоши.

Мороз повернул голову в её сторону.

— Взялись друженько за руки! — скомандовала Варвара Ивановна. — Пошли!

Секунда-другая, и Мороз в хороводе, который ликующе вращался вокруг него и пел:

Но-о-вый Го-од, наста-ё-ёт...

Дед бестолково топтался, тыкался, искал хоть какую-нибудь лазейку, бормотал:

— Осторожно... Осторожно... С Морозом шутки плохи...

— Осветите его! — приказал кому-то в темноте кинооператор.

Тотчас же вспыхнуло несколько ослепительных проекторов.

Один — около снеговика.

Поющее кольцо остановилось. Мать высвободила из газеты букет цветов и бесстрашно протянула его Деду Морозу:

— Это вам за ваш чудесный труд!

— Мне?.. — Мороз неуверенно взял цветы. Вернее, ему некуда было деваться — цветы просто положили ему на руки. — Мне не дарят цветы... Вы меня с кем-то спутали. Я не тот... Я...

— Вы — Мороз! — сказала Варвара Ивановна и жестом попросила, чтобы все похлопали в ладоши.

— Откуда вы меня знаете? — растроганно захлопал носом старик.

— Кто же вас не знает! — Варвара Ивановна то снимала, то надевала очки. — Мы с нетерпением ждем вас, дорогой наш Дедушка Мороз! Добро пожаловать в гости...

Тут сделала шаг вперед Зина и громко продекламировала:

В нашу школу!.. Не случайно
В нашей школе говорят:
Завелась под праздник тайна
В пятом классе у ребят...

И замолчала.

Варвара Ивановна досадливо щёлкнула пальцами:

— Ну же... Дальше.

— Дальше Веткиной слова, — сказала Зина.

Варвара Ивановна бросилась к Асе:

— В чём дело, Веткина?

Ася не слышала её. Пытаясь снизу заглянуть Деду Морозу в глаза, хныкала:

— Дедушка-а... Хладик стал снеговиком... Это временно? Это просто чудо, да-а?

— Подожди, девочка, — тихонько подтолкнул её в спину кинооператор. — Товарищи, необходимо повторить эпизод с цветами. Дедуля... уважаемый, отдайте женщине цветы. Для дубля... так сказать...

Дед Мороз не понял, прижал букет к груди:

— Мои... Мне их подарили...

— Bravo! Превосходно! — улыбнулся оператор. — Отдайте цветы.

Дед Мороз начал выходить из себя:

— Я превращу тебя... в глупого снеговика.

Кинооператор хохотал.

Воспользовавшись маленькой паузой, когда оператор, дергаясь от смеха, стал закуривать, Ася снова обратилась к Морозу:

— Дедушка Мороз, когда-нибудь Хладик будет живой?

Дед Мороз громыхнул палкой:

— Его маленькое белое сердце стало слишком строптивым. Я наказал его.

— Но вы же не навсегда превратили его?..

Дед Мороз утвердительно кивнул:

— Да. Я превратил его в снеговика.

Мать покачала головой:

— Какое суровое воспитание.

— Что поделаешь — дикая природа, — заметила Варвара Ивановна.

Ася ударилась в слёзы:

— Простите его, Дедушка Мороз! Пожалуйста! Хладик очень хороший!

— Он совершенно отбился от рук.

— Не может быть! — удивленно вскинула брови Асина мама. — На всех ваш внук произвёл очень приятное впечатление.

— Простите его! — умоляла Ася.

— И не подумаю.

— Пожалуйста!

— Я сказал.

«Чего доброго, эта Веткина завалит мне мероприятие», — подумала Варвара Ивановна. Она больно взяла Асю за запястье и прошептала:

— Всё будет хорошо... Вот увидишь... Только не серди дедушку...

Оператор снова поднял большой палец:

— Отличный кадр!

Со стороны школы послышалась громкая весёлая музыка.

Варвара Ивановна решила не выпускать инициативу из своих рук:

— Дорогой Мороз Иванович! Эта музыка в вашу честь! Вас ждут! Идёмте! — и смело подхватила Мороза под руку.

Дед упирался:

— Нет-нет. Я не привык к этому... и вообще... не доверяю людям.

Варвара Ивановна сделала удивлённые глаза.

Она привстала на цыпочки и кому-то махнула за спиной Мороза. В воздухе что-то щёлкнуло, зашипело. Детский, усиленный репродуктором голос с выражением стал читать:

Дед Мороз несёт подарки,
На усах сосульки льда,
Под луной мерцает ярко
Снеговая борода... Видите?

— Видим! Видим! — отозвалось множество голосов. Детский голос в репродукторе продолжал:

Он идёт по переулку,
Машет весело мешком.
По асфальту гулко-гулко
Ударяет посошком... Слышите?

И снова множество голосов дружно отозвались :

— Слышим! Слышим!

Потом дружные эти голоса утонули в восторженных возгласах и аплодисментах.

Мать Аси, подхватив деда за свободную руку, вместе с Варварой Ивановной повела старика в праздник.

Кинооператор с камерой на плече то небольшими перебежками, то медленно пятясь, приседал, вытягивался перед ними, становился на колени и всё снимал, снимал уникальные редкие кадры.

А Ася, оставшись одна, растерянно, маленькими шажками приблизилась к яркому прожектору, под которым недавно стоял снеговик, а теперь поднималась с земли лишь тонкая струйка пара. Ася опустилась коленками в снег и тихо заплакала :

— Хладик... Хладик...

На том месте, где растаяло белое сердце морозика, девочка увидела коробку с красками и три голубых подснежника. Она боялась прикоснуться к краскам, боялась сорвать цветы, стояла на коленках и плакала, больно давясь слезами.

Александр Стариков

МАРИНА И БАБА-ЯГА

или-были старик со старухой. У них была внучка Марина. Отец с матерью уехали работать в другой город, и бабушка с дедушкой, как могли, воспитывали маленькую девочку. Когда ей минуло семь лет, дедушка повел её в школу. Марине в школе очень нравилось, и поэтому училась она хорошо. Из первого класса перешла во второй, из второго в третий.

Провожая внучку в школу, бабушка вплетала ей в рыжеватые косички белые бантики, и Марина была похожа на белую порхающую бабочку.

Придя домой из школы, она говорила:

— Бабуля, я бантик сниму, платице переодену и пойду курочкам дам зёрнышек поклевать, они, наверное, проголодались.

— Иди, иди, Мариночка, покорми.

Марина убежала во двор и кормила курочек.

Дедушка и бабушка очень любили внучку за её старание и ласку. Марина ничего не давала делать старикам, всё делала сама: носила дрова, подметала и мыла полы. Дедушка и бабушка не могли нарадоваться доброй внучкой.

Однажды, когда в доме все дела были сделаны, Ма-

рина пошла в лес за грибами. Ходила, ходила, кустик за кустик, овражек за овражек, набрала целую корзину грибов, а дорогу домой забыла, да и темнота наступала. Высокие деревья шумели вокруг, на небе заходили чёрные тучи, и от этого стало быстро темнеть.

Куда Марина ни пойдёт, всюду попадаются овраги да пни. Запнувшись за один пень, она упала. Грибы просыпались, а корзина полетела в глубокий овраг.

«Ой, как я её теперь достану?» Посмотрела на крутые стенки и увидела: в овраг спускались корни большого дерева. Ухватившись за корешок, Марина спустилась вниз, быстро подхватила корзинку, собралась вылезать, но вдруг увидела, что овраг перегорожен большими брёвнами и сухими деревьями.

В овраге когда-то жили медведи, они-то и натаскали брёвен и перегородили овраг. Потом медведи ушли жить в другое место, а в овраге поселилась баба-яга.

Это было давно, обветшала, покосилась избушка, ее проливал дождь. Старая была... Но баба-яга так бы и жила в ней, не случись другого несчастья. Однажды подул сильный ветер и избушку свалило, хорошо, что не было дома бабы-яги. Вот она около бревенчатого завала и устроила себе жилище. Сделала печь из камней и лежанку из мягкого мха, двор огородила частоколом. Так и жила со своей старой метлой, у которой остались три-четыре сухих прутика, да треснувшей, изъеденной червями ступой.

Баба-яга на ступе летала только по полям, а над лесом уж не могла, потому что старая ступа высоко не поднималась. И вот в то время, когда баба-яга улетела за добычей, Марина подошла к завалу с другой стороны и села передохнуть да и с мыслями собраться. Вдруг смотрит Марина: в овраге недалеко глаза волчьих засверкали. Волки так страшно завывали, что у неё мурашки по телу поползли. Волки воют на разные голоса и всё ближе подходят к Марине. Девочка посмотрела на завал. Между брёвен были большие щели, и она решила спрятаться от волков между брёвен. Перелезла через одно, а чтобы подальше спрятаться, ещё раз перелезла между брёвен и свалилась на лежанку бабы-яги. Марина вначале испугалась, а потом осмотрелась и видит, что, кроме неё, никого нет. Успокоилась, слушала волчий вой за брёвнами с другой стороны.

Марина не спала всю ночь, а когда стала заниматься заря, волки ушли от завала, и девочка осмотрела жилище. «Кто же здесь живет?» — подумала она. В печке в большом чугуне варился суп. Марине очень хотелось есть.

Вдруг она услышала шум. Посмотрела за частокол, а там баба-яга возвращается с охоты. Старое лицо всё в морщинах, нос длинный да острый, крючком загнутый. Платье всё изношенное, и босиком, еле-еле тащится. Ступа за пни задевает, метла по земле волочится.

Марина пролезла между брёвнами и очутилась по другую сторону от жилья бабы-яги, спряталась за нижнее бревно и притихла. Баба-яга слезла со своей ступы, метлу в сторону бросила. Две корзины с грибами поставила на землю и пошла к своей лежанке отдохнуть.

Марина наблюдала в маленькую щелочку, как баба-яга обнюхала свою лежанку, проворчала:

— Что-то человеком пахнет, кто-то здесь есть. — И принялась искать.

Заглянула в печь, за пни, которые служили ей стульями, ощупала лежанку, но никого не нашла. И несмотря на то, что баба-яга сильно устала и проголодалась, она долго сидела и думала, откуда же запах человека. Потом старуха уснула.

Когда совсем рассвело, баба-яга встала, вытащила из печки чугуны с супом и позавтракала. Потом из ручейка, который протекал тонкой, серебряной ленточкой по дну оврага, зачерпнула воды, положила в чугуны грибы и поставила в печь варить.

Когда Марина увидела, что баба-яга поставила грибной суп, голод стал мучить её ещё больше, но она терпела. Лежала тихо-тихо, боясь пошевелиться. Девочке надо было искать дорогу домой, но она боялась, что её услышит баба-яга и заберёт к себе. Но баба-яга вскоре опять уснула, и храп ее раздавался по всему оврагу. Тогда Марина вылезла из-под брёвен и тихонечко побегала подальше от бабы-яги.

Смотрит Марина вокруг и не знает, в какую ей сторону бежать. Так она ходила по лесу целый день, но дороги не нашла. К вечеру опять пришла в овраг к завалу. Баба-яга уже улетела на ступе добывать пищу. Марина быстро перелезла в логово бабы-яги, нашла на полу валявшийся глиняный горшок, вымыла его и

поставила варить грибы, приправила их разными травами. Пока суп варился, Марина подмела в жилище мусор, накопившийся за много лет. На лежанку постелила мха для бабы-яги. Пока она занималась по хозяйству, волки опять пришли к завалу и долго выли на разные голоса, но Марина, несмотря на волчий вой, даже сумела вздремнуть; потом встала, поела немного супу, а остатки поставила в печь рядом с большим чугуном.

Подкрепив себя ещё несколькими ягодками, Марина покинула логово бабы-яги и устроилась по другую сторону.

С рассветом прилетела баба-яга и очень удивилась: в жилище её настоящий порядок. Она обыскала все уголки, но никого не нашла, потому что Марина лежала по другую сторону завала.

— Кто же мне мягкого мха настелил? — продолжала удивляться баба-яга. — Кто этот добрый человек? Выйди, покажись.

Но Марина лежала в брёвнах смиренно и не шевелилась, боялась. Когда баба-яга заглянула в печь, совсем удивилась: рядом с большим чугуном стоял горшочек с грибным супом, от которого исходил вкусный аромат.

— Дай-ка я попробую варево. Уж как вкусно пахнет! — И съела всё. — Кто же у меня бывает? — размышляла баба-яга. — Дай-ка я подслежу. С этими словами легла на мягкий мох и захрапела, притворилась спящей.

Вдруг слышит, за стеной что-то зашумело. Это Марина пошла искать дорогу домой. И тут баба-яга встала и позвала:

— Кто там, вернись!

Марина, как услышала голос бабы-яги, так и припустилась бежать, не разбирая тропки, а баба-яга вслед кричала:

— Не бойся меня, я не сделаю тебе плохого, вернись.

Да где там, девочка скрылась в лесу.

Марина опять искала дорогу домой и ещё дальше в лес зашла и не знала, как выбраться. Так и осталась спать, на пенёчке сидя. Страшно было Марине, но она не плакала, всё думала про своих стариков: «Как они там без меня? Плачут, наверное, день и ночь. Ах, какое горе я им принесла!»

Пока Марина думала про дедушку и бабушку, баба-яга по следам Марины летела на ступе и нашла её в раздумье на пенёчке.

— Глупая ты девочка, — говорит баба-яга, — зачем от меня убежала?

Марина подняла глаза, да так и ахнула. Баба - яга держала её крепко за руку. Марина от страха и заплакала.

— Не плачь, девочка, — успокоила её баба-яга, — хорошим людям я добра желаю, а плохим нет. Ты добрая девочка — и от меня не прячься. Я одна осталась на белом свете: Кащей бессмертного прикончил Никитишка, Змея Горыныча убил Иван-царевич, Водяного — солдат-барабанщик, чертей всех работник Балда разогнал, а меня Морозко едва не покалечил, но я ожила. Вот и осталась одна, вреда никому не делаю, а добрым людям тем более. Пойдём ко мне, сварю суп такой, какой ты варила, он мне очень понравился.

— Я домой хочу, — тихо сказала Марина.

— Ты заплуталась, да?

— Да, заплуталась, — ответила девочка.

— А как тебя зовут?

— Марина.

— Ну вот что, Марина, идём сейчас ко мне, везти я тебя не могу, ступа очень старая. Ты иди пешком вслед за мной. Научишь варить суп, а тогда и подумаю, как проводить тебя домой.

Ничего не оставалось Марине, как идти за ступой к бабе-яге.

Пришли они в овраг, и Марина принялась готовить грибной суп. Баба-яга наблюдала за Мариной и гладила её по головке, хвалила:

— Ой, молодец, Марина! Ладно, уж так и быть, провожу тебя домой. Я только ночью летаю на ступе, а днём ступа летает плохо: у неё днём силы нет. Дам я тебе прутик от метлы, её тонкий конец тебе будет указывать путь.

За хлопотами незаметно пришло утро, и баба-яга загрустила. Не хотелось ей расставаться с Мариной.

— Вы почему, бабушка, опечалились? — спросила Марина.

— Да как же, дочка, я стара, живу одна, силы мои с каждым днём тают. Куда же мне теперь-то подаваться?

— Идите к нам жить, бабушка, и будет у меня две бабушки и дедушка.

— Ох, нет, детка, боюсь я.

— Ты отдельно будешь жить, если боишься.

— Нет, я не сумею с вами жить.

— Сумеешь, бабушка, — уговаривала Марина.

Баба-яга думала, как ей поступить, и решила:

— Когда совсем постарею, тогда и примете. Сейчас я провожу тебя домой. Скажи дедушке и бабушке, что я хоть и баба-яга, но дурного ничего не сделала тебе, моя ласковая Марина.

— Скажу, бабушка, не беспокойтесь.

— Теперь пойдём, я выведу тебя на волчью тропинку, по которой ходят волки, но ты не бойся, волки ходят по ней только ночью. Смотри на этот прутик, и домой придёшь, да смотри не сворачивай в сторону, а иди, прутик укажет.

Марина долго махала рукой, прощаясь с бабой-ягой.

По дороге домой Марина опять набрала много грибов и ягод, с полной корзиной пришла, а там заплаканные дедушка и бабушка ждут её. Увидели они Марину, обрадовались, стали обнимать и целовать ненаглядную внучку.

А баба-яга, когда вернулась домой, села на пенёк и заскучала. «Как жалко мне эту умную девочку. Когда я её теперь увижу?» — вздыхала баба-яга. Так она сидела дома, да и задремала. Не то в дремоте ей чудилось, не то наяву, что она каждую ночь набирала корзину самых хороших грибов, подходила к дому Марины, высыпала грибы на завалину и незаметно и тихо уходила в лес.

Вера Ширяева

ОТКУДА У ЕЖА КОЛЮЧКИ

авно это было, не было тогда у ежа колючек, носил он, как и все звери, мягкую пушистую шубку. Плохо было ёжику, ножки слабые, того и гляди, волку или лисе на зуб попадётся.

Пожаловался он как-то зайцу :

— Тебе хорошо, Серый, ноги у тебя быстрые, уши у тебя длинные, и бегаешь быстро, и слышишь хорошо. А я совсем пропадаю.

Жалко стало зайцу ёжика, а чем помочь ему, так и не придумал. И решили они у деревьев попросить, как ежиному горю помочь.

Пошли к берёзе. Выслушала их берёза и сказала :

— Что ж, живи рядом со мною, укурю я тебя своей кроной.

Опустила она свои ветки низко-низко, сидит под ними ёжик, как в шатре. Никакой зверь ему не страшен. Только стал его голод морить да жажда мучить.

Вновь пожаловался он Серому на судьбу свою. Решили они пойти к дубу-великану. Пожалел ежа дуб и говорит :

— Иди, укурю я тебя среди корней своих, желудями накормлю, живи спокойно.

Поблагодарили они его, и стал ёжик жить под ду-

бом. День живёт другой, хорошо, сытно. Только скучно одному целые дни в корнях прятаться. Снова зайцу о беде своей поведал.

Пошли они к высокой старой сосне. Рассказали о беде ежиной, о берёзе с дубом рассказали.

Улыбнулась сосна и сказала:

— Без труда свою жизнь не наладишь, без труда и покоя не будет. Но а коль ты труда не боишься, то помочь я тебе буду рада.

— На любую согласен работу, только б жить мне в лесу, не бояться.

— Ну, тогда поработай на славу! Ты почишь от коры моей старый стройный ствол мой от корня до кроны.

С радостью взялся ёжик за работу. От зари до зари он трудился. Шубку всю в сосновой смоле перемазал, уж до самой до кроны добрался.

Зашумела сосна своей кроной и ежа иголками забросала. И стал он колючий-колючий.

С той поры он никого не боится, ну а как растеряет иголки, вновь бежит к сосне поработать.

ОТЧЕГО МЕДВЕДЬ БУРЫЙ!

Была когда-то у медведя красивая серая шуба. Но нашёл он однажды бочку с мёдом. Домой её не донести, очень уж она большая, и решил медведь весь мёд на месте съесть.

Много Мишка мёда съел, глядит, а его ещё полбочки осталось. Жалко ему мёд отдавать, вдруг кто-то другой полакомится. И решил он:

— Измажусь я весь мёдом, а дома, как есть захочу, облизывать себя стану.

Измазал он мёдом голову, грудь, живот, лапы, да так густо, что с места стронуться трудно стало.

— Ох, не дойти мне, — подумал медведь, — уж лучше я покачусь.

И покатился наш Мишка по дороге, да так сучьями облип, что стал похож на большого колючего ёжика.

Перекатывается медведь кое-как по лесу, а уж на ноги совсем встать не может, да и катиться-то сил не хватает.

Вдруг навстречу ему волк бежит, встал, оцетинился :

— Что это за каракатица по дороге катится?

— Ой, братец Серый, помоги, подняться не могу.

Узнал его волк и говорит :

— Некогда мне с тобой возиться, дела у меня.

Переваливается медведь дальше, а навстречу ему лиса из-за куста выглянула, да как опять в кусты ша-рахнется :

— Ой, что это за каракатица по дороге катится?

— Я это, лисонька, я это. Рыжая, помоги на ноги подняться, век не забуду.

Узнала его лиса, рассмеялась :

— Ой, Мишенька, оставайся таким, ты мне вкусного ёжика напоминаешь.

Совсем потерял медведь силу. Тут на дорогу ёжик выбежал :

— Ой, кто это? Уж не старший ли мой братец такой вырос?

— Не брат я твой, а вот другом верным хотел бы стать, только не уходи, помоги мне.

Посмотрел на него ёж, принюхался и всё понял.

— Ничем я тебе помочь не могу, к доктору тебя вести надо.

— А далеко это? Ведь я никогда к докторам не обращался, всегда здоров был.

— Не беспокойся, — говорит ёжик, — совсем близко. Вон за тем высоким кустом.

— Ой, сведи меня, ёжик, а то я и света белого не вижу.

Бежит ёжик, а сам приговаривает :

— Катись, катись, Мишенька, не отставай!

Добрались кое-как медведь и ёжик до большого куста, остановились.

— Где же доктор-то? Уж совсем меня силы покидают, — взмолился медведь.

— Поднатужься, Мишенька, перевались вот через этот куст, там и доктора увидишь.

Собрал медведь все свои медвежьи силы, перемахнул через куст, да так, что по всему лесу треск разнёсся. А за кустом этим речка текла. Плюхнулся медведь прямо в воду. Смыла вода с него мёд, вылез он на берег и говорит :

— Ёжик, а где же доктор?

— А зачем он тебе?

— Ой, и правда, легко-то как мне стало.

Понял всё медведь и покраснел от стыда, и стала его шерсть не серая, а бурая.

ГДЕ ЗАЯЦ ЗИМОЙ ШУБУ БЕЛУЮ БЕРЁТ

ёл однажды охотник по лесу, увидел зайца, прицелился, а берёза ветками зашумела, да и спугнула косого.

Опечалился охотник, присел под дуб отдохнуть, а дуб этот заговорил человеческим голосом:

— Послушай, какую историю я тебе расскажу, вся печаль твоя пройдёт. Давным-давно это было, не было тогда в нашем лесу ни осени, ни весны, ни зимы. Было одно только лето: то жаркое, то дождливое. Жилось всем тогда и тепло и сытно. Мы, деревья, от жизни такой жиреть начали. Листья наши огромные, сочные, до самой земли ветки согнули. Тяжело нам стало, то тут, то там сучья, а то и целые деревья ломаться стали.

Затрещал лес, заволновался. «Погибаю», — шептал он.

И звери заволновались: ни на водопой им не пройти, ни поохотиться. Один зайчишка не унывал. Было ему что поесть, где от волка с лисой спрятаться. Да только лес родной было жалко.

Попросил старый олень сороку оповестить всех зверей, чтоб на поляну для совета сходились. Еле пробрались туда звери. Долго спорили, чем помочь деревьям, но так ничего и не придумали.

Налетел тут Южный ветер:

«Только Зима может спасти наш лес от гибели, да слишком далеко до неё добираться, и очень это опасно. Не жалует она тех, кто её тревожит. И уж кто ей попадётся, превратит того в холодную ледышку и оставит себе на потеху. Так что сами скорее решайте, а если смельчак и найдётся, укажу ему к Зиме дорогу».

Заспорили звери, кого послать к Зиме с просьбой. Олень проговорил, опустив голову:

«Не вылезти мне из леса, мои огромные рога цепляются за деревья, я и к водопою-то пройти не могу».

Медведь пробасил:

«Ох и тяжёл я, да и на ноги слабоват. Пока дойду до Зимы, весь лес погибнет».

А волк прорычал сердито:

«Где уж нам, волкам, с нашим злым нравом с просьбой обращаться. Уж если чего отнять, я готов, а просить не могу».

Долго спорили звери, а деревья всё стонут, ломаются.

Не выдержал зайчик, выбежал на полянку, задрожал всем телом перед волчьей пастью и говорит:

«Ноги мои быстрые, сердце моё доброе, может, выслушает меня Зима, согласится помочь, а уж там — что будет».

И побежал зайчик за Южным ветром.

Только из леса выбежал, говорит ему ветер:

«Улетаю я в края южные, а ты с пути не сворачивай, а как встретится тебе ветер Северный, значит, и Зима близко».

Сколько дней и ночей бежал наш зайчик, одному ему ведомо. Вдруг подул ему навстречу ветер Северный, ударил в Косого холодом. Сжался наш зайчик в комочек, силы нет дальше двигаться. Подхватила его Вьюга белая, а Буран его вырвать старается, чтоб Зиме в подарок преподнести.

Услышала Зима их спор и потребовала:

«Хочу живым видеть того смельчака, кто нарушить покой мой не побоялся».

Закружила его Вьюга, подняла высоко и к ногам Зимы-матушки бросила.

Рассердилась Зима и спросила:

«Знал ли ты, куда шёл, и по своей ли воле пожаловал? Расскажи, а я послушаю. Коль понравиться, ледяной игрушкой сделаю и украшу роскошный свой трон».

Уже заледенели у зайки уши длинные, примерзать стали лапки серые. Но как заговорил он о родном лесе и о беде его, сердце зайки так разгорелось, что льдинки под лапками таять начали.

Увидела его Зима, удивилась:

«Не заморозить мне твое горячее сердце, покори

ты меня добротой своей. Так и быть, твою просьбу выполню. Веди меня в свой лес».

И понеслись бури да метели вслед за Заинькой, а за ними и Зима-матушка на своём ледяном скакуне.

Подул на лес ветер Северный, чтоб Зиме дорогу расчистить. Пожелтели листья от холода. Солнце на прощание их багрянцем подкрасило, да от вьюги за тучи спряталось.

Вьюга, верная Зимы помощница, посрывала их с деревьев, покружила да к корням на землю бросила. Метель их белым снегом засыпала, а мороз притоптал своей силою.

Разыгралась Зима на поляне и спросила с улыбкой Серого:

«Ну, доволен теперь ты, дружочек мой?»

«Уж спасибо тебе, Зима-матушка, что спасла ты мой лес от погибели. Только мне от врагов моих трудно спрятаться. На снегу твоём шубка серая за сто верст видна».

«Ещё раз помогу тебе, Заинька. Подарю тебе шубку я белую, будешь в ней встречать меня после осени. А как соберусь уходить по весне домой, спрячь ее где-нибудь под берёзою».

И до сей поры носит заяц две шубы: летом серую, зимой белую. Прилетит лишь Вьюга с весточкой, что зима уже приближается, в шубу белую заяц одевается и бежит встречать Зиму-матушку. А как только капельки закапают, отдаёт он шубку белую берёзке на хранение. Коль найдёшь её под берёзкою, не бери себе, оставь её зайныке доброму.

Встал охотник, улыбнулся:

— Ну и сказка дивная.

ЗАОБЛАЧНОЕ ЦАРСТВО, или ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИМА

Тим с ребятами очень любили ходить за грибами в лес, который начинался сразу за селом, но этим летом давно не было дождя и грибы не росли. Ребята назавтра уж совсем решили идти на озеро, но вечером мама объявила, что на два дня уедет в город, а Тим

должен остаться дома. Если же что ему понадобится, то пусть идёт к тётке Кате, их соседке, Васиной и Серёжиной маме.

Вася был его лучшим другом, а Серёжа — его пятилетний братишка.

Тим не очень огорчился. За огородами уже давно вырос большущий стог сена. И как прекрасно было забраться на его верх, улечься поудобнее и без усталости наблюдать, как по голубому простору плывут лёгкие облака. Тиму они всегда казались живыми.

Мальчик собрал в маленький платок еду, завернул всё это в старое одеяло и утром направился в сторону леса.

— Ты куда, Тим? — спросил Серёжа.

— Путешествовать в заоблачное царство.

Серёжа рассмеялся, сделал ему вслед рожицу и побелел рассказать об этом своему старшему брату.

Когда Вася выбежал из дома, Тима нигде не было видно. А он свернул за огородами в сторону стога, забрался на него, устроил себе лежанку и решил, что до приезда мамы из города будет жить здесь.

До обеда Тим немного подремал, а пообедав, улёгся на спину и стал наблюдать за облаками. А они, словно разбросанная по синему покрывалу вата, плыли лёгкие, пушистые, превращаясь из одной фигуры в другую. Тим как зачарованный следил за ними.

Вдруг Тим заметил, как одно облако движется быстрее и ниже остальных. Оно живое, настоящее живое облако! Вот оно опустилось так низко, что он мог дотянуться до него руками. И вдруг неведомая сила подхватила его, и не успел мальчик опомниться, как уже сидел верхом на облаке, которое поднималось всё выше и выше.

Стог сена быстро удалялся от Тима, и он увидел, что по тропинке в лес цепочкой идут ребята. Тиму очень захотелось, чтобы они увидели его. Он закричал:

— Вася, смотри, я лечу!

Ребята покрутили головами, но так и не поняли, откуда донёсся крик.

— Эх, вот бы немного опуститься, — вслух сказал он.

— Я не могу опуститься ниже, а если опущусь, то превращусь в росу. Я и так потратило много силы, когда опускалось за тобой. Да и спешу я очень. Ты доб-

рый мальчик, ты должен помочь нам. Я зародилось на том озере, где живет Тинка, и много слышало о тебе.

Когда Тим услышал о Тинке, то успокоился, так как понял, что он среди друзей. А облако вновь заговорило:

— Страшное Чудище похитило королеву Заоблачного царства. Мы же, облака, не можем без нее собраться в тучу и вылиться дождём на землю.

— Так вот почему нет дождя и не растут в лесу грибы, — сказал Тим.

— Да, пока королева в плену, дождя не будет, мы без неё бессильны. Чудище пожирает и нас. На небе может не остаться ни одного облака. А Чудище будет таким большим, что закроет всё небо. Помогите нам, Тим, ты человек, ты должен что-нибудь придумать.

— А оно большое, это Чудище?

— Да, оно огромное.

Тим задумался, потом воскликнул:

— Вот если бы у меня была рогатка!

И тут он вспомнил, что у него в кармане лежит длинная резинка.

— Мне нужен камень, и я убью ваше Чудище.

— Я могу пронести тебя мимо горы, а ты успеешь присмотреть себе камень. Когда я подлечу совсем близко, бери его, да побыстрее. Я не могу надолго прикасаться к горе, иначе я потеряю много силы и не удержу тебя.

Облако несло высоко над землёй. Мальчик видел внизу города, реки, леса. Он понял, как далеко он теперь от дома. Ему стало грустно и страшновато. Но тут он увидел впереди высокую гору. Она быстро приближалась.

— Внимание, приготовься, — сказала облако.

Тим сразу заметил, что ему нужно. Он успел взять камень поувесистей, и они полетели обратно.

— Теперь мне нужны два облака, которые должны будут исполнять всё, что я им прикажу.

Облака приблизились к ним. Тим зацепил за них концы резинки, а своему облаку велел быть посередине.

— Как только Чудище появится, вы должны будете лететь прямо на него, а моё облако полетит в обратную сторону. Я зажму камень резинкой и, как только она натянется, выпущу камень в Чудище. И можете считать, что королева свободна.

Облака так обрадовались, что закружились вокруг Тима в весёлом хороводе...

Но что это? Тим увидел, как прямо на них плывёт огромная, взлохмаченная голова. Большие тёмные глаза смотрели злобно. Длинная серая борода тянулась так далеко, что из-за неё не было видно тела Чудища.

Тим подал команду:

— Приготовиться, марш!

Два облака резко рванулись вперёд, резинка лопнула, и камень полетел вниз. Чудище проглотило облако, на котором был Тим...

Небо стало серым, неприветливым.

Когда мальчик пришёл в себя, то ничего не увидел, кроме сплошного серого тумана. Он лежал вниз животом на чем-то холодном и мокром.

Тим попытался разгрести этот туман руками, но из этого ничего не получилось. Тогда он повернулся на спину и увидел над собой грудь Чудища. Она то опускалась, то поднималась от дыхания великана. Тим понял, что он лежит на его бороде, густой и плотной. Ему отсюда не было видно ни земли, ни неба. Он не знал, куда он летит и надолго ли. Тогда мальчик решил переговорить с Чудищем. Но голос его тонул и путался в бороде великана. Чтобы хоть как-то обратить на себя внимание, он встал на колени и легонько пощекотал грудь Чудища.

И тут великан захохотал так громко, что Тим присел от испуга и неожиданности. Он заметил, что борода становится влажной от слез, которые градом катились из глаз Чудища.

Тим вновь пощекотал его, и борода от этого стала мокрой и прозрачной. Чудище начинало хохотать, как только мальчик щекотал его грудь.

Тим понял, что Чудище теряет свою силу от смеха. Тогда он непрерывно начал его щекотать. Руки Тима онемели и застыли, он был весь мокрый. Силы покидали их обоих. Когда он заметил, что тело Чудища стало почти прозрачным, то посмотрел вниз и с ужасом увидел, что борода таяла у него на глазах, а само Чудище превратилось в маленькое облако. Тим попытался ухватиться за него, но оно растаяло вовсе.

Тим полетел вниз...

Он от страха закрыл глаза, но вдруг почувствовал, что будто вновь летит на бороде.

Он открыл сначала один глаз, потом другой и вскрикнул от радости, Тим сидел на маленьком облаке, совершенно белом и пушистом. Над ним было синее небо, усыпанное такими же нежными облаками.

— Ой! Красота-то какая! — закричал Тим.

— Спасибо тебе, — сказала облако.

— За что? Я же не убил его.

Рядом проплыли такие же пушистые облака и смотрели на Тима добрыми голубыми глазами.

— Ты спас нашу королеву от страшного Чудища. Ты защекотал его до слёз, и оно вылилось холодным дождём на землю. Теперь королева снова в своем царстве, она ждёт тебя в гости. Но ты весь мокрый и тебе, наверное, холодно?

И только теперь Тим понял, что окончательно продрог.

— Да, у меня зуб на зуб не попадает. А где же то облако, которое меня подняло в небо?

— Его проглотило Чудище. Но ты не отчаивайся. Когда ты победил его, облако вылилось дождём в твое знакомое озеро. Сейчас мы тебя понесём к Солнцу, оно тебя согреет и обсушит.

Облака полетели быстрее, чтобы успеть до заката Солнца согреть и обсушить мальчика.

Вскоре они остановились и заговорили хором:

— Добрый вечер, доброе и ласковое Солнышко. Обсуши и обогрей нашего спасителя! Пожалуйста!

Солнце было такое большое и яркое, что мальчику было трудно на него смотреть. Оно улыбалось и бросало на него один луч за другим, будто тёплая рука гладила его тело.

Тиму становилось всё теплее и теплее.

— Мне очень жарко, — сказал он.

Тогда одно облако закрыло его от Солнца. Они поблагодарили Великое Светило и быстро полетели обратно.

Тиму было очень хорошо, но он очень проголодался. Он вспомнил про узелок на стог сена, про булку с маслом, что в нём лежала, вздохнул, стал смотреть на землю, чтоб не думать о еде.

Земля была прекрасна, но Тим был так высоко, что не мог определить, где же он летит.

Когда он посмотрел вперёд, то увидел необычное облако. Оно имело форму шатра, радуга образовыва-

ла полукруглый вход в него. По обе его стороны, как стражи, стояли облака в виде причудливых зверей. Они постоянно меняли своё обличие, то делались очень грозными, то добрыми и приветливыми.

— Иди, там тебя ждёт королева Заоблачного царства.

Облака быстро собрались в одно сплошное облако, и Тим легко пошёл по ним.

Когда Тим переступил порог шатра, королева подошла к Тиму, взяла его за руку и усадила на маленькое и очень удобное облачко.

— Ты спас нас от злого Чудища. Ровно месяц я была у него в плену, целый месяц я не могла послать на землю дождя. Ты помог всем нам, и теперь мы вновь сильны, а ты навсегда останешься нашим другом. К сожалению, ты не можешь долго гостить у нас, тебе нужна еда, а мы питаемся только водой. Поэтому я приказала облаку принести твой узелок с едой. Ты поужинаешь у нас, а ночью мы снесём тебя на землю.

Облако принесло ему узелок. Тим с удовольствием съел всё, что в нём оставалось, а королева подала ему стакан чистой и очень вкусной воды.

До самого заката Солнца Тим и королева обходили Заоблачное царство. Всё в нем было очень красивым, и всюду встречались причудливые облака в виде зверей, но самое удивительное произошло тогда, когда в шатёр вошел Месяц. Он только что родился и был молод и красив. Месяц поклонился им и сказал, обращаясь к королеве:

— Я очень рад Вашему освобождению и по этому случаю дарю Вам первую вечернюю звезду.

Королева с благодарностью приняла подарок, закрепила звезду в своих прекрасных волосах и стала от этого ещё красивее.

— А что мы подарим этому смелому мальчику? Я подарил бы и ему звезду, но на земле она погаснет.

— Вы подарите мне дождь, тёплый грибной дождь, — робко проговорил Тим.

— Это можно, — улыбнулась королева.

— Эй, облака, соберитесь в тучу, к утру вылейтесь на землю этого мальчика тёплым грибным дождём.

— А можно чуть попозже и чтобы дождь был с ручьями и лужами? Я так давно не пускал кораблики и не бегал по лужам.

— Как захочешь, так и будет, — ответила королева.

Тим подумал и решил: к двум часам дня его мама придет домой и они с мальчишками успеют к этому времени наделать много корабликов. Да и легче будет доказать ребятам, что он был в Заоблачном царстве.

— Ровно в два часа дня, — приказала королева облакам, — вылейтесь на землю тёплым грибным дождем с ручьями и лужами.

Облака с радостью полетели готовиться к дождю.

— А теперь пора прощаться. Впереди много дел.

Тим тут же оказался на небольшом облаке, помаhal на прощание королеве и Месяцу рукой и быстро стал опускаться вниз.

Он и опомниться не успел, как уже сидел на знакомом стоге сена. Голова его чуть кружилась от быстрого полёта и всего пережитого им за день.

Он спустился вниз, прихватил с собой одеяло и пошёл домой. Месяц освещал ему тропинку. Тиму было легко и весело.

Утром, чуть свет, мальчик перемахнул через забор и был уже во дворе тёти Кати. Он пробрался в сарай, где спал Вася, и начал тормошить его.

— Ты где вчера весь день пропадал? — спросил Вася спросонья. — Мы везде тебя искали: и дома, и на озере. Вчера дождь был, и скоро должны грибы появиться.

— Какой там дождь! Не дождь, а слёзы, — проговорила тётя Катя, появившаяся в дверях сарая.

— А это и были слёзы, — сказал Тим. — Слёзы заоблачного Чудища. Я его защекотал, вот он и упал на землю слезами.

— Вечно ты что-нибудь придумаешь. Вот придет мать, польются твои слезы. Ни обедать, ни ужинать не приходил. Звала тебя, звала. — Она ещё что-то говорила, но ребята были уже на улице.

Тим и Вася послали Серёжу собирать друзей. Вскоре они заполнили весь двор Тима, и он начал свой рассказ. Мальчишки мало верили ему, но самый маленький, Толик, пожав плечами, сказал:

А вчера действительно облака были какие-то странные и плыли в разные стороны. Да и дождь чудной был, то пойдёт, то перестанет, и гром гремел, а молний не было.

— Это Чудище хохотало, когда я щекотал его. Как доказать вам, что я прав? Посмотрите на небо. Оно совершенно чистое, все облака ушли готовиться к дождю. Ровно в два часа дня упадут его первые капли. Дождь будет тёплый грибной с лужами и ручьями. Берите старые тетради и будем делать кораблики.

Может, ребята и не верили Тиму, но кораблики стали делать с удовольствием, поскольку это занятие само по себе приятно. Когда их наделали достаточное количество, время подходило к обеду. Все разошлись по домам, и собратья решили с первыми каплями дождя.

Вскоре приехала мама. Тим начал ей рассказывать о своих приключениях. Она смотрела на него и улыбалась. Мальчик знал, что она ему не верит, но для него было достаточно и того, что она слушает его. Когда же он сказал, что ровно в два часа дня будет дождь, мама рассмеялась.

— Тим, а ты не видел мой старый платок? Что-то я его нигде не найду.

— Ой, мама, я же его оставил у Заоблачной королевы, я там ужинал.

Тут уж мама начала сердиться. Но тут поднялся сильный ветер, он дул со стороны огородов прямо в окна.

— Ой, что это? Да это же мой платок!

Тим выглянул в окно и увидел мамин платок, который повис на кустах сирени.

— Его принесла Заоблачная королева, — сказал он.

Ветер так же быстро стих, и первые капли дождя, крупные и тёплые, застучали по крыше. Было ровно два часа. Дождь полил сильный, солнце золотило его серебряные нити, они пузырились, падая в лужи.

— Ну и ну! И день-то вроде бы был ясный! — проговорила мама. Она выглянула в окно и уже совсем удивилась: — Ой, а дождь-то и правда грибной! И как это ты, Тим, угадал? Кости, что ли, у тебя ночью ломило?

Но Тим был уже за дверью. Он нёсся по улице, пряча за пазуху бумажные кораблики. Под дождём бегали почти все его друзья.

Александр Никонов

ТРИ ИСТИНЫ

Закончил Иван учебу. Отец принёс ему хлеба ломоть да кувалду пудовую, спрашивает:

— Ну-ка, скажи, Иван, что из них тяжелее, что веселее? — Сам глаза в густые брови прячет, а усмешку — в усы.

Прикинул парень в одной руке кувалду, в другой — ломоть хлеба и со смехом отвечает:

— Что ты, батя, меня разыгрывашь! Конечно, кувалда тяжелее, а хлеб веселее.

Нахмурился отец и говорит:

— Хоть и грамотен ты стал, да не учён. Походи-ка по белу свету, посмотри, поучись. А научишься — домой приходи.

Мать подорожников напекла, обняла сына, всплакнула. Пошёл Иван своей дорогой. День идёт — песенки поёт, второй идёт — посвистывает. На третий день грустно стало ему — родительские припасы-то кончились. Еле ноги донёс до села Кузнечного. Из каждого двора весёлый звон доносится. Попросить бы у кого хлеба, да стыдно — все работают, а он бездельничает. Вошёл в одну из кузниц, видит — старик один молотом машет. Да не получается у него ничего: то поковку перекалит, то горн потухнет, то кувалдой промахнется. А у самого печаль в глазах. Поздоровался Иван, спрашивает:

— Что такой грустный, дедушка?

Сел кузнец устало, пот с лица вытер, закурил и тяжело вздохнул:

— Был у меня верный товарищ. Сызмальства мы с ним по этой наковальне стучали. Ковали сабли, когда белогвардейцы Родину хотели задушить, отливали пули, когда фашистский хищник на порог наш лез, машины чинили после великой разрухи. Умер мой помощник, да и я совсем поизносился: глаза не видят, руки не держат, разум затмевается. Пора бы и смену себе готовить, да не из кого.

Выслушал его Иван и говорит:

— Возьми меня в подручные, не пожалеешь...

Старался Иван, как мог, всему вроде бы научился. Но прошёл срок, и кузнец сказал:

— Спасибо, Иван, за подмогу, не обессудь за слова, которые скажу. Хоть и старался ты, да пока мало в тебе огня, какого надобно в нашем ремесле. Вот тебе за работу, этим всякая работа оплачивается.

Дал кузнец Ивану ковригу хлеба. «Вот и научила меня жизнь», — подумал Иван и решил пойти домой.

Рассказал он отцу всё, а тот и говорит:

— Что ж, кувалдой помашешь — не промажешь.

Прошло время. Опять отец подает сыну ломоть хлеба и кувалду.

— Ну, а теперь что тяжелее, а что веселее?

Взвесил Иван в одной руке кувалду, поглядел на хлеб и не знает, что ответить. Не зря же отец второй раз об этом спрашивает. А тот посмотрел на сына, покачал головой.

— Видно, жизнь тебя только ремеслу научила. Сходи-ка ещё поучись.

И опять пошёл Иван своей дорогой и вскоре добрался до села Бабьего. Прошёл по улицам и удивился — кругом ребятишки играют, женщины у колодцев стоят, и ни одного мужчины не видно. Постучал Иван в первую избу. Отворила ему дверь девушка: вся из себя милая да приветливая. Улыбнулась гостю, в горницу пригласила. Иван и спрашивает:

— Скажи, милая девушка, почему на селе мужиков нет?

Посмотрела девушка ему в глаза и отвечает:

— За других не скажу, добрый молодец. А я потому одна, что старики наши померли, отцы на войне погибли, а помощники ещё не выросли.

И стал Иван по дворам ходить да по хозяйству помогать. Кому дров напилит и наколет, кому крышу или забор починит.

— Спасибо, Иван, за помощь, — радовались женщины. — На край света уйдёшь, а доброта твоя с нами останется.

А когда пришёл Иван домой, отец ему снова принёс ломоть хлеба да кувалду, спрашивает:

— Ну, скажи теперь, сынок, что веселее и что тяжелее?

Взвесил Иван в одной руке кувалду, в другой — хлеб и неуверенно говорит:

— Кувалда вроде тяжелее, потому что железная, а хлеб веселее, потому что вкусный.

— Ну, раз так, — отвечает отец, — собирайся в дорогу. Добру научиться — тоже в дело сгодится. Но и это ещё не всё.

Снова отправился Иван в дальний путь. День идёт, второй идёт, на третий день еле доплёлся до села Хлебного. Смотрит Иван, в поле пахари да севцы работают. Подошёл он к ним, поклонился.

— Бог в помощь.

— Бог-то бог, да сам не будь плох, — отвечают ему. — Оставайся помогать, сейчас каждая минута дорога.

Согласился Иван. День и ночь пашет, сеет, боронит, ног под собой не чувствует. В страду Иван и косил, и снопы вязал, и молотил. Работал так, что глаза потом заливало. А как пшеницу смололи да хлеб испекли, парень и разомлел:

— До чего же хлеб вкусный. Никогда такого не едал!

Поблагодарили крестьяне Ивана за работу, дали воз муки да ещё домой подвезли. Мать не нарадуется встрече с ним, а отец снова подаёт ломоть хлеба да кувалду. Смеётся Иван:

— Ну, теперь меня, батя, не проведёшь. Тяжелее хлеб, потому что он трудно даётся, а кувалда веселее, потому что работа великую радость доставляет. Спасибо, отец, век твоей науки не забуду...

С тех пор Иван и сыновей своих наставляет:

— Кувалдой помашешь — не промажешь, добру научиться — всегда сгодится, а хлеб пожнёшь — всё на свете поймёшь!

ПЯТЬ БРАТЬЕВ

или-были пять братьев, пять бравых молодцов. Старшего звали Наладоном, второго — Указом, третьего — Средином, четвёртого — Безымяном, ну а самого маленького — Мизином. И до того они были старательными и работающими, дружными да ловкими, что люди любовались, глядя на них, и говорили:

— Коли их пять, то и реку повернут вспять.

И правда, были братья на все руки мастера: могли и сапоги тачать, и землю пахать, и сено косить, и ложку ко рту подносить. Где какое дело — тут они вместе, тут они одним ухватом. Хозяин, которому они служили, горя не знал, богател день ото дня и, чем больше богател, тем больше ленился. Бывало, они все в одном домике жили, только у Наладона, как у самого главного, отдельное помещение было. А тут хозяину показалось зазорным овчинную рукавицу носить, и променял он её на перчатку. Теперь каждый брат в отдельной комнатке жил. Правда, зимой было не так тепло, как в овчинной рукавице, но зато с удобствами: хочу — сплю, хочу — кричу, и никто в бок тебя не толкает. Теперь вместе собирались только по ночам, пока хозяин спал. Тут уж разговоров было! Отвыкли братья работать, только и оставалось, что языками чесать. Особенно Указ заважничал, говорит как-то:

— Нет, братцы, что ни говорите, а я из вас самый наиглавнейший. Хозяин только мной и указывает: это сюда, то туда, это мне. Коли я не укажу, никакое дело у хозяина не получится. Вот я каков!

Все молчат, ну что тут скажешь — так оно и есть. Совсем изленился хозяин, только и знает, что тыкать да указывать. Обиделись братья — мы-то чем виноваты? — и решили уйти.

Встал утром хозяин, а пальцев (это, конечно же, были они!) на руке нет, один указательный свернулся калачиком и дрыхнет. Заплакал хозяин:

— Что же я без вас делать-то буду?

А тем временем братья были уже далеко. Из села вышли, по мосту через речку перешли, добрались до леса и решили отдохнуть.

— Ну, что дальше будем делать, братья? — спраши-

вает Наладон.— Уйти-то мы ушли от своего ленивого хозяина, но и сами без дела остались.

— Надо решать,— вздохнул Средин.— Иначе от скуки умрём.

— Может быть, вернёмся, братцы? — пропищал Мизин.— Всё равно мы без своего хозяина не работники.

— И то правда, — поддакнул Средин.

Оглядел всех Наладон, нахмурился:

— Негоже, братья, от намеченного отступить. Хозяину мы больше не нужны, так, может быть, другим пригодимся. Ты что скажешь, Безымян?

— А я вот что скажу, ребята, пойдём-ка мы походим по белому свету. Авось, кому и понадобится.

И отправились братья в путь. Ближе шли, далеко ли, один ветер знает. В конце концов пришли они в брошенную деревушку. Все дома заколочены. Мёртво на улицах, в скворечниках даже воробьи не живут. Только в одном окошке огонёк светится. Постучали братья в дверь. Впустила их седая старушка, накормила, напоила и стала расспросы вести: кто, да куда, да зачем. Рассказали ей братья о своём горе, и она своим поделилась:

— Опустела наша деревня после большого голода. Одни мы со стариком остались живы. Он недавно умер, а я — калека, трудно даже корову подоить. Пальцы мне молотилкой оторвало, когда ещё девчужкой маленькой была.

— Не беспокойтесь, бабушка,— отвечают братья,— мы вам поможем. Нам бы только работа была, а скучать не дадим.

— Вот спасибо, милые,— обрадовалась старушка.

Только зорька занялась, а братья-молодцы уже на ногах. Поели и за работу принялись. Всё горит в их руках — уж так они соскучились по делу.

За неделю братья и дом починили, и погреб отремонтировали, и дров на пять зим наготовили, и сена коровке накосили. Глядит старушка, и дел-то вроде не осталось.

— Спасибо, дорогие мои работнички. И рада бы я вас отблагодарить, да не знаю чем.

Смеются братья:

— А вы уже отблагодарили, бабушка, потому что работа для нас — самая большая радость и награда.

Попрощались братья и отправились дальше. На третий день зашли они в тёмный, дремучий лес и решили тут переночевать. Устроились в травке и заснули глубоким сном. А утром видят — над ними великан стоит и грохочет:

— Это что за заморыши в моём лесу появились? Таких я сроду не видывал.

— А ты кто такой? — спрашивает Наладон.

— Я-то? Я царь этого леса Елей, разбойными делами занимаюсь.

Не знали наши братья, чем разбойники занимаются. Да и откуда знать, если встречаться не доводилось.

— А не возьмёшь ли нас к себе? — спрашивает Безымян.

— Отчего не взять, — хохочет разбойник Елей. — Мне помощники вот как нужны, потому что одному несподручно.

Привёл он братьев в свой шалаш и приказал ждать, когда дело подвернётся. Долго братья сидели в шалаше, наконец пришёл великан и говорит:

— Ну, готовьтесь, дело привалило. Сейчас по этой дороге поедет богатый купец, вы встанете у обочины и будете кричать о помощи, чтобы кучер остановился. Поняли?

— А потом? — спрашивает Наладон.

— А потом и будет самая главная работа. Ну что, согласны?

— Согласны, — ответили братья.

Так и сделали. Когда повозка остановилась, из кустов выскочил Елей, связал купца с кучером и всё у них отобрал. Тут поняли братья, что за работа у разбойника, и закричали:

— Это нечестно! Не будем заниматься грабежом! Ты обманул нас, мы уходим от тебя!

— Ах так! — закричал Елей. — Тогда посажу я вас в одно укромное место, а вы подумайте: или со мной работать будете, или я вас уничтожу!

Да с тем схватил их и посадил в свой огромный мешок. Думали братья, думали, что делать, и решили бежать от свирепого великана. Только как? Мешок был толстым и прочным, и братья поняли, что тут силой не возьмёшь, нужна хитрость. И тогда они разработали план.

Ночью, когда Елей спал, братья вдруг заплакали, зарыдали.

— Что такое? — спросил разбуженный разбойник.

— Умер наш младший брат! — закричали из мешка. — Разрешите похоронить его.

— Ладно, хороните, только тихо, чтоб не разбудить меня, — согласился разбойник. — А двое моими заложниками останутся.

Вынес Наладон Мизина будто мёртвого и закопал его в листьях. Пришёл Наладон назад, и снова братья заплакали.

— Ну что ещё случилось? — недовольно ворчит Елей.

— Умер и наш средний брат; — отвечают с плачем братья. — Разрешите и его проводить в последний путь.

— Валяйте, только все сразу, — разрешил разбойник и снова захрапел.

Не стали братья ждать, пока Елей проснётся, и давай бог ноги.

Скоро наступил и день. Идут братья по безбрежному полю и видят большое сражение. В траве убитые и раненые лежат, боевые кони по полю носятся, а вокруг крики, звон железа и ржание лошадей. Недалеко лежит раненый богатырь и стонет. Подошли к нему братья, спрашивают:

— Чем помочь тебе, богатырь?

Отвечает воин слабым голосом:

— Напали на нашу страну злые враги и хотят закабалить наш народ. Второй день мы ведём бой, но силы наши на исходе. Вся надежда на меня была, но и меня одолели враги, не может рука моя меч удержать. — Богатырь обречённо склонил голову.

— Братцы! — закричал Наладон. — Неужели мы позволим затоптать свободную землю, закабалить трудолюбивый народ?!

— Не бывать этому! — поддержал его Безымян.

— Если умирать, так вместе! — воскликнул Мизин.

— Я — как все, — согласился Средин.

И тут, словно по волшебству, зажили раны у богатыря и пальцы отрубленной руки оказались на месте. Поднял могучий воин свой тяжёлый меч и стал разить врагов налево и направо. Дрогнули враги, увидев богатыря, и побежали прочь.

— Спасибо, друзья, спасибо, мужественные

братья, — промолвил усталый богатырь. — Я поеду домой, там ждут радостную весть о победе. А вам, братья, желаю я счастливого пути.

Скоро всадник скрылся из виду. Опять остались братья одни, грустно им стало. Мизин вздохнул:

— Эх, братики, как домой хочется.

— Как там наш брат Указ поживает? Небось, всё нежится.

— Хозяину без нас тяжело, наверное.

— А не пойти ли нам, ребята, домой? Думаю, нам и там дело найдётся, — сказал Наладон.

Пришли братья в свою деревню, видят — идёт навстречу нищий, беспалую руку протягивает и жалобно просит:

— Пода-а-айте нищему на пропитание. Не дайте умереть с голоду, люди добрые.

И люди бросали в его котомку кусочки хлеба, сыра, мелкие монеты, а кто и старое тряпье.

— Смотрите! — крикнул Мизин. — Да ведь это наш хозяин.

— Пойдёмте скорее к нему, — предложил Безымян.

— Может быть, мы ему и не нужны, — загнул Средин.

Но Наладон сказал своё веское слово:

— Нехорошо покидать человека в беде. Наверное, нужда его многому научила и он понял, что бездельем ничего не наживёшь.

Прыгнули братья на протянутую ладонь. Средин толкнул Указа в бок:

— Ну-ка, подвинься, расселся тут один.

— Братики, родные мои! — закричал от радости Указ. — Наконец-то вы вернулись! А мы вас так ждали. Простите меня, братцы, не прав я был. Все мы главные, я это понял, и сильны лишь тогда, когда вместе.

— Опять ты вперёд выскакиваешь, братец Указ, — Наладон укоризненно покачал головой. — Да уж ладно, что было, то прошло и быльём поросло.

Хозяин тоже заплакал, прижал братьев к груди и сказал:

— Милые вы мои, верные помощники, как я рад вам, сказать невозможно! Научили вы меня уму-разуму. И поделом мне. Век не забуду вашей науки.

ДВА ЗАЙЧИКА

Жил в лесу зайчик, самый настоящий — с длинными ушами, коротким хвостиком и пушистой шубкой. Был он весёлым, смешным и любопытным. За это и прозвали его все лесные звери Любознайкой. Любил Любознайка покувыркаться, показаться по ласковой травке и попрыгать с другими зайчатами.

Однажды случилось так, что Любознайка остался один. Играл он у речки и видит: на берегу что-то светлое прыгает. Подбежал и спрашивает:

— Эй, ты кто?

— Я? — удивился тот. — Не видишь, что ли, я — зайчик.

— Ты?.. Зайчик?.. Ха-ха-ха! Так я тебе и поверил! Какой же ты зайчик, если у тебя и ушей и ног нет? Вот я — зайчик настоящий.

— Я тоже зайчик, только солнечный, — отвечает светлое пятнышко.

— Солнечный? Разве бывают такие зайчики?

— Бывают. Когда светит солнышко, я отражаюсь от какого-нибудь светлого предмета и бегаю, где мне захочется. Давай побежим наперегонки. Ты вот быстро бегаешь, а я ещё быстрее.

— Давай. Посмотрим, какой ты бегун, — согласился Любознайка да как припустит во весь дух.

Прибегает на другой конец поляны, а солнечный зайчик уж там сидит.

— Ты только ногу занёс, а я уж тут был.

Почесал Любознайка лапой за ухом.

— Да, бегаешь ты быстро. Но давай спросим у кого-нибудь, зайчик ты или не зайчик...

Побежали они по опушке, перепрыгнули через ручеёк, присели отдохнуть.

— Ты устал? — спрашивает Любознайка.

— Нет. Мы, солнечные зайчики, никогда не устаём.

— А ты кого боишься?

— Я никого не боюсь, кроме тучи.

— Ха, туча! Что она может сделать? Вот если ли-

са встретит...— Только так сказал, а из кустов лиса и выходит.

— Хрю,— то есть «Ух, как здорово!».

— Здравствуйте. Что вы тут делаете?

Хочет Любознайка ответить, а язык не слушается: сам весь дрожит и уши поджал. А лиса облизывается.

— Давно я, заяц, встретить тебя хотела.

Не выдержал Любознайка, как махнёт в кусты — и дёру. Лиса за ним. Вот-вот догонит. Тут солнечный зайчик как прыгнет ей на глаза и ослепил лису. Завопила она от боли, закружилась и давай бог ноги.

— Ну и храбрый же ты! — удивилась Любознайка. — Здрóрово её напугал. Если бы не ты, съела бы меня лиса и хвоста не оставила. Спасибо тебе.

Пошли они дальше, видят: ёжик землянику собирает. Наденет ягодку на иголку и дальше идёт, надеет — и снова...

— Здравствуй, ёжик.

— Здравствуйте. Куда спешите?

— Хочу узнать, бывают ли солнечные зайчики? — спрашивает Любознайка.

— Да вот же он, рядом с тобой.

Только так ёжик сказал, как туча заслонила солнце, и солнечный зайчик исчез.

Заплакал Любознайка:

— Хоть зайчик он был и не настоящий, а другом настоящим оказался. Он хороший друг — плохого солнечным не назовут... Что же я делать без него стану?

— Не плачь, Любознайка,— успокаивает его ёжик. — Вот выглянет солнышко из-за туч, и вернётся к тебе твой друг.

Петр Беляев

**ПОРОСЁНОК, КОТОРЫЙ
УМЕЛ ГОВОРИТЬ «ХРЮ»**

а одном дворе жил маленький поросёнок. Он был такой розовенький, как наше ухо, если смотреть на него на свет. Правда, он был немножко шершавый, как щётка для обуви. Может быть, ему было всегда холодно, и поэтому он покрылся мурашками. Нос у поросёнка был похож на маленький блинчик с двумя дырочками. Этот блинчик был размером с пятикопеечную монетку, которую ещё называют пятаком. Поэтому нос поросёнка назвали в шутку тоже пятачком, но так как поросёнок был маленьким, то нос его получил маленькое название — пятачок. Этот носик-пятачок был очень беспокойным. Он смешно шевелился, всюду совался, к чему-то принюхивался и обо всё тёрся. Поросёнок очень любил свой носик. Ему не нравилось, если кто-то трогал его пятачок или — что совсем уж плохо — по нему щёлкал. Поросёнок очень собой гордился: ведь он умел говорить вот так: «Хрю». Это было, конечно, трудно. Никто из его знакомых так не умел. Корова умела только мычать «му-у-у», котёнок — только мяукать «мя-у». А вот он так здорово хрюкал. Слово «хрю» он придумал сам и часто его повторял, чтобы не забыть нечаянно.

Когда наступила осень и на улице стало холодно,

в хлевик, где жил поросёнок, пришёл его хозяин дядя Лёша.

— Хрю, — сказал ему поросёнок.

Это означало «здравствуйте». Ведь он был очень вежливым и всегда со всеми здоровался. Даже по нескольку раз в день. Дядя Лёша ответил:

— Привет, дружок. Давай-ка я тебя в дом возьму. А то ещё простудишься и заболеешь. С этими словами он взял поросёнка себе под мышку и понёс его в дом. По дороге поросёнок ещё раз сказал: «Хрю».

Теперь это значило: «Дядя Лёша, если ты меня уронишь, я упаду и ушибусь. Ты уж, пожалуйста, держи меня покрепче».

Когда поросёнок очутился в доме, то очень удивился. В таком большом хлевике было тепло, как летом. Он же не знал, что в доме есть печка, которая даёт тепло. Прежде всего дядя Лёша решил искупать своего маленького гостя. Он налил в корыто тёплой водички и посадил туда поросёнка. Сначала поросёнок забеспокоился и завизжал: «Хви-и-и», но потом купание ему понравилось, и он улегся в корыте как в луже. Даже чуть не заснул. Время от времени он произносил:

— Хрю, — то есть «Ух, как здорово!».

После купания дядя Лёша поставил перед поросёнком зеркало. Тот посмотрел в него и увидел чистого-пречистого, очень красивого поросёночка. Он сказал ему:

— Хрю, — что значит «Привет, ты откуда тут взялся?».

Но зеркальный поросёнок ничего не ответил, а только вдруг ни с того ни с сего как стукнет его по пяточку! Поросёнок от неожиданности подпрыгнул и отскочил в сторону. Он не захотел связываться с незнакомцем. Ну его, а то ещё укусит.

Дядя Лёша поставил на пол чашку с варёной картошкой и сказал:

— Ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц.

Поросёнок как услышал цоканье и увидел картошку, то встревожился: «Что же это получается? Неужели дядя Лёша собирается один съесть всю картошку?» Он как закричит:

— Хрю-у-у!

Это означало: «Дядя Лёша, нехорошо, когда одно-

му — всё, а другим ничего. Надо всегда со всеми делиться!» Он вмиг очутился у чашки и стал торопливо уплетать угощение, похрюкивая «хрю-хрю» и причмокивая «чмок-чмок». Чмоканье было таким потешным, что дядя Лёша так и назвал поросёнка — Чмок. Поросятку очень понравилось его имя, и он стал гордиться ещё больше.

— Чмок, — сказал дядя Лёша, — пойду-ка я во дворе поработаю, а ты смотри, веди себя хорошо. Не носись по дому как ракета, а то ещё врежешься во что-нибудь своим пяточком.

Поросёнок подумал и ответил:

— Хрю, — «Конечно иди, а мне после обеда нужно не гоняться, а спать. Тогда я быстрее вырасту».

Дядя Лёша вышел, а Чмок стал искать место, где можно было бы прилечь. Он увидел рядом с диваном скамеечку, взобрался на неё, а с неё — прыг на диван. Диван так понравился Чмоку, что он решил на нем поселиться. Что из того, что на диване обычно отдыхал дядя Лёша. Поросёнок решил, что места здесь и ему хватит. Ещё он подумал, что дяде Лёше будет очень удобно спать вместе с ним, потому что он сможет, не вставая с дивана, гладить Чмока по животу. Разве вы не знаете, что поросята очень любят, когда их гладят по животу? «Вот дядя Лёша обрадуется, когда увидит меня на диване», — подумал поросёнок и улёгся прямо на подушку. Он сказал себе: «Хрю» (то есть «спокойной ночи», хотя на улице был ещё день) и, счастливый, заснул.

И приснился Чмоку удивительный сон.

Как известно, все поросята, если они не болеют, почти всегда хотят есть. Даже тогда, когда им совсем не хочется. Так вот, снится Чмоку, что он гуляет по саду и сильно проголодался. Посмотрел на дерево и видит: висят на нём спелые-преспелые груши. Такие жёлтые и большие. Ах, как ему захотелось съесть хотя бы одну. Вон та, на самой дальней ветке, наверное, самая вкусная. Чмок приуныл: «Эх, жаль, что мы, поросятки, не умеем лазить по деревьям. Вот котёнкам хорошо, они умеют. Правда, они такие глупые: совсем не едят груш. Интересно получается: они не любят есть груши, а умеют лазить по деревьям; мы любим груши, но не умеем лазить. Почему так устроено? А что, если попробовать? Вдруг получится? Вот сейчас

возьму и залезу». Подумал он так, постоял немного, потом разбежался — да как прыгнет на дерево. И полез! Вот это да! Оказалось, что лазить по деревьям совсем не трудно. Ведь Чмоку это снилось, а во сне, как в сказке, всё бывает. Даже то, чего не бывает. Добрался поросёнок до самой дальней ветки, уселся важно на неё, словно ворона, посмотрел вниз — ничуть не страшно. А сверху всё вокруг хорошо видно: и двор, и дом, и его любимая лужа. В ней он купался и загорал. Иногда так назагорается, что становится чёрным, особенно по бокам. А может быть, он чернел от грязи?

Чмок решил: хватит отдыхать, надо поскорее съесть свою грушу и идти купаться. И он пополз по ветке. Вот груша всё ближе, ближе. «А вдруг я упаду?» — подумал поросёнок. Ему стало немного страшно.

Он пополз уже осторожнее.

На самом же деле спящий Чмок полз к краю дивана, на котором спал.

А груша — вот она, рядышком. Сейчас Чмок её схватит. Осталось совсем чуть-чуть. И вдруг...

Трах-бах-шандарах!!!

Ветка обломилась, и, громко завизжав: «Хви-и-и!» — сонный поросёнок полетел вниз с дерева (с дивана тоже) и шлепнулся на землю, то есть на пол. Он сразу немножко проснулся и сильно напугался. Он подумал, что разбился насмерть — ведь ветка-то была ого как высоко! Ему стало очень жалко себя, такого маленького и такого хорошенького, и он уже собрался заплакать. Но тут Чмок проснулся окончательно и понял, что не разбился. Ведь падал-то он не с дерева, а с дивана, а это совсем-совсем не высоко. Поросёнок очень обрадовался, что остался живой. Он стал сломя голову носиться по дому, весело цокая по полу копытцами: цок-цок-цок-цок. Чмок радостно визжал:

— Хрю! — «Как здорово, что я не разбился, когда упал с дивана!»

Потом ему стало грустно. Ведь он так хотел достать грушу. Надо же было свалиться с дерева именно тогда, когда его розовый пятачок почти дотянулся до неё.

Потом он сказал себе: «Послушай, Чмок. Ещё, наверное, ни один поросёнок в мире не лазил по деревьям. Ты первый, кто лазил и даже падал. Неважно, что это было во сне. Наоборот, очень хорошо, что не по

правде. Иначе ты бы разбился». От таких мыслей ему стало веселее.

А когда пришёл дядя Лёша, Чмоку стало совсем весело. Ни за что не догадаетесь почему. Да потому, что дядя Лёша зашёл в сарай, где у него хранилось немного фруктов, и принес поросёнку в подарок настоящих груш. Правда, они были не такие большие и красивые, как во сне. Зато их было целых две, и они оказались очень вкусными. Чмок с аппетитом ел их, приговаривая: «Хрю-хрю, чмок-чмок, хрю-хрю, чмок-чмок». Затем он подумал, что совсем необязательно поросёнкам лазить по деревьям, потому что им и по земле ходить и бегать очень даже хорошо и интересно.

Филипп Вольников

ДЕНЬ ВЕЛИКОГО ОБМАНА

некотором царстве-государстве, в общем, в самом что ни на есть сказочном королевстве, случилась эта история.

Начнём свой рассказ с события, которое на первый взгляд не имеет никакого отношения к нашей истории, но без него всё пошло

бы по-другому.

Итак... В один прекрасный день король стал счастливым отцом принцессы и, естественно, захотел узнать, что ожидает её в будущем. Король может позволить себе и такую роскошь — на то он и король. Созвали придворных звездочётов, и те, в поте лица, начали составлять гороскоп для новорожденной. И конечно же, всё там было хорошо и даже блестяще. Но всё же, чтобы этот гороскоп выглядел правдивее, сообщили королю, что когда принцесса достигнет возраста шестнадцати лет — на её жизнь будет посягать иноземец, который тайком, конечно же без разрешения королевских властей, проникнет в королевство и будет ждать случая, чтобы навредить наследнице трона.

Быстроногие герольды немедля разнесли по всему королевству строжайший указ: «За укрыпательство злодея — смерть, за поимку — награда». На том все и успокоились на ближайшие шестнадцать лет. А вско-

ре о королевском указе все позабыли. Правда, все, да не все. По крайней мере, не забывал о нём один из героев нашей истории — обыкновенный меняла, хитрец и плут по натуре, обманщик и мошенник по призванию, который бродил из города в город и занимался своим далеко не честным ремеслом. Какая ему корысть от королевского указа, чтобы о нем помнить? Но он помнил, на всякий случай — а вдруг пригодится?!

Ну, дорогой читатель, вступление, кажется, сделано, можно начинать и наш рассказ.

В одном из небольших городков вышеозначенного королевства жил мастеровой, открытый и очень трудолюбивый народ. Может быть, это чудо, но в этот городок никогда не заглядывали обманщики, и люди настолько привыкли верить друг другу, что и в мыслях не допускали возможности обмануть кого-то или самим быть обманутыми. Не знаю, может быть, они и до сих пор оставались бы такими же, не загляни однажды в этот городок уже известный вам меняла. А этот пройдоха быстро понял, что напал на золотую жилу. Покупал дешёво, сбывал товар втридорога. Того обкрутит, того вокруг пальца обведёт. В долг даст — вдвойне отдавать требует. Люди городка, по своей простоте, и оглянуться не успели, как почти все попали в кабалу к Обманщику. В его доме появился огромный сундук, полный долговых расписок, которыми он угрожал людям и держал их в постоянном страхе и повиновении. Даже свою жену, красавицу Розу, он заполучил, угрожая её старой матери долговой тюрьмой.

В городке пропала радость. Люди стали угрюмыми. Единственным утешением для них оставались вечера, когда они, по традиции, собирались на большом пустыре, рассаживались кто-где и слушали песни своего Певца. Его малиновый голос ласкал и успокаивал, его песни залечивали раны и осушали слёзы обид, от этих песен юноши наливались силой, а девушки становились прекрасней.

В такие вечера Обманщик не знал покоя. Он закипал лютой злобой. Он не любил людей и ненавидел тех, кого любили люди. По вечерам он терял свою власть над этими людьми, так как они были во власти своего Певца.

Ненависть Обманщика к Певцу не знала границ. Ведь мало того, что Певца боготворил народ, его без-

заветно любила Роза. И Обманщик знал о том. Но к Певцу подступиться он не мог, ибо тот был одним из немногих, кто не числился в списках его должников.

Однажды, прогуливаясь вечером с мужем мимо того места, где люди слушали Певца, Роза сорвалась с места, бросилась на шею Певцу и стала целовать его при всём народе. Обманщик силой оторвал её и увел домой. Он ничего не сказал жене, не ругал и не бил, он придумал куда более коварную месть — решил известить Певца со свету.

Коварный ум и жестокое сердце очень изобретательны в подлых делах, и поэтому Обманщику не пришлось долго думать над своим планом. А может, он просто давно его вынашивал, а теперь план созрел окончательно. Не в том суть. Замысел Обманщика был прост, но ему нужен был помощник — человек большой физической силы. И такой человек в городке был — кузнец Скала, который одной рукой поднимал быка, а уж двумя руками мог перенести любой дом с места на место. Да как к нему подступишься, если он не числится среди должников Обманщика и относится к нему с большим презрением. Но мы уже упоминали известную истину, что коварный ум и жестокое сердце очень изобретательны в подлых делах. План созрел мгновенно.

Был у Обманщика скакун — красавец, огромных денег стоил, но затаилась в нем болезнь какая-то. Многие лекари лишь руками разводили, и только один, самый мудрый, дал скакуну какое-то лекарство и сказал:

— Проживёт твой скакун столько, сколько ему по жеребьячьему веку положено, и с виду будет так же прекрасен, но под седлом ему больше не ходить. Хоть раз на нём проскачешь — конь издохнет.

Вот этим скакуном и решил Обманщик провести кузнеца Скалу. Он знал, что кузнец, подковав лошадь, обязательно проверит свою работу, сам проскачет на ней версту, другую. Оторвал Обманщик подкову у скакуна и повёл его к кузнецу.

У Скалы при виде эдакого красавца аж дух перехватило. Вмиг подковал — и в седло. Проскакал немного и повернул назад. Скакун шёл красиво и легко, но у самой кузницы вдруг рухнул и издох.

— Ты что же натворил, негодяй? — притворно бес-

новался Обманщик. — Да ты хоть представляешь, сколько стоит такой конь? Тебе на такого за всю жизнь не заработать!

Кузнец будто окаменел. Он стоял над мёртвым конём, и до него смутно доходило, что произошло. Ведь конь только что был живым и таким резвым. Ведь он всего-то проскакал не больше версты. Да и сам кузнец ничего дурного с конём не делал. Но скакун пал под ним — значит, ему и отвечать!

— Говори, что хочешь? — сказал кузнец. — Конь подо мной пал — выходит, моя вина.

— Ладно, — говорит Обманщик, — заплатишь не деньгами, а делом.

— Каким?

— Каким — узнаешь, когда время придёт, а сейчас пиши долговую расписку, мол, должен за коня и согласен в любое время выполнить дело, какое повелят.

Дел кузнец не боялся и даже был рад, что так просто отделался. Расписку, ничего не подозревая, написал.

— Ну! Теперь кузнец в моих руках! — злорадно ухмылялся Обманщик. — Теперь можно приступать к задуманному. В один прекрасный день я изведу ненавистного Певца и назову этот день ДНЁМ ВЕЛИКОГО ОБМАНА.

И стал Обманщик ходить из дома в дом. Он требовал возвратить долги, угрожая всем тюрьмой, хотя отлично знал, что отдавать людям нечего. Они умоляли не губить их, соглашались на любые условия, но он делал вид, что неумолим. И когда очередная жертва была доведена до отчаяния, всякий раз, будто смилостивившись, говорил:

— Ладно, смилуюсь в последний раз. Могу даже и расписку долговую уничтожить, но при одном условии: если однажды в нашем городе появятся королевские стражники и будут спрашивать, указывая на знакомого тебе человека, пусть даже на меня, знаешь ли ты его, — отвечай: «Вижу впервые в жизни». Запомнил? То-то, смотри, а не то — долговая тюрьма!

И так из дома в дом, от человека к человеку. Даже своей жене Розе строго-настрого наказал не называть того, о ком будут спрашивать королевские слуги.

Приближался ДЕНЬ ВЕЛИКОГО ОБМАНА. Накануне вечером отправил Обманщик жену из дому:

— Сходи, навести мать, а заодно там и заночуешь. И помни мой наказ!

Когда жена ушла, засел Обманщик строчить донос королю:

«Дорогой мой и любимый владыка! Я, Ваш верно-подданный, с тревогой доношу, что в нашем городе появился чужестранец, которого никто не знает. И появился-то он в самый канун шестнадцатилетия Вашей прекрасной дочери. Очень подозрительный человек. Найти его не трудно, ибо дом, в котором он живёт, одиноко стоит на опушке леса при въезде в наш городок. Спешу уведомить о чужестранце из одной только любви к Вам, о награде и не помышляя».

Запечатал Обманщик свой донос, позвал одного из своих самых больших должников, дал ему самого лучшего коня и велел быстрее ветра мчаться во дворец и любой ценой, но сегодня же передать пакет королю. Отправив гонца, позвал к себе кузнеца Скалу:

— Ну, любезнейший, пришла пора и рассчитаться. Работа совсем пустяковая, а цена ей — скакун, которого ты погубил. Сделаешь — и сгорела долговая расписка! А дело, повторяю, простое. Мне просто захотелось немного пошутить над Певцом. Сегодня ночью, когда город уснёт, ты возьмёшь его дом и перетащишь на опушку леса. Только и всего. И тут же расписочку в огонь. Ступай!

Отпустил Обманщик Скалу и довольный улегся спать. Спит он, сладкие сны видит. Гонец к королю мчится. Кузнец стоит посреди дороги и думу думает:

— Чует моё сердце, что тут какой-то подвох! Не тот человек наш Певец, чтоб над ним шутки шутить! Не тот человек Обманщик, кто ради шутки долговой распиской пожертвует! И с каких это пор он шутником вдруг заделался? У него, кроме злобы и жадности, и чувств других, поди, нет.

Кузнец Скала — человек гордый. Не привык чужой воле поклоняться.

— Плевать мне на твою расписку! — решил Скала. — А уж если шутить, то я пошучу над кем следует!

Вернулся Скала к дому Обманщика, поднял этот дом и отнёс к лесу, на указанное место.

А Обманщик спит, и чудится ему, что плывёт он в королевских носилках прямо во дворец за большой наградой.

Тем временем прискакал гонец в столицу, передал пакет кому следует, а короли ведь быстры на расправу — стражники мигом на коней и в наш городок. Обманщик ещё и снов красивых всласть не нагляделся, а его уже волокут на площадь, куда согнали весь народ.

Главный стражник, указывая на Обманщика, спрашивает:

— Кто знает этого человека?

Все в один голос отвечают:

— Первый раз в жизни видим!

Хорошо запомнили люди наказ Обманщика.

А он завопил на всю площадь:

— Да вы что? Обабдели? Забыли, кто перед вами? Всех в тюрьму упрячу!

Но народ стоит на своём.

Понял Обманщик, что дело его — дрянь, и завопил, и завизжал. Увидел в толпе жену и взмолился:

— Но ты-то, Роза, ведь ты — моя жена! Скажи же им об этом.

Старший стражник подозвал Розу:

— Женщина, это правда?

— Что вы, господин стражник, я этого человека впервые вижу!

Схватили стражники очумелого Обманщика, бросили на круп лошади — и во дворец. Навсегда заточили его в подземелье. А во дворце все с облегчением вздохнули: теперь наследница престола в безопасности.

ТРИ АМБАРА

Эту сказку никак не начнешь со слов: «В некотором царстве, в некотором государстве...» — потому, что всё в этой сказке произошло на земле, с которой прогнали царей-государей, а значит, и не было никакого царства-государства. Ну и что?! Разве без всего этого не может быть сказочной земли? Лично я и не представляю себе более прекрасной и удивительной земли, чем та, о которой пойдёт здесь речь. Раскинулась она

на полсвета, с востока на запад, половину земного шара опоясала. А сказочных красот и богатств в той земле столько, что на добрую сотню царств-государств хватит. И народ здесь особый: весёлый и хлебосольный, душой приветливый, умом хваткий, трудом славный. Приходи с открытой душой — дорогим гостем будешь: накормят, приласкают, весёло шуткой, песней радостной одарят. И ничего от тебя взамен не нужно, коль нет у тебя злого за душой, коль ты с миром пришёл. Такой здесь народ. Мирный народ. Да вот только в мире жить доводилось ему не часто. Уж больно много вокруг людшек, что на чужое зарятся — как бы отхватить земли кусок. А тут и подавно — такой лакомый, что где уж не соблазниться! И не дают эти людишки покоя. То с запада нападут, то с юга, то с севера, то с востока, а то сразу со всех сторон — только успевай поворачиваться! Да уж видать — недалекие они, захватчики. Не постигли простой истины: чем добрее и веселее народ, чем миролюбивее — тем опаснее его в гнев вводить! Такой народ за каждую пядь земли своей вольной на смерть стоит.

Я хочу рассказать, как настал однажды такой час, когда особо трудно пришлось вольному народу. Много добрых воинов полегло в бесконечных сражениях, многих раны да болезни скосили. В общем, трудная минута пришла.

И решили тогда старшие обратиться к младшим за помощью.

Созвали они младших — кому тринадцать годков, кому одиннадцать, а кому и вовсе десять, — и молвил Старший из старших:

— Сыны наши, надежда наша! Хоть и малы вы ещё, да помощь ваша нужна. Не хватает на всё рук, и решили мы вам доверить одно из самых больших богатств народных — хлеб. Вот три амбара. В первом зерно для общего прокорма, во втором — для будущего посева, в третьем — неприкосновенный запас.

Над первым амбаром — главным будешь ты, Пончик. Мужичок ты хозяйственный, расторопный, даже чуток прижимистый. Смотри — правильно дели хлебушек, не транжирь, чтоб и все сыты были и до нового урожая продержаться могли.

Вторым амбаром заведовать доверим тебе, Светик. Ты парнишка честный, душа у тебя чистая, как стек-

лышко. Знаю — и зёрнышка не возьмёшь. Сохранишь семена до весны, значит, с урожаем будем.

А третий амбар будет за тобой, Кремешек. Ты человек твёрдый, от своего не отступишься. Да помни — твой амбар самый главный. Он на тот случай, если совсем невоготу станет. Вот тебе ключ, да только без моего личного слова пользоваться им не смей!

И ушли старшие: кто оружие ковать, кто с врагами сражаться. А младшие остались при своём деле. Дети очень любят, когда им поручают взрослые самостоятельные дела, и выполняют их с большим рвением и добросовестностью. Старшие сразу почувствовали, что им полегче стало, и ещё яростнее крушат врагов.

Видят враги, что дела у старших лучше пошли, что не одолеть их никак, и собрались вместе совет держать. Порешили:

— Прoberись-ка ты к ним в тыл, Жужжало, и разузнай: откуда вольный народ силы черпает. А заодно — где сможешь, там и напакости. Ведь ты большой специалист в таких делах.

Пробрался Жужжало в тыл к вольным людям, и всё ему ясно стало. «Ну, — думает, — где уж этим малявкам устоять против меня!» И принялся за своё подлое дело. Пришёл к Пончику и говорит:

— Прислал меня Старший из старших поглядеть, как ты свою службу несёшь. Показывай, что в амбаре.

Посмотрел Жужжало: везде порядок, хлеб расходуется правильно, да только зерна осталось совсем немного — трудно будет вольным людям до нового урожая тянуть.

Тут он и стал жужжать:

— Ну что ж, Пончик, отменным хозяином ты заделался. Молодец! Хвалю!

Пончик аж зарделся от таких похвал. Младшим очень нравится, когда старшие хвалят их за взрослые дела.

Видит Жужжало — клюнуло, и продолжает:

— Старший из старших наказал, что таких людей, как ты, нам нужно очень беречь. Так что разрешаю тебе, от его имени, съесть отныне хлеба на лопоту больше. Один лопот для всех ничего не решит, зато кормилец наш будет крепок и здоров.

Через какое-то время Жужжало снова объявился. Видит — хлеба совсем мало осталось, и говорит:

— Ну что ж, Пончик, видать, мы, старшие, немного не подрассчитали, и в том, что хлеба может не хватить, твоей вины нет. Смотри, не забывай себя. Ты наш, можно сказать, герой, и поэтому береги дорогое для всех нас твоё здоровье.

А Пончик и рад — попробуй просиди голодным при хлебе. Ведь совсем голодно стало. Норма для всех становится всё меньше и меньше. И стал Пончик потихоньку зерно есть. То щепотку в рот бросит, а то и целую пригоршню. А оно ведь как: чем больше ешь — тем больше есть хочется. И чем меньше зерна оставалось в амбаре, тем жаднее поедал его Пончик. А когда оно совсем подошло к концу, Пончик с такой жадностью набросился на остатки, что объелся и лопнул.

Голодно стало вольным людям. До нового урожая — ох, как далеко!

И Жужжало принялся за Светика :

— Ну, милоч, как я погляжу, ты совсем отоцал, голуба моя, еле на ногах держишься. Какой же из тебя охранник народного добра? Ты бы хоть по горсточке зерна съедал.

Но Светик не смеет преступить наказ старших. Лучше руку ему отсеки, но против чести не пойдёт. Понял Жужжало, что Светика этим не возьмёшь, и зажужжал по-другому :

— Да, голодно всем стало. Даже пичуги несчастные на лету падают. Ты бы им хоть по зёрнышку дал, глядишь — до весны и протянут. А что зёрнышко для такого огромного амбара!

Добрая душа у Светика, не может смотреть на то, как пичуги мрут. Взял горстку зерна да и бросил им. Слетелись пичуги, вмиг всё склевали. А тут другие налетели. Жалобно так пищат — душу выворачивают. Светик и этим пичугам зёрнышек набросал. Себе в рот ни одного не положил, а пичугам отказать не может. Словно почуяв добрую душу, птицы слетались со всей округи. И все пищат. И все жалобно просят. У Светика сердце заходится от жалости. Не может он перед всем этим устоять. И — по зёрнышку, и — по зёрнышку... Так незаметно и весна пришла. Амбар почти опустел. А пичуги настолько привыкли к тому, что Светик их кормит, что уж совсем разучились сами себе пищу добывать: мошек не ловят, гусениц не клюют. И тех мошек и гусениц столько развелось, что они всю травку, все

листочки пообъели. Земля как выжженная стоит, деревья голые, как зимой.

Огляделся Светик вокруг, пустой амбар взглядом окинул. Понял, что натворил, и не вынесло его доброе сердце. Остановилось навсегда.

А пока Светик добро народное пичугам скармливал, Жужжало Кремешка обжужживал:

— Кремешек, Кремешек! Да ты только посмотри на себя — ну прямо кашей, и только: одни глаза да кожа. Ведь долго не протянешь. Так и амбар охранять будет некому. Отопри замок и хоть горсточку зерна сжуй. Что она — горстка — капля в море!

А Кремешек сидит у двери и не шелохнётся. Силы бережёт.

— Да ты хоть с друзей пример взял бы. Вон Пончик — весь амбар опустошил, а Светик даже пичуг кормит и себя не забывает. Доставай ключик. Чего там. От одной горстки зерна не убудет. Хочешь, я тебе помогу амбар отпереть?

Кремешек глаза закрыл, и мерещится ему огромная гора зерна, а он то зерно ест, ест и снова ест.... И так под ложечкой засосало, что рука сама к ключу потянулась.

Увидел Жужжало этот жест и нахваливает:

— Ну, умница! Ну, молодец! Да смелее же ты!

Кремешек встрепенулся, глаза открыл, встал с земли, ключик с груди сорвал, размахнулся да как швырнёт тот ключик, что он аж до речки долетел. Бултых! И нет ключика!

А тем временем разбили старшие своих врагов начисто, даже духу их поганого не осталось. Вернулись домой, нашли Кремешка. А тот — чуть живой, совсем обессилел малец.

— Ничего, — сказал Старший из старших, — выходит, мужичок он крепенький! Добрый работник будет. А вы, други мои дорогие, о хлебушке не кручиньтесь. Я, как чуял, в этот амбар двойную норму заложил самой отборной пшенички. Так что и на посев хватит, и до урожая продержимся. Спасибо Кремешку — сохранил зерно к зерну.

Посеяли люди пшеницу, добрый урожай собрали, пышных хлебов напекли, пива хмельного наварили, столы накрыли и уселись пировать.

Встал Старший из старших, поднял свой кубок и речь держит:

— Други мои, братья мои! Мы славно сражались и тяжело поработали. О многом хочется сказать. Но здравица моя за надежду нашу, за наше будущее — за младшеньких! Не все, правда, испытание выдержали. Да только тут и наша вина: не сумели мы научить Пончика тому, что ежели кто на народное добро зарится — это ему боком выходит; жаль Светика, добрая чистая душа, да не научили мы его тому, что нельзя быть добреньким за счёт других. Всё у нас общее, народное. Но когда в общее кладёшь — это твое, а когда из общего берёшь — берёшь из нашего.

А здравица моя за кремешков! Ведь на этих кремешках стояла, стоит и вовеки стоять будет земля наша вольная!

СОДЕРЖАНИЕ

ЕЛЕНА МОСКОВЦЕВА

Сказка тётушки Марии, или Приключения в Сказочном городе	3
--	---

ПЕТР АФРИКАНТОВ

Деревянное копытце	45
------------------------------	----

МИХАИЛ ЛУБОЦКИЙ

Тайна Муромской Чащи	87
--------------------------------	----

ФЕЛИКС МАЛЯРЕНКО

Заколдованный автобус	193
---------------------------------	-----

НИКОЛАЙ ЛЕДЕНЦОВ

Сорочки сказки	255
Сказка о трёх сестрицах и одном братце	256
Вишенка	261
Медвежка-сладкоежка	266
Зайчишка-хвастунишка	270
Золотой орешек	272
Родное гнездышко	275
Неблагодарный козлёнок	278
Как петушок готовил себя в космонавты	280

НАТАЛЬЯ ОСИПОВА

Про ослика	285
----------------------	-----

СКАЗОЧНАЯ КАРУСЕЛЬ

Виктор Сидоренко

Эсте	304
Цветы для Деда Мороза	309

Александр Стариков

Марина и баба-яга	336
-----------------------------	-----

Вера Ширяева

Откуда у ежа колючки?	342
Отчего медведь бурый?	343
Где заяц зимой шубу белую берёт?	345
Заоблачное царство, или Приключения Тима	347

Александр Никонов

Три истины	355
Пять братьев	358
Два зайчика	363

Петр Беляев

Поросёнок, который умел говорить «хрю»	365
--	-----

Филипп Вольников

День великого обмана	370
Три амбара	375

Литературно-художественное издание

*Для дошкольного
и младшего школьного возраста*

ТЕРЕМОК СКАЗОК

Сборник

Редактор Л. Сабурова
Художник М. Шретер
Художественный редактор В. Бутенко
Технический редактор Л. Долгова
Корректор Е. Феклистова

ИБ № 6

Сдано в набор 14.01.91. Подписано в печать
13.12.91, Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 40,74. Уч-изд.
л. 19,7. Тираж 15 000. Заказ № 3888.

Приволжское издательство «Детская книга»,
410071, Саратов. пл. Революции, 15.

Типография издательства «Коммунист»:
410601. г. Саратов, Волжская, 28.

Larisa_F

